ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

На правах рукописи

Миряшева Екатерина Владимировна

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА (XVII – СЕРЕДИНА XX ВВ.)

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор Эбзеев Б.С.

Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……4

Глава I. Методология исследования процесса становления и развития американского федерализма……..21

§ 1.1. Историко-правовое исследование федерации и североамериканских штатов (XVII - середина XX в.)…….….21

§ 1.2. Теоретико-правовые основания американской модели федерализма……..62

§ 1.3. Религиозный фактор в образовании американской федерации…….....94

Глава II. Предконституционное развитие североамериканских штатов…….....127

§ 2.1. Идейно-теоретические предпосылки либерализма в Англии и их интерпретация идеологами борьбы за независимость……..127

§ 2.2. Европейский конституционализм и его рецепция в правовых актах североамериканских штатах……162

§ 2.3. Историко-правовые условия образования правовой и политической системы независимых североамериканских штатов…….186

Глава III. Конституционное развитие североамериканских штатов…..221

§ 3.1. Предпосылки принятия конституций североамериканских штатов……...221

§ 3.2. Традиционное и новое в политико-правовом содержании конституционных актов североамериканских штатов……..…258

§ 3.3. Конституционные истоки федеративного выбора США…….292

Глава IV. Формирование судебной системы США……..…316

§ 4.1. Становление и эволюция правосудия в североамериканских штатах и его влияние на формирование федеративных основ государства……...316

§ 4.2. Роль Верховного Суда США в укреплении правовой системы американского федерализма……...361

Заключение…….....397

Библиография……406

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена самой сущностью федеративных отношений, важными политическими событиями и масштабными переменами, происходящими во всех сферах общественной и политической жизни, которые непосредственно связаны со строительством федеративного государства и имеют непреходящее значение для будущего его народов. Необходимость исследования теоретических и практических вопросов, обусловленных решением задач, направленных на укрепление государственности и создание оптимальной модели федеративного устройства, становится сегодня все более актуальной. И здесь, как никогда, необходимо изучение международного опыта и, в первую очередь, такого федеративного государства, как Соединенные Штаты Америки.

Кроме того, с учетом традиционных ценностей и уяснением сущности современной цивилизации, формирования структур нового общества XXI века актуализируются многие другие проблемы юриспруденции. К числу таких проблем может быть отнесена и тема правового и институционального становления самого федерализма и его моделей, что подтверждают, в частности, события 2014-2015 гг. в Шотландии, Каталонии.

Прежде всего, актуальность данного исследования обусловлена рядом обстоятельств теоретического и практического порядка. Поступательное развитие, безопасность и целостность любого многонационального и многоконфессионального государства требуют учета истории государственно-правового строительства в отдельных регионах, религии, традиций и обычаев населяющих его народов. Американские колонии заселялись преимущественно выходцами из Европы, то есть новым, пришлым населением тех мест, коренные обитатели которых были изгнаны или подлежали скорому изгнанию. Исключительная новизна этих обществ, отсутствие в них традиций, институтов и социальных отношений, свойственных метрополии, – это и есть их отличие от тех или иных частей средневековой империи английских монархов. Как большинство других ранних европейских колоний в Америке, они представляли собой

поселения людей, осевших с разрешения своего монарха на свободных или слабо заселенных землях для их освоения и развития торговли.

В этом контексте историко-правовой опыт колоний (штатов) позволяет вскрыть те особенности в развитии субъектов федерации, которые нередко игнорируются в научных исследованиях, а также дает возможность понять, в какой степени развитие законодательства колоний и будущих штатов способствовало непосредственному формированию общефедеральных правовых принципов и норм. Реализация правового законодательства также учитывала особенности социальной структуры нового общества, религиозного фактора, его культуры, языка, образования, состава народонаселения.

Историю права и государства, учений о праве и государстве может обогатить исследование процесса формирования единого конституционно-правового механизма, который действовал в условиях нового американского федеративного государства, обеспечивал защиту прав и свобод человека и гражданина, свободы и демократии. Этот аспект проблемы особо актуализировался в условиях принятия сначала хартий, а затем конституций колоний (штатов), которые восполняли пробелы в праве, уточняли или отменяли устаревшие законодательные акты.

С учетом высказанного принципиально важно исследовать историко-правовые аспекты зарождения идей конституционализма и федерализма в североамериканских колониях (штатах), в том числе с позиции возможного использования их в практике современного федеративного строительства, развития отечественной историко-правовой науки, для нормотворческой и правоприменительной деятельности, для осуществления внешней политики по отношению к США и другим странам.

Степень разработанности темы. Диссертационная работа выполнена на основе изучения и использования научно-монографического материала отечественных и зарубежных ученых. В прямой постановке предлагаемая для исследования проблема в российской юридической литературе не рассматривалась. Имеющиеся в настоящее время исследования обращены, прежде всего, к США, как

состоявшемуся федеративному государству. Проблема историко-правового развития штатов в период становления американского федерализма (XVII – середина XX вв.), несмотря на ее актуальность, еще не стала предметом монографических разработок.

Основу исследования составили работы дореволюционных государствоведов, стоявших у истоков теоретического понимания конституционализма и федерализма: А.С. Алексеева, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, Н.И. Кареева, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, В.В. Розанова, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, П.Я. Чаадаева, Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича, А.С. Ященко и других.

В связи с тематикой исследования проанализированы труды, в которых рассматриваются различные теоретические и исторические аспекты конституционализма, федерализма и судебной власти; формулируются основные подходы к понятию конституционализма и его практической реализации: С.А. Авакьяна, М. Авдеенковой, Н.А. Бобровой, Н.А. Богдановой, Н.В. Витрука, Ю.А. Дмитриева, В.Б. Евдокимова, Ю.П. Еременко, В.В. Ершова, И.А. Исаева, В.Н. Корнева, О.И. Кутафина, В.В. Лазарева, В.О. Лучина, О.В. Мартышина, Н.А. Михалевой, Л.А. Морозовой, Т.А. Морщаковой, И.Ш. Муксинова, М.В. Немытиной, В.С. Нерсесянца, Л.А. Николаевой, Ж.И. Овсепян, В.И. Олейника, Ю.С. Решетова, Р.А. Ромашова, П.И. Савицкого, А.Ю. Саломатина, В.Н. Сафонова, Н.В. Селезнева, С.В. Степашина, Б.А. Страшуна, Ю.А. Тихомирова, О.И. Тиунова, В.А. Туманова, И.А. Умновой, М.Х. Фарукшина, А.Г. Хабибулина, Т.Я. Хабриевой, С.М. Шахрая, Ю.Л. Шульженко, В.Е. Чиркина, О.И. Чистякова, Б.С. Эбзеева, Ю.А. Юдина, И.С. Яценко и других.

При написании диссертации использованы работы таких зарубежных государствоведов и политологов, как Д.Д. Басу, Д. Барри, К. Вейшерт, Х. Вольман, Р. Галлиссо, Д. Елазар, Д. Кинкайд, О. Киминних, Ж. Маритен, Ф. Люшер, П. Ордешук, В. Остром, У. Райкер, В. Рудольф, С. Солник, Р. Россум, П. Пернталер, А. Тарр, Л. Фридмэн, Г. Хессе, С. Шрамм и других. В процессе работы диссертант

опирался также на фундаментальные зарубежные исследования прошлого, в частности, труды Д. Адамса, Ж. Бодена, А. Гамильтона, Г.Ф. Гегеля, Т. Гоббса, Р. Давида, Л. Дюги, Д. Джея, Т. Джефферсона, Г. Еллинека, Ш.-Л. Монтескье, Дж. Мэдисона, Т. Пейна и других.

В историческом контексте немалую ценность представляют работы исследователей, причастных к событиям того времени (Роджер Уильямс, Джон Уинтроп, Инкрис Мазер, Алексис де Токвиль, Франсуа Фюре, Франсуа Мелонио, Пери Миллер, Артур Уоррал, Натаниэль Б. Шёртлефф, Эдвард Уорд, Х.У. Тройер, Генри Адамс, Джеффри Х. Морисон, Марка де Вульф Хоу). Большую научную ценность представляют работы современных американских исследователей по проблемам конституционного развития США XVIII – начала XX вв. Э. Маклафлина[1], Дж. Маккеллана[2], Д. Макинерни, Р.Д. Бровна, Д. Тагера[3], И. Уошберна[4], К. Вилса[5].

Однако специального исследования по теме настоящей диссертационной работы юристами не проводилось. Не изучены отдельные нормативные акты, исторические документы, хартии и конституции первых колоний.

Объектом исследования выступают правовые общественные отношения, складывающиеся в североамериканских колониях (штатах) в XVII — середине XX вв., в процессе их историко-правового развития и периода формирования американского федерализма.

Предметом настоящей работы являются теоретико-правовые основы и нормативное регулирование процесса оформления государственности северо-американских колоний (штатов) и становления федеративных отношений.

Цель и задачи исследования.

---

[1] B.Y Andrew C. McLaughlin. Constitutional history of the United States. D. Appleton-century company incorporated New York London 1936 Copyright, 1935, by D. Appleton-century company, inc.

[2] McClellan James, Liberty, Order, and Justice: An Introduction to the Constitutional Principles of American Government (3rd ed.) (Indianapolis: Liberty Fund, 2000).

[3] Richard D. Brown and Jack Tager, Massachusetts A Concise History, University of Massachusetts Press, 2000.

[4] By Emory Washburn. Sketches of the judicial history Massachusetts, Boston, Charles C. Little and James Brown. 1840.

[5] Carri Wills. Head and heart: American Christianitiesy. London. 2007.

Исходя из актуальности обозначенной темы, недостаточной разработанности избранной проблематики в юридической литературе, целью диссертационного исследования стало теоретическое осмысление особенностей федеративных процессов в США в их исторической динамике, изучение в этом контексте практики и социально-регулятивной роли американских судов как гаранта обеспечения и закрепления юридических основ конституционализма и федерализма.

Поставленные цели определили и круг конкретных исследовательских задач, которые включают:

- обобщение современных концептуальных подходов к анализу теоретико-методологических и историко-правовых проблем американского конституционализма и федерализма и правосудия с привлечением достижений в области философии, истории, политологии и иных гуманитарных дисциплин;

- исследование историко-правовой природы и особенностей американского конституционализма и федерализма; анализ специфики практической реализации конституционных принципов формирования штатов и федеративного устройства государства и развития федеративных отношений в США;

- изучение религиозного фактора в образовании американской федерации и штатов в его теоретической и историко-правовой динамике;

- выявление взаимодействия светского и канонического права в колониях (штатах) начала XVII – середины XX вв.;

- исследование в широких исторических пределах эволюции конституционно-правового развития колоний (штатов), статус которых теснейшим образом связан с судьбой федерации;

- уточнение категориального аппарата, используемого для правового анализа сущности и содержания американского федерализма;

- определение значения исследования проблем научной классификации моделей федерализма в условиях трансформации американской государственности и составляющей ее системы органов;

- изучение процесса становления и эволюции судебной системы,

складывающихся в ходе формирования американской федерации;

- исследование историко-правовых предпосылок европейского конституционализма и его рецепции в североамериканских колониях (штатах);

- выявление конституционных истоков федеративного выбора колониями (штатами) в динамике историко-правовых явлений и процессов.

Методологическую основу исследования составил комплекс научных методов и средств, которые позволили автору всесторонне проанализировать предмет исследования и сделать соответствующие научные выводы. Исходным методологическим способом диссертационного исследования выступал диалектический подход.

Диссертант использовал также метод конкретного социально-правового исследования (с учетом его уникального своеобразия), который позволил отразить историко-правовой опыт развития колоний и штатов, показать особенности и перспективы федеративного устройства США как целостной государственной системы, выделить и определить роль конкретных институтов законодательной, исполнительной, судебной властей, обеспечивающих целостность государства. В необходимых случаях использовались и другие методы, в частности, сравнительно-исторический, системный, сравнительно-правовой.

Сравнительно-исторический метод позволил показать не только прошлое и нынешнее состояние американской конституционно-правовой системы как целостного образования, но и возможные тенденции, закономерности развития.

Системный метод дал возможность рассмотреть структуру всех органов государственной власти как систему взаимосвязанных составных частей, определить место и роль институтов судебной власти в обеспечении механизмов целостности государства.

Сравнительно-правовой метод исследования стал важным инструментом выявления наиболее эффективных моделей правового развития колоний (штатов), а также других институтов и иных элементов американского конституционализма, обеспечивающих американскую модель федерализма.

Автор опирался также на метод формально-юридического анализа

нормативного материала, в том числе метод структурно-функционального анализа, статистический и другие методы познания.

Источниковая база исследования. В работе использовались материалы фондов Национального управления архивов и документации (англ. National Archives and Rekords Administration (NARA). Прежде всего это фонды высших государственных органов США, а также личные фонды государственных деятелей и ученых той эпохи. К первой группе использованных источников относятся нормативные правовые акты и подготовительные материалы к ним, статистические сведения. Источниковой базой исследования послужили: Декларация независимости (1776 г.), статьи Конституции конфедерации, Конституция США, Конституции штатов Массачусетс, Нью-Гемшир, Каролина, Пенсильвания, Вермонт, Мэн и др. К нормативным правовым актам относятся также хартии, которые наделяли колонии полномочиями не только управлять определенной территорией, но и подтверждали все традиционные права, привилегии и свободы англичан. Первой хартией была «Хартия провинции залив Массачусетс в Новой Англии», 1691 (The charter of the province of the Massachusetts bay in New England. 1691).

В ходе исследования большой объем информации о законодательных начинаниях удалось получить при обращении к архивным документам («The Statutes at Large», «The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcripts of Legal documents of the Salem Witchcraft Outbreak of 1692», «Records of the Colony of New Plymouth in New England, 1620-169», «Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England» и др.).

Для исследования алгоритма становления и развития североамериканских колоний (штатов) того времени наряду с архивными документами большое значение имели «Документы и дела ежеквартальных судов графства Эссекс, штат Массачусетс, 1636-1696» (Record and Files of Quarterly of Essex Count, Massachusetts, 1636-1696); «Материалы Федерального Конвента 1787 года (The Records of the Federal Convention of 1787); «История Первого Федерального Конгресса Соединенных Штатов Америки в документах» (Documentary History of

the First Federal Congress of the United States of America_.

Для достоверного изложения фактов в работе использован цифровой архив Висконсинского исторического общества [Wisconsin Historical Society Digital Archive), 2003].

Также использовались (вторая группа источников) научные труды, письма, дневники, мемуары людей, которые были причастны к конституционно-правовому развитию штатов и американского федерализма. Среди трудов можно отметить работы Томаса Джефферсона (Thomas Jefferson) Заметки о штате Вирджиния [Notes on the State of Virginia]. Вопрос XVII в.: Сочинения Томаса Джефферсона (Thomas Jefferson Writings) под ред. Меррилла Д. Петерсона (Merrill D. Peterson). - Изд-во «Лайбрари оф Америка» [Library of America], 1984; Томаса Пейна (Thomas Paine) Век разума [Age of Reason] // Сборник трудов (Collected Works) под ред. Эрика Фонера (Eric Fohner). - Изд-во: Лайбрари оф Америка [Librari of America], 1995; Джорджа Вашингтона (George Washington) Сочинения [Writings] под ред. Джона Роудхамела (John Rhodehamel).- Изд-во: Лайбрари оф Америка [Library of America]. 1997; Александра Гамильтона (Alexander Hamilton) Доклад о производстве от 5 декабря 1701 года [Report on Manufactures, December 5, 1701]. В: Джекоб Э. Кук (Jacob T. Cooke) Доклады Александра Гамильтона [The Report of Alexander Hamilton]. - Изд-во: Харпер Торчбукс [Harper Torchbooks], 1964; Джеймса Мэдисона. Сочинения [James Madison: Writings]. - Лайбрари оф Америка (Library of America), 1999 и др.

Особое место занимают письма и дневники: Джон Адамс [John Adams] Томасу Джефферсону (Thomas Jefferson), 14 сентября 1813. В: Лестер Дж. Кэппон (Lester J. Cappon) Переписка Адамса и Джефферсона (The Adams-Jefferson Letters). - Изд-во Университета Северной Каролины [University of North Carolina Press], 1959, т. 2. С. 373, 374; Письмо Джефферсона (Jefferson) Уильяму Болдуину (William Baldwin) (1910). - Выписки Джефферсона из Евангелия [Jefferson's Extracts from the Gospels] под ред. Диккенсона У. Адамса (Dickenson W. Adams). - Принстон [Princeton]: Изд-во Принстонского университета [Princeton University Press], 1983. С. 346; Письмо Медисона (Madison) Джасперу Адамсу (Jasper Adams). В: Церковь и

государство в истории Америки. Основные документы, решения и комментарии, касающиеся последних трех столетий [Church and State in America History: Key Documents, Decisions, and Commentary from the Past Three Centuries] под ред. Джона Ф. Уилсона (John F. Wilson) и Дональда Л. Дрейкмана (Donald L. Drakeman). - Изд-во: Уэствью [Westview], 2003. С. 77; Письмо Джефферсона (Jefferson) губернатору Моррису (Morris) от 16 августа 1793 года, а также Дневник Коттона Мазера [The Diary of Cotton Mather] под ред. У.С.Форда (W. C. Ford). - Изд-во Массачусетского исторического общества, 1912. Т.1. и др.

В диссертации использованы некоторые официальные издания: американский Журнал Ассоциации юристов, XIV; журнал «Глобус конгресса» (22 конгресс, 2 сессия, 31 Конгресс, 1 сессия); журнал «История людей Соединенных Штатов», IV. 1814. и т.д.

Научная новизна исследования заключается в том, что в историко-правовой науке заявленная тема практически не изучалась. Диссертационная работа является первым самостоятельным, логически завершенным комплексным монографическим исследованием, посвященным историко-правовому развитию штатов в период становления американского федерализма (XVII- середина XX в.) с учетом религиозного и территориального начал организации и функционирования федеративного государства. Историко-теоретическое осмысление различных аспектов такого явления, как федерализм, позволило диссертанту определить его институциональную и функциональную значимость в американской практике государственного строительства штатов и самой федерации в целом.

Одним из первых в юридической литературе диссертант обосновал позицию, согласно которой американские штаты – это самоорганизующаяся система, хотя и обладающая множеством индивидуальных, только ей присущих характеристик, главная из которых состоит в том, что созданная ими федерация представляет собой не аморфное объединение разнородных сочленов, а органичное целое, и в этом смысле она имеет системообразующее качество, дающее возможность объяснить ее внутренние и внешние связи, систему функций и взаимодействий между ее субъектами, с одной стороны, и между субъектами и

федерацией – с другой.

Внесен (Сделан) определенный вклад в историю права и государства, историю учений о праве и государства на основе исследования взаимосвязи моделей американского федерализма и правового развития штатов, выявления особой роли Верховного Суда США как органа конституционного правосудия в обеспечении правовой и институциональной реализации конституционных принципов федерализма и необратимости преобразования государственного устройства США на федеративных основах.

В качестве одного из важных положений научной новизны работы является введение в научный оборот российской науки ряда новых источников: архивных материалов и документов, писем, дневников, полученных в результате исследования.

Основные положения, выносимые на защиту. Результатом научного исследования данной проблемы являются следующие новые или содержащие существенный элемент новизны выводы и положения.

1. Предложена авторская периодизация историко-правового развития североамериканских штатов в период становления американского федерализма с начала XVII до середины XX вв., где впервые за основу положен комплексный подход.

Первый период - (1620-1775 гг.) - с момента основания английских колоний до войны за независимость, когда каждая колония являлась отдельным корпоративным образованием, чья политика направлялась короной, и юрисдикция распространялась на фиксированную территорию.

Второй период - (1775-1787 гг.) - от войны за независимость, принятия Декларации независимости до подписания Версальского мира, по которому Англия признала независимость колоний. Правительство, созданное в соответствии со «Статьями Конфедерации», объединило американские территории в качестве равноправных штатов, но оказалось не способным сформировать их фактический союз.

Третий период - (1787-1877 гг.) - принятие Конституции США, создание и

организационное оформление центральной государственной власти с четким разделением исполнительной, законодательной, судебной властей, что дало импульс для дальнейшего становления американского федерализма.

Четвертый период - (1877-до середины XX в.) - закрепление конституционных основ федеративной модели в США и развитие федерализма как системообразующего элемента американской государственности.

2. Обосновывается вывод о том, что на первом этапе историко-правового развития штатов создаваемые государственные и корпоративные колонии фактически являлись обособленными доминионами со своими неписаными обычными конституциями, которые в дальнейшем развивались на основе прецедентов, защищавших и расширявших права колонистов. Установлено, что такая конституция опиралась не на парламентские статуты и другие документы, а главным образом на обычаи и складывавшуюся практику прецедентов, утверждавших права граждан; соответственно, до 1775 г. конституционное развитие колоний происходило главным образом путем расширения конституционных английских традиций XVII в.

3. Доказывается, что в период с XVII в. до конца XVIII в. характерной чертой раннего этапа модернизации американского общества была тенденция самоуправления колоний в рамках Британской империи, ибо колонисты имели право на формирование своих национальных конституционных прав, на создание местных органов власти и собственных механизмов защиты этих прав. Статус этих колоний отличался от граничащих с Англией территорий: они находились на значительном расстоянии; там отсутствовало оседлое местное население, которое можно было бы привлечь к осуществлению целей колонизаторов; новые и в массе своей английские поселенцы принесли с собой английские традиции, в том числе в правовой сфере.

4. Выделены три стадии в процессе развития американской модели развития федерализма:

- *монистическая стадия* федерализма, характерная для периода централизации (XVIII в.) (поиск единства, попытки соединения субъектов федерации в единое

целое, противостояние унитаризму и сепаратизм);

- *дуалистическая стадия* (конец XVIII в. - XIX в.) связана со стремлением субъектов федерации (штатов) добиться некоторой самостоятельности, прежде всего экономической, а в отдельные моменты и политической (выход южных штатов из состава федерации);

- *стадия кооперативного федерализма* (конец XIX в. – XX в.), связанная с поиском «протофедеративного равновесия» (гармоничное сочетание интеграции и автономии, единства в многообразии, независимости и взаимопомощи).

На основе анализа двух первых моделей федерализма, существовавших в правовом и институциональном поле американского государства, установлено, что их практическая конкуренция привела к определенному замедлению темпов развития федеративных отношений в стране и накоплению критической массы «повреждений» единого правового пространства страны.

5. Авторское определение «американского конституционализма» периода генезиса федеративных отношений как совокупности идей и принципов, направленных на ограничение прав английской монархии, введение в государственно-правовую практику элементов разделения властей, гарантии верховенства и не отчуждаемости естественных прав и свобод граждан. Установлено, что соответствующие конституционные проекты колонистов первоначально не были адаптированы к условиям американской действительности, но в дальнейшем (1775-1787 гг.) послужили основой формирования такого уникального явления как американский конституционализм, оказавший большое влияние на развитие американской государственности.

6. Вывод о том, что становление и развитие штатов, а в дальнейшем и федеративного государства тесно связано с религиозными течениями, которые оказали влияние на многие области общественной, политической и культурной жизни государства. Аргументация утверждения, согласно которому к началу XVII в. подавляющее большинство колонистов были протестантами (около 2,5 млн. человек) с ориентированной целью на демократический республиканский строй, стремившихся к материальному благополучию и разрыву с метрополией, основана

на анализе документов штатов Массачусетс, Коннектикут, Плимут, Род-Айленд и др. начала XVII в. Религиозный фактор порождал стремление к независимости, обусловил формирование американского национального самосознания.

7. Установлено, что в политико-правовых учениях американского государства XVIII в. преобладала радикально-демократическая тенденция, опиравшаяся на принципы народного суверенитета, не отчуждаемости естественных прав и их равенства и предполагавшая возможность использования радикальных методов в борьбе за права, в которой можно выделить две концепции, оказавшие влияние на конституционно - правовое развитие штатов и организацию федеративных отношений. Первая (Т. Пейн, Т. Джефферсон) объединяла приверженцев федеративной республики парламентского типа; вторая группа централистов-федералистов (А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей) – сторонников сильной президентской республики.

8. Доказывается, что к началу XVIII в. имело место ослабление действенности английских законов в колониях; посредством широкого использования юридических прецедентов и статутов судьям удалось постепенно обеспечить расширение прав колонистов. Таким образом, к началу XVIII в. складывается англо-американская правовая система, состоящая из трех частей: элементов «старого» закона; новых законов, во многом обусловленных прецедентами; правовых предписаний, оформленных под воздействием религиозных постулатов.

9. Вывод о том, что к середине XVIII столетия колониальным ассамблеям удалось добиться посредством прецедентов и обычного права фактического статуса местных парламентов и в этом качестве они представляли собой важный инструмент обеспечения колониальных конституций, являлись гарантами прав колонистов, в том числе права не подвергаться «действию законов» без согласия их полномочных представителей в ассамблее. Установлено, что ассамблеи выступали в качестве субъектов законодательного процесса на этапе подготовки законов при составлении текста проектов, организации обсуждения и согласования их принятия.

10. Выявлены особенности развития судов штатов на первоначальном этапе их

формирования, охарактеризована их роль в процессах становления американского федерализма. Посредством использования юридических прецедентов и статутов местным судам удалось постепенно обеспечить колонистам гарантии их естественных прав. Таким образом, к первой трети XVIII в. происходит ослабление требования гарантий действия английских законов в колониях, что убедительно свидетельствует о том, что к этому времени провинциальные суды повсеместно утвердили в каждой колонии, а затем и штатах основанные на обычаях права граждан, которые были в дальнейшем закреплены в конституциях штатов и федеральной конституции.

11. Вывод о том, что формирование конституционного контроля в американском федеративном государстве явилось важным элементом всего контрольно-надзорного механизма, действующего в государственном механизме США, а также стало неотъемлемым институтом американской модели федерализма. Доказывается, что анализируемый институт реально обеспечил конституционность решений, принимаемых органами государственной власти, способствовал разрешению конфликтов между различными ветвями и уровнями государственной власти, а главное – защищал права человека и гражданина. Генезис института конституционного правосудия во многом обусловлен декларированием федеральной природы американского государства, необходимостью ее институционального обеспечения.

12. Доказывается, что решения Верховного Суда США, восполняющие пробелы в праве, обеспечивали соответствие нормативных актов штатов Конституции США, способствовали становлению присущей федерации иерархии и системности законодательства, установлению приоритета федеральных законов над законодательством штатов. Выявлена и охарактеризована уникальность института ответственности Верховного Суда США за реализацию модели американского федерализма, фиксированную нормами Конституции США и детализируемую решениями этого органа, в том числе 1789-1936 гг., а также его роль в обеспечении гарантий необратимости федеративного выбора американского народа.

13. Вывод о том, что Конституция США 1787 г. определила модель федерализма,

отличную как от модели штатов, соответствующей их устремлениям (иногда конфедеративным), так и от модели центра, обусловленную «инерцией» унитарной правовой политики переходного периода неразвитости конституционно-правовой и политической культуры. В Конституцию США 1787 г. была заложена и трансформирована в дальнейшем кооперативная модель федерализма, выбор которой был прагматичным решением, поскольку именно принципы кооперативного федерализма, отличительными чертами которого является наличие правовой и институциональной системы координации и сотрудничества, в середине XX в. предотвратили в США «парад суверенитетов», стимулировали штаты к взаимодействию и сотрудничеству с федеральным центром.

14. Аргументируется обоснование конституционно-договорной природы американского федерации, в частности, на основе научного анализа «Билля о правах», фиксирующего возможность разграничения предметов ведения между федеральным центром и штатами, но не изменяющего существующей природы федерации. США, имеющие конституционно-договорную природу, как федеративное государство возникли в результате объединения (союза) входящих в него штатов, представители которых (кроме Род-Айленд) получили от своего населения полномочия на добровольное объединение и подписали текст Конституции США. Основной Закон Федерации, одобренный гражданами штатов, установил конституционно-договорную модель федеративного устройства, основанную на сочетании принципов единства федерации и широкой самостоятельности ее субъектов, обеспечения равной защиты прав и свобод граждан на всей территории страны.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что разработанные соискателем основные положения и выводы обогащают историю права и государства и, в целом, юридическую науку. Обобщение прошлого опыта помогает критично оценить современное состояние истории учений о праве и государстве, конституционализма и федерализма, исторические векторы его развития с присущими этому процессу достоинствами и недостатками.

Автором выявлены исторические предпосылки разрешения целого ряда современных теоретических и практических проблем публичного права в рамках государственного строительства. Академический интерес представляет собранный фактический материал. Основные выводы и предложения, сформулированные в нем, могут быть использованы в последующей научной разработке проблем развития моделей федерализма и конституционного правосудия; при совершенствовании законодательства, регламентирующего федеративные отношения; при подготовке лекций, проведении семинарских и практических занятий по истории государства и права, конституционному праву зарубежных стран, другим юридическим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре истории права и государства Российского государственного университета правосудия, апробированы и отражены автором в научных публикациях и монографиях.

Материалы и выводы диссертационного исследования представлены в тезисах и научных сообщениях на всероссийских и международных конференциях, в числе которых: X Международная научно-практическая конференция «Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики» (13-17 апреля 2015 г., г. Москва); Международная научно-практическая конференция «Реформы 1864 года в теории и практике российского конституционализма: история и современность (к 150-летию Земской и Судебной реформ)» (10-12 апреля 2014 г., г. Нижний Новгород); III Конституционные чтения, посвященные 20-летию Конституции Российской Федерации «Конституционализм в теории и практике отечественной государственности: история и современность» (22 ноября 2013 г., г. Москва); Международная научно-практическая конференция «Российская государственность: исторический опыт и альтернативы развития» (19-21 апреля 2012 г., г. Ростов-на-Дону); Международная V Ежегодная конференция «Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики» (19-22 апреля 2010 г., РАП, г. Москва); Всероссийская научно-практическая конференция «Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики» (13-16

апреля 2009 г., г. Москва); Международная научно-практическая конференция «Россия и Абхазия: история государственно-правовых отношений» (16 февраля 2009 г., г. Москва); Международная конференция «Глобализация и терроризм: противоречия и угрозы XX века» (13-15 мая 2008 г., РГГУ); Международная научно-практическая конференция «Развитие публичных и частноправовых институтов в современной России» (26 мая 2006 г., г. Москва); IV Международная научно-практическая конференция «Правовая реформа: проблемы, коллизии, тенденции развития» (18 мая 2004 г., г. Москва).

Всего по теме диссертации опубликовано 46 работ, из которых 4 монографии.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 11 параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

§ 1.1. Историко-правовое исследование федерации и североамериканских штатов (XVII - середина XX в.)

Правовое развитие штатов с XVII в. имеет свои особенности конституционного становления. На основе анализа исторической динамики создания политической системы федерации и структуры органов управления штатов, дается авторская периодизация конституционно-правового развития североамериканских колоний (штатов) в период становления американского федерализма. Для уточнения хронологий дополнительным основанием выступают социально-экономические и политические факторы[1]. Если в начале XVII в. – это система британского колониального управления, которая в своих основных чертах сложилась к концу XVII столетия, то уже в течение первых шести десятилетий XVIII в. росло желание колоний освободиться от британского гнета, через объединительные тенденции, выразившиеся в фактическом установлении конфедеративных отношений колоний. Принятие Конституции США (1787 г.) было обусловлено реальными экономическими, политическими, социальными и идеологическими обстоятельствами оказавшем в XIX- середине XX вв. влияние на реформы политического характера.

Значение избранных факторов не абсолютизируется. С использованием главного и дополнительного оснований делается попытка различить смысловую и хронологическую стороны предлагаемой периодизации.

Первый период (1620-1775 гг.) является временем создания колоний (штатов) и их организационного устройства вплоть до войны за независимость.

В середине восемнадцатого столетия Великобритания была сильной державой, усилия которой были направлены на укрепление меркантилизма для создания

[1] См. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993 С. 56.

стабильности империи. Строгие постановления в отношении колоний издавались с целью отразить вторжение коммерческих конкурентов и контролировать прибыль империи в ее собственных пределах.

Существовало два типа колоний: корпоративные колонии и области. Корпоративные колонии выбирали своих собственных чиновников, без существенного вмешательства из Лондона в их внутренние дела. Было два вида областей: составляющий собственность, с уставом, предоставляющим владельцу значительную власть, осуществление которой самостоятельно со временем стало затруднительным; и королевские области (только один, Массачусетс, с уставом), в которой королевский губернатор в качестве агента короны должен был выполнять королевские акты. Весьма очевидно, что королевские колонии наибольшим образом контролировались из центра.

У каждой колонии было собрание (ассоциация), в котором, по крайней мере, одна палата была выборной, что давало повод королевским чиновникам жаловаться на упорство законодательных органов, настроенных проигнорировать законы, принятые в Англии. В большой степени колонии управляли своими собственными внутренними делами, иногда наперекор королевским инструкциям и отказываясь от колониальных актов. Однако внешние дела были в руках Короны и акты Парламента, особенно в разной мере направляющие курс внешней торговли, более или менее соблюдались. Ключевым фактором являлось следующее обстоятельство: несмотря на наличие имперской системы, колонии ежедневно становились самостоятельнее в экономическом благосостоянии и в политической компетентности. Другими словами приближалось то время, когда колонии были готовы объявить о своей автономии и потребовать гарантию относительно своих прав[1].

Большинство колоний жили своей собственной жизнью со значительной свободой. Так, например, Вирджиния управляла сама своими делами больше столетия и ее политическая способность была очень высока. Любая же попытка королевской власти изменить политическую систему, вторгаясь в колониальную область, особенно в делах налогообложения, способна была пробудить оппозицию,

[1] Говард Д.. Дорога от Ранними: Великая хартия вольностей и конституционализм в Америке. Шарлоттсвилль: Пресса Университета Виргинии, 1968. С. 98.

что и произошло в дальнейшем. Таким же примером служит Коннектикут, корпоративная колония, где было сильно развито самоуправление. Поэтому большое негодование вызывало вторжение британского правительства в случаях нарушения прав колонии. Принципиальный вопрос был связан с «колониальной компетентностью», которая была выработана многолетним опытом. Право или уместность вмешательства со стороны центральной власти не было очевидным.

В общем представлении английского правительства определенные элементы управления выступили с некоторой отчетливостью: главные министры государства фактически осуществляли королевское управление колониями, где Тайный Совет имел широкую и в некотором отношении эффективную власть. Министерство торговли занималось сбором информации, в даче консультаций, советов и рекомендаций, а не в издании прямых актов. Но его влияние было огромным, и его взгляды относительно вопросов колониальной политики и управления были часто определяющими.

Королевская власть в основном и наиболее заметно осуществлялась: назначенным или утверждаемым королем губернатором; инструкциями, которые губернатор обязан был соблюдать при реализации своих властных полномочий в колонии; утвержденными королем колониальными уставами (как «самый эффективный и далеко идущий метод контроля»)[1]. При этом исследователи, характеризуя фактическое право «вето» короля, отмечают, что «королевский отказ был исполнительным, а не законодательным актом, выполненным не королем, а Советом, как его личным исполнительным агентом. Это было осуществление королевской прерогативы, выражение верховной власти короля в предписании законов для нижестоящих законодательных органов, право которых сделать законы всегда опиралось на желание короля... Королевский отказ был, следовательно, не вето, а акт регулирования и контроля, в том же смысле, что королевские письма и инструкции были также актами регулирования. Фактически, отказ и инструкции были синонимами, поскольку оба выражали в различных формах королевскую волю».[2] И, наконец, при

[1] Колумбийский университет Исследования по истории. LXIV. Ном.. 2, С.. 221.
[2] Andrews C.Им. The Royal Disallowance. Am. Antig. Society Proceedings, new series. XXIV. P. 343.

реализации королевской власти активно использовались обзоры решений колониальных судов Тайным Советом, действующих в его «судебной компетенции».

Власть использовалась в целом не с целью грубого вторжения, а в чрезвычайно локальных целях, или в случае, которые касались имперской области и интереса. Ряд исследователей и в частности профессор Эндрюс С.М. классифицирует фактические цели отказа следующим образом: «У политики, которая управляла Советом и его советниками, было четыре ведущих аспекта. Во-первых, для защиты законов и обычаев британской конституции; во-вторых, для охраны интересов и благосостояния Британских подданных; в-третьих, для защиты колоний или любого из их жителей из опрометчивого законодательства; и наконец, чтобы предотвратить прохождение законов, которые были экстраординарными, репрессивными, неподходящими, или технически дефектными». «Первая группа, говорит Эндрюс, была наибольшей, но «Вероятно самой важной из всех причин для отказа было то, что акт затрагивал торговлю или привилегий и прерогатив Британских подданных»[1].

Но отказ, хотя и был наиболее эффективным средством сохранения королевской власти и создания единой империи, часто выступал как источник раздражения в колониях. В то время как колонии издавали свои законы, а колониальные суды судили и принимали решения, Совет по торговле и Тайный Совет выступил против них, но в целом без результата, по созданию и поддержанию общей системы законов или, по крайней мере, колониальным признанием определенных принципов. Колонии не принимали во всех отношениях формы и процедуры общего права и, особенно в тех вопросах, которые касались прав и свобод граждан.

Имело место несколько постановлений, которые более или менее непосредственно затрагивали внутреннее законодательство и свободу действий колоний. Среди них можно отметить следующие: закон о Пиратстве (1700 г.); закон, устанавливающий нормы, по которым иностранные монеты должны распространяться ограниченно (1708 г.); закон, устанавливающий почтовое отделение (1710 г.); закон,

[1] Andrews C.M. The Royal Disallowance. Am. Antiq. Society Proceedings, new series, XXIV, p 354; See also O.M. Dickerson, American Colonial Government 1696-1765, ch. V.

относящий колониальное имущество и рабов недвижимыми вещам (1732 г.); закон, предусматривающий натурализацию (1740 г.); закон, запрещающий бумажные деньги в Новой Англии (1751 г.) и др. Данные законы негативно отражались на настроениях жителей колоний и их отношении к метрополии[1].

До середины XVIII в. имели место опытки со стороны королевской власти упростить колониальную систему; конфедеративное образование в Новой Англии, фактически сформированное в 1643 г. также тружно охарактеризовать как оптимильную модель государственного устройства.[2].

После начала войны с Францией, которая, во многом, была обусловлена колониальными амбициями, актуализировался вопрос о статусе колоний, их роли в происходящих процессах. Признавая необходимость эффективного сотрудничества, Совет по торговле планирует конференцию колониальных губернаторов, и в 1753 году инструкции были отправлены губернаторам. Целью такого сотрудничества было формирование союза колоний, правда, с санкции британских властей.

Как отмечалось, идея объединения колоний в единую федерацию возникла в середине XVIII в. Объединение это диктовалась общностью интересов колоний как в том, что касалось торговли, так и в том, что связывалось с совместной защитой от Франции. Первый проект федерации был выработан Б. Франклином в 1748 г., но правительство Англии отклонило эту идею, ибо желало видеть американские колонии разрозненными, легко управляемыми.

Первым шагом для объединения стал конгресс Албани 1754 г.; специальные уполномоченные анализировали потребности и единодушно решили, что союз абсолютно необходим для безопасности и защиты[3]. Данный план заслуживает тщательного изучения по различным причинам; так, он предусматривал, формирование выборного органа – Великого Совета - (от колонии должно было быть избрано не меньше двух и не более семи представителей). Общая исполнительная

---

[1] Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1955. С. 76-77.

[2] Sandoz E. Ed. The Roots of Liberty: Magna Carta, Ancient Constitution, and the Anglo-American Tradition of Rule of Law. Columbia: University of Missouri Press. 1993.P. 78.

[3] См.: История США в 4-х томах. Т. 1. 1607-1877 //Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1983. С.67-68.

власть предполагалась у президента, который должен был быть назначен и поддержан Короной, и имел бы право на вето на все действия Совета. С учетом рекомендаций Совета он должен был заключать все соглашения с индейцами, которые касались колоний, объявить мир или объявить войну. Президент и Совет были уполномочены отрегулировать с индейцами торговлю, и «сделать все покупки…для Короны земель не в рамках отдельных Колоний, или это не должно быть в пределах их границ, когда некоторые из них будут уменьшены до более удобных размеров»[1]. Они должны были регулировать создание новых поселений и написание законов для них, пока корона должна «думать», подходит ли для их формирования в частности правительство. Для этого центральная власть также доверила право формировать армию и платить ей, оборудовать военные суды и «в этих целях», чтобы взимать « пошлины или налоги...»[2]. Также предполагалась должность «общего Казначея» и также казначей в каждой колонии, «когда это необходимо». Президент и генеральный совет должны были осуществлять чрезвычайные полномочия «подсчета сумм в сокровищницах каждого правительства»[3]. Все законы должны были быть приняты в соответствии с законами Англии и должны быть переданы королю для одобрения. Общий президент мог назначить на одобрение Совета всех офицеров, в то время как все государственные служащие могли быть назначены Советом по одобрению исполнительной власти[4].

В этом плане, предоставленном центральному правительству, была выделена определенная сфера деятельности в отношении «четырех предметов первостепенной важности» - по делам индейцев, войны, приобретения «диких» земель, и управления, на время, по крайней мере, «западного урегулирования»[5]. В целом, документ носил прогрессивный характер, что позволило Б. Франклину заявить, что «отделение колоний от метрополии возможно, но не так скоро»[6].

---

[1] Там же.
[2] Considerations on the Propriety of Imposing Taxes in the British Colonies, for the Purpose of Raising a Revenue, by Act of Parliament. 1766. P. 101.
[3] Ibid. P. 105.
[4] Ibid. P. 105.
[5] Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York, VI. P. 889.
[6] Franklin, Writings (A.H. Smyth, ed.), III, P. 226, note 1.

План действительно опережал свое время т. к. колониям предоставлялась большая роль в политических вопросах, на что не могла согласиться корона. Были разногласия по плану Албани и в колониях, т. к. многие политические деятели настаивали не только на парламентском союзе, но и на едином налогообложении.

В королевских колониях, которые находились под наиболее интенсивным королевским контролем, противоречия с губернаторами носили фактически непрерывный характер. Колонии вступали в спор с властями метрополии и с трудом уступали любым требованиям. «Дух» частного права и настойчивое требование колониальных привилегий был обусловлен особенностью ситуации, сложившейся на анализируемом историческом этапе. Несмотря на все трудности, Англия одерживала победу в войне, что, в определенной степени, определенный смысл единства империи, и это, возможно, развило признание совпадения интересов между колониями. Однако каждая колония ощущала свою самостоятельность и ее собственное право охранять то, что она считала своими привилегиями. «Имперское единство» стало еще более отдаленным, чем до начала военных действий с Францией[1]. «Несмотря на сотрудничество многих колоний в военном обязательстве, которое может быть, сглаживало путь к возможному взаимопониманию, неприязнь и даже вражда между колониями, погружение каждого в его собственные дела было столь же глубоко в 1763 г. как и в любое время в истории»[2].

Однако колонии отличались от граничащих с Англией территорий в трех важных аспектах. Во-первых, они находились на значительном расстоянии. Во-вторых, там отсутствовало оседлое местное население, которое можно было бы легко привлечь к осуществлению целей колонизаторов. И, в-третьих, новые в массе своей английские поселенцы принесли с собой английские традиции, в том числе касавшиеся законности и управления. Они высоко ценили индивидуальные и местные корпоративные свободы и автономию и, особенно конституционные принципы ограниченного правления и согласия.

---

[1] Ibid. P. 237.

[2] For references, see G.L. Beer, British Colonial Policy 1754-1765, pp. 44-46 note. For an account of conditions, see E.I. McCormac, «Colonial Opposition to Imperial Authority During the French and Indian War», «University of California Publications in History», 1900 I, no. 1, pp. 1-98.

Политико-экономические отношения колоний с метрополией с начала XVII столетия до войны за независимость в 1775 г. определялось политикой искусственного сдерживания развития капиталистических отношений, ограничения экономической активности буржуазии колоний, внешняя торговля которых полностью была поставлена под контроль Англии.

Наглядный примером является деятельность парламента (1773 г.) по созданию Британской Западно-Индийской Кампании, которая, во многом, предопределила возникновение монополии в торговле чаем в Америке, обусловив небезизвестное «Бостонское чаепитие». Ответные действия последовали незамедлительно[1].

Так Бостонский порт Билл был закрыт Парламентом, что лишило жителей Бостона заниматься предпринимательской деятельностью. Эти действия обусловили возникновение проблемы, которая, явно, не носила локальный характер, июо многие колонии были решительно настроены против необоснованного налогообложения. Того рода «наказание» вызвало недовольства на всей территории страны[2] .

На этом этаре был принят Закон о Правительстве Массачусетса, по которому Губернатор штата был наделен большим объемом властных полномочий (король должен был назначать советников Массачусетса, запрещено было устраивать «шумные городские встречи», целью которых были выборы городских чиновников и представителей, без позволения губернатора); политические деятели Вестминстера безосновательно предположили, что могут «предотвратить встречи людей и созывы их собраний», что учреждения, являвшиеся «центром мышления Новой Англии, будут разрушены ими на расстоянии трех тысяч миль»[3].

Для того, чтобы укрепить свое положение Парламентом был принят ряд актов; так, Билль «Беспристрастного отправления правосудия», предусматривал, что при определенных обстоятельствах суд над чиновником мог быть передан в рассмотрение другой колонией или Англией с позволения Губернатора и с

[1] Franklin, Writings (A.H. Smyth, ed), III, P. 203.
[2] M Schlesinger, The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763-1776 (Columbia University Studies in History, etc., LXXVIII) P. 363.
[3] Ibid. P. 364.

согласием и рекомендацией совета[1]. Так называемый «Квартирный акт» обязывал Губернатора предоставить жилище солдатам королевского войска «при первой необходимости»[2]. Так, армия должна была находиться в Бостоне, что провоцировало его жителей, хотя в Англии предполагалось, что постоянное присутствие Британской армии обуздает людей и не спровоцирует новые волнения. Даггые действия носили радикальный характер, отличались от ординарных действий Правительства и фактически вводили режим военного положения; «это было похоже на войну, начатую Губернатором и армией, которые были ответственны только перед королевской властью и направлены лишь против города и штата»[3].

Эти документы получили известность как «принудительные акты» 1774 г., направленные против штата Массачусетс и отказавшегося повиноваться Бостона. В иъ числе и так называемый Квебекский акт, который,впрочем, «предусматривал большую степень справедливости в том числе и в отправлении правосудия», особенно «в части признания французского закона и гарантии прав и свобод католиков»[4].

В целом, на анализируемом историческом этапе в Новой Англии «ненависть к правительству достигла небывалых высот»[5]. Фактически события в Бостоне инициировали волну негодования, котрорая, вместе с тем, не охватилажителей не всех колоний; немало было тех, кто уступил, полагая, что их права и свободы куда лучше могли быть обеспечены Аншией; в их числе были и те, кто опасался роста количества неимущих классов.

Однако другие колонии поддержали Массачусетс и таким образом зародилась основа национального чувства колонистов и будущего колониального союза. Большая часть колоний, которые раньше были далеки от мятежа против метрополии, отныне отказывались повиноваться Парламенту и королю. Д. Адамс подробно изложил свою теорию империи, по которой союз с Англией был лишь

---

[1] Ibid. P. 364-365.
[2] Ibid. P. 365
[3] Ibid. P. 367.
[4] Ibid. P. 367.
[5] Г. Адамс. Документы о федерализме в Новой Англии. 1800-1815. С.45-46.

личным союзом, а Массачусетс должен иметь свой собственный парламент.[1]

«Общий обзор», написанный Т. Джефферсоном в 1774 г, содержит теорию колониального права, выражает идею смелого нападения на Парламент и его действия, «акты власти, приняты группой людей, чуждой нашим конституциям и непризнанной согласно нашим законам».[2] Существенными, как и обвинение Парламента, являются замечания королю и декларация формальных принципов демократического и народного правительства. Революционные взгляды достаточно быстро достигали цели, которая представлялась естественной для людей считающих себя свободными. Т. Джефферсон умело использовал необходимые аргументы: обусловленгость легитмности правительства народным волеизъявлением, право народа на сопротивление и т.п.. Т. Джефферсон указывает монарху, что «он не более чем старший помощник народа, назначенный законом и ограниченный в своих полномочиях, дабы оказать помощь в работе правительства, созданного для народа и, как следствие, должен быть подвергнут надзору… Короли – слуги народа, а не его хозяева»[3].

Выступление Т. Джефферсоном против власти Парламента носило кардинальный характер, ибо он подвергал существенной критике акты о торговле и отказ от колониальных законов. Небезынтересным является его заявление о том, что даже у почтового отделения «была невеликая связь с британскими интересами, не считая снабжения министров и фаворитов короля, при том, что у них имелись прибыльные должности»[4]. В этом плане некоторые исследователи полагают, что его «Общий обзор пра Британской Америки» был предвестником Декларации независимости[5].

Обвинения выдвинутые Д. Адамсом и Т. Джефферсоном против королевской

---

[1] In a series of papers signed «Novanglus», published in The Boston Gazette, 1774. See John Adams, Works (C.F. Adams, ed.), IV. PP. 111-177.
[2] Ibid. P. 178.
[3] «A Summary View of the Rights of British America. Set Forth in Some Resolutions Intended for the Inspection of the Present Delegates of the People of Virginia. Now in Convention». Printed at Williamsburg, reprinted in Philadelphia and in London. See Thomas Jefferson, Works (federal ed.), II, 1701. PP. 47-89.
[4] Ibid. P. 45.
[5] Джефферсон Т. Заметки о штате Вирджиния //Американские просветители. Избранные произведения: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 50 – 73.

власти важны как показатель активизации оппозиционных сил. Эта тенденция представляет значительеый интерес для историко-правовой науки, ибо она, в значительной мере, станет фактором, обусловившим войну за независимость и, в целом, возникновение американской конституционной системы правления.

Одним из первых шагов на пути к собственному американскому государственному устройству стал Континентальный конгресс 1774 г., который состоял из представителей, которые зачастую даже не были избраны колониальными законодательными органами. Так, например, в Нью-Хемпшире делегаты были выбраны «собранием представителей, назначенных городами», которые собрались для достижения цели; в Массачусетсе, палатой; в Род-Айленде Генеральной Ассамблеей; в Коннектикуте - палатой, которая позволила комитету корреспонденции назначать делегатов; в Нью-Йорке, «Опросами, проведенными людьми, в семи административных районах Нью-Йорка» и другими комитетами дальних районов; в Нью-Джерси – соглашением; в Пенсильвании – палатой; в Делавэре – соглашением мы «представили почетных граждан»; в Мэриленде – соглашением и « Собранием Комитетов» из округов; в Вирджинии – провинциальным соглашением; в Северной и Южной Каролине, «собранием жителей», действия которых были ратифицированы палатой[1].

Обратим внимание на то обстоятельство, что дискуссии на Конгрессе активно велись относительно вопроса о том, должно ли быть у каждой из колонии право голоса или же целесообразно использваться институты пропорционального представительства? Предложение «установить равное представление в зависимости от важности каждой колонии» не было принято и вместо этого было решено, что «у каждой колонии или области будет один голос. Конгресс тогда не мог предоставить необходимые материалы для установления важности каждой колонии»[2]. Поэтому формально, это не были представители колониальных правительств, т.к. конгресс включал недовольных, тех, кому было интересно действовать, несмотря на напряженную оппозицию консерваторов и неодобрение губернаторов, что представляло собой определенную преграду для его

[1] Ibid. P. 37.
[2] Journals of the Continental Congress (W. C. Ford, ed.), 1823, I. P. 25.

легитимности.

Характеризуя задачи Конгресса на этапе, когда имели место опасения консерваторов относительности возможности инициализации неконтролируемых революционных событий, отметим, что многие политические деятели стремились достигнуть компромиссного разрешению проблем. Однако радикально настроенные представители колоний были более активны и ими был поставлен вопрос о том, какими принципами необходимо руководствоваться, чтобы можно было применить мнение Род-Айленда: «Установите права и привилегии колоний на твердом и справедливом основании»?[1]

Даже те делегаты, которые стремились к оппозиции парламентскому налогообложению и были возмущены событиями в Бостоне, не выражали согласие по поводу методов действия или теории конституции империи в случае, если империя вообще должна была существовать. Однако настало то время, когда должны были быть не только жалобы, но существовала также необходимость в решающем заявлении о конституционном порядке. Наиболее радикальные делегаты были готовы пройти весь путь, исключая ликвидацию королевской власти, но другие от этого воздерживались.[2]

В трудах Дж. Адамса достаточно подробно описаны эти события; в комитете, членом которого он являлся, имели место дискуссии относительно закрепления «конституционных прав» и ставтлся вопрос о целесообразности «возвращаться к естественному праву», «к британской конституции» или «американским уставам или государственным актам?»[3] Принятые в итоге резолюции, предусматривали, что колонисты обладают «неизменным естественным правом, принципами конституции Англии, уставами и соглашениями и имеют такие же права, как и жители Англии»[4].

Подлежал разрешению и другой важный вопрос о том, какой объем власть

---

[1] Ibid. P. 91.
[2] Ibid P. 102.
[3] Adams J. The Works of John Adams, Second president of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations by his Grandson Charles Francis Adams. 10 Vols. Boston: Little, Brown and Co., 1850 - 1856. Vol. IV. P. 284.
[4] Ibid P. 284-285.

целесообразно признать за Парламентом, необходимо ли отрицать власть Парламента «во всех ее отношениях», надо ли «разрешить какую-либо его власть во внутренних делах или же следует позволить ему регулировать торговлю империи с какими-то ограничениями или без них»; была создана подкомиссия, членом которой также быд Дж. Адамс, для обсуждения данной проблематики [1].

В итоге соглашение, объктивированное в четвертой резолюции «Декларации и решения», было достигнуто; соглашение объявляло, что колонии «имеют право на свободную власть…но, от безвыходности случая и отношения к взаимному интересу обеих стран, мы смело соглашаемся на действие таких актов парламента Британии, которые представляются добросовестными, ограниченных в регулировании нашей внешней торговли с целью обеспечения коммерческих преимуществ целой империи и коммерческих льгот для ее участников, исключая каждую идею налогообложения, внутреннего или внешнего, с целью поднять доход на объектах в Америке без их согласия»[2].

Эта резолюция по существу являлась компромиссом, т.к. она не признавала, что в правомочие Парламента входило регулирование вопросов торговли, однако она не исключала контроль королевской власти. В «Обращении к людям Великобритании» Конгресс объявил, «Поставьте нас в ту же самую ситуацию, в которой мы находились к концу последней войны, и наша прежняя гармония будет восстановлена»[3]. Таким образом, Конгрессом отстаивалось право на суд присяжных, право на мирные собрания и подачи прошения и право на освобождение от присутствия постоянной армии в мирное время, кроме как с согласия законодательного органа колонии[4].

Второй период (1775-1787 гг.) мы связываем с историческим этапом войны за независимость, принятия Декларации независимости, подписания Версальского мира и поиска оптимальной структуры государственного устройства.

---

[1] See C. H. McIIwain, The American Revolution: a Constitutional Interpretation; R.L. Schuyler, Parliament and the British Empire; Some Constitutional Controversies Concerning Imperial Legislative Jurisdiction. 1975.P.47-89.
[2] Journals of Congress (1823 ed.), I, P. 20.
[3] Ibid.P. 20-21.
[4] Ibid. P. 85.

Первые колонии (Виржиния, Плимут, Массачусетс), как уже указывалось, учреждались, прежде всего, «в коммерческих целях», их «первейшей заботой» являлись торговля и прибыль. Чтобы выполнить эти задачи с минимальными издержками и для себя и для нации, монархия поощряла частное предпринимательство, как компаний, так и лордов-собственников. Для содействия развитию колоний им даровались исключительные права на обширные земельные площади, а также «разнообразные и значительные иммунитеты и привилегии», включая широкие права на самоуправление и особые экономические льготы[1].

В анализируемом периоде до 1787 г. можно выделить несколько ключевых факторов. В их числе развитие принципов так называемого ограниченного правительства, которые предполагали значительное усиление охраны свободы личности. Фактически такие правительства в дальнейшем примут конституции штатов и станут у истоков формирования Соединенных Штатов Америки как нового государства. Другой фактор мы связываем с выбором формы государственного устройства, формированием и развитием американской Федерации. На исследуемом этапе генезис федерализма, во многом, обусловлен распределением ключевых полномочий «верховной власти» и правительств штатов; «каждое правительство имеет свои различные объемы полномочий и пока политическая система остается неизменной, у каждого есть его неприкосновенная власть над его областью деятельности»[2].

Федерация формируется здесь как сложная, комплексная система политической организации, «политический организм», в котором суверенитет разделен между центральной государственной властью и штатами; у центрального правительства, с одной стороны, и каждого штата с другой, есть соответствующие сферы органов правовой защиты и в этом плане Соединенные Штаты можно охарактеризвать как первое федеративное государство, реально отличающееся от стран с унитарной можелью государственного строительства[3].

---

[1] Russell Kirk, The Roots of American Order (Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1991). P. 91.
[2] Sir Henry Maine, Popular Government (Indianapolis: Liberty Fund, 1976).P. 211.
[3] David A. Lockmiller, Sir William Blackstone (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1938). P. 56-59.

На выделяемом нами историческом этапе развития американского государства и права имел место генезис конституционных принципов федерализма; аргументировать это суждение можно на основе анализа института ограниченного правительства и факта «основания» Федерации, лбусловленых стремлением колоний к независимости. «Революционный период» закончился принятием федеральной Конституции и «был особенно плодовитым в идеях, принципах, и политической философии практического характера, что и закончилось успешным созданием политической структуры, которая выжила»[1].

Многое из того, что было сказано очень важно как свидетельство «творческих сил» революционного периода. Была ли позиция колонистов юридически обоснованной, базировалась ли она на основе государственных основ Британской империи? Задаваясь этим вопросом, исследователи имели «в виду не только исторические процессы предшествующих десятилетий и непосредственный характер революции, но также создание институтов и кристаллизацию принципов американской конституционной системы»[2].

Нам представляется, что можно дать положительный ответ на этот вопрос. Такой вывод, в частности, подтверждается многочисленными ыактами обращения колонистов с исками в суды Короны; причем, во многих случаях такие дела доходили и до Тайного Совета в Лондоне. Например, к концу 1780 г. 265 исков были рассмотрены королем и Тайным Советом. «Король в совете полностью изменил решения колониальных судов 76 раз и подтвердил их 57 раз.... В 77 случаях решения не зарегистрированы; в 45 случаях были освобождены от обязательств для несудебного преследования. Только одиннадцать обращений отмеченных в отчетах исключали односторонний порядок»[3].

Сложно однозначно судить о том, насколько такое осуществление судебного контроля повлияло на дальнейшие события и создание американских институтов власти, так как нет прямых доказательств, свидетельствующих, что американская

---

[1] Келли А., Харбисон У., Бельц Х. Американская Конституция: ее происхождение и развитие. 7-е изд. Нью-Йорк: W. B. Нортон, 1991. P. 101.
[2] Ibid.P. 101-102.
[3] Schlesinger. A.M. Colonial Appeals to the Privy Council, Pol. Sci. Quart., XXVIII, P. 446.

система «апелляций» от штатов к федеральным судам была прямым «юридическим наследованием» имперской системы. Однако влияние такой практики прослеживается в более поздний период в ходе судебного рассмотрения в американских судах (например, при признании правого акта штата недействительным при его противоречии федеральному законодательству)[1].

Следует обратить внимание на тот факт, что колониальные собрания имели в этот период обширные внутренние полномочия. Так им подчинялась колониальная милиция; они регулировали вопросы местной торговли и вводили налоги для осуществления местных целей. Многие исследователи считают, что к 1760 г. королевский контроль в колониях был значительно ослаблен. Ученые отмечают, что «колониальное правительство уже не было в руках королевских чиновников; авторитет королевской власти и власти губернаторов упал; они потеряли свое покровительство, контроль над вооруженными силами, способность использовать секретные фонды, чтобы проверить бунты и восстания, управлять полицией или принять любые адекватные меры, чтобы гарантировать безответность дома, или защитить границы против французов и индейцев»[2]. Однако Парламент регулировал торговлю вне границ любой одной колонии, Короны имела службы почтовых отделений, иностранных дел, войны и мира, контролировала армию и флот, ей оставались подчиненные вооруженные силы, милиция в отдельных колониях[3].

Таким образом, в английской колониальной системе складывается ситуация, когда каждый колонист имел фактически легитимные обязанности в отношении двух правительствах: колониального, которое не обладало полной властью, и правительства Короны и Парламента, интрузивно контролирующего внутренние дела колоний.

На исследуемом этапе имели место постоянные попытки сохранить влияние принципов общего права и закона Англии в колониях[4]. Корона, через судеб-

---

[1] Ibid. P. 448.
[2] Аптекер Г. Колониальная эра. М., 1961.С. 90-95.
[3] Там же.
[4] Грин Дж.П., Жук С.И. Британская колониальная Америка и американская революция: переосмысливая опыт империи //Русское открытие Америки. Сб.ст. М.,2002. С.234-235.

ный надзор утверждала факт колониального подчинения и существование центрального правительства[1]. В этом контексте можно констатировать определенное сходство общей схемы «старой империи» и формирующийся американской политической системы федерализма. Безусловно, английский опыта государственного строительства был учтен при формировании соответствующей модели Нового Света.

Англия в середине XVIII столетия использовала не сколько метод концентрации власти, сколько ее фактического распределения. Как отмечаюь иследователи, «если в 1760 г. Великобритания протянула бы руку и сказала: «жто закон империи, по которому формируется система», она признала бы себя в качестве самого значительного члена империи с ключевой характеристикой федерализма - наличия множества правительства, каждое из которых обладает своей юридической сферой власти»[2]. Американский исследователь конституционализма Э. Маклафлин в работе «Предпосылки американского федерализма» утверждал, что «Великобритания в середине восемнадцатого века была рабочая федеральная империя»[3]. Он также отмечал, что «главное качество федерализма - распределение полномочий - появилось в практике работы старой империи, и то распределение, как практический факт, делает больше, чем просто предлагает схему распределения в американской конституционной системе более позднее. Сходство между фактическим распределением в старой империи и распределения предусмотренных Конституцией Соединенных Штатов очевидно и раскрывает факт семейных отношений: в сущности американский федерализм был ребенком империи»[4].

На выделенном нами втором этапе имело место значительное количество конфликтных ситуаций, особенно в отношении между представительными собраниями и королевскими губернаторами, которые способствовали непрерывному развитию чувства самостоятельности и желания колонистов, избрать свой собствен-

---

[1] Бурин С.Н. Американская историография социальных отношений колониального периода //Новая и новейшая история. 1974.№ 1.
[2] Кирк Р.Корни американского закона Вашингтон: Regnery Gateway, 1991. С. 78.
[3] Mclaughlin E The Background of American Federalism. 1936. Am. Pol. Sci. Rev., XII.P. 215-240.
[4] Ibid. P. 241.

ный путь государственного развития. «Политические разногласия, - отмечают исследователи, - способны были заложить основы для будущих действий в связи с неуклонным ростом компетенции и влиянием практического опыта колоний»[1].

Колонисты, безусловно, противодействовали королевской власти или власти губернатора, в отдельных случаях не следовали «запрещениям навигационных действий» и актов торговли[2]. В целом, середине XVIII св. Англия столкнулась с нарастающим протестом колоний. Изучение атов и официальных документов указанного исторического этапа показывает, что перед Англией стояла большая проблема удержания колоний в составе империи. Некоторые авторы задаются вопросом о том, «могла ли империя быть столь организованной и устроенной, чтобы она могла найти адекватные средства сохранения и использования своей силы? Могли ли быть предусмотрены условия того, что сами колонии без уменьшения колониального самоуправления, внесут свою энергию в сущностное единство и развитие империи? Политическая ситуация требовала учреждение системы, которая не только признавала бы имперское единство, но и сохраняла местные права и местное самоуправление колоний. Принципы самоуправления, в соответствии с фактической компетентностью и опытом колоний, должны были найти свое место в системе принципов свободы личности в английской конституционной системе правления - которой колонисты еще дорожили»[3].

Больше всего колонистов беспокоили не налоги, вводимые английскими властями, а сам факт их политического бесправия.[4] Б. Франклин писал в 1754 г., характеризуя сложившуюся ситуацию: «... некоторые Собрания, являющиеся прежде в противоречии с их губернаторами или советами, а также с несколькими ветвями правительства взаимодействуют не на условиях ведения деловых отношений друг с другом. Другие пользуются возможностью, когда требуется их согласие, для создания нужных им законов, полномочий, или пунктов, того, чего, по их мне-

---

[1] Ibid. P. 247.
[2] Ibid. p. 249.
[3] Donald S. Lutz, A. Preface to American Political Theory. Lawrence: University Press of Kansas. 1992. P. 280.
[4] Franklin, Writings (A.H. Smyth, ed.), III. P.203.

нию, они не смогли бы получить в других случаях, и таким образом, создавая споры и ссоры»[1].

Колонии столь различались между собой в их социальной и индустриальной жизни, так далеки были друг от друга, что любая схема добровольного сотрудничества или систематического союза представляется с огромным трудом. Каждая колония осознавала собственное значение. С одной стороны, готовность каждой колонии «смотреть только за собой, была своеобразным патриотизмом, одной из особенностей в период середины столетия. Однако когда возникла опасность военного насилия со стороны метрополии, колонии начали объединяться и сотрудничать»[2]. Тем не менее, лежащие в основе всей этой деятельности изменения «местной лояльности» исходили из того, что политические институты были поразительно похожи, поскольку колонисты по направленным действиям или отказам выработали свою систему самоуправления на основе общих тенденций и желаний, т. к. переняли все принципы английской свободы. В колониях и Англии говорили на том же самом политическом языке, проповедовали те же самые идеи, верили в те же самые фундаментальные доктрины. В этих отношениях, игнорируя различия в религии и в привычках к жизни, которые препятствовали чувству общих интересов, тем не менее, существовало реальное единство, единство, которое было основано на владении определенными принципами и стремлениями.

Таким образом, стремление к самоопределению, которое активизировалось в колониях, когда политические интересы и экономические затруднения были под угрозой, в конечном счете, обусловили создание единого государства. В последующих революционных событиях заключалось гораздо больше, чем отделение от Великобритании и сопротивление так называемым «принудительным актам» ее Правительства[3].

В разногласиях и спорах колонистов в период между формированием «Союза» и внезапным началом войны и принятием актов о независимости можно обнаружить социальную и политическуювзаимосвязь; спорно утверждать, что коло-

---

[1] Ibid. P. 207.
[2] Ibid. P. 301.
[3] Kirk, R. America's British Culture. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1993. P. 76-78.

нии, «работая в собственных приделах слаженно и с согласия других колоний, представили объединенный форт Великобритании»[1]. Так, самоуправляемых колониях Коннектикута и Род- Айленда фактически имело место управления вне пределов правительства каждой колонии. Однако в течение примерно еще двух лет идеи о полной независимости были еще неприемлемыми для многих людей, враждебнно настроенным, впрочем, к неприемлемым законам Британии[2].

В дальнейшем, когда Континентальный Конгресс собрался в Филадельфии 10 мая 1775 г., в силу начавщихся военных действий, он был вынужден организовать силы вооруженного сопротивления, назначить Дж. Вашингтона главнокомандующим и послать королю Англии обращение, в котором «просил о справедливости».[3]

Непосредственной причиной, вызвавшей массовое движение против метрополии, явились меры, принятые английским правительством в 60-х гг. XVIII в.: запрет на переселение колонистов за Аллеганские горы, принятие закона о гербовом сборе, ужесточение борьбы с контрабандной торговлей, что ущемило интересы американских купцов. Еще в 1765 г. в колониях состоялся Конгресс, отказавшийся признать за метрополией право на обложение налогами колоний, не имевших своих представителей в английском парламенте[4].

Выдающуюся роль в конституционно-правовом развитии американских штатов и федерации сыграла Декларация независимости 1776 г, утвержденная Третьим Континентальным конгрессом. «Декларация независимости» стала историческим документом, с которого началось конституирование американской государственности, его принципы составили главные элементы будущей модели американского федерализма[5].

---

[1] Attention is called to Eckenrode, op. Cit.; C.H. Lincoln, The Revolutionary Movement in Pennsylvania 1760-1776; C.L. Becker, The History of Political Parties in the Province of New York, 1760-1776; J.F. Jameson, The American Revolution Considered as a Social Movement.P. 89.

[2] Зубков А.Ю. Английская корона и американские колонии накануне Войны за независимость (1763-1775) //Вопросы истории. 1983 № 8. С. 170-174.

[3] Там же.

[4] Ефимов А.В. США. Пути развития капитализма М., 1969.С. 45-46.

[5] Аптекер Г. Американская революция. 1763-1783. – М., 1962.

Провозглашение Декларацией независимости бывших английских колоний «свободными и независимыми штатами» означало появление на Атлантическом побережье Северной Америки 13 независимых суверенных государств. Хотя в декларации и содержались слова «Соединенные Штаты Америки», это не означало, что была единая федеративная республика[1].

Декларация открыто провозгласила следующие принципы: народного суверенитета; естественного и неотчужденного права людей; общественного договора. Формально Декларация была принята 4 июля, а 2 августа была подписана Конгрессом. Фактически Декларация преследовала цель ограничения власти Англии, ибо пришло время разорвать все связи между королем и колониями. Более того, не существовало ни единой причины того, чтобы связать этот вопрос с парламентской властью. Декларация объявляла, что колонии были лишены всякого юридического контроля Парламента. Король был обвинен в том, что дал согласие на «акты притворного законодательства»[2].

Документ представляет особую значимость для истории Америки, ибо он базировался на концепции естественных прав, которая оправдывала восстание против тирании, провозглашала принцип «народного происхождения» правительства и объявила доктрину, по которой правительства были «одарены властью», сыгравшую большую роль в американской конституционной системе правления[3].

Монарх Англии в Декларации характеризуется как лицо, «характер которого таким образом отмечен каждым актом, который может определить тирана»[4]. При этом под термином «тиран» понимался правитель, действующий вне закона в ущерб своему народу[5].

Война за независимость 1774-1783 гг. завершила процесс государственно-политического становления колоний и положила начало американской государ-

---

[1] Там же.
[2] Болховитинов Н.Н. Декларация независимости: взгляд из России //Восприятие США по обе стороны Атлантики. М., 1997. С. 11-22.
[3] The declaration of independence being engrossed and compared at the table was signed //Journals, 176., P. 626. See Herbert Friedenwald, The Declaration of Independence, ch. VI.
[4] Ibid.P. 626.
[5] Ibid. P. 627.

ственности. Декларация независимости определяла основную направленность действий американского народа, освещала программу борьбы с метрополией. На основе Декларации независимости, начиная с 1776 г., принимаются конституции штатов[1].

На рубеже 1765-1775 гг. имели место неудачные попытки склонить британское правительство к признанию неписаных конституций колоний; в 1776 г. активизируется процесс облечения их в письменную форму. Небезынтересно, что две колонии (Коннектикут и Род-Айлен) использовали в этих целях свои колониальные хартии. В период с 1776 г. по 1781 г. и остальных «мятежные» колоний приняли письменные конституции. К концу Войны за независимость традиция писанных конституций твердо укоренилась в американской политической жизни, что представляло собой полный отход как от их английского наследия, так и от своего раннеколониального опыта[2].

Третий период (1787-1877 гг.) конституционно-правового развития североамериканских штатов в период становления американского федерализма, во многом, обусловлен существенной трансформацией государственно – правовых институтов.

Гражданская война (1861-1865 гг.), период реконструкции (1865-1877 гг.) привели к завершению буржуазно-демократических преобразований в стране, что дало импульс для дальнейшего становления единого федеративного государства и американского федерализма. Конституция США, принятая в 1787 г. в Филадельфии, была охарактеризована некоторыми исследователями как «связка компромиссов»[3]. По мнению Дж. Мэйсона, который отказалася подписать этот документ, Конституция предлагала два варианта дальнейшего политического развития страны, которое привело бы в итоге к установлению монархии или «коррупционной угнетающей Аристократии»[4].

---

[1] Ibid. P. 629.
[2] Грин Дж. П. Происхождение американского конституционализма //Американский ежегодник, 1991. М., 1992. С. 9-23.
[3] Там же. С. 29.
[4] Мэйсон Дж. Возражения к Конституции Правительства, сформированного Конвенцией (1787). Чикаго, 1981. Том 2. Стр. 13.

Необходимо отметить, что приверженцы Конституции так же не были окончательно уверены в позитивном восприятии этого документа. «Никакие идеи человечества не были столь далеки от проекта, как мои» - дал свое пояснение к Конвенции А. Гамильтон, подписывая Конституцию. Дж. Мэдисон, высказывая свои сомнения Т. Джефферсону по поводу эффективности будущей Конституции, отмечал, что данный документ не сможет действенно отвечать на поставленные обществом задачи[1]. Таким образом, приверженцы Конституции сомневались в последствиях принятия этого документа.

В некоторых ратифицированных конвенциях штатов подчеркивалось отрицательное отношение к Конституции; Губернатор штата Нью-Йорк Дж. Клинтон, к примеру, был активным противником предложенного проекта Конституции США.

Сторонники Конституции проводят активную разъяснительную и агитационную деятельность. А. Гамильтон, в своих попытках одержать победу в своем родном штате, начал издавать серию эссе, защищающих и поясняющих суть Конституции, которые публиковались в газете «Нью-Йорк Сити» под псевдонимом Публий. Аналогичную работу осуществляли Д. Мэдисон и Д. Джей; результатом их усилий стало эссе «Федералист» – авторитетный анализ Конституции нового государства и нетленная классика политической философии[2].

Таким образом, именно «Федералист» А. Гамильтона, Д. Мэдисона, Д. Джея ставил целью разъяснить достоинства новой Конституции и ответить на возражения, которые уже начали появляться в литературе и средствах массовой информации[3]. Именно эта работа оказалась более действенной, нежели агитационные мероприятия в поддержку нового проекта правительства. «Федералист» в своих статьях разяснил суть основополагающих установлений, их взаимосвязь, доказал целостный характер конституционализма, который

---

[1] Статьи А. Гамильтона //Ред. Сиретта Г., Кука Дж. В 24- т. Нью-Йорк, изд-во Колумбия, 1961-1979. Том 4. Стр. 253; Статьи Джеймса Мэдисона //Под ред. Р. Рутланда. Чикаго, 1977. Т. 10. Стр. 163-164.

[2] Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1994. С. 554.

[3] Там же. Стр. 165.

прослеживался в документе в целом и в отдельных частях.[1]

«Федералист» обосновал, что результато переговоров стал «основной закон», достаточно «рациональный и связный для того чтобы быть рассмотренным в качестве результата труда одной светлой головы или законодателя»[2].

Конституция 1787 г. законодательно оформила создание единого федеративного государства, закрепила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Конституция учредила основы федеративного устройства. Отметим, что Федерация на тот момент была результатом классового компромисса буржуа и рабовладельцев, напуганных народными волнениями и конфедеративной нестабильностью.

Американская Конституция положила в основу федерации дуалистический (двойственный) принцип, в силу которого устанавливалась предметная компетенция союза, а все остальное (с некоторыми оговорками и уточнениями) относилось к ведению штатов. Предписания первоначального текста вскоре были уточнены X поправкой 1791 г., в которой провозглашалось: «Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом»[3].

Обращение к «Федералисту» позволяет показать, что принятие Конституции 1787 г. не было тривиальной задачей. Появились и противники принятия Конституции, которые вошли в историю под названием анти-федералисты. В Статьях «Федералиста» неоднократно подчеркивается тот факт, что Конституция США являлась результатом коллективного творчества отражала компромиссы различных политических сил[4]. «Я никогда не ожидал идеальной работы от неидеального человека», - говорилось в последней Статье «Федералиста»[5]. Необходимо отметить, что недостатки нормативного содержания

---

[1] См.: Сторонники Конституции: труды «других» федералистов. Индианаполис: Фонд Свободы, 1998. С. 89.
[2] Федералист. № 78. С. 466.
[3] Bill of Rights //World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.P. 181.
[4] Федералист. № 38. С. 227-229.
[5] Там же.

Конституции послужили причиной для ее дальнейшего развития, уточнения. В этом контексте «Федералист» представил Конституцию в как «план, достойный не только сиюминутного восхищения, но и рационального признания просвещенной публики».[1]

Публий довольно быстро был признан в качестве лучшего интерпретатора конституционного текста. Т. Джефферсон охарактеризовал «Федералиста» в 1788 г. как «лучший комментарий, основанный на принципах управления, который когда-либо был написан»; в 1825 г. он рекомендовал его как официальный, основанный на «особых положениях» правительств штата Вирджинии и Соединенных Штатов, второй по важности после Декларации независимости[2]. Т. Джефферсон отозвался о «Федералисте» как об «авторитетном источнике, к которому привычно все обращаются, и который очень редко отвергается или опровергается кем-либо в качестве общего выраженного мнения тех, кто создавал Конституцию, и теми, кто ее принимал, по вопросам, касающимся ее подлинного значения»[3].

Впоследствии, в 1961 г. политолог К. Росситер определил Статьи как наиболее значимый труд в истории политологии за все время существования Соединенных Штатов Америки; по его мнеию эти работы являются «классикой политической теории» [4].

Авторы анализируемого документа были готовы не только преуменьшить недостатки Конституции, но представить ее в новом свете как целостную и сформулировать наиболее сильный аргумент в ее пользу раскрывая «возможность пользы, ожидаемой от проекта» (слова Гамильтона), принимая в расчет последующую пользу, которая будет извлечена из него только при верном понимании и исполнении. Гамильтон, будучи убежденным сторонником федерализма и новой Конституции остро критиковал противников Конституции, которые будучи приверженцами Статей Конфедерации выступали против усиления правительственной власти, предусматриваемого новой Конституцией, хотя и

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Письмо Мэдисону 18 ноября, 1788г. //Труды Томаса Джефферсона. В 20 т. Вашингтон: Ассоциация Т. Джефферсона, 1903. Т. 7. С.183
[4] Там же

называли себя «федералистами». Так или иначе, они являлись сторонниками распустившегося конфедерального правительства, и по их мнению приверженцы Конституции были за консолидированное, централизованное правительство. [1]

Отметим, что в ходе длительных дискуссий, Гамильтон склонил общественное мнение на свою сторону и его противники в итоге оказались некоторым образом заложниками политики: история признает их только в качестве Анти-федералистов.

В итоге Статьи Федералиста насчитывают два тома: «Союз» был предметом первых тридцати шести статей, включенных в первый, ограниченный том, а «Достоинства Конституции» охватывали следующие сорок девять статей под номерами 37-85, включенные во второй том. В общем виде краткое содержание обоих книг представляло следующий текст[2]:

1. Союз

№ 1-14: Введение и «выгода Союза вашему политическому процветанию»; № 15-22: «Невозможность настоящей Конфедерации защищать этот Союз»; № 23-36: «Необходимость правительства, по крайней мере, с такой же силой, какая была предложена, достичь этой цели».

2. Достоинства Конституции или «Соответствие предложенной Конституции истинным принципам республиканского правительства».

№ 37-40: Непростая работа Конвента и «общая форма» предложенного правительства (т.е. его республиканизм и федерализм); № 41-46: «Количество» или «основная часть полномочий», которыми наделено новое правительство и так ли это опасно для Штатов; № 47-84: «Точная структура» правительства и распределение его полномочий; № 47-51: Общие аспекты распределения полномочий; № 52-58[3]: Палата Представителей; № 59-61: Регулирование выборов; № 62-66: Сенат; № 67-77: Исполнительная ветвь власти; № 78-83: Судебная ветвь власти; № 84: Различные возражения, включая отсутствие Билля о Правах; № 85: Заключение, включая «аналогию Федеральной Конституции конституциям штатов»

---

[1] Сиретт и Кок. Статьи Александра Гамильтона. Т. 4. С.253.

[2] Фуртванглер А. Власть Публия: чтение статей Федералиста. Итака: изд-во Корнелл Юниверсити, 1984. С. 45-54.

[3] Сторинг Г. Абсолютный Анти-Федералист. В 7 т. Чикаго, 1981. Т. 1. С. 9-11..

и «Дополнительную защиту, которая будет доступна при принятии, с целью сохранения республиканских видов правления, свободы и собственности»[1].

Тот факт, что предложенная Конституция нуждалась в защите на основе «истинных принципов республиканского правительства» подразумевал, что присутствовали и ложные принципы республиканизма. Одной из главных задач «Федералиста», в особенности второго тома, было распознать спорные взгляды. С политической точки зрения актуаленен был решающий вопрос о том, какое значение республиканизма соответствовало принципами, ради которых Америка была охвачена революцией? И в центре этого противоречия лежат надлежащие взаимоотношения между республиканизмом и ответственностью[2].

В этой связи приведем слова Дж. Мэдисона высказанные им в эссе № 39 «Соответствие плана республиканским принципам». «Первый же вопрос, - писал он, - возникающий сам собой: быть ли нашему правлению и по сути и по форме сугубо республиканским? Совершенно очевидно, что только эта, и никакая иная форма правления отвечает духу американского народа, основополагающим принципам революции или благородному стремлению, которым исполнены все приверженцы свободы, - строить наши политические опыты на способности человечества к самоуправлению. А потому если окажется, что проект конвента недостаточно обеспечивает республиканский строй, ревнителям сего проекта придется отказаться от его защиты»[3].

И далее он говорит, что «если в поисках критерия мы обратимся к различным принципам, на которых основаны различные формы правления, то республику, или государственное устройство, заслуживающее по крайней мере быть названным таковой, можно определить как правление, при котором вся власть исходит, прямо или косвенно, от всей массы народа, а осуществляется отдельными лицами, исправляющими свои должности по согласию в течение определенного времени или пока отличаются безукоризненным поведением»[4].

---

[1] Там же.
[2] Colleen A. Sheehan and Gary L. McDowell, eds., Friends of the Constitution: Writings of the “Other” Federalists, 1787-1788. Indianapolis: Liberty Fund 1998.
[3] Ibid.
[4] Федералист. № 39. С.221.

Анализ Статей Федералиста показывает, что наиболее острыми дискуссии были в отношении штатов, а точнее по вопросам разделения властей штатов и федерального правительства.

Опыт штатов показал, что наиболее опасными для Конституции были вторжения со стороны законодательной власти, а именно из-за того, что законодательная власть была самым мощным департаментом республиканских правительств, несмотря на то, что исполнительная власть была наиболее сильной при монархии. Следовательно, Федералист разъясняет американцам, что их подозрительность к власти должна быть направлена точно против законодательной власти, несмотря на то, что (или больше благодаря чему) законодательная власть традиционно рассматривалась как власть народа. Напротив, Анти-Федералисты понимали разделение властей не в пользу исполнительной власти или активного правительства в целом, в целях общественной свободы или ответственности.

Но центральная цель анализа Публия состоит в том, чтобы осудить заявление законодательной власти о том, что она целиком принадлежит народу: Исполнительная и судебная ветви власти так же являются представительными, настаивает он, так как Конституция, в целом, исходит от народа[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что Статьи Федералиста разъясняли сущность элементов конституционализма, которые были так необходимы для становления штатов в ходе Американской революции и защиты Декларации независимости.

Кроме того, исторический период принятия американской Конституции показал, что это эволюционный документ, хотя и принятый в бурную революционную эпоху. Сама Конституция содержала идеи и принципы свободы и равенства и развивалась методом проб и ошибок[2].

При создании своей собственной конституции американцы восприняли такие важнейшие составляющие, так называемые правовые институты политического наследия Англии, как представительное правительство, традиция

---

[1] См. Чарльз Кеслер «10 статья Федералиста и американский республиканизм» в ред. Кеслера. «Спасая революцию: Статьи Федералиста и основание Америки». Нью-Йорк, 1987. Глава 1.

[2] Там же.

известных гражданских прав и свобод, и общее право. Однако, такое наследие Англии как монархия и принцип верховенства парламента, американцами были отвергнуты. Американская Конституция, поэтому представляет смешивание английских и американских конституционных традиций.

Важным фактом, закладывающим прочность в фундамент будущего союза, являлось предписание ст. VI, закрепляющее принцип верховенства федерального права над правом штатов. Данная норма Конституции стала основой для создания, развития и функционирования федерализма в США. Так, наряду с принципом верховенства федерального права, был определен механизм его реализации, а именно положение о том, что в случае коллизии законов судьи штатов всегда должны отдавать предпочтение федеральному праву. Эта конституционная норма являлась краеугольным камнем всего здания американского федерализма[1].

По конституции 1787 г. (ст. III) судебная власть федерации должна была простираться на все те дела, «которые возникнут из действия самой конституции», из законов и трактатов, которые приняты, заключены или могут быть приняты и заключены Соединенными Штатами в дальнейшем. Помимо того, к федеральной юрисдикции были отнесены споры между штатами, тяжбы гражданами разных штатов и некоторые другие иски, касавшиеся федерации в целом[2].

Урегулирование отношений между штатами, с одной стороны, и центральной властью федерации, - с другой стороны, оказалось едва ли не самым трудным делом. Исходя из принципов американского федерализма, властям Соединенных Штатов принадлежит право устанавливать налоги, объявлять войну, заключать международные договоры, обеспечивать оборону Союза, чеканить монету, заботиться о торговле между штатами и внешней торговле, почтовой связи (I, 8). Конгрессу воспрещалось приостанавливать дейфствие Habeas corpus act, помимо случаев открытого мятежа, вводить дворянские титулы, ущемлять свободу вероисповедания, издавать законы с обратной силой.

Тем не менее, юридическое действие данного документа был

---

[1] Walter H. Bennett, American Theories of Federalism Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1964. P. 62.

[2] Диппель Х. Американский конституционализм и народный суверенитет: неизученная проблема //Американский ежегодник, 1993. М., 1993. С. 38-51.

приостановлено во время Гражданской войны (1861-1865гг.).

Можно заметить, что конституционный вопрос заключался не в том, могут ли граждане быть арестованы в опасное для общества время и наказаны за действия и выступления, которые могут повлечь за собой урон национальному благополучию и деятельности вооруженных сил; а скорее в том, могут ли граждане, находящиеся за пределами районов ведения боевых действий, законно задерживаться и содержаться под стражей военными властями, а также подвергаться военному трибуналу, или не подвергаться никакому суду вовсе. Нет причин подвергать сомнению основополагающий принцип, что если интересы общественной безопасности позволяют, то право проводить аресты и наказывать граждан за правонарушения лучше предоставить гражданским властям[1].

Указ, изданный президентом (от 24 сентября 1862) гласил следующее: «во время проходящего сейчас восстания… все мятежники и повстанцы, их помощники и подстрекатели на территории США; а также лица, подрывающие моральный дух желающих вступить в ряды вооруженных сил государства, сопротивляющихся набору добровольцев или виновные в незаконных действиях, позволяющих повстанцам беспрепятственно осуществлять свои планы против правительства США, должны быть подвергнуты судебному разбирательству по законам военного времени и в обязательном порядке наказаны либо военным судом, либо военным трибуналом…»[2].

Данный указ также приостанавливал действие Habeas corpus act в отношении всех лиц, арестованных или помещенных под стражу военными властями или по решению военного суда или трибунала. (Ричардсон «Письма и документы», VI, стр.98-99.) Акт Конгресса, принятый несколько месяцев спустя (3 марта 1863 года) наделял президента полномочиями приостанавливать действие Habeas corpus act [3]. Данный акт обеспечивал федеральных судей списком людей,

---

[1] Herman V. Ames, ed., State Documents on Federal Relations New York: Da Capo Press, 1970. P. 217.

[2] Селлери С.Г. Приостановка Линькольном действия Habeas corpus с точки зрения Конгресса» Университет Висконсия. Бюллетень. Серия «история. 1973. Ч. 1. С.234-265.

[3] Там же. С. 268.

находящихся под военным надзором и подлежащих освобождению в определенных условиях. В акте было прописано, что любой указ президента или указ на основании его полномочий служит защитой от судебного разбирательства как в отношении административных, так и уголовных преступлений.

История Гражданской войны подробно описана Д. Макинерни в книге «США. История страны»[1] и поэтому нет надобности останавливаться на ходе событий. Отметим по этому поводу высказывание американского исследователя по конституционной истории США Э.С. Маклафлина

«Общие воздействия, оказанные на Конституцию Гражданской войной, в определенном отношении очевидны: было покончено с рабством; правительство больше не было разобщено; институт местничества в своих самых опасных проявлениях исчез. Нация существовала как политическая или правовая система. С этого момента она (нация) получила шанс на экономическое и политическое развитие. Могучая энергия миллионов людей, участвовавших в достижении Союзом победы, заложила основу в подсознании каждого о новом чувстве национального единства, надолго отложенном на юге болью и наказанием Реконструкции. Эта совместная попытка выковала людей действия, слова и невообразимой энергии, чтобы в дальнейшем они основали мощные транснациональные корпорации и осуществили работу по завершению индустриализации страны. И все это осуществлено на законных основаниях»[2].

Общим итогом Гражданской войны и Реконструкции Юга явилось то, что за штатами оставались: организация собственного правительства и все местные дела, включая полицию и суд; уголовное гражданское и процессуальное законодательство; торговля внутри штата и рабочее законодательство; собственные вооруженные силы и т.д.[3]

Имелись и свои особенности механизма государственной власти в штатах. Во многих штатах механизм государственной власти являлся уменьшенным слепком с механизма государственной власти на федеральном уровне — в широком

[1] Макинерни Д. США. История страны. М.: Эксмо: 2009. С..304.
[2] By Andrew C. McLaughlin. Constitutional History of the United States. New York London 1936, p. 354.
[3] Ibid. p. 356.

смысле это та же структура власти и те же властные полномочия в пределах конституционной компетенции штата. На самом деле многие принципы устройства власти были «заимствованы» отцами — основателями США из конституций штатов и вписаны в федеральную Конституцию 1787 года. Со своей стороны, штаты по мере принятия у себя новых конституций после ратификации Конституции федеральной заимствовали из нее ряд положений[1].

Как и на уровне федеральной власти, конституции штатов предусматривали три ветви государственной власти, в системе которых главное должностное лицо исполнительной власти располагает правом вето в отношении актов власти законодательной, а Верховный Суд штата наделен полномочием конституционного надзора. Законодательные собрания штатов - двухпалатные (бикамеральные), то есть они образованы двумя «палатами», обычно «палатой представителей» и «сенатом».

Четвертый период (1868-до середины XX вв.) связане с закреплением конституционных основ федеративной модели в США и проявлением федерализма, как системообразующего элемента американской государственности.

Следствием гражданской войны было усиление федеральной власти, что оказало влияние на совершенствование американского федерализма в середине XX века. США возникли как результат объединения (союза) входящих в нее субъектов, а органы государственной власти штатов получили от своего населения полномочия на договорное вхождение в федеративное государство. Делегаты Конституционного конвента, принимая федеральную конституцию, непосредственно голосовали за конституционную модель федеративного устройства, основанную на сочетании принципов федерации и широкой самостоятельности штатов, обеспечения равной защиты прав и свобод граждан на всей территории страны. Не случайно, Конституция США начинается со слов: «Мы, народ Соединенных Штатов…»[2].

Дальнейшее конституционно-правовое развитие федерации и штатов, которое анализируется в четвертом периоде данного исследования посвящено истории адаптации конституционных принципов к быстро изменяющимся экономическим и социальным условиям страны. Помимо федерализма, разделения властей и верхо-

[1] Ibid. P. 357.
[2] Конституция США.

венства закона, были выработаны и другие фундаментальные принципы американского конституционализма, которые заключались в следующем:

Во-первых, Конституция была основана на убеждении, что легальные конституции это те, которые исходят от народа и находятся под контролем людей. Таким образом, Конституция больше чем просто тело материально-правовых норм и принципов. Как писал Томас Пейн, «Конституция это не акт правительства, а людей составляющих правительство, и правительство без конституции это власть, без прав». Этот принцип заявлен в Преамбуле Конституции, которая объявляет, что Конституция создана не правительством, а народом («Мы люди» - «We the people»)[1].

Во-вторых, Конституция Соединенных Штатов Америки закрепляла положение о том, что правительство должно во всех отношениях нести политическую ответственность перед Штатами и людьми. Это достигается за счет выборов и импичмента, только с членами Палаты представителей, являющихся непосредственно ответственными перед избирателями, хотя напрямую и не сказано, что Штаты оказывают некоторое влияние на Коллегию выборщиков, контролируя право участвовать в выборах и процесс внесения поправок. До принятия Семнадцатой Поправки в 1913 г., Штаты также смогли защитить свои интересы в некоторых случаях на основании факта, что члены Сената были косвенно избраны законодательными собраниями штата, а не непосредственно людьми.[2]

В-третьих, Конституция опиралась на суждение, что конституционное правительство – ограниченное правительства. Конституция юридическое, не только политическое, ограничение правительства; оно, по мнению многих, является антитезой произвола; его противоположность деспотичное правительство, правительство руководящееся желаниями, а не законом, поэтому Конституция должна быть высшим законом страны[3].

---

[1] Paine. Le Sens Commun //Traduit en francais par Lanthenas. Rennes, 1793: De l'origine et de l'objet du gouvernement, considere en general. P. 166.

[2] Amendments to the Constitution of the United States of America //World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

[3] Кули Т. Трактат. Конституционные ограничения. (Constitutional Limitations) (1871).

В- четвертых, Конституция фактически устанавливала статус так называемого ограниченного правительства; его полномочия правительства должны быть распределены. Так, «унитарное» и «централизованное» правительство, или правительство, в котором «все функции или чиновники были бы сконцентрированы в единственном министерстве, было бы правительством, которое склонно к деспотизму и неизбежно станет тиранический и коррумпированным. Эта тенденция к «тирании в голове» могла бы быть предотвращена, или, по крайней мере, препятствовать этому через разделение полномочий среди тех трех ветвей Федерального правительства, и сохранение за Штатами тех полномочий, которые не были делегированы Федеральному правительству»[1].

Создатели помнили, что, являясь ограниченным, правительство не должно быть слабым. Слишком маленькая власть была также опасна как и ее избыток, и если оставить мощь без присмотра, то она произведет «анархию в частях», или государство беспорядка в котором человек на белом коне будет скакать и сеять тиранию из-за хаоса. Решением, которое поможет избежать эти крайности со слишком большой и слишком маленькой властью, был баланс власти и баланс свободы и порядка, выделение людям и каждой единице правительства частичку национального суверенитета.[2]

В-пятых, Американская Конституция была основана на предположении, что права и свободы людей будут защищены, потому что власть правительства ограничена, и что отдельные декларации прав будут ненужными и лишним заявлением очевидной истины. Так как правительство Соединенных Штатов должно было быть одним из перечисленных полномочий, Филадельфийские делегаты не думали о том, чтобы включать билль о правах в положения Конституции. «Если, среди полномочий», объяснял Томас Кули в своем знаменитом трактате «Конституционные ограничения» (Constitutional Limitations, 1871), «не было ни одного который будет разрешил или уполномочил правительство лишить гражданина любого из этих основополагающих прав, которые являются объектом и долгом правительства

[1] Caroline Robbins, The Eighteenth Century Commonwealthman. Cambridge: Harvard University Press, 1959.P. 80.
[2] Ibid.

охранять и защищать их, и для обеспечения которых необходим билль о правах (a bill of rights), это , как думали, было, по крайней мере, незначительно, чтобы вставить отрицательные пункты в тот инструмент, запрещая правительству принятие любых таких полномочий, так как простой отказ присудить их оставит все такие полномочия вне сферы его конституционных полномочий»[1]. Таким образом, сама Конституция была своеобразвым биллем о правах, потому что она ограничила власть Федерального правительства.[2]

Задача адаптировать конституционные принципы к новым условиям ложилась также и на правосудие. Это наглядно видно из четырнадцатой поправки,[3] которая установила новые ограничения для штатов, и, естественно, возник вопрос относительно характера и степени этих ограничений. Пределы таких ограничений должны были быть установлены судами, а не политическими ветвями правительства, действующего по существующему законодательству. Поправка, хотя и предназначалась изначально для защиты вольноотпущенников, была общей в своей терминологии, и значение ее терминов должно было быть определено судами в каждом конкретном случае. Трудность в разработке масштаба поправки заключалась в том, что поправка касалась личных свобод и разрабатывалась как раз в то время, когда появилась острая необходимость понять границы этих личных свобод. Такие решительные изменения в законодательстве выбили из колеи многих людей, придерживавшихся старых верований и принципов. Указывая соответствующие пределы личной свободы и правительственного контроля, суды должны были решить эту задачу законным способом – не вступая в полное противоречие со старыми предписаниями и принципами закона, но признавая действительность новых условий и приспосабливая старые принципы к новым фактам[4].

Суды, исходя из четырнадцатой поправки и ее конституционных принципов, принимали сторону «чернокожих» в вопросе расовой дискриминации, что

---

[1] Кули Т. Трактат. Конституционные ограничения (constitutionae limitations).1871. P. 65-66.
[2] Andrew C. McLaughlin, The Foundations of American Constitutionalism (New York: New York University Press, 1932. P. 68.
[3] История США. Хрестоматия: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2007 С..54-56.
[4] Franklin, Writings (A.H. Smyth, ed.). III, P. 226.

было значительным шагом вперед по установлению равенства всех граждан США. Однако это был достаточно трудный процесс, что видно на примере решений Верховного Суда США. В случаях, касающихся вопросов расовой дискриминации Верховный Суд объявил, что поправка была гарантией защиты против действий непосредственно самого государства, и не была предназначена, чтобы наказать личных обидчиков.[1] Поэтому, если чернокожий утверждал, что если его права были нарушены, то он должен был быть готов доказать, что это нарушение произошло со стороны государства или государственных чиновников[2].

Возникло множество случаев, когда чернокожие утверждали, что были лишены своих прав, потому что жюри, которое судило и обвинило его, состояло целиком из белых. Первый такой случай относился к конституционности закона Западной Вирджинии, который предоставлял исключительное право белым составлять жюри присяжных; здесь прослеживается четкий случай действия государства. Суд посчитал закон неконституционным, поскольку поправка «подразумевает существование прав и защит, наиболее значимыми из которых является право на неприкосновенность и на юридическую защиту жизни, свободы и собственности»[3]. В похожей ситуации, возникшей уже в Дэлавере, было принято такое же решение.[4]

Таким образом, чернокожие гарантировали себе равенство по решению суда. Но такая гарантия не имела существенной ценности для чернокожего, оказавшегося перед жюри, состоящим полностью из белых. Если не будет доказано, что имела место намеренная и квази – официальная дискриминация, то любой, даже не самый умный государственный чиновник может преуспеть в вызове жюри, состоящего из белых. Однако в делаверском случае суд постановил, что общая практика

---

[1] Там же.

[2] United States v. Cruikshank, 92 U. S. 542 (1876); Civil Rights Cases, 109 U. S. 3 (1883); Virginia v. Rives, 100 U. S. 313 (1880).

[3] Strauder v. West Virginia, 100 U. S. 303,310 (1880). “Nor”, said the Court, “if a law should be passed excluding all naturalized Celtic Irishmen, would there be any doubt of its inconsistency with the spirit of the amendment.” Ibid., 308.

[4] Neal v. Delaware, 103 U. S. 370 (1881). See also Bush v. Kentucky, 107 U. S. 110 (1883); Norris v. Alabama, 294 U. S. 587 (1935).

исключения чернокожих из жюри поднимает проблему неравенства, и что на этом основании, вынесение судебного решения должно быть отложено[1].

Более значимыми являются случаи дискриминации другими способами. Запрещает ли поправка выделять чернокожих в отдельный класс? Лишает ли такая классификация чернокожих равной защиты закона? Этот общий вопрос равенства, независимо от того, касался ли он чернокожих или других людей, оказался достаточно сложным. Но судьи пришли к общему решению, что классификация ни в коем случае не обязательно незаконна; незаконна она в том случае, когда она не имеет под собой никакого разумного основания, когда она произвольна[2].

Очень показательный случай связан с так называемым Автомобильным Законом Д. Кроу, который был признан соответствующим Конституции. Озвучивая это мнение и решение суда, судья Браун сделал следующее существенное заявление: «Цель [четырнадцатой] поправки состояла в том, чтобы, несомненно, прописать абсолютное равенство двух рас перед законом, но в природе и характере вещей это, возможно, не было предусмотрена отмена различий, основанных на цвете кожи, или насильственный ввод социального равенства, исходящего из политического, или смешение двух рас в сроки, которые не устраивают ни одну из них.. Закон разрешает и даже требует их разделения в местах, где они могут быть объединены, что не обязательно подразумевают неполноценность одной расы по отношению к другой, и это находится в пределах компетенции государственных собраний штата в осуществлении им полицейской власти»[3]. Это же решение касалось и случая установления отдельных школ для белых и цветных детей, и было признано законным в нескольких северных штатах. Это решение, четко озвученное судом, звучало как отголосок той позиции, на которую встал Конгресс двадцатью одним годом ранее при принятии Закона о Гражданских правах, и было далеко от восторженного идеализма более раннего периода. Здесь мы находим выражение новой, хотя и не абсолютно новой, социальной философии: «Если две расы», сказал судья, «должны придти к социальному равенству, то это должно стать результатом естественного

[1] Ibid. 294 U.S. 587.
[2] Pressy v. Ferguson, 163 U.S. 537 (1896). 726.
[3] Peter Oliver, Origin and Progress of the American Rebellion ed. Douglas Adair and John A. Schutz. Stanford: Sranford University Press, 1961. P. 39.

хода событий (то есть нельзя форсировать эти события), это должно стать результатом взаимной оценки достоинств друг друга и добровольного согласия людей… Если одна раса является низшей по отношению к другой в социальном плане, то Конституция Соединенных Штатов может поместить их на одну социальную ступень». Самая выразительная фраза в вышеупомянутой цитате – «природа, характер вещей» - Суд не желал форсировать идеалистическую интерпретацию и игнорировать социальные реалии.[1]

Суды признали законность такого подхода при получении образования. Государство может запретить частной школе обучать белых и чернокожих студентов вместе. При обстоятельствах, оправдывающих дискриминацию, школьный район может использовать общественные деньги для обслуживания средней школы только для белых студентов. В общем, можно сделать вывод, что, хотя разумная классификация допускалась, несправедливая дискриминация в образовательных учреждениях не была поддержана, но при этом, по видимому, факт неравенства должен быть чрезвычайно очевиден, иначе суды не будут считать распределение общественных денег неконституционным. [2]

Итак, воспользовавшись четырнадцатой поправкой через судебное решение, чернокожие получили настолько мало, так недейственна она оказалась в установлении социального равенства, что даже то краткое рассмотрение, которые мы сделали, говорит о трудности реализации конституционных норм и конституционных принципов в середине XIX – XX вв.[3]

Дальнейшее развитие конституционных принципов связано с расширением избирательных прав и укреплением власти федерального правительства. Более пятидесяти лет обсуждался вопрос о праве женщин участвовать в выборах. И только девятнадцатая поправка (1920 г.) окончательно решила этот вопрос, хотя было не мало противников этой поправки.[4] В сфере государственной власти важное значе-

---

[1] Ibid.
[2] Berea College v. Kentucky, 211 U.S. 45 (1908).
[3] Cumming v. County Board of Education, 175 U. S. 528 (1809), where it appeared that so few colored children would attend a colored high school that insufficient funds could be used for colored elementary education.
[4] Leser v. Garnett, 258 США 130 (1922).

ние имели Двадцатая поправка (1933 г.) предусматривающая, что сроки полномочий президента и вице – президента должны начинаться на двадцатый день января, а сроки полномочий членов Конгресса на третий. Длительный период неопределенности между выборами президента и началом срока его полномочий – период, который иногда был немного меньше, чем междувластие – был, таким образом, отменен. И также закончилось право Конгресса издавать законы в течение нескольких месяцев после того, как новый Конгресс был избран людьми. То, что недостаток старого метода – и даже больше, чем просто недостаток – должен был длиться больше ста сорока лет являлся показателем консерватизма определенных политических сил[1].

Важным также является положение о замещении поста президента в случае смерти избранного, но не вступившего в должность президента, и если президент не был избран или не отвечал требованиям до начала срока президентских полномочий.

Самым заметным фактом в конституционной истории Соединенных Штатов XX века является расширение фактической деятельности национального правительства. Создание департаментов в Вашингтоне и их непрерывная деятельность «представляет очень интересную картину... Вмешательство центрального правительства отчетливо видно в предоставлении субсидий штатам и в контроле расходов, а также в обеспечении исполнения некоторых законов»[2].

Большинство мер Конгресса такого рода – если кто-то попытается найти конституционную основу – основываются на полномочиях Конгресса регулировать торговлю и полномочиях ассигновывать денежные средства. (Суд не может запретить обращать товар в свою собственность, если посчитает нужным; см., напр., Frothingham v. Меллон (Масса.v.Меллон, 1923 г.: государство и частный налогоплательщик стремились предотвратить расходы, разрешенные так называемым законом о Материнстве, который разрешал разделение ассигнования среди таких шта-

---

[1] Вудди К.Х. Рост Федерального правительства 1915-1932, Нью-Йорк. Каро Пресс. 1917.С. 185.

[2] Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. P. 100.

тов, которые должны просить фонды принять и выполнить условия, с целью сокращения материнской и детской смертности)[1].

В первые годы двадцатого века, Теодор Рузвельт, выразил словом и делом веру в необходимость эффективной правительственной деятельности и применении государственной власти, которая должна быть смело осуществлена. Только то, что он называл «новым национализмом», нельзя легко выразить в целом; но конечно он не хотел видеть благосостояние людей подвергнутым в любую минуту юридической доктриной относительно соответствующих областей государственной и национальной власти; и он связывал свои принципы с его верой в задачу президента представлять интересы общественного блага. В те дни часто ссылались на «зону сумерек» - область, в которой государство не могло работать эффективно и в которую федеральное правительство не могло или не имело права вступить.[2]

В 1910 г., после ухода в отставку с поста президента, он использовал в обращении к общественности следующие слова: «Государство должно быть эффективным для работы, которая касается только людей государства; и нации, касающийся, всех людей. Там не должно остаться никакой нейтральной зоны, которая служила бы убежищем для правонарушителей, и особенно для правонарушителей большого благосостояния, которые могут пойти на юридическую хитрость, которая покажет им, как избежать обеих юрисдикций… Новый Национализм ставит национальную потребность перед частным или личным преимуществом. Это нетерпеливо относительно чрезвычайного беспорядка, который следует из местных законодательных органов, пытающихся рассматривать национальные проблемы… Этот Новый Национализм расценивает исполнительную власть как распорядителя общественного благосостояния….»[3].

Таким образом, результатом развития конституционных принципов мы видим реальное упрочение федерализма, превращение его из теоретической структуры в прочный каркас федеративного государства. В целом, исследование в истори-

---

[1] Massachusetts v. Mellon. See Frothingham v. Mellon, 262 U.S. 447 (1923). P. 789.

[2] Дж. Дункан-Кларк, Прогрессивное движение, с Введением Теодора Рузвельта, 1913. p.32.

[3] В речи, сделанной в Osawatomie, Канзас, 31 августа 1910. Т. Рузвельт, Новый Национализм. С. 27-28.

ческом измерении конституционного развития штатов применительно к федерации имеет множественность точек конституционной и законотворческой активности: конституционно-правовые нормы формировались не только на общефедеральном уровне, но и на уровне штатов федерации.

§ 1.2. Теоретико-правовые основания американской модели федерализма

Общие показатели, отражающие современные тенденции совершенствования федерализма и формирующие представления об идеальной модели, имеют свои потенциальные возможности и пределы воплощения в каждом государстве с учетом степени развитости политических, экономических, социальных и правовых отношений. Поэтому, при наличии общих признаков, каждое федеративное государство обладает специфическими чертами, позволяющими судить о принадлежности к определенной модели федерализма. Характеристика моделей федерализма проводится на основе таких важнейших параметров, как природа федерации, способ образования, вид учредительного правового акта (форма образования), степень централизации государственных функций и, наконец, характер разделения и реализации власти и ответственности[1]. Только в единстве все эти качества могут раскрыть особенности модели федерализма в определенной ситуации, конкретного государства, в том числе США.

Таким образом, при анализе федерализма конкретного государства, одной из основных задач становится определение уровня демократичности и эффективности данной модели, наличия неиспользованных потенциалов и путей их применения. Полагаем, что основу создания американской модели федерализма, ее демократизации и оптимизации, должно составлять совершенствование системы разделения власти между федеральными органами и ее субъектами.

Категория «модели» федерализма рассматривается как научная абстракция, включающая как тип политико-территориального устройства государства, так и тип организации и функционирования государственной власти. Эта абстракция, в дествительности, может существовать только через отдельное и в непрерывной связи с особенным[2]. В свою очередь, реальная модель представляет собой нераз-

---

[1] См., напр.: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: дисс… докт. юрид. наук. М., 1997.С. 9-13.

2 Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричности федерации //Государство и право. 1997. № 8. С. 61.

рывное единство общего и особенного в теории и практике федерализма, что и определило использование категории «модели» федерализма.

Модель федерализма представляется в двух видах:

- как некоторая социально-политическая реальность концептуально - теоретического типа;

- как некие критерии построения федеративного государства и его фундаментальные аспекты.

Необходимо отметить, что основу любой модели федерализма составляют принципы, раскрывающие сущность федеративной структуры которые определяют особенности федеративной структуры и ее механизмов. В ходе этого процесса происходит институционализация особых, специфических отношений между субъектами политической жизни государства. Поэтому, можно сказать, что без этих принципов, механизмов и соответствующих институтов нет и федерализма[1].

Однако, по вопросу о подходах к определению различных моделей федерализма, их типологизации, в отечественной и зарубежной юридической науке нет единого мнения. Так, согласно исследованиям некоторых ученых, «модель» федерализма рассматривается как федерализм, характеризуя который, можно говорить лишь об особенностях федераций, но никак не о моделях федерализма.

Следует подчеркнуть, что сужение исследования федерализма на основе определения его особенностей и выделение различных моделей, характеризующих специфику систем разделения государственной власти по вертикали, степень развития демократии и эффективность федеративного устройства, едва ли оправдан[2].

На наш взгляд, следует выбрать другой путь и выделить модель федерализма, взяв за основание некоторые общие черты и принципы, имеющие место в практике разных стран. Критерием классификации служат также взаимоотношения между разными уровнями власти, что наглядно видно на примере США.

---

1 См.: Карапетян Л.М. К вопросу о «моделях федерализма» (критический обзор некоторых публикаций). //Государство и право. 1996. № 12. С. 58; Задарновский Б.Б. Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 67-68.

[2] Raoul Berger, Federalism: The Founders' Design (Norman: University of Oklahoma Press, 1987).

Так, к примеру, американская модель федерализма в значительной мере предопределяется спецификой системы разделения государственной власти по вертикали. Именно с позиций образования и функционирования системы разделения власти между федерацией и ее субъектами в конкретном государстве в первую очередь представляется необходимым проводить типологию современных моделей федерализма[1].

Таким образом, наибольший интерес представляет американская модель федерализма и ее разновидности: монистическая, дуалистическая, координированная, договорная, кооперативная.Х арактеризуя модели федерализма, нельзя не сказать о самом федерализме.

Так, ряд ученых, исследуя федерализм, рассматривают его как некое течение, характеризующееся с точки зрения как взаимоотношений между различными уровнями правительственной власти, так и с точки зрения сочетания самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации. Например, Д. Элазар рассматривал федерацию как форму организации государственной власти, ключевое звено в которой, играет центральное правительство, наделенное собственными полномочиями, которые делегируются населением, а единицы, входящие в состав этой федерации, получают право как на самоуправление, так и на совместное участие в процессе конституционного управлении в целом. Анализируя позицию Д. Элазара можно сделать вывод, что в своей основе федерализм - это концепция взаимоотношений целого и его составных частей[2].

Для федерализма необходимо все многообразие такой общественной материи, как свобода и демократия, политический плюрализм, многообразие культур и регионов, то есть, неоднородная общественная материя. Поэтому, в отличие от унификации и централизации, вектор которых направлен в конечном итоге на сокращение разнообразия, федерализм (при «правильном употребление») дает любому государству и нации заметно большую внутреннюю энергетику, потенциал са-

1 Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. 1998. С. 29.

2 Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of integrovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 5.

моразвития. Федералистская диалектика сохраняет элементы полярности, конфликтности, напряженности, устанавливая для них определенные рамки и направляет в русло признаваемых норм и правил. Однако неумение или неспособность государства удержать в управляемых рамках эту энергетику чревато его распадом[1].

Федерализм довольно распространенное явление в современном мире. Исследователи насчитывают порядка более 20 федеративных государств, занимавших 52% поверхности земли, государств, жители которых составляют почти 40% мирового населения. Однако, для каждой федерации характерна специфика политической системы конституционного регулирования: одна может привести к разделению политической власти, другая - к ее предельной концентрации[2].

Рассматривая понятие «федерализм», можно отметить динамику его развития, на которую оказывают влияние историко-политические и национально-культурные факторы. В своих исследованиях С.А. Котляревский указал, что при изучениии федерализма существенное значение для итерпритациии конституционно-правовых норм, имеет их происхождение. «Здесь догма должна быть истолкована не только статически, но и динамически» [3].

Изучая проблематику реализации правовой и институциональной американской модели федерализма, возникает практическая необходимость в определении самого понятия, его «воплощений», общих и специфических черт и т.д. Вопрос нередко ставится так: можно ли говорить о федерализме в обобщенном виде, либо можно изучать только его конкретные реализованные формы (американский, бельгийский, немецкий, российский и пр. федерализм)? Соответственно один подход пытается определить сущностные черты федерализма, а другой - акцентирует внимание на особенностях, придает им всеобщее значение. Очевидно, истину необходимо искать, как всегда, посередине: без представлений об общих, родовых чертах федерализма, трудно определить, что мы собственно видим, а знание особенностей поможет уточнить подробности. [4]

---

[1] Ibid. P. 11.

[2] Frenkel M. Federal Theory. Canberra, 1986. P. 76.

3 Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 271.

4 См.: Основы теории и практики федерализма. Институт Европейской Политики

Решая задачу поиска «работоспособной» модели определения федерализм, исследователи, как правило, останавливают свой выбор на одном из двух путей: либо предпринимают попытки сформулировать свое собственное определение, либо выводят определенную совокупность признаков федерализма.

Очевидно, оба варианта име.т положительные и отрицательные моменты: в первом случае увеличивается и без того огромное количество дефиниций, вопрос о научности и корректности которых, будет дикуссионным; во втором - возможность отклонения в субъективиз, в описание бесконечно разнообразной эмпирики.

В настоящее время, универсального понятия федерализма не сформулировано. Сам термин происходит от латинского foedus - «союз», «соглашение». В своем происхождении этот термин означал объединение независимых городов в Древней Греции, основанное для достижения общих целей в различных сферах, и создававших для этого единые органы власти.[1]

Ряд исследователей придерживаются иной точки зрения. По их мнеию, понятие федерализм происходит от латинского «feodus» (соглашение), под которым понимается существующий режим, сложившийся в конкретных условиях, в конкретном государстве, в устройстве общества, на основе взаимодействия между ними, в том числе между территориальными сообществами людей внутри этих государств[2].

Некоторыее исследователи считают, что по смыслу данный термин совпадает с древнеиудейским brit (berith), который является фундаментальным понятием в библейской традиции и означает соглашение с Богом, а также между теми людьми, которые решили строить отношения друг с другом на основе соглашения (by covenant)[3].

Католического Университета г.Лёвена (Бельгия). Leuven, Belgium. 1999. 234 с.

[1] Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова. Опыт федерализма. М. 1994. С. 20.

2 Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. 1998. С. 12.

[3] Whiltshire K. Planning and Federalism: Australian and Canadian Experience. - Queensland: University of Queensland Press, 1986/ - P. 68; Simeon R., Swinton K. Introduction: Rethinking Federalism in a Changing World // Rethinking Federalism: Citizens, Markets and Government in a Changing World. Vancouver: UBC PRESS, 1995/ - P. 4. Цит. по: Фарукшину М.Х. Современный федерализм. Российский и зарубежный опыт. Казань. 1998.

Пуритане Новой Англии, основатели классического федеративного государства – Соединенных Штатов Америки, - были конгрегационалистами, приверженцами федеральной теологии. Самоуправленческие начала их общин опирались на идеи раннехристианских братств (congregations), отраженные в Новом Завете. Говоря современным языком, можно подчеркнуть, что пуритане стояли у истоков зарождения такого социального слоя, который мы, в настоящее время, назывем средним классом. Исповедуя библейскую истину о равенстве всех людей перед Создателем, именно они несли идею свободы человека личности, гражданского самоуправляющегося общества.

Суть понятия «федерализм» состоит в том, что самоуправляющееся гражданское общество, опираясь на процесс заключения совместного договора-соглашения между гражданами, устанавливает партнерские взаимоотношения с органами государственной власти. Критерием их зрелости является тип федерации[1].

Поэтому не случайно, что пуритане американских колоний были особенно заинтересованы в свершении божественного замысла, так как им отводилась главенствующая роль в этом деле.

Один из губернаторов Дж. Уинтроп, обращаясь к первым поселенцам колонии говорил, что «глаза всех людей будут направлены на нас» он подразумевал, что Америка будет местом завершения преобразования, образцом, где истинная церковь будет лишь проблемой времени[2]. К. Матер, идеолог пуританизма полагал, что Бог послал людей в это место, чтобы «Он в их лице дал пример остальным. Церкви же должны стремиться к… распространению света, который от среды этой внешней темноты, должен теперь быть брошен к другой стороне Атлантического океана».[3]

Как уже отмечалось ранее, в современной научной литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, не найден консенсус в понимании федерализма. По-

---

[1] Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 12.

[2] John Winthrop, A Short Story of the Rise, Reign, and Ruin of the Antinomians, Familists, and Libertines, in David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1636-1638 (Duke University Press, 1990), pp. 280-82.

[3] Cotton Mather, Theopolis Americana: An Essay on the Golden City (B. Green, 1710), p. 3.

пытки интерпритации этого понятия заканчиваютсяяслишком широкой или многовариантной трактовкой. По мнению ряда признанных ученых в данной области, «не существует никакой всеохватывающей теории федерализма, хотя имеется множество определений федерализма»; «нет единой модели федерализма, скорее, федерализм принимает много форм»[1].

Некоторые исследовател делают вывод о том, что федерализм это очередная ступень эволюции государственного развития, которая подходит к завершению и преобразованию «в нечто новое»; по их мнению, на современном этапе имеет право на существование лишь коммунальная децентрализация, но не федерация. Так, О. Кельрейтер не признает возможность стабильных союзных государств, так как «дилемма развития» держит «собственную государственность» членов федерации под постоянной угрозой. Вообще, по его мнению, старая концепция федерализма отражала взгляды «закатившегося либерального правового государства»[2]. Другие авторы решительно утверждают, что «...федерализм движется по наклонной плоскости. Потребности хозяйства технологического государства требуют единой экономической политики для всей территории государства и не могут допустить того хозяйственного эгоизма отдельных штатов, который является собственным ядром суверенитета штатов в союзном государстве. Федерализм - это результат либерального мышления, при котором (относительная) свобода индивидов от государства переносилась на (относительную) свободу государств - членов от союзного государства»[3]. Ряд американский американских исследователей утверждает, что «различие между федеральной и унитарной формой правления относится больше к области фактов... Тенденция к отходу от федерализма наблюдается во всех странах, начавших с этой формы»[4].

---

1 Whiltshire K. Planning and Federalism: Australian and Canadian Experience. - Queensland: University of Queensland Press, 1986/ - P. 68; Simeon R., Swinton K. Introduction: Rethinking Federalism in a Changing World // Rethinking Federalism: Citizens, Markets and Government in a Changing World. Vancouver: UBC PRESS, 1995/ - P. 4.

2 O. Koellereutter. Deutsches Staatsrecht. Stuttgart Koin, 1953. S. 139.

3 Archiv das Offentichen Rechts. B. 82, H. 1 Tubingen. 1952, 77.

4 Johnson C.O. Government in the United States. N.V., 1956. P. 37.

Они заявляют, что «кооперативный федерализм до настоящего времени был лишь сокращенным выражением постоянно увеличивающейся власти в Вашингтоне. Он подчеркивает роль Вашингтона - в смысле «стимулирования» и «контроля над местной политикой»[1]. В. Вебер именует современный федерализм «как будто федерализмом» (Als-ob-Foderalismus)[2].

Для того чтобы сформировать наиболее полное представление о федерализме, его смысла и ценностей, целесообразно использовать различные подходы и методы. Например, изучая развитие американской модели федерализма, можно обнаружить, что федерация, в данном случае, выступает как продукт индивидуализации и рационализации общественной жизни в эпоху Нового времени. Иначе говоря, федерализм явился отправной точкой стремления общностей к самоуправлению. Можно сказать, что истинный, глубинный смысл сущности американского федерализма кроется иммено в стремлении к самоуправлению личности, освободившейся от оков традиционного общества, в возможности действовать по собственному усмотрению.

Наиболее развернутую юридическую теорию федерализма представляет М.Н. Редиш4 он отходит от шаблона в исследовании федерализма как некой совокупности государственно-правовых институтов. Ученый считает, что федерализм это универсальная идея, которая активно применяется в практически плане[3]. Соответственно, федерализм может существовать там, где очевидна сложность сосуществования едей общего и частного права. С этой позиции США, как федеративное государство в собственном смысле слова являются проявлениями идеи федерализма. Теоретической основой федерализма М.Н. Редиш считает институционализм с его признанием плюрализма юридических порядков.

Иного подхода к выявлению существенных черт федерализма придерживается И. Душасек, собственно сводя его к разграничению полномочий между двумя уровнями управления - общенациональным и региональным. По его мнению, федерализм представляет собой два вида правительства, которые наделены собствен-

1 Essays in Constitutional Law. ED. by MfcCloskey. N.V. 1957. P. 207.
2 Archiv das Offentichen Rechts. B. 82. H. 1 Tubingen. 1957. S. 22.
3 Redish M.H. The Constitution as Political Structure. - N.-V.: Oxford University Press, 1995. P. 25.

ными полномочиями и взаимодействуют между собой в пределах отдельных, но взаимосвязанных юрисдикций. Как считает исследователь, эти черты достаточно кратко и содержательно определяют федерализм[1].

Однако, в настоящее время, в западной юридической науке преобладает все- таки не этот довольно ограниченный, а многоплановый подход к анализу содержательных признаков федерализма. Так, по мнению Д. Элазара, для того чтобы наиболее полно раскрыть федерализм, описать его, небходимо исследовать три основных составляющих,которые типичны для всех истинно федеративных систем. Прежде всего, это наличие писаной конституции, которая является по сути договором между сообществами, таким образом определяя договорной характер федерации. Этот документ, в том числе, устанавливает характер разделения власти в рамках политической системы, причем особое внимание уделяется именно разграничению власти между федеральным центром и субъектами федерации, и соответственно, специальных процедур, с помощью которых это возможно изменить.

Следующая составляющая, которая, по мнению Д. Элазара является типичной для всех федеративных систем, это нецентрализация (noncentralization). Как считает автор, ее не стоит отождествлять с децентрализацией, поскольку последняя предполагает наличие центральной власти, которая по своему усмотрению может осуществить децентрализацию или рецентрализацию властных полномочий.

В-третьих, атрибутом любой федеративной системы Д. Элазар считает пространственное (areal) деление власти. «По-видимому, - пишет он, - федеративная система требует какой-то пространственной основы для федеративного деления, хотя, возможно, в сочетании с другими элементами»[2].

Необходимо отметить, что в основе большинства определений федерализма, представленных зарубежными исследователями, лежит принцип разграничения предметов ведения и полномочий. Говоря о федеративном государстве как о политической системе, У. Райкер особо акцентирует внимание на распределении полномочий между центральным правительством и региональным на основе феде-

1 Duchacek J.D. Perforated Sovereignties: Toward a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units. - L.: Clarendon Press, 1990. - P. 3.
2 Elazar D. Exploring Federalism. 1998. P. 167.

рального принципа, когда выше названные правительства, каждое в рамках собственных полномочий,одновременно координируют свою деятельность и являются независимыми[1].

Так, некоторые авторы расширяют рамки исследования понятия федерализма, отличая его от обычной формы децентрализации согласованных решений и действий общефедеральных и местных органов; они рассматривают федерализм как процесс, как динамично развивающюся систему, имеющую слбственную структуру взаимоотношений, которым не свойственна статика и жесткая нормативная регламентация [2].

Также следует обратить внимание на представление о федерализме признанного американского ученого А. Лифарта, который наряду с такой основной характерной особенностью американского федерализма, как общеобязательное разделение власти между центральным и региональными правительствами, выделил вторичные признаки, котрые в своей совокупности дополняли это понятие. Во-первых, речь идет о наличии писаной конституции, которая устанавливает и уточняет разграничение власти, а также содержит гарантии, что эти полномочия не будут изъяты у центрального и регионального правительств. Во-вторых, наличие двухпалатного законодательного органа, где одна палата олицетворяет народное представительство в рамках всей страны, другая – территориальные сообщества федерации. По мнению ученого, в федеральное палате законодательного органа должно обеспечиваться не равное представительство, так как малые по размерам и по численности населения субъекты федерации будут представлены одинаковым количеством депутатских мандатов этой палаты Субъекты федерации наделены правом внесения поправок в федеральную конституцию, а также в одностороннем порядке изменять собственные конституции[3].

Американский федерализм может быть понят и в рамках теории

---

1 См.: Wheare K. Federal Government. - L.: Oxford University Press. 1963. P. 10.

2 C.J. Friedrich. Trends of Federalism in Theory and Practice. New York. 1968. P. 173.

3 Lijphart A. Non-Majoritarian Democracy: a Comparison of Federal and Consociational Theories // Publius: The Journal of Federalism. 1985. vol. 15, № 2. P. 4-5.

модернизации и цивилизованного подхода, который содержит свойство, присущее государству, рожденному Новым временем. В античном мире мы найдем объединение независимых городов против внешней военной угрозы (Латинскую федерацию), в средневековье - ранние формы федерализма, уступившие «якобинскому государству»[1]. Но для современного государства федерализм является скорее факультативным признаком. Есть современные унитарные децентрализованные государства (Франция), где федерализм был бы сегодня, видимо, неприемлем с исторической и политической точек зрения. Есть другие государства (например, Германия), где федерализм является сущностью их устройства. И, наконец, несколько особняком стоят США, где федерализм считается системообразующим элементом американской государственности. Федерализм, следовательно, - это одно из возможных проявлений сущности современного нации-государства[2].

К определяющим показателям американского федерализма в период его становления можно отнести – права и свободы человека, республиканизм, а также равноправие граждан; наличие гражданского общества; разделение властей; разграничение полномочий между федеральной властью и штатами.

Характеризуя американский федерализм нельзя не обратиться к институту прав и свобод человека[3], а также равноправия граждан. Федеративное государство, созданное после принятия Конституции 1787 г., в лице его законодательного органа (Конгресса США) и исполнительного органа (Правительства) не имеет права нарушать основополагающие права граждан. Реализация этого принципа предполагала, что права и свободы человека зафиксированы в федеральной конституции и конституциях штатов, а Верховный Суд США и нижестоящие суды следят за обязательным соблюдением данных прав всеми органами государства. Решения Верховного суда были направлены в этот период на укрепления

---

1 Моммен А. Федерализм и национальное государство (К истории вопроса) // Полис. 1992. № 4. С. 169-170.

2 Пастухов В.Б. Новый федерализм для России: Институализация свободы // Полис, 1994, № 3. С. 96.

3 Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект. 2014. С. 19.

федерализма с учетом верховенства федерального законодательства. Например, в деле МакКаллох против Мэриленда (1819) Д. Маршалл, председатель Верховного Суда США, настаивал на конституционности национального банка и отменил право штата взимать налоги с одной из его ветвей. При этом он отметил, что законы Соединенных Штатов были высшими в рамках своей сферы, и что, если власть была возложена на правительство Соединенных Штатов, то он может выбрать ту, которая считается лучшей в исполнении своих обязанностей. В том же году в колледже Дартмунда сформировалось дело, запрещающее штатам принимать законы, нарушающие обязательства контрактов, которые проводили обращение к изменению уставов предоставленных штатами. Эти и другие решения аналогичного характера позволили центральному правительству использовать свои полномочия с большим эффектом и выступать в качестве гаранта федерализма.[1]

Права и свободы человека и гражданина были закреплены помимо федеральной конституции и в конституциях штатов. Так, в статье 1 Конституции Содружества наций штата Массачусетс говорилось, что «все мужчины рождены свободными и равными, и имеют некоторые естественные, необходимые и неотчуждаемые права»; а в статье IX указывалось, что «все выборы должны быть свободны; и все жители этого Содружества наций, имеют такие полномочия, поскольку они должны установить структуру правительства, имеют равное право выбрать чиновников, и быть избраны, для общественной занятости».

Без формального провозглашения приоритета прав и свобод человека, а также способности их защищать и развивать едва ли можно было говорить о гражданском обществе как таковом. Не случайно статья XXI гласила «Свобода мысли, слова и обсуждения является необходимостью для обеспечения прав людей. Это не может быть основой любого обвинения или судебного преследования, действия или жалобы, в любом суде или слушания»[2].

Договоренность людей о федеративном устройстве оказалась бы недолговечной, а сам федерализм был непрочным, если отсутствует верховенство

[1] McCulloch v. Maryland, 4 Wheat. 316 (1819), 59, 384.389,388.393.

[2] The Constitution of the Commonwealth of Massachusets. Published bi William Francis Galvin Secretary of the Commonwealth December, 2002. Art. I, IX, XXI, XXIV.

закона. Именно в период гражданской войны, верховенство федеральной конституции способствовало сохранению федерации. Свобода также зависела от республиканизма. В своей сущности, американский федерализм по своей природе был республиканским. Власть в федеративном государстве должна принадлежать народу, а не быть частной собственностью какого-либо лица или части общества, и его управление, следовательно, требует общественного участия[1].

При этом люди, объединившиеся в самоуправляющееся общество и делегирующие полномочия своим правительствам, остаются независимыми. По данному вопросу шли бурные дискуссии между федералистами и антифедералистами.

Под Республиканизмом антифедералисты понимали демократическое самоуправление, в котором правительство было близко к людям, а представители считались ответственными перед своими избирателями.

Проблема с новой Конституцией, по их мнению, была в том, что она давала представителям слишком много власти и независимости; исследователи отмечали, что что «полномочие главной легислатуры менять и контролировать время, место и способ проведения выборов [Статья I, Раздел 4]… отдаст в руки главного правительства власть, которой они будут распоряжаться когда захотят, и в выгодной ситуации, фактически лишат людей возможности участия в правительстве»[2].

Республиканизм также означал правление большинства. Но Конституция, настаивали Антифедералисты, казалось, поощряет правление меньшинств и богатых аристократов. Было бы слишком мало членов палаты представителей (только один на 30 000 человек), и маленькая горстка Сенаторов – восемнадцать человек, если бы только девять Штатов присоединились, Союз – был бы в состоянии заблокировать закон, желаемый большинством людей. «Далеко от регулярного сбалансированного правительства», жаловалась «Сентинель»

---

[1] O. Koellereutter. Deutshes Staatsrecht. Stuttgart Koin, 1953. S. 139. Цит. по: Фарукшину М.Х. Современный федерализм. Российский и зарубежный опыт. Казань. 1998. С. 145.

[2] Мейсон Д. Возражения к Конституции Правительства, сформированного Конвенцией (1787) //Под ред. Герберта Дж. Сторинга «Совершенный анти-федералист» Чикаго, 1981. Т. 2. С. 13 (2.2.15).

(Centinel), Антифедералист из Пенсильвании, «на практике это будет постоянная аристократия». П. Генри утверждал, что требование двух третей для того, чтобы предложить поправки и три четверти требование для их принятия позволило укрепленным меньшинствам и «самым достойным личностям» затруднять желание большинства. Будет невозможно, утверждал он, внести поправку такими сложными способами[1].

Историческая и политическая теория убедили Антифедералистов, что свободные республиканские правительства могут существовать только в маленьких государствах с однородным населением. Маленькие республики стабильные и спокойные, потому что они были патриотически настроены, обладали добровольным повиновением законам, и управлялись народом. Многие Антифедералисты предпочитали простоту аграрной жизни сложностям охваченного борьбой индустриального общества, и многие соглашались с тем, что в «республике, нравы, настроения и интересы людей должны быть аналогичными. Если это не так, то будет постоянное столкновение мнений, а также представители одной части, всегда будут противостоять представителям других» [2].

Однако федералисты энергично бросили вызов этому представлению, утверждая, что «однородные республики» были возможны только в примитивных условиях предкоммерческого общества. «В каждом сообществе, чья промышленность поддерживается, - говорил Гамильтон, - будет разделение его на меньшинство и большинство. И когда это происходит, простота сельскохозяйственной жизни теряется»[3]. Антифедералисты критиковали коммерческого человека, как человека безродного и жадного – «погруженных в накопление богатств» и «последним человеком, которые будут бить тревогу, когда общественная свобода будет в опасности»; но они не могут отрицать, что Америка уже посвятила себя коммерческому порядку, и, что землевладельцы были существенной частью, и зависящими от коммерческой жизни страны. Как

---

[1] Там же. Стр. 135.
[2] Статьи А. Гамильтона //Ред. Гарольда Сиретта и Джейкоба И. Кука, 24 тома. Нью-Йорк, изд-во Колумбия, 1961-1979. Т. 4, С.. 253; Статьи Джеймса Мэдисона //Ред. Роберта Рутланда. Чикаго, 1977. Т. 10. С. 163-164.
[3] Сторинг Г. Абсолютный антифедералист. 1981. Т. 2. С. 139.

утверждал Г. Сторинг, «основной проблемой Антифедералистов было то, что они приняли необходимость и желанность современного коммерческого мира, вместе с этим, пытались противостоять некоторым его тенденциям с довольно нерешительными обращениями к гражданскому достоинству. Но такие сдерживания, отвечали Федералисты, никогда не работали и не будут работать»[1].

Как утверждал Д. Мэдисон, «слабо связанная конфедерация малых республик не была ни желательна, ни возможна. Маленькие республики могут даже угрожать свободе, потому что они управлялись целеустремленными фракциями большинства, которые тяжело контролировать. Такие фракции склонны быть властными и даже тиранническими. Они становятся нетерпимыми к правам богатых собственников, маленьким религиозным сектам и другим меньшинствам, потому что они имеют некоторые различия между собой[2]». Исследователи утверждали, что «федеральное правительство, другими словами, будет иметь консервативное, сдерживающее влияние на дела людей». [3]

Центральное правительство не могло иметь дело с гражданами кроме как через штаты, то есть его действия были направлены на штаты, а не на физические лица. Это было причиной того, что Конгресс мог провозглашать что угодно, но не мог ничего делать. В вопросах исполнения законов, получения доходов, формирования армии правительства штатов могли вмешиваться в действия Конгресса, и в некоторых случаях всего лишь один штат мог отклонять важные решения. Поскольку военное принуждение таких штатов было немыслимым, Конгресс по сути потерял ту мощь, которая принадлежала ему в номинале. Практически невозможным стало вовремя собрать кворум в Конгрессе, так как штаты либо пренебрегали выбором делегатов, либо сами делегаты не считали важным посещать заседания. Конгресс потерял не только свои полномочия и влияние, но и самоуважение[4].

---

[1] Там же. Стр. 141.
[2] Гамильтон А., Мэдисон Д., Джей Д. Статьи федералиста. 1998. С. 67-74.
[3] Там же.
[4] Шихан К., Мадауэлл Г. Труды в поддержку Конституции. Сторонники Конституции: труды «других» федералистов. Индианаполис: Фонд Свободы, 1998. С. 90-92.

Падение Конфедерации произошло, в известной степени, благодаря всем ее недостаткам, но особенно благодаря отсутствию полномочий на контроль коммерции и невозможности получать доходы. Пока длилась война, Соединенным Штатам везло на получение кредитов у Франции и Голландии, а также они могли получать некоторые суммы в своих штатах; но они не всегда могли выплачивать проценты по кредитам, поэтому кредитование значительно уменьшилось после 1783. Уже была попытка ввести бумажные деньги, но безуспешная, так что единственным средством, оставшимся у Конгресса, чтобы оплатить свои расходы, было распределение между штатами сумм, которые они должны уплатить для поддержки Конгресса. Так как не было способов заставить штаты уплачивать эти суммы, и так как у самих штатов были проблемы с финансами, конгресс тщетно ожидал хотя бы малую часть того, что он просил. Из пятнадцати миллионов, запрошенных у штатов с 1781 по 1786 годы, было выплачено меньше двух с половиной, а с 1784 по 1788 только один миллион из десяти запрошенных попал в федеральную казну[1].

Признаком американского федерализма в учении о разделении властей явилось наличие четырех элементов: (1) идея трех отдельных и независимых ветвей власти – законодательная власть, исполнительная власть, и судебная власть; (2) правительство исполняет различные виды функций, и положение, что есть уникальные функции, соответствующие каждому ответвлению; (3) положение, что аппарат властей должен быть отдельным, никто не может быть членом больше чем одной власти в одно и тоже время; и (4) положение, что законодательный орган не изменяет распределение власти, делегируя свои силы исполнительной или судебной власти. Разделение власти – необходимое обязательное требование для ограниченного конституционного правительства, потому что сосредоточение политической власти неотъемлемо опасно и рано или поздно приведет к злоупотреблению властью и репрессивному правительству. «Концентрирование всей власти, законодательной, исполнительной, и судебной, в тех же самых руках, в руках одного, нескольких, или многих, и наследственная, самозваных, или

[1] The American Federal State. New-York. 1911. P. 22.

выборных, справедливо может быть объявлено тиранией», написал Публий в Федералисте № 47[1].

Учение о разделении властей в контексте становления американского федерализма также тесно связано с верховенством закона, и является обязательным средством для его достижения. Если какой-либо один орган имеет право толковать и применять свои собственные законы, не было бы никакой силы, кроме доброй воли, для противодействия соблазну использовать полномочия правительства, чтобы обеспечить свободу от действия закона и установить особые привилегии и иммунитеты для правящего класса или управляющей фракции[2]. Генезис данного учения имел место в Древнем мире, где понятия правительственных функций и теории смешанного и сбалансированного правительства появились впервые. Разделение властей, само по себе, однако, никогда не было защитой от узурпации и злоупотребления властью. Идея внутренних сдержек, установленных каждой ветвью над другими, была применена в 18 веке, в Англии с развитием «смешанной и сбалансированной» Конституцией Великобритании. Решение проблемы политической тирании связывали с распределением власти правительства среди монархии (Корона), аристократии (Палата лордов), и демократии (Палата общин) так, чтобы каждый класс установил контроль над другим, таким образом, образуя «смешанное и сбалансированное» правительство[3].

Американское достижение должно было заменить функционально разделенную систему «смешанной» системой, заменяя основанную на класс структуру структурой в которой все ветви власти приобрели свою власть от людей. Это было сначала достигнуто в революционных Конституциях штатов, принятых в 1776 г., примером для них была Вирджиния: «Законодательный орган, исполнительные и судебные органы должны быть самостоятельны и отдельны, так чтобы ни осуществлять полномочия, по сути принадлежащие другим «Эти первые Конституции штатов также отступили от британской модели, требуя полного разделения аппарата так же как и функций, что показывает Конституция

[1] Федералист. № 47. С. 278.
[2] Фуртванглер А. Власть Публия: чтение Статей Федералиста. Итака: изд-во Корнелл Юниверсити, 1984. С. 45-54.
[3] Сторинг Г. Абсолютный Анти-Федералист. В 7-т т. Чикаго, 1981. Т. 1. С. 9-11.

Вирджинии: «никто не должен осуществлять полномочия более чем одной из них (ветвей) в одно и тоже время»[1].

Работая без четких прецедентов или направляющих принципов, и трудясь под ошибочным предположением, что почти чистое разделение властей позволило бы достичь желаемого результата – ограниченной власти, создатели этих первых конституций установили влиятельные законодательные органы, но были не в состоянии установить систему сдержек и противовесов. Скоро стало очевидно, что это было фатальным упущением; по всей стране, законодательные собрания штата стали затруднением для республиканского правительства, весьма часто вмешивающегося в работу судов. В соответствии с Конституцией Вирджинии 1776 г.[2], «все ветви власти законодательная, исполнительная и судебная результат законодательного органа». Д. Мэдисон утверждал, что «простая демаркация на бумаге конституционных границ этих нескольких институтов не достаточная защита против тех посягательств, которые приводят к тиранической концентрации всех полномочий правительства в одних руках»[3]. Соответственно, «Отцы-основатели» с энтузиазмом приняли учение разделения властей, но включили систему сдержек и противовесов в механизм государственного аппарата[4]. Разработка системы сдержек и противовесов в Конституции, принадлежит группе юристов из Массачусетса, однако, именно они, под руководством Д. Адамса, впервые ввели систему сдержек и противовесов, которая позже стала частью Конституции Соединенных Штатов, где и был закреплен этот признак американского федерализма.

Таким образом, система сдержек и противовесов, возможна была самая продуманная особенность американской Конституции. Как принцип федерализма, она пронизывает весь документ и порождает осуществлять самоконтроль. Говоря о самоконтроле идеологи конституции пришли к следующему соглашению:[5]

---

[1] Collen A. Sheehan and Gary L. McDowell, eds., Friends of the Constitution: Writings of the “Other” Federalists, 1787-1788. Indianapolis: Liberty Fund. 1998 P. 78.
[2] Федералист. № 48. С. 285.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] The constitution of the Commonwealth Massachusetts. Published by William Francis

1) Некоторые функции будут продублированы между тремя основными ведомствами правительства. В некотором смысле, одно ведомство могло касаться обычных дел другого. В окончательном варианте Конституции, который был представлен на ратификацию, Президент (исполнительная власть) принимал участие в законодательном процессе, путем своего права вето и право делать рекомендации в адрес Конгресса. С другой стороны, законодательная ветвь власти, через Сенат, имела власть над исполнительной ветвью, в том, что договоры и президентские назначения на главные административные и судебные должности должны быть одобрены Сенатом. Кроме того, судебной власти было дано немного исполнительной власти для управления своими внутренними делами. По результатам судебного рассмотрения, она может признать акты законодательной власти неконституционными[1].

2) Были изменены Конституции штатов путем указания на необходимость обеспечить независимость исполнительной и судебной ветвей власти от законодательной (первоначально, как правило, законодательная власть назначала и снимала судей и должностных лиц штатов)[2]. В соответствии с новой Конституцией Соединенных Штатов члены Сенаторы избирались легистратурами Штатов, Президент - избираться коллегией выборщиков, федеральные судьи назначались Президентом с согласия Сената и занимали свои посты пожизненно. Таким образом, авторы Конституции стремились предотвратить господство законодательной власти «над служащими исполнительной и судебной ветвей»[3].

3) Были предоставлены каждому ведомству конституционные средства для противодействия попыткам доминирования других ведомств. «Абсолютное вето» Президента на акты Конгресса было средством защитой для исполнительной власти. Пожизненное пребывание на должности федерального судьи было средством защиты для судебной власти. В качестве дополнительной защиты исполнительной и судебной власти от законодательной, Создатели договорились,

---

Galvin Secretary of the Commonwealth. December, 2002.

[1] Alexis de Tocqueville, Democracy in America, ed. By Philips Bradley. 2 vols. New York: Alfred A. Knopf, 1945. P. 76.

[2] Ibid.

[3] Мэйн Г. Популярное правительство. Индианаполис: Фонд Свободы, 1976. С. 109.

что члены Палаты Представителей и Сената будут избираться различными способами, и в разное время. Конгрессу было дано конституционное право на снятие с должностей сотрудников исполнительной и судебной властей – сила унаследованная от британской конституции[1].

4) Таким образом, сложная система сдержек и противовесов, была своеобразным лейтмотивом Конституцию и признаком американской модели федерализма. Эти сдержки и противовесы, рассчитанные на предотвращение любого лица или органа правительства от вмешательства в конституционные свободы или законные функции какого-либо органа власти. Они также помогают поддерживать разделение властей путем «вооружения» каждой ветви мощью для противостояния посягательствам другой ветви. Эти встроенные сдержки над силой любой личности или ведомства в Федеральном правительстве все еще функционируют спустя столетия после их изобретения[2].

Признаком американского федерализма – стало наличие гражданского общества, где господствовал принцип народовластия и каждый человек обладал равной долей этой власти, участвуя в управлении государством.

Некоторые исследователи американскую модель федерализма считают идеалом, к которому должны стремиться другие страны. Но, как и всякая национальная модель, американский федерализм с трудом приживается в ином культурно- историческом контексте и по-разному влияет на формирование гражданского общества. Хотя, безусловно, пристальное внимание к этой концепции федерализма в рамках настоящего исследования имеет смысл, хотя бы потому, что, ее практическое воплощение оказалось чрезвычайно устойчивым и жизнеспособным: американская модель и гражданское общество стабильно функционирует уже более двухсот лет[3].

Авторы американской модели федерализма исходили из представлений о вытекающей из теории естественного права нетождественности народа (как

---

[1] Письмо Мэдисону 18 ноября 1788 г. в ред Э. Липскомба //Труды Томаса Джефферсона. В 20- т.. Вашингтон: изд-во Ассоциации Томаса Джефферсона, 1903. Т. 7. С. 183.

[2] Там же. Стр. 187.

[3] Сиретт и Кок «Статьи Александра Гамильтона». 1981. том 4, стр. 253.

самоуправляемого политического сообщества) и правительства (государства), реально осуществляющего делегируемую или предоставленную ему народом власть, то есть из противопоставления самоуправления и делегированного правления, непосредственного правления и представительного правления. Для разрешения этой коллизии был начат поиск системы государственного (представительного) правления, которая в максимально возможной степени удерживает в себе черты самоуправления народа, т.е. правления гражданского общества. Развитие идеи гражданского общества шло параллельно с его становлением как реального общественного феномена[1].

В итоге, конструктивной находкой становится идея ограниченного, разделенного правительства. Естественное недоверие народа любому правительству приводит к «дисперсии» правительственной власти - ее делегированию одновременно центральному правительству и правительствам штатов. Эта «дисперсия» власти идет и дальше: внутри каждого из правительств существует разделение властей, контролирующих друг друга через систему «сдержек и противовесов» - но одновременно и взаимодействующих через нее. Всякая власть правительства частично, в то время как только народ обладает всей полнотой власти[2].

Делегирование власти правительствам осуществляется конституционно, посредством конституции, которая утверждает не верховную власть (суверенитет) какого-либо из правительств или ветви правительства (исполнительной, законодательной или судебной), но «суверенитет народа». Последний воплощает собой государственное единство нации, но не сводится при этом к признанию высших прерогатив власти ни за одним из государственных институтов.

Данная позиция была закреплена и в судебной практике, несмотря на то, что судебная власть в этот период была намного слабее, чем законодательная и исполнительная, что отметил министр финансов А. Гамильтон: «Судебная власть

---

[1] Эбзеев Б.С. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы. М., 2005. С. 227.

[2] Эбзеев Б.С. Указ. Соч. 231.

является самой слабой из трех ветвей власти»[1]. Эти слова одного из основателей американской Конституции в тот период имели под собой основание. Дело в том, что спустя десять лет после принятия Конституции США позиции ряда штатов (и в первую очередь южных) значительно расходились с конституционными доктринами Верховного суда и его толкованием Конституции. [2]

Верховный суд США в 1793 г. в решении по делу Chisholm v Georgia[3] поставил вопрос: «Является ли народ Соединенных Штатов нацией?» и, отвечая на него, разъяснил, что понятие «народ Соединенных Штатов» (именно этими словами начинается Конституция США) охватывало граждан 13 штатов, каждый из которых имел конституцию и самостоятельное правительство. Желая образовать «более совершенный Союз», граждане, имевшие намерение организоваться в нацию, провозгласили Конституцию для всех Соединенных Шатов. Для решения задач, стоявших перед нацией, они учредили общенациональное правительство, полномочия которого охватывали дела нации в целом. Это было подтверждено в решении Верховного суда по делу Hepburn and Dunbas v. Ellzey, где подчеркивалось, что Конституция США не отождествляет термины «нация» («nation») и «state»: слово «state» (переводится как «государство», «штат») «используется в конституции как определение члена Союза»[4].

Отсюда следует, что источником всякой государственной власти является народ, и полнота его власти воплощается в конституционных основах государственности. Таким образом, все исходные понятия и принципы американского федерализма и гражданского общества восходят к Конституции, которая одновременно и правовой документ, и теоретическая система.

Такова логика «самопостроения» системы понятий и принципов, определяющих федерализм в контексте развития также гражданского общества[5].

---

1 The Federalist Papers by Alexandr Hamilton, Lames Madison and John Jay. With an lntroduction and Commentary by Garry Wills. New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Bantam Books, 1982. P. 394.

2 Speeches and Documents of American History / Ed. by R. Birley London 1962. P. 160-162.

3 Chisholm v. Georgia, 2 Dall. 419 (1793), 301, 303, 340.

4 Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. P. 100.

5 Everett C. Ladd. The American Polity: The People and Their Government. Third

Э.К.Лэдд утверждал, что «конституционный базис» федерализма - это и есть самое великое «изобретение» отцов-основателей США, которых он в этой связи именует весьма характерным термином «framers» («те, кто создал структуру, систему»). В этом отношении американская правовая мысль эпохи Просвещения стоит на голову выше как германских теоретиков XVIII века, пытавшихся разрешить проблему федерализма как проблему сосуществования «двух суверенитетов» (самостоятельной государственности германских княжеств и столь же полноценной государственности составленной из них Германской империи), так и французских и английских политических философов, которые, разбирая природу политической власти, вовсе игнорировали федерализм как способ разрешения имманентного противоречия между непосредственной властью народа, т.е. гражданского общества и представительной властью правительства[1].

Закономерным признаком американского федерализма является конституционный способ разграничения предметов ведения между федерацией и ее субъектами. Анализируя данный признак следует сказать, что разграничение властных полномочий стало «визитной карточкой» американской модели федерализма[2].

Теоретико-методологическое изучение правовой и институциональной реализации американской модели федерализма в контексте разграничения власти федерации и штатов представляется важным и необходимым, поскольку федерализм является эволюционирующей системой и та или иная модель не является для государств неизменной, раз и навсегда данной. Да и сам мировой опыт показывает, что в те или иные периоды развития страны господствуют разные модели федерализма, и это воспринимается как нормальная тенденция в эволюции государственности.

Кроме того, исследование американской модели федерализма в историческом измерении дает возможность проникнуть в суть этого явления, в результате чего можно выработать четкие критерии и признаки федерализма с

Edition. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 1989. P. 127-129.

1 Everett C. Ladd. The American Polity: The People and Their Government. P. 128-129.

2 Ibid. P. 135.

одной стороны, а, с другой стороны, провести типизацию конкретной модели федеративного развития на каждом ее этапе. На основании исследования американской модели федерализма, который прошел монистическую, дуалистическую и кооперативную стадию, федерализм в Америке развивался в трех направлениях, которые характерны для большей части федеративных государств. В этом отношении американская модель федерализма является своего рода неким образцом.[1]

– Разграничение властных полномочий в монистической теории федерализма было свойственно периоду централизации (XVIII век), когда рожденному федеративному государству США был свойственен поиск единства, желание «цементировать» субъекты федерации (штаты) в единое целое, противостояние унитаризму и сепаратизму.

– Дуалистическая теория (конец XVIII – XIX век) связана со стремлением субъектов федерации (штатов) добиться некоторой самостоятельности прежде всего экономической, а в отдельные моменты и политической (выход южных штатов из состава федерации, сочетание центральной власти и властей штатов со свободой при отсутствии сецессии.

Концепция дуалистического федерализма базировалась на двойственности суверенитета в Федерации: суверенитет федеративного образования и его членов. И как справедливо отмечают ряд ученых, такая дуалистическая модель не действовала в чистом виде ни в прошлом, ни в настоящем, ни в одном государстве[2].

Концепция дуалистического федерализма в разные времена подвергалась критике и прежде всего за односторонний подход к проблеме разграничения властных полномочий «центр-регионы». Не случайно многие ученые пришли к выводу, что «такая теория выгодна элитам сепаратистки настроенных меньшинств (национальных, этнических, религиозных и иных), выражающих интересы незначительной части общества»[3].

---

[1] Archiv das Offentichen Rechts. B. 82, H. 1 Tubingen. 1952 77. Цит. по: Фарукшин М.Х. Современный федерализм. Российский и зарубежный опыт. Казань. 1998.

2 См. Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М., 1995 С. 14.

3 Letter from William Grayson to Madison, March, 1786. Quoted in George Bancroft,

– Теория кооперативного федерализма (конец XIX – XX вв.) созвучна поиску равновесия (гармоничное сочетание интеграции и автономии, единства в многообразии, независимости и взаимопомощи как федерации так и штатов). В центре внимания этой теории находятся возникающие в любой федеративной структуре кооперативные начала.

Теория кооперативного федерализма вошла в оборот политико-правовой жизни в 30-е годы в англосаксонских странах. Она стала доминировать в США как основа внутригосударственных отношений в связи с проведением Ф. Рузвельтом «Нового курса»[1].

Одним из первых, кто ввел в оборот термин «кооперативный федерализм», был Э. Корвин. Именно он стал популяризовать этот термин в 30-х годах прошлого столетия, противопоставляя кооперативный федерализм «Нового курса» Ф. Рузвельта дуалистическому федерализму, просуществовавшему в США более 150 лет. Строго говоря, впервые система федеративных отношений как кооперативная была описана предшественником Корвина О.Макдональдом в его книге «Федеральная помощь»[2].

Суть американского кооперативного федерализма, до сих пор «соперничающего» с дуалистическим федерализмом, обусловлена особенностями американской политической и судебно-правовой системы. Значительный акцент делается на сотрудничество и кооперацию федерации и штатов через состязательность и конкуренцию. При этом большая роль отводится судам. Как отмечает Д. Элазар[3], «понятие «кооперативный» в выражении кооперативный федерализм не означает, что отношения строятся исключительно на мире и дружбе... Не во всех ситуациях власти работают друг с другом охотно и в дружеском духе, так как зачастую они преследуют различные и даже противоположные цели. Однако «кооперативный» означает обязательность фактического поведения работать и взаимодействовать вместе.[4]

History of the Formation of the Constitution, I, p. 258.
[1] Ibid. P. 301
[2] Ibid. P. 303.
[3] Elazar D. Exploring Federalism. 1998. P. 167.
4 Ibid. P. 169.

Кооперативный федерализм — активный государственный принцип, согласно которому осуществляется выравнивание между явным разграничением компетенции и федеральной концентрацией сил, которая гарантирует высочайшую степень действия общественного соучастия. Этот принцип означает форму сотрудничества между федерацией и штатами, которая так динамична, что упорядочивает все претензии, которые предъявляются общности союзного государства, не ставя под вопрос само союзное государство и не отклоняя поставленные им задачи.[1]

Особенности американского кооперативного федерализма проявляются в следующем[2]:

1) из плоскости споров о сущности государственного суверенитета федерации и ее субъектов, базой которых была проблема делимости/неделимости суверенитета и связанный с ней вопрос о разграничении компетенций между центром и субъектами, данная теория переходит к решению вопроса о взаимоотношениях центра и субъектов федерации путем их координации и кооперации;

2) отдавая приоритет сфере взаимоотношений центра и субъектов, кооперативный федерализм не уходит от решения проблем, касающихся разграничения компетенции.

Признавая, что современное федеративное государство является централизованным, кооперативный федерализм предлагает изменение распределения компетенции в пользу субъектов федерации и органов местного самоуправления, считая, что они вполне могут справиться со многими проблемами самостоятельно, оставляя за федерацией функции контроля и координирования.

Модель американского кооперативного федерализма реализуется через механизмы вертикального и горизонтального сотрудничества. С этой целью

---

[1] Johnson C. O. Government in the United States. N.V., 1956. P. 37. Цит.по Магомедову Ш.Б. Российский федерализм и правовой статус республика Дагестан: вопросы истории, теории и конституционного строительства. СПб. 1998.

[2] William A. Schambra, ed., As Far As Republican Principles Will Admit. Essays by Martin Diamond. Washington, D.C.: The AEI Press, 1992.

создаются:

1) региональные объединения групп субъектов федерации, которые устанавливают особые формы сотрудничества между собой и выступают в отношениях с федерацией не только как региональные объединения. Такие объединения не имеют политического характера. Это преимущественно экономические объединения. Но на практике влияние такого объединения на федеральную политику более значительно, чем влияние отдельно взятых штатов[1];

2) особые федерально-провинциальные органы, которые в принципе имеют совещательный характер и имеют своей целью сглаживать возникающие между центром и периферией разногласия, поиски компромиссов, но на деле их значение нередко выходит за рамки совещаний, ибо авторитет принимаемых ими рекомендаций бывает очень высок[2]. Кроме того, нужно отметить, что на влияние этой модели большое влияние оказала деятельность Верховного Суда США по рассмотрению споров о компетенции между федеральными властями и властями штатов. Суть доктрины заключается в установлении четких границ между исключительными сферами правового регулирования федеральных органов власти и органов власти штатов. С точки зрения сторонников данной концепции, «национальное правительство выступает как верховная власть в одних сферах жизни общества, в то же время, как правительства отдельных штатов - в других сферах»[3].

Становление США как федеративного государства в США, во многом, было обусловлено конституционно-правовым развитием штатов как будущих субъектов федерации. Мы делаем акцент на изучение динамики взаимоотношений между органами федеральной власти и ее субъектов с XVIII по XX вв. Как было отмечено, американская модель федерализма является неким образцом, поскольку он возник эволюционно-исторически, а не в соответствии со специально

---

1 См.: Gress F. Interstate Cooperation in the USA and FRG // Evaluating Federal Systems. 1992. - P. 412.

2 Ibid. p. 41.

3 Meritt D. Three Faces of Federalism: Finding a Formula of the Future // Vanderbilt Law Review. 1994. № 5. P. 1564.

разработанной правовой теорией федерализма.[1]

Согласно исследованию американского ученого Э.К. Лэдда, конституционные положения, относящиеся к выражению юридической сущности американского федерализма в контексте разграничения властных полномочий, сводимы к следующим категориям[2]:

1. Полномочия субъектов федерации (штатов):

– участие штатов в делах федерации в форме представительства в Сенате - палате парламента, представляющей штаты;

– полномочия штатов по выборам президента: каждый штат выбирает, согласно своему собственному законодательству, коллегию выборщиков президента, численно равную общему числу сенаторов (2) и членов палаты представителей (+n) от данного штата;

– полномочия штатов по ратификации поправок в Конституцию по двум вариантам (второй, правда, никогда не использовался штатами, но теоретически допустим): (1) после утверждения поправки двумя третями голосов Конгресса она должна быть утверждена по крайней мере тремя четвертями легислатур штатов, прежде чем вступит в силу; (2) легислатуры двух третей штатов могут созвать национальный Конвент, чтобы предложить поправку к Конституции, после чего она должна быть утверждена тремя четвертями штатов, прежде чем вступит в силу.

– 10-я поправка[3], определяющая круг собственных полномочий штатов: «Полномочия, не переданные Соединенным Штатам Конституцией и не запрещенные ею для исполнения штатами, соответственно сохраняются за штатами или за народом»;

2. Полномочия федерального правительства;

3. Конституционные ограничения на полномочия субъектов федерации;

4. Федеральные гарантии полномочий субъектов федерации;

---

[1] C.J. Friedrich. Trends of Federalism in Theory and Practice. New York. 1968. P. 173. Цит.по: Фарукшину М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань. 1998.

[2] Everett. C. Lddd. Pp. 131-137.

[3] The U.S. Constitution and fascinating facts about it. Supplemental text by Terry L. Jordan. 2002. P. 33.

5. Отношения между субъектами федерации (штатами):

Равное представительство штатов в Сенате, независимо от численности их населения, но неравное при формировании коллегий выборщиков (разница зависит от количества членов палаты представителей, избираемых как национальные представители в пределах данного штата, но не от штата), а само современное понятие «федерализм» существенно отличается от того, что вкладывали в него создатели Конституции США, прежде всего, Дж. Мэдисон. [1]

Как пишет в своей статье «Что отцы-основатели подразумевали под федерализмом» американский исследователь М. Дайэмонд, «американская Республика рассматривалась почти всеми современными авторами как образец федерального правительства (government). Действительно, различные современные дефиниции федерализма являются немногим более чем слегка обобщенными описаниями американского способа правления (way of governing)... Согласно этим типовым дефинициям, сущностной характеристикой федерализма является «разделение политической власти», разделение верховной власти (supremacy) (или суверенитета, как сегодня говорят) между государствами-членами (member states) и центральным правительством, каждое из которых обладает последним словом (the final say) касательно вопросов, принадлежащих их сфере компетенции»[2].

Американская модель федерализма в современных США заключена в сферах компетенции штатов и федеральных властей, которые жестко разграничены, причем взаимоотношения между ними специально оговорены в Конституции (статья 1, раздел 10)[3]. В целом в стране существует централизованная государственная система, и поэтому штаты не вправе заключать международные договоры, выпускать деньги, принимать законы с обратной силой или законы, нарушающие договорные обязательства. Без согласия Конгресса штаты не могут содержать вооруженные силы в мирное время, вести военные действия самостоятельно, вступать в соглашения с другими штатами, устанавливать

---

[1] Everett C. Ladd. The American Polity: The People and Their Government. P. 128-129.

2 Diamond M. What the Framers Meant by Federalism // A Nation of States. Ed. by Robert A.Goldwin. Chicago: Rand McNally, 1974. P. 25-41.

3 Ibid. P. 45.

пошлины и сборы на ввоз и вывоз товаров[1].

Один из важнейших вопросов федерализма - обеспечение выполнения принятых на федеральном уровне решений. При принятии Конгрессом законов в каждом конкретном случае на основании конституции определяется, как они будут регулироваться и какова степень контроля за ними со стороны федеральных властей. К примеру, согласно Конституции, федеральное правительство может регулировать торговлю между штатами. Верховный суд интерпретирует это положение в том смысле, что любая компания, которая ведет бизнес более чем в одном штате, подпадает под федеральное регулирование[2].

С другой стороны, Конгресс может принимать законы, в которых сознательно возлагает больше ответственности за их исполнение на штаты.

Конституция США во многом представляет собой политический документ и не предусматривает точных решений на все случаи жизни. Как строятся отношения федеральной власти с властями штатов? По сравнению с Россией, считает старший научный сотрудник Института Брукингса доктор П. Нивола, у США есть богатый двухсотлетний опыт их сосуществования. Прежде чем США пришли к нынешней системе, они столкнулись с рядом кризисов, самым серьезным из которых была Гражданская война. «Перетягивание каната» продолжается и до сих пор. Вообще на протяжении всей истории США отношения между федеральными властями и властями на местах напоминали колебания маятника - то одни, то другие получали больше полномочий в своей деятельности[3].

Это положение было закреплено в десятой поправке к Конституции США, которая гласит, что «полномочия, которые не переданы в соответствии с Конституцией Соединенными Штатам, являются прерогативой отдельных штатов или народа»[4]. К компетенции федеральных властей отнесены только вопросы

---

[1] Конституция США. 1992. С. 23.

[2] См.: Wheare K. Federal Government. – L.: Oxford University Press. 1963. P. 10. Цит.по: Умновой И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М. 1998.

3 США: экономика, политика, идеология. 1997. №2. С. 40.

4 Конституция США. 1992. Первые десять поправок, получивших название «Билль о правах», и две другие, ратификация которых не была успешной, были предложены первым Конгрессом 25 сентября 1789г.

обороны, безопасности, внешней политики, право денежной эмиссии и некоторые другие общенациональные функции. Практически каждый штат Америки представляет собой государство со своей конституцией, со своим флагом, своим правительством, парламентом и судебными органами. В каждом штате действуют свои законы, но при этом федеральные законы США имеют силу на территории всей страны[1].

Еще одно важное преимущество США составляет стабильная разветвленная юридическая система. Это не судебный аппарат в распространенном смысле слова, а механизм по выработке политики. Именно она и является главным арбитром в спорах и конфликтах, возникающих между центральной властью и штатами, причем в этой сфере выступают как Верховный Суд, так и апелляционный и окружные суды. Им принадлежит право интерпретировать Конституцию и разрешать возникающие противоречия.

Основным способом разрешения конфликтов остается Верховный суд США. Кроме обращения в суд, в США существуют другие средства принудительного воздействия федерального правительства на власти штатов, в частности финансовые рычаги. Например, когда администрация страны выделяет ассигнования на различные программы штатов и органов местного управления, то ее представители осуществляют контроль над расходованием этих средств: в случае использования их не по назначению Вашингтон может их отозвать. Штаты вынуждены играть строго по правилам, поскольку в большинстве своем такие важные программы, как образование, строительство дорог, медицинское обслуживание и др., финансируются из федерального бюджета.[2]

Таким образом, американская модель федерализма, как мы можем наблюдать, существует в структурном, поведенческом, историческом и культурном отношении в качестве четко очерченной политической формы. В любой политической системе федерация и федерализм соотносятся друг с другом как «структура» и «культура». Их можно теоретически отделить друг от друга, но они

---

[1] Там же.

2 Glenn F. The disputed federalist papers: SVM feature selection via concave minimization, New York: ACM Press, 2003. P. 87.

всегда остаются созвучными друг другу, и им надлежит быть вместе. Это две грани одной и той же реальности[1].

[1] M.J.C. Vile, Constitutionalism and the Separation of Powers. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.

§ 1.3. Религиозный фактор в образовании американской федерации

Большую роль в развитии государственности североамериканских штатов и самой будущей федерации сыграл религиозный фактор. Невозможно объяснить эволюцию американской государственности и американского федерализма, не рассматривая весь комплекс религиозных проблем, волновавших в то или иное время американское общество.

Если в европейских странах национальная идея была основана на этнической общности, на длительной общей исторической традиции, то в американском обществе первенствующую роль играли общие принципы и религиозные идеалы, преданность существующей форме правления. Быть американцем означает разделять американские принципы, которые в определенной мере противоречивы. Демократические ценности Американской революции и ее культ коррелируют с определеной враждебностью к революциям вообще; представление об исключительности исторического пути Соединенных Штатов - с мессианистским стремлением навязать свои принципы всему миру в качестве образца для подражания. Американцы по праву гордятся существующим в их стране плюрализмом политических программ, однако идеи, выходящие за рамки либерализма, вызывают реакцию отторжения, как «неамериканские»[1].

Возникновение этих противоречий во многом связано с периодом формирования колоний, где лица английского происхождения составляли 60% белого населения[2]. В данном параграфе рассматриваются идейные истоки и, прежде всего, религиозные, служившие фактором складывания штатов и будущей федерации. Речь в первую очередь идет о таких территориях как Новый Плимут, Массачусетс, Рой-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир, Мэриленд и другие.

---

1 Гаджиев К.С. Американская нация: Национальное самосознание и культура. М., 1990 С. 118-123; Козлов Д.В. Проблема становления американского национализма. (XVIII-сер.XIX вв.) Дисс. канд. истор. наук. М., 1997. С. 6-8; См.: Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. - М., 1990.

2 McDonald F., McDonald E. The Ethnic Origins of the American People. 1790 //William and Mary Quarterly. Vol. 37. April, 1980. P. 179-199.

Первой из северных колоний, которая формируется в Новой Англии на религиозной основе — была колония Новый Плимут.

В начале XVII века в Англии ширилось движение пуритан — сторонников «очищения» официальной англиканской церкви от элементов католицизма и приближения ее кальвинистскому образцу. Пуританская этика, поощрявшая бережливость и трудолюбие, объявлявшая обогащение проявлением избранности Богом, считается одной из важных психологических основ раннего капитализма. Английский пуританизм имел также политический, антиабсолютистский смысл. Король Яков I хорошо понимал эту сторону учения пуритан, когда говорил, что пуритане отличаются не столько религиозными убеждениями, сколько своей разрушительной политикой и требованием равенства; ведь они всегда недовольны существующим правительством и не желают терпеть чье бы то ни было превосходство, что и делает их секты невыносимыми ни в каком хорошо управляемом государстве. Поэтому не случайно, что в Англии пуританизм преследовался, а пуританских проповедников и распространителей пуританской литературы подвергали бичеванию, сажали в колодки, клеймили, отрезали уши[1].

Многие пуритане искали спасения от репрессий в эмиграции. В их числе была и группа, основавшая Новый Плимут. В истории эти люди известны как «отцы-пилигримы». Они прибыли в Америку 11 (21) декабря 1620 г. на корабле «Мэйфлауэр». (Этот день отмечается в США как официальный праздник - «день отцов-пилигримов».) Перед высадкой они заключили между собой знаменитое Соглашение на «Мэйфлауэре». Соглашение предусматривало создание «гражданского политического организма» для поддержания «лучшего порядка и безопасности». Колонисты договаривались создать «справедливые и равные для всех законы», «соответствующие общему благу колонии»[2].

Как пояснил политический лидер колонистов У. Брэдфорд, важность поддержания порядка усугублялась «ужасной и пустынной дикостью, полной

---

[1] Гаджиев К.С. Пуританские общины в Новой Англии в XVII-XVIII вв. //Вопросы истории. 1974. № 8.С. 23.

[2] Mayflower Compact. An American Primer /Ed. By D.J. Boorstin. N.Y., 1968.P. 90.

страшных зверей и нецивилизованных людей»[1], в которой предстояло жить его подопечным. Существовала еще одна причина для объединения этих людей, которые рассматривали себя как часть некоего божественного плана, направленного на очищение религии (причем, без ложной скромности, конечной целью было объявлено полное совершенство, на меньшее новоявленные пилигримы не соглашались).

Следует отметить, что Мейфлауэрское соглашение считается одним из основополагающих документов американской истории. Оно было подготовлено и подписано незадолго до прибытия в Кейп-Код (Северная Вирджиния) английского корабля «Мейфлауэр» со 102 пассажирами на борту. (Во время трансатлантического плавания один из пассажиров погиб, но появились на свет два новорожденных, в результате чего на борту корабля оказалось 103 человека.) Соглашение подписал 41 взрослый мужчина — главы семейств и одинокие мужчины, включая членов экипажа и слуг (кроме двух матросов, не собиравшихся оставаться в Америке более года)[2].

Необходимость составления такого документа вызывалась тем, что среди пассажиров корабля начались разногласия по поводу образа жизни по прибытии в пункт назначения. Английские пуритане-кальвинисты, готовые сохранить уже сложившееся в их среде общинное устройство, не нашли общего языка с небольшой группой лиц (доставка их в Америку была оплачена лондонскими торговцами), которые получили гарантии свободного расселения на территории Вирджинии.

После подписания Мейфлауэрского соглашения пассажиры судна избрали на год Дж. Карвера губернатором своей колонии, которая получила название Плимутской (она просуществовала вплоть до 1691 г., когда была поглощена Колонией Массачусетского залива). По прошествии полугода пребывания в Америке 20 оставшихся в живых подписантов Соглашения образовали

---

1 William Bradford, Of Plymouth Plantation, 1620-1647, ed. Samuel Eliot Morison New York: Knopf, 1963.P. 76.

2 Слезкин Л.Ю. Соглашение на «Мэйфлауэре». Из предыстории США //Новая и новейшая история. 1971. № 5. С. 12-13.

администрацию колонии. [1]

Приведем текст данного Соглашения.

«Во имя Господа Бога аминь. Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные нашего великодержавного повелителя — короля Джеймса, Божьей волей короля Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры, etc.

Предприняв во славу Божью и во имя распространения христианской веры и в честь нашего короля и страны путешествие с целью основания первой колонии в северных частях Вирджинии, настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, постановления, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний, и которые мы обязуемся должным образом соблюдать, и которым мы обязуемся подчиняться».[2]

Колонии различались не только особенностями структуры управления и экономики, но и религией. В Виргинии и Каролине англиканская церковь имела статус государственной. Другие колонии Новой Англии, напротив, были основаны людьми, не принимавшими англиканскую церковь. Это были пуритане радикального крыла, называвшиеся также конгрегационалистами, или индепендентами. Они считали, что вхождение в церковную общину (конгрегацию) должно быть добровольным. Сплачивало общину соглашение о вере, где не было назначенных сверху священников, как в англиканской церкви или у пуритан пресвитерианского толка. Пастора и проповедника избирала большинством голосов сама конгрегация. Конгрегационалисты не принимали кальвинистского догмата о предопределении, считая, что принадлежность к церкви дает любому человеку возможность очиститься от греха и приобщиться к святости (почему они и называли себя также «святыми»). В то же время, в отличие от сект, принадлежащих

[1] Mayflower Compact. An American Primer /Ed. By D.J. Boorstin. N.Y., 1968. P.90.
2 An American Primer /Ed. by D.J. Boorstin. N.Y., 1968.P. 87.

к так называемой народной Реформации, они не выдвигали требования вернуться к имущественному равенству первых христианских общин, а признавали лишь равенство перед Богом[1].

Пуританами же была создана в 1629 г. Массачусетская компания, которая основала колонию Массачусетс — в будущем самую мощную колонию Новой Англии. Ее создатели рассчитывали, что новая колония станет образцом «чистой» религии, «градом на холме» из пророчества Исайи. В 1632 г. был основан будущий административный центр колонии - г. Бостон. Жесткая политика руководителей новой колонии, прежде всего ее губернатора Д. Уинтропа, а также господствовавший в ней фанатический, нетерпимый пуританизм быстро привели к тому, что недовольные начали покидать Массачусетс[2].

Называя себя «пуританами», они, по сути, являлись конгрегационалистами, которые не порвали окончательно с англиканской церковью и с надеждой очистить ее изнутри — пусть и на расстоянии в 3 тыс. миль. Проявив большую предусмотрительность, чем пилигримы, они смогли организовать Компанию Массачусетского залива и массовое переселение пуритан из Англии. Их корпоративная хартия постепенно преобразовалась в правительственную структуру, утверждавшую важность экономического фактора даже в религиозно-духовных начинаниях, т.к. моральный кодекс пуритан отнюдь не отвергал материального благосостояния. Быть пуританином вовсе не быть только фермером или финансистом. Для каждого человека важно было следовать своему призванию, то есть занимать место, которое в этом мире определил ему Господь. Помимо того жители колонии Массачусетского залива ощущали себя «связанными договором» с Богом, носителями особой миссии, предполагавшей изменение хода истории — не только земной, но и небесной».[3] Что касается конкретных задач, то пуритане видели их в том, чтобы построить гармоничное христианское общество, всячески сопротивляться происками Сатаны и восстановить «первоначальную» чистоту

[1] Mark A. Noll, Nathan O. Hatch, and George M. Marsden, The Search for Christian America. Expanded ed. Helmers & Howard, 1989. P. 29.
[2] Miller P, The New England Mind: From Colony to Province. Harvard University Press, 1953, P. 123.
[3] Ibid. P. 127.

церкви. Таким образом, их община представляла собой не обычную колонию, а своеобразное «святое общество всеобщего благоденствия»[1]. Руководители колонии, естественно, не собирались отменять такие понятия, как индивидуальные различия поселенцев, систему социальных рангов, частную собственность и местную автономию, но вместе с тем они постоянно напоминали своей пастве о совместном существовании, обязательствах перед обществом и коллективных интересах. Ничто так не радует Бога, декларировали они, как единство. Он желает, чтобы его дети жили дружно, как одна семья, избегали раздоров и противились разделению. Говоря о своей колонии, губернатор Джон Уинтроп объявил: «Будем мы подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас»[2]. Итак, колонисты Массачусетского залива считали себя первыми американцами, осознавшими свою особую миссию и позиционировавшими себя как часть спасительной нации, которая призвана стать образцом для всего мира.

Подобная модель не допускала инакомыслия. Пуритане не отвергали идею религиозной свободы, но признавали ее только для самих себя — чтобы жить и поступать в соответствии с велениями собственного Бога. Они знали, что в мире много ошибочных, абсурдных учений и если лжепророки проникнут в твердыню Массачусетского залива, то их святое дело — возможно, самое значимое со времен зарождения Реформации — обречено на провал. В 1635 г. правление колонии объявило вне закона и изгнало Р. Уильямса, который настаивал на полном отделении церкви от государства (дабы оградить чистоту конгрегации от грязи и греховности политики). Еще через два года, в 1637 г. состоялся суд над А. Хатчинсон. Официально ей вменялось в вину заявление о том, что она якобы напрямую общается со Святым Духом; на самом деле это была борьба против женщины, которая посмела бросить вызов церковным властям, традиционно представленным мужчинами[3].

А. Хатчинсон полагала, что состояние «святости» не достигается ни

---

[1] Ibid. P. 127-128.
[2] Winthrop J. Short Story of the Rise, Reign, and Ruin of the Antinomians, Familists, and Libertines, in David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1636-1638. Duke University Press, 1990. P. 280-82.
[3] Ibid. P. 285.

принадлежностью к церкви, ни строгим соблюдением заповедей, а является даром Бога. Она ставила под сомнение «избранность» массачусетской теократической верхушки и исключительное право этой последней толковать Священное писание. А. Хатчинсон была отлучена от церкви и выслана из колонии. Таким образом, в Массачусетсе конгрегационализм стал государственной церковью и определял весь строй жизни. Пуритане старались законодательно регламентировать все стороны жизни в соответствии со своим вероучением, не позволялось, например, носить дорогие и яркие одежды, курить табак[1].

Пуританизм отражался и на уголовном законодательстве Массачусетса, т.к. каралось не столько преступление, сколько грех. Примером пуританского правосудия может служить дело некоего У. Скулера, который обвинялся в убийстве девушки и в супружеской неверности. Однако его осудили на смерть, прежде всего, потому, что он вел греховную жизнь и жил «подобно атеисту»[2].

Как показывала практика новых колоний, шла тотальная борьба с толерантностью. Основатели колоний Новой Англии приезжали в Америку, чтобы не защищать любое разнообразие в религиозной практике, или утверждать первенство совести человека, а с целью установить одну истинную веру, которую не могли испортить или переосмыслить другие люди. Подлинной религией признавалась та, в которой содержались завещания Бога, в которых Он выбрал людей, направленных к спасению, сделав их церковь собранием «видимых святых»[3]. Несознательные жители колонии, спасенные таким образом, не могли быть членам церкви и при этом они не могли быть членами с правом голоса в обществе. Но они должны были поддержать истинную церковь, даже если они не были ее полноправными членами. С. Уиллард выступил в 1681 г. против баптистов, утверждающих, что Новая Англия должна быть приютом религиозной свободы: «Я думаю, что они ошибаются во мнение о наших первых основателях, поведение

---

[1] Галкина Е.В. Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке //Американский ежегодник, 2000. М., 2002. С. 98-117.

[2] Sidney E. Mead. The Old Religion in the Brave New World: Reflections on the Relation Between Christendom and the Republic. University of California Press, 1977. P. 2.

[3] Жук С.И. Первое религиозное «Великое пробуждение» в Британской Америке //Вопросы истории. 1997. № 6. С. 4.

которых не отличались толерантностью, но и не были ее выраженными врагами, и они покинули этот мир, утверждая, что они не были никакими распутниками. Их жизнь должна была регулироваться хранителем религии. Согласно их убеждениям, этим хранителем был Бог».[1] Или как выразился Н. Уард в 1645 г.: «Я смею заявить… от имени нашей колонии, что у всех Фамилистов, Аморалистов, Анабаптистов, и других Энтузиастов должна быть свобода действий — чтобы они держались подальше от нас»[2].

Наглядный пример религиозной нетерпимости во вновь образованных колониях можно проследить на примере казуса с М. Даер. То, что случилось с ней, не было единственным случаем, это лишь часть всех действий, направленных на борьбу в Новой Англии не только с квакерами, но и пресвитерианами и баптистами, «аморалистами» и «ведьмами»[3]. М. Даер в сорок лет была матерью шестерых детей и состояла в рядах квакеров, что расходилось с позицией государственной церкви в Массачусетсе; она, как и другие квакеры, была выслана согласно закону из Колонии Залива Массачусетс под страхом смертной казни[4].

Осужденных предупреждали, что они должны раскаиваться перед Богом. Их показания обычно заслушивались, а позже, некоторые из них должны были быть опубликованы. Также была возможность при свидетелях еще раз упомянуть их грехи. Если осужденные люди подчинялись этим последним формальностям - то это был повод, чтобы их помиловать. Но квакеры высказывали свое мнение, борясь за справедливость[5].

Преступление М. Даер квалифицировали как неподчинение правительству, власть которого была основана на одной «истинной» религии. Даже носить книгу квакера в обществе было запрещено. Капитаны судов серьезно штрафовались, если

---

1 Sydney Ahlscrom quoted in Richard Hofstadter, Anti-Intellectualism in American Life. Vintage Books. 1963. P. 119.

2 Sidney E. Mead. The Old Religion in the Brave New World: Reflections on the Relation Between Christendom and the Republic. University of California Press, 1977 P. 2.

3 For the death of Mary Dyer, see Nathaniel B. Shurtleff, ed., Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England, 1628-1686. Boston, 1853-54. vol. 4. Part 1. P. 383-85.

4 Ibid. P. 387.

5 Ibid. P. 389.

они провозили квакеров к берегам колонии — и также штрафовали за обеспечение книгами квакеров, брошюрами или проповедями, или за любые выражения религиозных убеждений не истинной религии. Такой же запрет относился к пресвитерианам, баптистам, и сторонникам любой несанкционированной веры. Когда часть верующих отклонилась от истины, как это было официально разъяснено, они были отдалены от церкви. Если они противодействовали этому, то чиновники могли высылать их из колонии. Если же они отказывались покинуть колонию, то их можно было хлестать кнутом, калечить (подрезать уши или языки), или подчинять иными способами. Если они пытались вернуться в колонию, не было других способов покончить с таким «сопротивлением» без применения смертной казни.[1]

Толерантность в этом урегулировании, не шла на пользу правительству, т.к. это было отрицанием истины. Простое «мнение» не было вещью, которую будут уважать, так как только уверенность была возможностью членства в правящем обществе. Кембриджский пастор Т. Шепард, который сыграл немалую роль в осуждении «еретички Э. Хатчинсон», сказал, что проявление терпимости к различным религиям стало «основой всех других ошибок в церквях Бога». Так, Р. Матер, упомянул это в 1657 г.: «Не верьте тем людям, которые считают, что человек может быть спасен в любой религии, и что было бы хорошо оставить все религии свободными, и что такие мнения не несут никакой опасности в себе. Они - всего лишь дьяволы Сатаны, и даже благодаря таким пагубным ошибкам они не попадают под наше подозрение... Если вы полагаете, что овцы будут чувствовать себя достаточно хорошо, если к ним выпустить волков, то может Вы считаете, что лжеучения, которые они проповедуют, не представляют опасности для душ людей?»[2]

Исходя из этих размышлений, М. Даер была одним из «приспешников Сатаны» и дьявол сводил ее с ума. Настойчивость возвращений квакеров в колонию, была результатом их общения с Сатаной: «Они возвращались — и делали

---

[1] Ibid. P. 391.

2 Richard Mather, Farewell Exbortation to the Church and People of Dorcbester in New England. Cambridge: Samuel Green, 1657. P. 5-6.

это как управляемые дьяволом существа, которые неистово выступают против правительства»[1].

Причиной для осуждения квакеров была их уверенность относительно существования «внутреннего света», который содержался в их учениях. Эта уверенность позволяла им быть свободными в буквальной трактовке Евангелия. Когда первые женщины квакеры прибыли в Бостон в 1656, уже того факта, что они были женщинами - проповедниками, было достаточно для чиновников, чтобы поместить их в тюрьму и подвергнуть их испытаниям «на наличие причастности к Дьяволу» [2]

Было бы ошибкой искать религиозную терпимость в семнадцатом столетии в Новой Англия. Так проникавшийся папистскими убеждениями монарх был свергнут, а протестант Оливер Кромвель пришел к власти. Но для этого он должен был скрепить все формы религиозного инакомыслия, чтобы выступить против монархии и был вынужден терпеть недовольство между пуританами, ресвитерианами, баптистами, и другим духовенством Новой Англии[3].

Когда же монархия была восстановлена, король не мог позволить себе разгневать крестьян, полностью изменив меры толерантности в отношении религии. Именно поэтому он прибыл в Новую Англию для защиты квакеров, и угрожал отменить устав Массачусетса, который позволял его губернаторам пренебрегать религиозными разночтениями. В письме, от 28 июня 1662 г. король сообщает местным властям Массачусетса, что они больше не могут ограничивать голос церкви и верующих, или каким-либо образом ограничивать их вероисповедание. Это шло в противоречие с теми правами, которые были предоставлены властям по Уставу 1629 г. Так как для поселенцев Массачусетса всегда было опасно пользоваться этим Уставом в Англии, они пользовались им в Новом Свете, где значительно расширялось его действие и влияние. Устав также содержал и правила акционерного капитала для торговли (подобно Компании

---

[1] Ibid. P. 17.
[2] Ibid. pp. 11-15.
[3] Исаев С.А. Какой тип протестантизма создал основу американской государственности? //Русское открытие Америки. Сб.ст., посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. М., 2002. С. 50-57.

залива Гудзон и Компании Вирджинии)[1].

Но король решил отменить Устав, несмотря на сильное сопротивление колонии. (Устав был отменен в 1686 г., когла все Северные колонии были собраны в отдельный Доминион Новой Англии, который управлялся назначенцем короля)[2]. Новый король предоставил иной устав Массачусетсу и также издал закон о Толерантности, под которым понималось, что все формы протестантского вероисповедания (кроме католиков) должны быть разрешены. Новый устав сделал губернатора королевским назначенцем с расширенными полномочиями, а местная церковь Массачусетса должна была подчиняться новой договоренности. Таким образом, нетерпимость Новой Англии постепенно нивелировалась королевскими действиями[3].

Непосредственные предпосылки для расширения принятия религиозных представлений были прагматическими и примирительными, но и формировались другие принципы. Воздействие Просвещения уже чувствовалось во многих сферах. Примером можно считать Письмо Относительно Терпимости 1689 г. Религии предпросвещения Америки появлялись на разных уровнях, хотя многие выступали против этой тенденции. В 1708 С. Сеуолл, «судья Салемских ведьм», все еще отказывался предоставить разрешение для молитвенного дома квакеров, созданного в Массачусетсе, так как утверждал, что «не будет принимать участия в их (квакеров) поклонениях дьяволу»[4].

Исследуя взаимоотношения церкви и власти во вновь образованных колониях, а затем и штатах, необходимо задаться вопросом, а какие полномочия имела пуританская церковь для борьбы с еретиками. Главы Колонии залива считали, что у церкви не было никаких полномочий, кроме как осуждать ересь. Право наказания оставили за государством, которое имело совершенно другой статус и с самого начала Новая Англия выражала идею о разделение церкви и

---

[1] Pastana C. Quakers and Babtists in Colonial Massachusetts. Cambridge University Press, 1991. P. 35.
[2] Writings of Professor Bela Bates Edwards (John P. Jewett, 1853), vol. 2, P. 498.
3 David S. Lovejoy, Religious Enthusiasm in the New World. Harvard University Press, 1985. P. 117.
4 Samuel Sewall, Proposals Touching the Accomplishment of Prophecies.1713. P. 6-7.

государства. Д. Уинтроп на судне иммигрантов Арбелла говорил, что «в правительстве должно присутствовать как гражданское, так и духовное»[1]. Таким образом, все жители колонии должны были быть верующими, но фактически большинство было далеко от церкви и веры. Эти «неизбранные» не попадали под благословение Бога и не пользовались естественными правами, данными Богом Адаму. Церковь руководила собственными делами и не могла заниматься делами вне ее компетенции. Правительство же могло это делать, т.к. церкви не было права осуществлять наказание и это право принадлежало светским судьям, которые не могли быть пасторами. Джон Коттон говорил: «Человек, по своей природе является разумным и общительным существом, способным к гражданскому порядку, и может быть объектом государственной и гражданской власти, но человек, относящийся к объединению Иисуса Христа и с Его последователей - является объектом церковной власти»[2]. Таким образом, М. Даер была повешена не как еретик, а как — нарушитель общественного порядка так же, как, Э. Хатчинсон и Р. Уильямс были высланы из колонии не из-за их религиозных убеждений, а из-за их неповиновения властям[3].

Соратник по религиозной борьбе М. Даер – некий Д. Уилрайт, один из идеологов антиномии[4] предпочел покинуть Массачусетс. К северу от этой колонии он основал поселок Эксетер (1638 г.), в котором селились преследуемые теократией массачусетцы. Так было положено начало колонии Нью-Гэмпшир.

Тем же путем, что и Нью-Гэмпшир, возникла колония Род-Айленд. Ее создатель, Р. Уильямс, в противовес нетерпимости пуритан провозгласил принцип полной свободы для всех христианских вероисповеданий. Он прибыл в Массачусетсе качестве священника. Однако его религиозные взгляды и в особенности его убеждение, что европейцы не имеют права отнимать у индейцев

---

1 John Winthrop, A Short Story of the Rise, Reign, and Ruin of the Antinomians, Familists, and Libertines, in David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1639-1638 (Duke University Press, 1990), P. 280-82.

2 John Cotton, A Discourse About Civil Government in a New Plantation Whose Design Is Religion. Cambridge, 1663. P. 6.

3 Ibid.P. 9.

4 Антиномия (от греч. «противозаконие») - презрительное название, которое дали пуритане антиномианцам, как людям, отрицающим их законы и их веру. Прим. авт.

их территорию, привели его к конфликту с пуританами. Р. Уильямс был вынужден покинуть Массачусетс и найти приют у индейцев. Впоследствии племя подарило Р. Уильямсу часть своей территории, где весной 1636 г. был основан г. Провиденс - центр будущей колонии Род-Айленд. Основными принципами своей политики Уильямс объявил религиозную терпимость и справедливость в отношениях с индейцами. Сюда стекались люди, гонимые массачусетской теократией. Они отрицали кальвинистский догмат предопределения, и в особенности толкование обогащения как знака избранности Богом, а также отвергали любую церковную иерархию. Крупнейшими из сект такого типа в Америке были баптисты (первую баптистскую церковь на территории США основал Роджер Уильямс) и квакеры[1].

Квакеры не имели ни обрядов, ни таинств, ни священников. Проповедь вел тот из участников молитвенного собрания, который чувствовал озарение. Квакеры отвергали обычные знаки почтения, ни перед кем не снимали шляпы, обращались ко всем на «ты». Уильям Пенн как-то шокировал английский двор, не пожелав снять шляпу перед Карлом II[2].

Первые квакеры появились в Массачусетсе в 1656 г., где пуритане встретили их репрессиями, а привезенные ими книги были сожжены. Оберегая свой «град на холме» от ереси, члены магистрата приказали наглухо закрыть окна их камеры и назначили штраф в 5 тыс. фунтов стерлингов за попытку заговорить с ними. Через месяц квакерши были высланы на Барбадос. В дальнейшем в Массачусетсе и в других колониях, входивших в Конфедерацию Новая Англия, были приняты законы, каравшие не только принадлежность к секте квакеров, но и любую форму помощи ей со стороны колонистов. Ряд квакеров, упорно возвращавшихся, чтобы проповедовать свою веру в Массачусетсе, были повешены.

После войны с индейским племенем пекотов, которые были полностью уничтожены, на их земле была образована новая колония Коннектикут. В 1639 г. в Коннектикуте были созданы собственные органы самоуправления и Ассамблея новой колонии приняла «Великие основы», составленные теологом Т. Гукером, -

---

[1] Короткова С.А. Квакеры в Англии и североамериканских колониях в XVII в. // Религия и политика в Европе XVII-XX вв. Смоленск, 1998. С. 62-71.
[2] Mather c. Theopolis Americana: An Essay on the Golden City. B. Green, 1710. P. 3.

первую писаную конституцию на территории будущих Соединенных Штатов. В 1681 году король Карл II своей хартией подарил свыше 45 тыс. кв. миль Уильяму Пенну, руководителю английских квакеров[1]. Вызов, который квакеры бросали иерархической власти и общественному порядку — наряду с их непонятными разговорами о «внутреннем свете» истинно верующих и духовном равенстве женщин, — представлял собой зримую угрозу покою и стабильности в Англии. На предоставленной ему земле Пенн затеял «Священный эксперимент» по внедрению принципов квакеров в повседневную жизнь и создал общество, в котором жители были защищены от произвола автократии. Опыт колонии Пенсильвания можно считать успешным, хотя этот успех следует отнести, скорее, к области экономики, чем теологии. Сюда хлынул поток самой разношерстной публики, к 1701 году пенсильванцы создали такую форму правления, которая поставила под сомнение даже власть самого семейства Пеннов.[2]

Первые квакеры не были такими миролюбивыми, какими они стали к восемнадцатому столетию, отрицали власть короля и священников, и часто нарушали церковные и светские сборы, сначала в Европе, затем и в колониях. Их отказ снимать шляпы и давать общепринятые клятвы были преднамеренно подрывными намерениями. Некоторые даже обратились к такой форме протеста как «хождение в голом виде». Древние пророки Сэмюель и Исайя совершали обряды полностью голыми: «Мой служитель Исайя ходил голым и босым три года для своего признания»[3]. Квакер У. Симпсон - пример проявления этого протеста в Англии. За ним следовали другие квакеры так, что даже в одной из публикаций говорилось: «Во всех крупных городах квакеры в дни ярмарок ходят голыми». В Массачусетсе женщины квакеры Л. Уардел и Д. Уилсон «приехали в совершенно голом виде, в то время как их допустили к общественным собраниям, и их жестоко осудили за эту выходку».[4]

---

[1] Павлова Т.А. Квакерское движение в Англии (2 половина XVII – начало XVIII в.) //Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1982. М., 1982. С. 184-205.

2 Samuel Willard, quoted in Perry Miller, Errand into the Wilderness. Harvard University Press, 1956. P. 145.

[3] Miller P. The American Puritans. N.Y.: Doubleday, 1956. P. 270, 271.

4 Jon Butler, Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People. Harvard University Press, 1990. P. 157.

Нужно признать, что квакеры представляли проблему для чиновников, действия которых состояли в том, чтобы поместить нарушителей спокойствия в тюрьму. Не существовало никаких отдаленных мест для долгосрочного лишения свободы, т.к. тюрьма была местом содержания только для тех, кого собираются осудить или помиловать. Когда квакеры были размещены в запасных помещениях, они превратили их в кафедры проповедников для того, чтобы распространять собственные учения. В тюрьмах их раздевали до талии и публично издевались над ними, а они возвращались, готовые пройти эти пытки еще раз. Некоторые были искалечены и те, которым подрезали одно ухо — возвращались, чтобы подставить другое[1].

Брошенные на границе колонии, они отступали назад, чтобы потом появиться в другом месте. Казалось смерть - это единственная вещь, которая постоянно следовала за ними. Другие репрессивные меры просто имели неприятные последствия, как тогда, когда семнадцатилетняя девочка Саутвик протестовала против заключения своих родителей и была помещена в запасные помещения. Ранее, одиннадцатилетняя П. Скотт, которая помогла привести Р. Уильямса в Баптистское сообщество была направлена тюрьму с двумя квакерами, которыми она восхищалась, то Верховный Суд не мог сделать ничего, кроме, как упрекать и обвинять девочку в неблагочестии: «Суд, должным образом рассматривая преступное намерение Сатаны и его последователей, во что бы то ни стало нарушить правду и ввести нас в замешательство, извлек, что — Сатана использовал ребенка, не достигшего зрелого возраста. Принципы же религиозного правосудия позволяют пренебречь ее квакерской принадлежностью для того, чтобы предупредить ее и освободить от обязательств. Капитан Хатчинсон, обязуется отослать ее домой»[2].

Когда судьи назначили Лоренсу и Кассандре Саутвик наказание, «Верховный Суд продемонстрировал всю свою несостоятельность в поиске

---

[1] Samuel Willard, quoted in Perry Miller, Errand into the Wilderness (Harvard University Press, 1956. P. 145.
[2] Ibid. P. 147.

родителей для осиротевших детей Саутвик. Желающих усыновить не нашлось»[1].

Другие колонии согласились с Массачусетсом, что квакеры были общественно опасны и в 1657 году, четыре колонии подписали объединенное соглашение, что действуют сообща, для того чтобы противодействовать квакерам в целом регионе.

«Относительно так называемых квакеров, которые живут среди нас, у нас не существует никакого закона, посредством которого мы бы могли наказывать любого за то, что он даже словами подействовал на наши умы в отношении Бога, спасения и вечной жизни. Кроме того, мы находим, что вышеупомянутые люди, объявившие себя свободными в нашей колонии, не должны находиться на ее территории».[2]

Хотя губернатор и другие чиновники не могли быть священнослужителями, они должны были все сообщать церкви. Государство, кроме того, было уполномочено взимать налоги для поддержки церквей, заставляло оказывать разные услуги и поддерживало церковную доктрину как возможное условие временного порядка. Ересь чаще всего трактовали, как действие, когда церковь объявляла человека еретиком, но в действительности она часто совершала религиозное преследование как в Испании, где церковь обращалась к светским властям для исполнения наказания[3].

В случае с М. Даер представителем светской власти был губернатор колонии, Д. Уинтроп, который искал доказательства для подтверждения ее причастности к Дьяволу. Фактически, как уже было сказано, светские власти производили осмотр первых женщин-квакеров, которые вернулись в колонию. Матер проводил параллель между делом М.Даер и жрицы Путиана, которой «овладел дьявол». Разделение церкви и государства в Массачусетсе было явной формальностью, так как государство всегда представляло интересы церкви.

То же самое можно наблюдать и в Род-Айленде; в 1660 г. Р. Уильямс

---

[1] David S. Lovejoy, Religious Enthusiasm in the New World. Harvard University Press, 1985. P. 117.

2 For making the nation an idol, see Mark A. Noll, George M. Marsden, and Nathan O. Hatch, The Search for Christian America (Helmets & Howard, 1989) P. 31-36.

[3] Ibid. P. 43.

обратился к Д. Уинтропу и на примере К. Скотт показал ему, «как надо разрешать проблемы»[1]. Одеако через десятилетие Р. Уильямс сам фактически впал в панику из-за квакеров, т.к. секта, использовавшая свое положение в колонии, стала настолько богатой и сильной, что фракция Уильямса в законодательном органе попыталась ограничить ее свободу слова. В то время как лидер квакеров Д. Фокс прибыл из Англии в Америку, Р. Уильямс бросил ему вызов, но не получив ответа сказал, что «этот старик Фокс думает, что лучшим выходом будет бегство»[2].

Р. Уильямс, следуя примеру Массачусетса, прировнял нарушителей религиозных канонов к нарушителям мира и спокойствия. Он сообщил: «наказание вот судьба этой невежливости» - он относил к этой «невежливости» собрания квакеров, использование их выражений, препятствуя тем самым их общественным ораторам обращаться к народу, и «совершать проповеди женщинам-квакерам на общественных собраниях». То, что квакеры были нарушителями спокойствия, он объяснял тем, что «у них рождаются уродливые дети, и они ходят голыми по улицам и на религиозных собраниях»[3]. Их нагота была особым нарушением общественного порядка, так как они могли оголиться в любое время, а женщины раздевались прямо в церквях. «Я спросил у них, что это? Голос Бога, Бога святости, или приказы Дьявола? Ибо я сказал им, что вы находитесь под воздействием и, что в нормальном состоянии ни женщины, ни мужчины, не смогут совершить таких действий и, что это воздействие Дьявола, приводящее к ужасу и изумлению целой страну или даже целый Мир?»[4]

По мнению властей, их мысли не были светлы и чисты, т.к. они соприкасались с Дьяволом: «их состояние, движения, поведение были результатом воздействия Сатаны». Он неоднократно сравнивал квакеров с папистами, которые были единственной сектой, запрещенной даже законом о толерантности. Матер думал, что католики идут вне Евангелия в убеждении, что Святой Дух дает послания только Папе Римскому, а Квакеры не придерживаются этого убеждения и считают, что Святой Дух обращается к каждому человеку. Квакеры были «столь

[1] Ibid. P. 41-45.
[2] The Complete Writings of Roger Williams. Russell & Russell, 1963. vol. 5. P. 21.
[3] Ibid. P. 21
4 Ibid. P. 21

чудовищны и богохульны, как и паписты в их глупом, чудовищном и проклятом обличие».[1]

Э. Морган удивлялся «необычному гневу Уильямса» и «ненависти» к квакерам, полагая, что это было вызвано мыслями, что его внутренний свет был искажен его собственной верой в превосходство совести[2]. Р. Уильямса считают основоположником идеи разделения церкви и государства в Конституции Соединенных Штатов (вопрос, который будет рассматриваться позже); но даже он показывает, насколько невозможно было такое разделение в семнадцатом веке в Новой Англии. Трое видных христианских деятелей говорили о том, что разделение церкви и государства среди пуритан было лишь видимым и ненастоящим: «Хотя определенные усилия для отделения церкви от государства были предприняты, фактически государство пропагандировало религию в колониях, прослеживало, чтобы только истинная религия преподносилась верующим, следило за необходимым церковным обслуживанием, боролось с инакомыслием. В Заливе Массачусетс избирательное право было ограничено, это объясняли тем, что только верующие имели право занимать государственный пост».[3]

После Пекотской войны в Новой Англии появилась еще одна новая колония - Нью-Хейвен (1638), основанная выходцами из Массачусетса и Коннектикута. С 1638 г. начинается активное освоение Нью-Гэмпшира. (Хартия на его освоение была выдана еще в 1629 г.) Как и Род-Айленд, он стал прибежищем диссидентов, которым не было места в пуританском Массачусетсе[4].

Созданием новых колоний активно занимались и представители других конфессий, существовавших в Англии начала XVII в. С 1624 г. англикане, представители официальной английской церкви, начинают заселять территорию современного штата Мэн, где возникает колония под тем же названием.

В 1632 г. создается одна из самых своеобразных колоний - Мэриленд. Ее

---

1 Mather C. The Present State of New England. Samuel Green, 1690. P. 38.
[2] Ibid. P. 39.
3 Morgan E. The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop. Little, Brown and Company, 1958. P. 122.
[4] Ibid. P. 127.

основатель, Д. Калверт, лорд Балтимор (1582-1632) был видным английским политическим деятелем, однако его карьера прервалась после того, как он перешел в католичество. Балтимор пытался обосноваться в Виргинии, но и там не прижился из-за своих религиозных взглядов. До этого он пытался создать на о. Ньюфаундленд колонию Авалон, но вынужден был ликвидировать ее из-за суровости климата. Вернувшись в Лондон, он выпросил у короля Карла I хартию на освоение пустовавшей северной части Виргинии. Будущая колония была названа Мэрилендом в честь супруги Карла I Генриэтты-Марии. Это была первая собственническая колония в Америке. Король задумывал превратить новую колонию в очаг феодальных отношений в Америке[1].

Еще одна характерная черта Мэриленда определялась вероисповеданием его владельца, т.к. это была единственная из английских колоний, где ощущалось сильное влияние католицизма. В случае с Мэрилендом терпимость была в большей мере вынужденной: католиков, желавших отправиться в Америку, в Англии было не так много, чтобы создать чисто католическую колонию. Тем не менее, к 1641 г. католики составляли около 25 % населения Мэриленда. Именно они занимали все руководящие посты. В колонии активно действовала иезуитская миссия. Реальное освоение пожалованной территории начал С. Калверт, второй лорд Балтимор[2].

В 1640 г. в Англии достигают предела экономические, политические и религиозные противоречия между феодально-абсолютистскими силами и носителями нового, капиталистического строя. В стране начинается революция (1640-1653). С 1642 г. идет гражданская война между королем Карлом I и Долгим парламентом, превратившимся в орган революционной власти. Виргиния твердо встала на сторону роялистов, а в Мэриленде произошел раскол. Правящая католическая верхушка сохранила верность королю, в то время как протестантское большинство населения склонялось на сторону парламента[3]. В 1645-1646 гг.

---

[1] Шершнева С.В. Проблемы новой истории США – религия и церковь в общественно-политической жизни английских колоний в Северной Америке (XVII в.): Учебно-методическое пособие. СПб,. 1999. С. 67.

[2] Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.С. 101-102.

[3] Miller P. The New England Mind: From Colony to Province. Harvard University Press, 1953. P. 123.

мэрилендские протестанты подняли восстание, которое, однако, было подавлено.

Но уже в июле 1689 г. началось новое восстание в Мэриленде под руководством Д. Куда (ок. 1648-1709), протестантского священника и офицера колониальной милиции Мэриленда, и созданной им Протестантской ассоциации[1]. В выпущенной повстанцами декларации перечислялись все тиранические акты лорда-собственника, в том числе притеснения колонистов и поощрения католицизма. Целью восстания объявлялось утверждение в колонии власти Вильгельма III и Марии. 27 июля восставшие без боя заняли столицу колонии Сент-Мэри, а в начале августа свергли назначенного лордом-собственником губернатора. 22 августа Протестантская ассоциация созвала чрезвычайную сессию Ассамблеи (в истории Мэриленда она известна как «Конвент ассоциаторов») и полностью сменила состав колониальной администрации и офицеров милиции, где вновь назначенные должностные лица были протестантами. В результате восстания Мэриленд лишился своего католического характера и превратился в королевскую колонию с англиканским вероисповеданием[2].

«Славная революция» в Англии оказала влияние и на судьбу колоний, в которых не было открытых выступлений, в частности, Каролины и Пенсильвании. Не без ее влияния в 1698 г. лорды-собственники Каролины издали новый, сильно сокращенный вариант «Основных установлений». Феодальная собственность на землю сохранялась, но были исключены пункты, касавшиеся литов, маноров и манориальной юстиции. Ассамблея колонии не приняла этот вариант и в начале XVIII в. «Основные установления» были практически забыты[3].

Основателю колонии У. Пенну «Славная революция» принесла негативные моменты: Из-за его близости к Стюартам правительство Вильгельма III подозревало его в участии в заговорах якобитов, пытавшихся восстановить эту династию на престоле. Его выступления в защиту полной веротерпимости

---

[1] Английская буржуазная революция XVII века: В 2 т. М., 1954. Т. 1-2.
[2] Ярыгин А.А. Особенности развития английских колоний в Северной Америке в 1 пол. 17 века //Политика и культура стран Европы и Америки. Йошкар-Ола, 1991. С. 5-21.
[3] Morgan S. The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop. Boston: Little, Brown, 1958. P. 152.

воспринимались как выражение симпатии к католикам. С 1689 по 1693 гг. Пенн находился в заключении как якобит, а его хартия на владение Пенсильванией была аннулирована. Лишь в 1694 г. он был оправдан и восстановлен в правах собственника. Однако Ассамблея Пенсильвании потребовала от него принятия «Хартии вольностей», которая закрепила бы господствующее положение Ассамблеи в системе управления колонией. Собственник терял право издания ордонансов, контроль над судами. За ним оставалось лишь право назначать губернатора, а Совет был лишен законодательной власти. Таким образом, пенсильванская Ассамблея превращалась в первый и единственный в колониальной истории США однопалатный законодательный орган. Пенн одобрил «Хартию вольностей» и в 1701 г. она была введена в действие[1].

В целом, «Славная революция» в Америке, как и в Англии, привела к срыву реставрационной политики Якова II. В колониях, как и в метрополии, ее результатом была либерализация системы управления. Доминион Новая Англия распался, а входившие в него колонии восстановили свою независимость и институты представительного правления. Власть собственника в Мэриленде была свергнута, в Пенсильвании - сильно ограничена. Однако в то же время после «Славной революции» усиливается политический и экономический контроль метрополии над колониями[2].

Пуритане верили в естественное право и это была сфера согласия между Богом и Адамом, в противоположность соглашению между Иисусом Христом и спасенными. У пуритан была особенность видеть все события как (с одной стороны) божественные благословения или наказания, или (с другой стороны) как дьявольские искушения или несчастья[3]. И. Матер посвятил целую книгу «Божественному провидению среди людей Новой Англии». Он пытался найти различия между молнией и громом, выпущенными Сатаной и теми, которые посылает Бог - а трудность вопроса в том, что Бог иногда использует Дьявола как

---

[1] Жук С.И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании //Вопрос истории. 2000. № 1. С. 115-128.
[2] John M. Murrin. No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations. Reviews in American History II (June 1983). P. 164.
[3] Ibid. P. 167.

орудие, с помощью которого он карает грешников. Но Дьяволы могли действовать и по собственной инициативе, т.к. у них была власть над природой, изменяя которую они отвергали естественное право. В своей собственной жизни Матер замечал непрерывные божественные вторжения в свою душу, которые помогали ему быть пророком. Когда-то великолепные ангелы являлись к нему, но также он испытал и дьявольское вмешательство.

В американских колониях люди находили подтверждение своих надежд или страхов в любом благословении или бедствии. После того, как Э. Хатчинсон была выслана из Колонии залива за ересь, она была убита индейцами-мародерами, которых Д. Уинтроп связал с божественным одобрением решения колонии по ее делу: «Рука Бога отчетливо прослеживается здесь, выбрав эту горестную женщину, Он показал всем на ее примере»[1]. Когда толпа, которая возвращалась с первого гонения квакеров, упала с обрушившегося моста, Д. Девенпорт, основатель городка Нью-Хейвена, считал, что это событие связано с божественным промыслом, квакеры же говорили, что это происшествие показало, как Бог наказывал их преследователей[2].

Квакеры утверждали, что смерть Губернатора Эндекотта была наказанием за осуждение М.Даер, а Д. Нортон, министр, выступавший за смертную казнь для квакеров, после этого был поражен известием о внезапной смерти своих внуков. Судья С. Сеуолл боялся, что подобная божественная кара может постичь и его. После того, как он раскаялся на свидетельстве в своей вине по делу о казне ведьм, он боялся, что Бог обрушит на него свою силу за то, что он сделал с бедными женщинами. Это явление «знаков» было настолько распространено, что Р. Уильямс считал, что затмение солнца в день его первых противоречий с квакерами доказательство того, что Бог поддерживал его[3].

Хотя Бог творил чудеса для спасения людей, дьявол, казалось, оказывал

---

[1] Ibid. P. 167.

2 Increase Mather. A Brief History of the War with the Indians in New-England (John Foster, 1676).P. 3-4.

[3] Jonathan M. Chu, Neighbors, Friends, or Madmen: The Puritan Adjustment to Quakerism in Seventeenth-Century Massachusetts Bay (Greenwood Press, 1985). P. 44, 50.

большее воздействие на ум пуритан. Немногим довелось встретиться с ангелом как И. Матеру, но многие видели свидетельства воздействия Сатаны на окружающих. Дьявол был принцем Сего Мира, его слуги охраняли его с огромным почтением, но также они с особой страстью следили и за людьми избранными Богом в Новой Англии. Мир был наполнен дьяволами, гораздо превосходящими по численности людское население Новой Англии[1]. «Дьяволов - так много, что иногда они тысячами могут досаждать людям... Они роятся рядом с нами, подобно египетским лягушкам, в самых неожиданных местах.... Мы - бедные скитальцы в мире, который является местом рассады дьяволов, в мире, где каждый укромный уголок является их убежищем»[2]. У сатаны было много приспешников, оказывающих влияние на пуритан и подрывающих их духовные устои - лживые боги индейцев; Иезуитские миссионеры, контактировавшие с индейцами; ведьмы, использующие силу тьмы; аморалисты и квакеры, изображавшие из себя благочестивых людей - все они из рода антихристов. Эти силы зла завладели пуританскими душами[3].

Как и в отношении дела М. Даер, народ видел ее причастность к дьяволу, который управлял ею. Только это может объяснить то, чем руководствовались люди, когда решили убить ее в целях самообороны, прежде чем она вторглась в их души. Она была только одним человеком, но за ней стоял целый «легион» дьяволов. Как высказывались чиновники колонии: «Квакеры умерли не из-за совершенных преступлений, а из-за самонадеянного и неисправимого презрения к высшей власти, нарушая указания и, не соблюдая предписанного изгнания. Если бы их не ограничивали, существовали причины думать, что они умерли бы еще быстрее»[4].

Подобная боязнь перед распространением адской действительности заставила чиновников выслать из колонии Э. Хатчинсон. Согласно высказываниям губернатора Уинтропа: «Сатана, казалось, теперь мог, используя всю свою хитрость, подорвать власть Христа на земле» поэтому «Суд видел неизбежную

---

1 Ibid. P. 51.
2 Ibid. P. 51.
3 Ibid, P. 52.
4 W.C. Ford, ed., The Diary of Cotton Mather. Massachusetts Historical Society, 1912. P.. 86-87.

потребность в ее [Хатчинсон] изгнании, иначе мы были бы виновны не только в нашем собственном падении, но и нарушении основ Евангелия»[1].

Как и в Европе в Массачусетсе была распространена вера в потусторнние силы. Хотя по своему размаху «гонения на ведьм» в Америке не шли ни в какое сравнение с тем, что творилось в европейских странах, процессы ведьм имели место и здесь. В Массачусетсе они начались в 1640-х гг., а своей кульминации достигли в 1692 г., когда в г. Салеме было привлечено к суду 150 предполагаемых ведьм. Около 40 подозреваемых, надеясь спасти свою жизнь, сознались в связях с дьяволом и действительно были помилованы[2]. Упорно настаивавшие на своей невиновности приговаривались к повешению. Всего во время салемской истерии было подвергнуто смертной казни около 20 «ведьм» и «колдунов». История этого дела такова. Когда губернатор Фипс прибыл в 1692 с новым Уставом, он был встречен новостями о сатанинской эпидемии, охватившей Салем, город в 20 милях к северо-востоку от Бостона. Здесь в одном из церковных приходов случилось следующее: дочь преподобного С. Пэрриса и несколько ее друзей, по их словам, подверглись нападению ведьм. Нападавшие, по свидетельству жертв, были бездомными женщинами среднего возраста, противостоявшими преподобному Пэррису и его религиозным взглядам. Фипс воспринял эту ситуацию очень серьезно и, не желая воспринимать сатанистов спокойно, в кратчайшие сроки создал специальный суд по расследованию данного происшествия. [3]

Суд, заседавший весной и летом 1692 года, приговорил к смерти через повешение 19 местных жителей, и мужчин, и женщин, среди которых оказался преподобный Д. Барроуз, в прошлом видный представитель местного прихода, проповедовавший в Мэйне. Еще одной жертвой стал Д. Кори, старый фермер, желавший убедиться в том, что его потомки унаследуют его имущество, и посему отказавшийся признавать свою вину. В сложившихся тогда условиях Д. Кори посчитал, что, если он объявит себя невиновным, он будет осужден, казнен, а его имущество конфисковано. В случае же если он откажется признавать себя

1 Winthrop. Short Story. P. 218.
2 Ibid. P. 221.
3 Болховитинов Н.Н. Сэйлемская ведьма //Вопросы истории. 1982.№ 10.С.23.

виновным либо невиновным, его не смогут осудить к конкретному наказанию. Смерть же его наступила в тот момент, когда, в соответствии с английской традицией, ему на грудь взваливали огромные булыжники с целью заставить признаться в преступлении. Но, решив во что бы то ни стало не признаваться, Д. Кори скончался под пытками, а его последними словами были: «Добавьте еще камней!» и, таким образом, ему удалось сохранить свое имущество для наследников[1].

Приведение приговоров в исполнение было отложено до конца 1692 г., и позднее отменено постановлением Генерального совета, поскольку под обвинения попали сотни человек из Салема и близлежащих городов, что говорило о том, что среди обвиняемых. Безусловно, были и невиновные, привлеченные к ответственности в результате ошибки или недосмотра[2]. Салем, в свою очередь, стал воплощением искажения идей и принципов христианского сообщества, где наполовину забытые обиды вновь становились злободневными и использовались для сведения старых счетов. Преподобный Пэррис, фигура, вряд ли подходящая под христианскую идею благотворительности и самопожертвования, сумел укрепить свои позиции в приходе, изливая свою злобу на выдуманных врагов прихода и религии. Благополучие общества и моральный дух людей оказались подорваны на годы вперед[3].

Прекращением ведовских процессов Новая Англия была обязана теологу И. Мэзеру, который объявил, что если нечистая сила может влиять на поведение людей, то свидетели, обвинявшие предполагаемых ведьм, сами могут быть орудием нечистой силы, желающей погубить невинных. Призыв соблюдать презумпцию невиновности произвел впечатление на губернатора Массачусетса, и он распустил занимавшийся ведовскими процессами суд особого присутствия. А в 1703 г. легислатура колонии приняла решение, фактически запрещавшее

---

[1] Там же.

[2] Drake F.G. Witchcraft in the American Colonies, 1647-62. American Quarterly 20 (1968). P. 706, 714.

[3] Paul Boyer and Stephen Nissenbaum, Salem-Village Witchcraft: A Documentary Record of Local Conflict in Colonial New England (Wadsworth Publishing Company, 1993). P. 375-82.

возбуждение дел по подозрению в ведовстве.[1]

Пуритане были особенно заинтересованы в свершении божественного замысла, так как им отводилась главенствующая роль в этом деле. Как называл их Э. Морган «тысячелетнее сообщество». Говорилось также о специальном «поручение в небытие»[2]. Что касается Иисуса Христа, то «он был послан в небытие, чтобы соблазниться дьяволом», а также людей Иисуса Христа, «прошедших небытие» Новой Англии. Они встретились там не только с непрерывным искушением дьявола, но также они почти каждые пять лет, подвергались новому нападению дьявола, каждое из которых было сильнее, чем обычное искушение.[3]

Когда Д. Уинтроп обращался к первым поселенцам Колонии, он говорил, что они должны быть «как в городе на холме» и, что «глаза всех людей будут направлены на нас» он подразумевал, что Америка будет местом завершения преобразования, образцом, где истинная церковь будет лишь проблемой времени[4]. К. Матер полагал, что Бог послал людей в это место, чтобы «Он в их лице дал пример остальным. Церкви же должны стремиться к... распространению света, который от среды этой «нешней темноты», должен теперь быть брошен к другой стороне Атлантического океана»[5]. С. Сеуолл размышлял, почему «сердце Америки не Новый Иерусалим». Америка могла бы быть «Городом Бога» (Теополисом): «У нашего великолепного Бога будет святой город в Америке, город, улицы которого будут чистым золотом. Мы не можем представить, что храбрые страны, которые заполняют американское полушарие, были созданы только как места для драконов. Мы не можем дождаться, когда Царство Божее прибудет на земле и послания Бога будут выполнены, так как это сделано на небесах»[6].

С. Сеуолл создал свое собственное собрание знамений. В одной из

---

[1] Ray B. Salem Witch Trials. University of Virginia Web site; John Demos, Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England. Oxford University Press, 1982. P. 401-409.

[2] Edmund Morgan, Roger Williams: The Church and the State. Harcourt, Brace & World, 1967. P. 56-61.

3 Ibid. P. 65.

4 Winthrop. Short Story P. 275-76.

5 Cotton Mather, The Negro Christianized. B. Green, 1706. P. 25.

6 Samuel Sewall, Proposals Touching the Accomplishment of Prophecies. 1713. P. 6-7.

последних книг Сеуолл говорит, что ангел, который помещает его левую ногу на землю, а его правую ногу в море, помещает их в Европу и Америку, как землю морей. Тысячелетние надежды на Америку возлагали не только с одной стороны океана. В Англии великий поэт Д. Герберт исходил из более широкой протестантской надежды на конец истории в Новом Свете[1]. Д. Герберт и многие другие надеялись, что преобразование и конец Света достигнут высшей точки развития именно в Новом Свете, где Богу, наконец, поклонялись, так как он предписывал[2].

Некоторые современные неоконсерваторы, обращаясь к современному Израилю, находят «некоторую основу» для Америки в период ее основания. В то время как пуритане считали себя «представителями нового Израиля» они также думали, что пришли на смену старому Израилю. М. Новак говорил о том, что американцы приветствовали евреев того времени, беря имена Абрахам и Ребекка для своих детей[3]. Также Новак утверждает, что у Декларации независимости есть четыре указания на Бога под его «еврейскими пониманием - имена, являющиеся явно еврейскими такие как «Бог природы», «Создатель», «Высший судья мира» и «Божественная предусмотрительность»![4] Кроме того, как говорил Роджер Уильямс, превращение Массачусетса в исключительный инструмент Бога было результатом божественным.[5]

Таким образом, пуритане Новой Англии так же как и кальвинисты в Европе смотрели на себя как на орудия Бога, предназначенные исполнять возвещенную в Писании волю, им преимущественно открытую. Это убеждение, которое неизбежно влекло за собой узость взглядов, исключительность и нетерпимость, вместе с тем внушало им такую уверенность в своей силе, какой не могла дать никакое другое учение. Догмат предопределения возбудил в кальвинистах тот

---

[1] Ibid. P. 11.
[2] Ibid. P. 13.
[3] Michael Novak, On Two Wings: Humbler Faith and Common Sense at the American Founding (Encounter Books, 2002). P. 7,17
4 Michael Novak, On Two Wings: Humbler Faith and Common Sense at the American Founding (Encounter Books, 2002), pp. 7,17. Novak argues from the concept of a Judeo-Christian America, a concept which was a product of the post-World War II era, as we shall see.
5 Ibid. P. 41.

суровый и узкий фанатизм, который окружил столько престолов и сделался одним из главных орудий политической свободы в новом мире[1]. Результатом такой идеологии в американских колониях было вторжение народовластия в самую внутреннюю область человека в его нравственную жизнь, т.е. установление самого невыносимого деспотизма во имя свободы. Это одно из тех противоречий, которыми так обильны бывают односторонние учения[2].

В XVIII - XIX вв. в Новой Англии социально-политическая мысль в отношении религии претерпевает серьезные изменения, связанные с толерантностью, доброжелательностью и новым представлением о демократии, чем то, которое доминировало в начале освоения колоний[3].

Без этого не было бы спасения от библейской монополии, навязанной правительством, ни революционных проектов идеологов американской революции. Демократия и свобода религии появились вместе, подталкивая друг друга вперед. Однако не может быть никакого сомнения, что само развитие американского общества поставило именно демократию в первые ряды[4]. Для уяснения сути данного вопроса, следует принять во внимание, что долгое цивилизационное развитие выработало два типа демократии, которым соответствуют два противоположных понимания. Одно из них утверждает народовластие на праве силы. Народ в правовой сфере «может все», он не ограничен в своем властвовании никакими юридическими и нравственными началами – в этом исходная посылка и главный постулат множества теорий демократии, несмотря на все присущие им различия, единых в гипертрофии коллективного и отказе от личностного начала организации социума, в котором, однако, для человеческой индивидуальности не остается места[5].

Опыт цивилизационного развития человечества и тех же американских

---

[1] Ibid. P. 41.
[2] Ibid. P. 45.
[3] Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1.СПб: Изд-во РХГА, 2006. С. 328.
[4] Edmund Morgan, Roger Williams: The Church and the State (Harcourt, Brace & World, 1967). P. 56-61.
[5] Roscoe Pound, The Development of Constitutional Guarantees of Liberty. New Haven: Yale University Press, 1957. P. 54.

колоний привел к осознанию того, что такое понимание демократии не совместимо с индивидуальной свободой, ибо с этой точки зрения не может быть речи о каких бы то ни было неприкосновенных, незыблемых правах личности. Если сила народа является высшим источником всех действующих в общежитии норм, то значит, что сам народ не связан никакими нормами: жизнь, свобода имущество личности зависят всецело от усмотрения или даже прихоти большинства[1].

Корни этих представлений и соответствующем им политической практики также уходят в седую древность. Смысл демократии в этот период цивилизационной истории заключается в разделении власти между всеми гражданами; именно в этом заключался смысл свободы, которая сводилась к участию граждан в народном собрании и магистрате. Но гражданская свобода в смысле автономии человека от власти в некоторых, отданных его усмотрению сферах жизни и гарантий его самостоятельности, древности не была известна. Напротив, индивид был всецело подчинен общественной власти[2].

Как писал выдающийся отечественный государствовед Н.М. Коркунов, у древних народов нельзя найти ни одного вида того, что теперь называется гражданской свободой. Все частные действия подчинялись суровой опеке. Ничего не было предоставлено индивидуальной самостоятельности ни в отношении к мнениям, ни в отношении к промышленности, ни, в особенности, к религии. Возможность выбирать веру, представляющаяся нам самым дорогим правом, в глазах древних была бы преступлением и кощунством.[3] Терпандр не мог у спартанцев прибавить к своей лире лишней струны без того, чтобы этому не воспротивились эфоры. Власть вторгается и в самые интимные отношения. Молодой лакедемонянин не мог свободно посещать свою жену. В Риме цензоры наблюдали за семейными отношениями, цари определяли нравы и тем распространяли действие законов на все. Таким образом, у древних индивид, почти суверенный в делах государственных, в своих частных отношениях – раб. Как гражданин, он решает мир и войну; как частный человек – подлежит надзору,

[1] Ibid.P. 55.
[2] Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. 5-е изд. СПб., 1908. С. 395-396.
[3] Там же.

ограничению, стеснениям во всех своих движениях. Таким образом, то, что мы называем гражданской свободой, было неизвестно древним народам.[1]

Другое понимание демократии, появившееся многие столетия спустя, кладет в ее основу нравственные начала, и прежде всего – признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии, исключающим тиранию коллективности, свобода возводится на твердом основании и только оно одно исключает возможность низведения личности до средства социального устроения общества и гарантирует ее свободу независимо от того, входит ли она в большинство или меньшинство в обществе[2].

Обратимся в этом плане к «Акту об установлении Религиозной свободы», принятый Ассамблеей Виргинии в начале 1786 г. Авторы данного акта констатируют «что наши гражданские права находятся не в большей зависимости от наших религиозных воззрений, чем от наших воззрений в области физики и геометрии; что поэтому осуждать любого гражданина как недостойного общественного доверия, делая для него невозможным занимать должности, требующие общественного доверия и дающие доход, если только он не исповедует те или иные религиозные взгляды или не откажется от каких-либо из них[3]. Допускать вторжение правящей власти в сферу взглядов и мнений и ограничивать исповедание или распространение принципов на основе их предполагаемой дурной направленности – опасная ошибка и заблуждение, разрушающие разом всю религиозную свободу, поскольку тот, кто будет выносить суждение о такой направленности, будет руководствоваться в нем своими взглядами и одобрит или осудит мнения других только в зависимости от того, насколько они ему близки или отличаются от его собственных[4].

---

[1] John M. Murrin, “No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations, Reviews in American History II (June 1983), P. 164.

[2] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М: Проспект, 2014. С. 9-10.

[3] Speeches and Documents of American History /Ed. By R. Birley, V. London, 1962. P. 160-162.

[4] Andrew C. McLaughlin. The Foundations of American Constitutionalism. New York: New York University Press, 1932. P. 90.

«Акт об установлении религиозной свободы» заканчивается словами, которые не что иное, как красноречивые и страстные призывы во имя свободы и защиты естественных прав. Вот эти слова: Генеральная ассамблея устанавливает на правах закона, что все люди должны быть свободны в исповедании и отстаивании в дискуссии своих религиозных взглядов и что это ни в малейшей мере не должно ограничивать, расширять или еще каким-либо образом сказываться на их гражданских правах и если в будущем будет принят какой-либо акт, отменяющий настоящий, или ограничивающий права, подтвержденные настоящим актом как естественные права человека, и тем самым ограничивающий действие настоящего акта, это будет нарушением естественного права»[1].

Другим замечательным произведением, призывающим отделить церковь от государства, был «Меморандум Мэдисона и протест против религиозных оценок» 1785 года. Религия, как утверждалось в данном произведении, должна быть делом совести каждого отдельного человека; и каждый человек имеет право исповедовать религию. Это его неотъемлемое право. Неотъемлемое, т.к. убеждения людей, зависящее только от доказательств, полученных в результате своих собственных размышлений, не могут руководствоваться мнениями, которые им навязывают (диктуют) другие. И только в том случае, если человек понимает, что эти принципы согласуются с его собственными и приемлемы для него, это входит в его обязанность – воздать должное своему Создателю. Этот долг – прецедент и во времени, и по степени обязательства к требованиям Гражданского Общества[2]. До этого любой человек мог считаться членом Гражданского Общества, его следовало считать в качестве субъекта (предмета) Создателя Вселенной: и если он являлся членом Гражданского Общества, то был обязан исполнять эту роль, сохраняя при этом верность Всемирному Повелителю[3]. Поэтому, как зафиксировал меморандум, если «все люди по природе имеют равную свободу и независимость», они также

---

[1] John M. Murrin, “No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations,” Reviews in American History II (June 1983), P. 164.
[2] David S. Lovejoy, Religious Enthusiasm the New World (Harvard University Press, 1985), P. 117.
[3] Ralph Ketcham, Framed for Posterity: The Enduring Philosophy of the Constitution. Lawrence: University Press of Kansas, 1993. P. 80.

должны на равных условиях как вступать в Общество; так и отказываться и не более, а, следовательно, сохранять свои естественные права. Прежде всего, они должны рассматриваться как сохраняющие «равные права на свободное вероисповедание согласно своему Сознанию (Совести)» [1].

И, наконец, «равное право каждого гражданина на свободу совести и религии» осуществляется теми же самыми полномочиями со всеми нашими другими правами.[2]

Следовательно, уже к XVIII веку в колониях закладывается основа религиозного плюрализма Америки. На ее территории соседствовали колонии самой различной религиозной окраски, от католицизма до баптизма и квакерства. Однако во многих колониях господствовала нетерпимость к иным конфессиям, вплоть до репрессий в отношении инаковерующих[3].

Нередко Стюарты пытались использовать эти особенности, противопоставив англиканской Виргинии католический Мэриленд, конгрегационалистскому Массачусетсу – англиканский Мэн и Род-Айленд с его широкой религиозной свободой. Такая политика была направлена на разобщение и, следовательно, на ослабление колоний. Однако терпимость ко всем христианским конфессиям была возведена в общий принцип в большинстве колониях[4].

Итак, в историческом развитии представлений философской и правовой мысли о взаимоотношениях индивидуального и социального и их государственно-правовом оформлении сложились две противоположные традиции и соответствующая им социальная практика, фундаментальное различие между которыми состоит в полярности их ценностных ориентиров. Если в одном понимании демократии человек является высшей точкой и «мерилом всех вещей», то в системоцентристском видении демократии индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести большую

---

[1] Ibid.P. 81.
[2] Ibid. P. 82ю
[3] Sidney E. Mead, The Old Religion in the Brave New World: Reflections on the Relation Between Christendom and the Republic (University of California Press, 1977), P.2.
[4] Ibid. P. 9.

или меньшую пользу лишь для достижения неких надличностных целей[1]. В последнем случае речь идет о том, что человек во всем многообразии его жизненных проявлений из цели социального развития превращается в средство, ценность которого определяется мерой его вклада в достижение целей такого развития[2].

С появлением США, как единого федеративного государства и формирования американского федерализма, пришло понимание, что представления о демократии и религии, если они не облагорожены принципом общего блага, выраженным в организации собственности и всей системы экономических отношений, включая производство, распределение и потребление, социальной и политической сфер, равно как «золотым правилом поведения», которым устанавливаются нравственные и юридические пределы индивидуальной свободы и прав личности, вырождаются в торжество эгоцентризма с характерными для него анархическим своеволием и произволом.[3]

Таким образом, уже в XVII в. закладываются основы религиозного плюрализма Америки. На ее территории соседствовали колонии самой различной религиозной окраски, от католицизма до баптизма и квакерства. Однако во многих колониях господствовала нетерпимость к иным конфессиям, вплоть до репрессий в отношении «инаковерующих»[4].

---

[1] См. подробнее: Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.

[2] Там же.

[3] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М: Проспект, 2014.С. 11.

[4] E. Brooks Holifield, Theology in America: Christian Thought from the Age of the Puritans to the Civil War (Yale, 2003). P. 27.

ГЛАВА II. ПРЕДКОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ

§ 2.1. Идейно-теоретические предпосылки либерализма в Англии и их интерпретация идеологами борьбы за независимость

Политико-правовые учения периода первых буржуазных революций оказали непосредственное влияние и на борьбу за независимость американских колоний и на изменение их правового статуса.

Политические и правовые проблемы нового государства нашли теоретическое обоснование в трудах видного английского буржуазного идеолога XVII в. Д. Локка (1632-1704 гг.), который был основоположником либерализма – политической идеологии, пришедшей на смену средневековой теологии и ставшей новой рационалистической парадигмой в объяснении природы государства и права, хотя и оставался сыном своей эпохи со всеми ее противоречиями и зигзагами общественной мысли[1]. Д. Локк, наиболее полно представлял интересы нового строя и считал неразрывной связь свободы человеческой личности с частной собственностью. Если Г. Гроций[2] стоял у истоков естественного права, где народный суверенитет и права человека не представляют собой цельной системы, то его последователи в Англии и в первую очередь Д. Локк развили это учение, определившие основное направление развития общественной мысли.

Последователи Г. Гроция объявили свободу как бы сущностью человека, его естественным состоянием, которому органически присущи изначальные и естественные неотъемлемые права, не зависящие от их государственного признания. Эти права были детищем нового способа производства, вызревшего постепенно в недрах феодального строя, и гуманистического мировоззрения,

---

[1] Согрин В.В. Становление и борьба идейных традиций в США // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 54-69.

[2] Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объяснятся естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 44, 47, 48.

возникшего в европейских странах в эпоху Возрождения[1].

Права человека явились ответом на потребности социально-экономического и политического прогресса. Они могли сложиться и сложились в качестве социального, а затем и юридического института лишь на рубеже эпох, в результате борьбы между не сумевшим ответить на вызов своего времени феодализмом и приходящим ему на смену новым общественным строем. Определенный стандарт личной свободы оказался адекватен капиталистическому способу производства, всей системы общественных отношений, которые не могли развиваться без лично свободного товаровладельца, будь то владелец рабочей силы или средств производства, сама личность и собственность которого находятся под защитой государства и занимают подобающее им место в системе социальных, экономических, политических и юридических учреждений общества и шкале общественных ценностей[2].

Специфика либерализма Д. Локка в его интерпретации государства и права состояла в рассмотрении их в качестве средств, призванных обеспечить достижение главной цели - гарантировать верховенство и неотчуждаемость естественных прав и свобод индивида. Он был первым радикальным критиком абсолютной монархии и первым теоретиком неотчуждаемых прав человека, разделения властей и законности, «истинным основателем индивидуальной школы»[3]. Однако он не создавал свои собственные доктрины, т.к. доктрины подобного характера, как говорилось ранее, были выдвинуты в предыдущих столетиях, где люди часто подвергали сомнению основание правительственной власти, и они объявили о господствующем божественном законе, который стоит выше человеческого постановления. Особенность же заключалась в том, что Локк написал свой известный труд «Два трактата о правлении», где англичане говорили о тех же самых проблемах и какое-то время боролись за них.[4]

---

[1] Alexis de Tocgueville, De la democratie en Amerigue. Garnier-Flammarion, 1981. Vol. 2. P. 125.

[2] Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 19.

[3] Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2.СПб: 2008. С. 41.

4 For a discussion of the antiquity of the doctrines, see James Sullivan, "The Antecedents of the Declaration of Independence," Am. Hist. Asso. Report for 1902, I ,

Д. Локк в своих работах активно выступал с критикой абсолютной монархии, которая, по его мнению, была абсолютно несовместима с гражданским обществом и вообще не могла быть формой гражданского правления. Он считает абсолютную монархию совершенно несовместимой с гражданским порядком. «Если единственная цель образования государства, - утверждает Д.Локк , - заключается в устранении неудобств естественного состояния, где каждый остается судьею в собственном деле, то необходимое условие союза состоит в установлении судьи, которому должны подчиняться все граждане без исключения. Между тем абсолютный монарх не имеет над собою судьи, он сам является судьею в собственном деле, на которого не апелляции и который притом располагает произвольно жизнью и имуществом подданных. Такое состояние гораздо хуже естественного, ибо там, по крайней мере, каждый сохраняет право защищать самого себя. Променять естественное состояние на абсолютную монархию все равно, что для избежания вреда, наносимого лисицами, отдать себя в когти льва»[1].

Как и многие мыслители того времени, он считал, что возникновению государства предшествует естественное состояние людей, «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью», а также «состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными». Переход от естественного состояния к гражданскому обществу был следствием общественного договора, который предполагал перераспределение лишь властных функций и не влек значительных перемен в положении людей[2].

Государство должно было руководствоваться тем же «законом природы», который регулировал отношения людей в естественном состоянии, и поэтому не могло покушаться на неотчуждаемые права граждан. Государство, по Локку, создается для преодоления недостатков естественного состояния путем заключения общественного договора: «Люди вступают в соглашение с другими людьми, чтобы удобно, мирно, совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и

---

pp. 65-81. Sullivan finds all of the doctrines of the Declaration, though many parts were much older, in the philosophy of Nicolas of Cusa, of the early fifteenth century.

[1] Locke, op. cit., bk. II, secs. P. 123-124.

[2] Ibid. P. 90-93.

находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества».[1]

Аргументы Д. Локка. Изложенные в его трактате, написанном сразу после «Славной революции» 1688 г., имели эффект, частично из-за его прямоты и простоты, и частично потому, что он появился в Англии в эпоху кризиса и предъявил основание парламентской власти в противоположность божественному праву королей. Его трактат заслуживает внимания, потому что он использовался участниками американской революции. Д. Локк считался толкователем основ английской конституционной системы правления, власти построенной на конституционном праве, на которых были основаны права англичан[2].

Д. Локк подверг критике патриархальную концепцию Р. Филмера, авторитетного представителя монархических сил, используя исторические сведения, библейские тексты, обращаясь к логике и здравому смыслу, когда писал: «Адам не обладал ни благодаря естественному праву отцовства, ни благодаря определенному дару, полученному от Бога, абсолютной властью над детьми и миром. Но если бы он и обладал такой властью, она не может оправдывать притязания последующих правителей, ибо сведения о том, какая ветвь потомков Адама старшая, давным-давно утрачены» [3]. выпады против позиции Р. Филмера, по существу, направлены против монархистов. Д. Локк спорит и с демократическими идеями имущественного равенства (левеллеры), упразднения частной собственности (диггеры). Абсолютная монархия, которую некоторые считали единственной формой правления в мире, на самом деле «несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь цель гражданского общества состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле...»[4]. В тех случаях, когда «существуют какие-либо лица, не имеющие такого

1 Ibid. P. 97.
2 Ibid. P. 135.
[3] Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 720.
[4] B.Y. Andrew C. McLaughlin. Constitutional history of the United States. D. Appleton-century company incorporated New York London 1936 Copyright, 1935.P.

органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в естественном состоянии. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен»[1].

Д. Локк выдвинул тезис о наличии у человека от рождения целого ряда неотъемлемых естественных прав, таких как право на свободу слова, совести, мысли, право на жизнь и личную неприкосновенность, а также на собственность и труд. Под собственностью он понимает единство человеческого труда и природных ресурсов, когда для надежного обеспечения естественных прав, равенства и свободы, защиты личности и собственности люди соглашались образовать политическое сообщество, учредить государство[2]. Государство, согласно его концепци, представляет собой ассоциацию граждан, объединенных на основе установленных ими общих законов (мира и безопасности), созданную для гарантии естественных прав (свобода, равенство, собственность)[3]. По мнению ряда ученых до государства существовало естественное состояние сравнительно упорядоченного характера, ибо регулировалось естественным правом – «совокупностью норм, которые во все времена определяют поведение людей и диктуются разумом». По сути, естественное право - это должное право, правосознание, присущее человеку и побуждающее его воспринимать свои запросы и требования как неотъемлемые права и обязанности[4].

С одной стороны, естественное состояние - это «полная свобода», когда индивиды сами решают, как им действовать, как распорядиться своим имуществом и своей личностью, «не спрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли». Оно – «состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого». С другой стороны, свобода людей не безгранична, не абсолютна, не своеволие, как у Гоббса:

130.
1 Ibid.P. 136.
[2] Ibid. P. 138
[3] Ibid. P. 22, 124.
[4] McClellan James, Liberty, Order, and justice: An Introduction to the Constitutional Principles of American Government. 3 rd ed. Indianapolis: Liberty Fund, 2000. P.90.

«ни один не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе и собственности другого»[1].

Однако без государства люди нередко нарушают закон природы, что проявляется в «зрелом и непреложном умысле или действии» одного против ценностей другого: жизни, свободы, собственности. Чтобы оградить себя от такого злодеяния со стороны преступника Д. Локк отмечал, что люди отвечают насилием на насилие, поскольку обратиться за помощью не к кому, ведь официальных средств защиты еще нет. Общество, таким образом, постепенно ввергается в состояние всеобщей войны. Описывая ее мрачные картины, Локк как бы подчеркивает дальнейшую невозможность естественной жизни, обосновывая сознательный переход к государству. «Избежать этого состояния войны (когда уже нет иного прибежища, кроме неба, и когда уже исчезают все различия и не существует никакой власти, которая вынесла бы решение относительно спорящих) - вот главная причина того, что люди образуют общество и отказываются от естественного состояния»[2].

Государство возникает на основании двухэтапного договора. Сначала индивиды объединяются в «политическое тело» - гражданское общество и добровольно отказываются от исполнительной власти, которой обладали в естественном состоянии, в пользу государственного целого; Второй этап - передача суверенитета правительству, когда каждый берет на себя «обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным»[3].

Хотя государство - результат «неудобств», проистекающих из беспорядочного и ненадежного применения власти, оно, в отличие от государства у Гоббса, все же скорее торжество разума, чем тяжкая необходимость. Да и содержание договора у Локка иное: народ не отказывается от верховной власти в пользу правителей, объединяется со специальной целью обеспечения себе мирной и безопасной жизни. По этому договору, превращающему ранее живших обособленно лиц в государство, люди отказываются только от принадлежавшего им

1 Ibid.
2 Locke, op. cit., bk. II. P. 123-124.
3 Ibid., bk. II. P. 148.

раньше права самостоятельно обеспечивать исполнение законов природы, но не отказываются от своих естественных прав как таковых[1]. Соглашение имеет, таким образом, ограниченное и строго определенное содержание, заключается оно с четко выраженной целью наилучшей защиты свобод и собственности людей, потому не влечет за собой всесилия государства и полного бесправия подданных[2].

Итак, общественный договор Д. Локка - соглашение о государстве, в котором царят взаимные мир, безопасность, личные и гражданские свободы: подданные подчиняются правительству, а оно гарантирует их неотчуждаемые права, повелевает во имя общих интересов. Конечно, противоречия могут быть, но они коренятся лишь в нарушениях сторонами принятых на себя по договору обязательств и вытекающих из него гражданских законов. Правительство принуждает непокорных к соблюдению договора, а если же оно допускает произвол, то лишается врученной ему власти. Однако локковское правительство не столь «глупо и злонамеренно», т.к. здесь предусмотрены меры против злоупотреблений[3].

Первая - деление власти на законодательную и исполнительную. Д. Локк выделяет также федеративную власть для внешних функций. Однако последняя не имеет решающего значения в борьбе со злоупотреблениями, ибо исполнительная и федеративная власти вручаются одному лицу. Различия этих властей лишь в компетенции. Первая, строго регламентируемая законом, распространяется на всех субъектов права. Вторая регулирует отношения с лицами без гражданства, иностранцами. По отношению к ним государство находится в естественном состоянии. Таким образом, различие исполнительной и федеративной властей связано с различием внутригосударственных и межгосударственных отношений, а не с теорией разделения властей[4].

Вторая - законность. «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключение из законов этого

---

[1] Ibid. bk. II. P. 153.
[2] Ibid. P. 90-93.
[3] Willmoore Kendall and George W. Carey, The Basic Symbols of the American Political Tradition (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1970. P. 44.
[4] Ibid. P. 47.

общества». Если кто-то - вне закона, то люди начинают думать, что они сами - в естественном состоянии. Так определял Д. Локк юридические последствия нарушения законности, и особо подчеркивал: законодатели, являясь таковыми коллективно, как отдельные личности подпадают под действие тех законов, которые ими созданы[1]. Другими словами законность заключается в строгой регламентации властной деятельности. Можно с уверенностью сказать, что именно с Д. Локка берет начало конституционализм - совокупность институционально-нормативных средств для достижения общего блага, где сила закона - только у акта, принятого особой процедурой и органом, избранным и назначенным народом, а импровизированные указы правителей незаконны[2].

Третья мера по Д. Локку - «доктрина законности сопротивления всяким незаконным проявлениям власти», включая право на восстание народа - учредителя государства; после заключения договора он остается судьей, решающим, правильно ли учрежденные и уполномоченные им власти выполняют возложенные на них договорные обязательства или стали нарушать указанное им доверие[3].

Общественный договор у Д. Локка, таким образом, заключается не раз и навсегда, без права последующего контроля за его соблюдением; это постоянно обновляющийся процесс, протекаемый в режиме согласия, противопоставляемый феодальным представлениям о прирожденном подданстве, безусловном и не зависящим от самого человека, о его как бы природной связанности с данной властью.[4] Согласно его взглядам, никто не рождается подданным, а лишь став совершеннолетним, человек выбирает, гражданином какого государства хочет стать. «Только согласие свободных людей, родившихся под властью какого-либо правительства, делает их членами этого государства, и это согласие дается порознь поочередно, по мере того как каждый достигает совершеннолетия, а не одновременно множеством людей, поэтому люди не замечают этого и считают, что

---

[1] Locke, op.cit., bk II.

[2] Ричард Веттерли и Гари Бринер. В поисках республики: Общественное достоинство и корни американского правительства Мд.: Rowman & Littlefield Publishers, 1987. P. 54.

[3] A Dissertation on the Canon and the Feudal Law: See the Boston Gazette, Aug. 12, 1765; Aug. 19, 1765; Sept.30, 1765; Oct. 2, 1765.

[4] Ibid.

этого вообще не происходит или что это не обязательно, и заключают, что они по природе являются подданными точно так же, как они являются людьми»[1]. Причем дается не молчаливое, а только явно выраженное согласие гражданина. Дав его, он уже не может порвать свою связь с государством, пользоваться свободой естественного состояния[2].

Речь, как видим, идет не только о договорном происхождении государства, но и о договорно-обусловленном характере его деятельности, а также о договорном гражданстве. Такая концепция договорных отношений между народом в целом и индивидами, с одной стороны, и государством в целом и отдельными властями - с другой, предполагает взаимные права и обязанности договаривающихся сторон, а не одностороннее абсолютное право у государства и безусловную обязанность у подданных, как это имеет место в интерпретации Т. Гоббса[3].

Формы государства определяются тем, кому принадлежит верховная, то есть законодательная, власть и придерживался в их классификации традиционных воззрений, выделяя демократию, олигархию и монархию (последняя может быть выборной и наследственной), признавая смешанные формы[4].

Д. Локк ставил все правления на почву согласия и придерживался мнения, что власть - поручение суверенного народа. Абсолютная же монархия несовместима с государством и, следовательно, не может вообще быть его формой, т.к. эта власть тирания, ввергающая людей в рабство, она хуже естественного состояния с его пускай и недостаточно гарантированными, но равными правами и свободами всех. Сменяемость форм правления в соответствии с народной волей признается нормальной[5]. Во втором трактате он называл совершенной демократию, но не был против и наследственной монархии короля при условии ее ограничении правом. В одном Д. Локк категоричен: «Его (короля) следует считать образом, фантомом или представителем государства, движимым волею общества,

---

[1] Locke, bk II.
[2] Ibid.
[3] Frederick G. Drake, Witchcraft in the American Colonies, 1647-62. American Quarterly 20 (1968). P. 706, 714.
[4] См. подробнее: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М., 1998.
[5] Locke, op. cit., bk. II, sec. 160.

объявленной в его законах; и, следовательно, он не имеет ни воли, ни власти, кроме тех, которыми обладает закон, но когда он теряет это представительство, эту общественную волю и действует по своей личной воле, то он роняет себя и является частным лицом «без власти и без воли, которое не имеет право на повиновение: члены общества обязаны повиноваться только обществу»[1]. Такой образ монарха соответствовал правовой системе, установленной в Англии после «Славной» революции 1688 г.

Д. Локк развивал рационалистическую концепцию естественного права и использовал идеи, естественного закона, давая им глубокое обоснование личных и гражданских свобод. К ним относится, прежде всего, свобода совести из-за невозможности воздействовать на внутренние убеждения извне. Природа человека такова, что его нельзя принудить к вере во что-либо с помощью внешней силы, а его выбор зависит исключительно от свободного индивидуального решения. Однако свобода совести, по Д. Локку, - это, скорее, свобода веротерпимости, которая предполагает обязательную принадлежность к какой-либо религии, хотя под этим предлогом атеистам отказывалось в публичной дееспособности[2].

Естественные веления - свобода и равенство, где всякое право и всякая власть человека над человеком взаимны и никто не имеет более другого. Разум учит «Поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один человек не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе другого»[3]. Эти требовании обосновывали не только интересы молодой буржуазии, но и потребность крестьянства в освобождении от феодальных оков, свободы и равенства граждан, отмены привилегий отдельных сословий[4]. Д. Локк утверждает, что административному чиновнику, который превышает свои правомочия, можно сопротивляться и, соответственно, задается вопросом о том, почему этот принцип не применим к «самому высокому судье на земле»[5]. Мы видим в этом суть

1 Ibid. P. 161.
[2] Michael Novak. On Two Wings: Humbler Faith and Common Sense at the American Founding. Encounter Books, 2002. P.7, 17.
3 Ibid.. P. 20.
[4] Ibid. P. 21.
[5] Ibid. P. 21.

доктрины, которая позже была включена в американскую конституционную систему правления. Никто не имеет право воплотить в жизнь неконституционный закон, т.к. есть юридические границы правительственной власти[1]. Д.Локк не предвидел развитие народного правительства и его механизма; и при этом он не видел полного значения своих утверждений; но значения были; и в более поздних событиях американских учреждений мы обнаруживаем частичное решение этого неотложного и обязательного вопроса в полном признании судебной власти так же, как в праве реорганизовать правительство согласно установленным процессам. [2]

Концепция, согласно которой акт, принятый вопреки основным принципам конституции (естественная справедливость, естественное право, закон божий и естественные законы), неявляется законом, играла свою роль в американской Революции. Она оказывала особенно большое влияние в Новой Англии, где министры часто проповедовали доктрину соглашения и пределы правительственной власти. Яркий тому пример – выступление Д. Мэйхью; он подверг критике приписывание святости казненному монарху и отрицал уместность названия Великого мятежа семнадцатого столетия восстанием, которое, конечно, было весьма законным, чтобы выступить против актов тирании или отказаться повиноваться монарху, который «был свергнут с престола» непосредственно своими собственными действиями .[3]

При иследовании трудлов Д. Локка и его учеников, можно обнаружить некоторые дополнительные суждения, в дополнение к тем, которые уже рассматривались[4]. 1). Несмотря на то, что ряд его аргументов обусловлен исторической необходимостью, в то же самое время по своей сущности она была довольно искусственной; не был разработан алгоритм, похволяющий определить: действительно ли правительство создано «по соглашению». 2) Основное предположение состоит в том, что люди действительно создавали государство, что человек существовал как человек и что могут возникнуть новое всестороннее

---

[1] Ibid. P. 37.
2 Aquinas T. Summa Theologica. 1915 P. 57
[3] Роббинс К. Государство в восемнадцатом столетии. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1959. С. 34-35..
4 Discourse Concerning Unlimited Submission. Boston, 1750. P. 38.

бытие, новое существование. 3). Поскольку человек существовал в состоянии природы и обладал естественными правами, поскольку он был рассеянным существом, возможно положиться на определенные принципы, которые являются абстрактно верными, навсегда неизменными. Эти принципы не результат опыта и они не имеют относительной законности, они имеют абсолютную законность. Не нужно подробно обсуждать ценность и наличие абсолютных понятий, чтобы иметь дело с неизменяемыми и неизменными принципами. 4). В рассуждениях Д. Локка нет никакой концепции государства, то есть концепции принятой современной метафизической политической философией[1].

Тем не менее, политико-правовые ценности конституционализма, которые затрагивал Д. Локк как, например, положения о соотношении естественного и гражданского законов, о неотчуждаемых правах и свободах человека, о взаимосвязи свободы и закона, о праве народа на восстание, разделении властей сыграли значительную роль в ходе американской революции, особенно либеральной ее ветви. Заметное влияние они оказали на американских деятелей XVIII в.[2].

В числе наиболее видных представителей либеральной идеологии периода Войны за независимость (1776-1783 гг.) был Т. Пейн (1737-1809 гг.). В 1775 г. в статье «Серьезная мысль» он первым поставил вопрос об отделении колоний от Англии и создании независимого государства, а в памфлете «Здравый смысл» (1776 г.) предложил назвать это государство Соединенными Штатами Америки.[3]

Как справедливо отмечает ряд ученых, в данной работе «напрасно искать глубокой мысли и многостороннего изучения вопроса. Т. Пейн не вдается в исследования о природе человека и об основах гражданских обществ. Но демократические начала изложены здесь в общедоступной форме и проведены во всей своей последовательности с отрицанием всего остального»[4].

Т. Пейн открыто заявлял, что отделение североамериканских колоний от

---

1 Locke, bk. II, sec. 203.
2 Становление американского государства /Отв. Ред. А.А. Фурсенко. СПБ, 1992. С. 213.
3 Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2, СПБ. 2008. С. 186.
4 Там же.

Англии - следствие соображений экономической выгоды и резко критиковал государственное устройство Англии, отмечая, что «народ может страдать в течение долгих лет, не будучи в состоянии открыть, откуда это происходит. Каждый смотрит на дело с своей точки зрения, и сколько медиков, столько лекарств. Если, однако, несмотря на трудности, мы разложим эту машину на составные ее части, то увидим, что здесь заключаются остатки двух презренных тираний в сочетании с некоторыми материалами республиканского устройства. В лице короля являются остатки тирании монархической, в верхней палате – остатки тирании аристократической, наконец, в нижней палате выражаются республиканские начала, которые одни способны охранять свободу и одни дают цену всем эти учреждениям»[1]. Он считал, что здесь отсутствует «сочетание трех властей, которые оказывают друг другу препятствие и таким образом обеспечивают свободу граждан»[2].

Если нижней палате дается право воздерживать королевскую власть, то этим самым предполагается, что за королем надобно смотреть и что с монархией как неизбежное последствие соединяется стремление к неограниченной власти. Предполагается, кроме того, что палата умнее или достойнее доверия, нежели король. Но, с другой стороны, та же самая конституция даст королю право воздерживать действия палаты, следовательно, предполагается, что он, в свою очередь, разумнее тех, которые разумнее его; не есть ли это нелепость? Подобное устройство не может произвести ничего, кроме раздоров»[3].

Через критику абсолютной монархии Англии Т. Пейн формулирует основные положения своей политико-правовой доктрины, где сущность государства и права он выводит из природы человека: двум состояниям человека - естественному (природному) и гражданскому, указывал автор, соответствуют различные по своему характеру права. Первые даны человеку от природы (право на счастье, свободу совести и слова), вторые человек получил с образованием государства, и эти права защищаются властью (например, право собственности).

---

[1] Paine T. Le Sens Commun /Traduit en francais par Lanthenas. Rennes, 1793: De l'origine et de l'objet du gouvernement, considere en general. P. 166.
[2] Ibid. P. 167.
[3] Ibid. P. 169.

«Человек вступил в общество не затем, - писал Т. Пейн, - чтобы стать хуже, чем он был до этого, или иметь меньше прав, чем прежде, а затем чтобы лучше обеспечить эти права. В основе всех его гражданских прав лежат права естественные, но чтобы точнее провести это различие, необходимо указать на отличительные особенности естественных и гражданских прав»[1]. Разницу между ними он объяснял следующим образом: «естественные права суть те, которые принадлежат человеку по праву его существования. Сюда относятся все интеллектуальные права, или права духа, а равно и право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественных прав других. Гражданские права суть те, что принадлежат человеку как члену общества. И далее автор указывает, что в основу каждого гражданского права положено право естественное, существующее в индивиде, однако воспользоваться этим правом не всегда в его личных силах. Сюда, например, будут относится все права, касающиеся безопасности и защиты»[2].

Некоторые авторы утверждали, что на основеи научного анализа работ Т. Пейна «легко провести различие между классом естественных прав, которые человек сохраняет после вступления в общество, и теми, которые он передает в общий фонд как член общества»[3].

Действительно, по мнению Т. Пейна, сохраняемые естественные права суть все те, способность осуществления которых столь же совершенна в отдельном человеке, как и само право. К этому классу, как упоминалось выше, принадлежат все интеллектуальные права, или права духа, а стало быть, к ним относится и религия. Несохраняемые естественные права суть все те, осуществление которых не вполне во власти человека, хотя само право присуще ему от природы. Он просто не может ими воспользоваться. Человек, например, говорит Т. Пейн, наделен от природы правом быть судьей в собственном деле и поскольку речь идет о праве духа, он им никогда не поступается[4]. По этой причине, как констатирует указанный автор, он отдает свое право обществу, частью которого он является и отдает силе

[1] Ibid. P. 168.
[2] Ibid. P. 169.
[3] Ibid. P. 181.
[4] Ibid. P. 185.

общества предпочтение перед своей собственной силой. Общество ничего не дарит ему, т.к. каждый человек - собственник в своем обществе и по праву пользуется его капиталом[1].

Т. Пейн утверждает, что «гражданское право вырастает из права естественного, или, иными словами, получено в обмен на какое-то естественное право; второе: что гражданская власть, рассматриваемая как таковая, представляется соединением того класса естественных прав, которые личность не в силах осуществить самостоятельно и которые тем самым бесполезны для нее, но, будучи собраны воедино, становятся полезны всем».[2] Кроме того, по его мнению, «власть, полученная от соединения естественных прав, не могущих быть осуществленными отдельной личностью, нельзя использовать для посягательства на естественные права, сохраняемые личностью, чья способность их осуществлять столь же совершенна, как и само право». [3]

В этом контексте небызынтересно его следующее высказывание: «когда я говорю о врожденном достоинстве человека, когда я пекусь (ибо природа была не столь добра ко мне, чтобы притупить мои чувства) о его чести и счастье, меня приводят в гнев попытки управлять человечеством посредством силы и хитрости, словно все оно состоит из мошенников и глупцов, и мне трудно не презирать тех, кто позволяет себя обманывать подобным образом»[4].

Высказывание о том, что правительство есть результат договора между управляющими и управляемыми, считалось важным шагом к установлению принципов свободы. Однако более логично предположить, что сами индивиды, каждый в соответствии со своим личным и суверенным правом, вступили в договор друг с другом для образования правительства и это единственный способ, каким имеют право создаваться правительства, и единственная основа, на которой они вправе существовать.[5]

---

[1] Гончаров Л.Н. Общественно-политические идеи Томаса Пейна.Фрунзе, 1959.С. 80-82.
[2] Там же.
[3] Heffner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965 P. 92.
4 Ibid. P. 93.
[5] Ibid. P. 93.

Государство, если следовать логике Т. Пейну, возникло вследствие общественною договора, поэтому верховная власть должна принадлежать народу в лице законодательного органа, избираемого на основе всеобщего избирательного права. Пейн провозглашал право народа учреждать или уничтожать любую форму правления, его право на революцию.[1]

«Общество, указывает Т. Пейн, создается нашими потребностями, а правительство - нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же - отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое - это защитник, второе – каратель»[2]. Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же, и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае - зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами.[3]

Т. Пейн обращает свой взор на правительство, которое подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны, определенны и беспрекословно исполнялись, говорил он, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее[4]. И так как безопасность по мнению является подлинным назначением и целью правительственной власти, то отсюда неопровержимо следует, что, какой бы ни была его форма, предпочтительнее всех та,

---

1 Ibid., bk. II, sec. 168. The reader thinking in the terms of modern politics would now answer the question by saying, "The people must judge." But it is to be noticed that Locke means their right to fight, their right to "appeal to Heaven." To constitutionalize and institutionalize this right to judge was to be part of the work of the American Revolution.

[2] Common sense by Thomas Paine; printed by W. and T. Bradfort. Philadelphia, 1791. P. 32.

[3] Ibid. P. 47.

[4] Ibid. P. 51.

которая всего вернее обеспечат нам эту безопасность, с наименьшими затратами и с наибольшей пользой.

Формы правления Т. Пейн делит на два вида: наследственное (монархическое) и выборное (республиканское). Правительственная деятельность требует способностей, которые не переходят по наследству. Поэтому превосходство республиканской формы над монархической очевидно. [1]

«Мои идеи о форме правления основаны на законе природы, который никакая изощренность не способна поколебать, а именно - чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить. Абсолютные монархии (хотя они и являются позором для человеческой природы) имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий, знают и лекарство и не теряются в разнообразии причин и целебных средств. Но конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед. Одни найдут его в одном, другие - в другом, и каждый политический лекарь будет советовать иное снадобье».[2] Он утверждает: «я знаю, как трудно преодолеть местные или старинные предрассудки; и тем не менее, если мы решимся исследовать составные части английской конституции, то найдем, что они являются прочными остатками двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы»[3]. Соответственно, «отложив в сторону национальную гордость и пристрастие к формам и традициям, надо прямо сказать правду - только благодаря конституции самого народа, но не конституции правительства королевская власть в Англии не так деспотична, как в Турции»[4].

Изучение работ Т. Пейна позволяет констатировать, что он подвергал критике механизм «сдержек и противовесов», считая, что верховная власть не должна дробиться, а должна принадлежать законодательному органу. Опасаясь установления тирании единоличного главы исполнительной власти - президента, Т. Пейн считал, что исполнительная власть должна находиться у коллегиального

1 T. Paine. 1791. P. 55.
[2] Ibid. P. 59.
[3] Ibid. P. 61.
4 Ibid. P. 64.

органа. Ученый также возражал против использования имущественного ценза при избрании двухпалатного парламента.

Идеологи борьбы за независимость, развивая основы положенные Д. Локком, приходят к заключению более революционному, чем сам Локк. Если Д. Локк был теоретиком английской революции 1688 г., сформировавшей фундамент для развития либеральных начал в европейской жизни, то теоретики американской революции (Т. Пейн, Д. Адамс, Т. Джефферсон) делали упор на идее самоценности индивида, которая в силу исторических и социальных условиях борьбы за независимость американских колоний, выступала уже как индивидуализм Нового времени.[1]

Другим видным интерпретатором индивидуализма и идеологом борьбы за независимость был Т. Джефферсон – автор «Декларации независимости США» и таких работ как «Общий обзор Британской Америки»; «Заметки о штате Вирджиния»; «Виргинского статута о религиозной свободе» и т.д. [2]

В 17-летнем возрасте Т. Джефферсон поступил учиться в наиболее престижный в Новом Свете колледж Уильяма и Мэри. В качестве специальности, несмотря на очевидные склонности к естественным наукам, выбрал юриспруденцию и впоследствии немало преуспел на этом поприще: за его плечами к 1771 году было 227 успешных дел - впечатляющая цифра для 27-летнего адвоката.[3]

Время, в которое творил Джефферсон, оказалось судьбоносным для его родины. Оно охватывает более полувека и содержит крупные вехи истории США: от подготовки Войны за независимость (1770-е годы) до англо-американской войны (1812 - 1815), а потом до провозглашения доктрины Монро (1823). За эти годы не раз менялся социальный статус самого Т. Джефферсона - от адвоката до госсекретаря, от лидера оппозиции правительству до Президента[4]. Конечно, его

---

[1] Грибанов В.Т. Томас Пейн. М., 1991.С. 94.
[2] Громаков Б.С. Государственно-правовые взгляды Томаса Джефферсона // Советское государство и право. 1957. № 9.С. 45-46.
[3] Там же.
[4] John Smith, A True Relation (Wisconsin Historical Society Digital Archive, 2003. P. 32.

позиция не могла оставаться неизменной. К тому же американское общество отличалось большим внутренним динамизмом, и то, что, с точки зрения Т. Джефферсона, было верно для Соединенных Штатов последней четверти XVIII в., утрачивало свою актуальность в первой четверти XIX в. по причине бурного развития страны и изменившегося международного климата.

В своей первой работе «Общий обзор прав Британской Америки» (1774 г.), опубликованной анонимно как обращение к английскому королю, Т. Джефферсон обосновал тезис о необходимости вернуть народу права, полученные по законам природы. [1]

«Общий взгляд» задуман в качестве инструкции делегатам на Первый континентальный конгресс от колонии Виргиния. Уже в преамбуле памфлета заявлялось: колонисты просят от короля «не милости, а прав». Поскольку король – «не более как главный чиновник своего народа, назначенный законом и наделенный определенной властью», он должен стремиться приносить пользу народу и подлежит контролю с его стороны. Таким образом, молодой Джефферсон в духе радикального просветительства сразу ставит точки над «i», утверждая, что колонисты как граждане Великобритании имеют вполне определенные права перед лицом самого короля[2].

При определении этих прав продемонстрировано истинное новаторство: предки тогдашних американцев воспользовались правом «покинуть страну... в поисках места жительства и основывать там новые общества в соответствии с законами и порядками, больше всего содействующими... счастью народа». Как прецедент права на эмиграцию Т. Джефферсон привел саксонское переселение с континента на Британские острова. Из этого права вытекала возможность разрыва старого общественного договора и устройства нового общества со своими порядками, что логически вплотную подводило к праву американцев на независимость.[3]

---

[1] Захарова М.Н. О генезисе идей Томаса Джефферсона //Вопросы истории. 1948. - № 3. С. 43.

[2] Там же.

[3] Town of Gorham (Maine), Proceedings, January 7, 1773. Massachusetts North Carolina Press, 1966. P. 190-191.

В 1774 г. Т. Джефферсон к провозглашению суверенитета еще не подошел, утверждая, что американские поселенцы «сочли целесообразным принять ту систему законов, при которой они до того жили у себя на родине», готовы подчиниться королю, «ставшему вследствие этого центральным звеном, соединяющим различные части империи». Перебравшись в Новый Свет, колонисты как бы заключили новый общественный договор с короной, который закреплен хартиями. Поэтому «британский парламент не имеет права проявлять свою власть», все его акты недействительны. Следующее важное положение «Общего взгляда» - полное отрицание прав английского парламента в решении внутренних проблем колониального общества. Законоположения парламента квалифицируются как «цепь следующих одна за другой бесстыдных несправедливостей» и «сознательный план систематического порабощения американцев»[1].

Многие идеи, содержащиеся в «Общем взгляде», вошли в дальнейшем в Декларацию независимости. Здесь следует отметить, что в литературе основное внимание обычно уделяется исторической стороне «Общего взгляда» и Декларации независимости, а это часто не оставляет места теоретико-правовому анализу данных работ. Между тем для эпохи 70-х годов XVIII века именно они составляли ядро новой доктрины прав человека. Суть сформулированных в «Общем взгляде» претензии американцев к английскому правительству выводила на более важный вопрос: о праве народа менять мирным путем или путем революционного переворота свое правительство[2].

Среди жалоб колонистов был один вопрос, который касался рабства. По Т. Джеффорсону, колонисты отменяли его путем запрета ввоза новых рабов, а король, вопреки их интересам и правам «человеческой натуры», отдавал предпочтение «выгоде нескольких британских корсаров». Верна или нет такая постановка

---

1 Rights: Thomas Jefferson. A Summary View of the Rights of British America been at an end, viz. the parl, called to meet Aug. 24. 1698. was dissolved by K. Wm/ Dec. 19. 1700. & a new one called to meet Feb. 6. 1701. which was also dissolved Nov. 11. 1701. & a new one met Dec. 30. 1701.

2 Захарова М.Н. Томас Джефферсон и проблема собственности //История социалистических учений. М., 1982. С. 160-178.

вопроса о рабстве и только ли король виноват в том, что антиправовой институт распространился на Американском континенте и продолжал благополучно существовать после отделения колоний, - в данном случае не так уж важно. Важно то, что, во-первых, рабство осуждалось самим Т. Джефферсоном и, во-вторых, что это положение оказалось не в интересах большинства делегатов не только Первого, но и Второго континентального конгресса и было изъято из проекта Декларации независимости[1].

Специального раздела, в котором определились бы права американцев, в «Общем взгляде» еще нет. Однако, взяв за основу теорию Д. Локка о естественных правах человека, ставшую привычной для колонистов к 1774 г., Т. Джефферсон во многих местах своего сочинения творчески ее развивает. Помимо важнейшего права на эмиграцию и на разрыв общественного договора с метрополией он провозглашает такие права, как право на жизнь и свободу («Бог, давший нам жизнь, дал нам одновременно свободу»), право свободно торговать со всеми странами, право на землю («Все земли в пределах, снимаемых обществом, присваиваются этим обществом и подлежат распределению только им самим»).[2]

Другими словами, в работе Т. Джефферсона речь идет о правах человека, которые служат уже утверждению индивидуального начала в организации общественной жизни, выступая при этом средством обеспечения индивидуальной автономии личности от вторжения государства в некоторые сферы жизни человека. Но автор не останавливается только на индивидуальном начале.[3]

Заявив о правах колонистов и перечислив их претензии, Т. Джефферсон предложил королю воспользоваться своим правом налагать вето на решения парламента, чтобы отменить уже принятые несправедливые акты и предотвратить утверждение преступных законов, которые могли бы ущемлять

---

[1] Зотов А.А. США: негры и война за независимость. 1775-1783. М., 1988.С. 68-90.
2 Данные концепции нашли отражение в других работах. См.: Very valuable is A.M. Baldwin, The New England Clergy and the American Revolution. One must weigh the fact that two treatises, published in the early part of the eighteenth century from the pen of John Wise, which contained distinct and detailed presentation of the theory of compact, were republished in Boston in 1772.
[3] H.M. Dexter, The Congregationalism of the Last Three Hundred Years, As Seen in Its Literature. P. 501-502.

колонистом. Он, по сути, ратовал за усиление прав монарха в ущерб парламенту. Король над парламентом - такова была схема Т. Джефферсона, хотя ошибочно считать, что сама эта идея принадлежит ему: она высказывалась еще во время борьбы против Акта о гербовом сборе, согласно которому налогами облагались все печатные издания и правовые документы: брачные контракты, торговые соглашения, бумаги о наследстве[1]. Этот автор дает такой совет: «откройте свое сердце, Ваше величество, либеральным и широким мыслям». И дальше следует итог «Общего взгляда», который скорее воспринимается уже не как совет, а как рекомендация: «Таковы, Ваше величество, рекомендации Вашего великого американского совета, от соблюдения которых, возможно, будут зависеть Ваше благополучие и будущая слава».[2]

Хотя Т. Джефферсон в 1774 г. еще не выступал за независимость американских колоний, его основная позиция заключалась в следующем: американцы наделены от Бога, а не от короля естественными правами, у них есть право на разрыв общественного договора, на свободный выбор и устройство своих учреждении. Это обстоятельство в сочетании с полным отрицанием власти парламента, а также тон изложения сделали «Общий взгляд» неприемлемым в качестве инструкции делегатам от Виргинии на Первый континентальный конгресс. Однако именно авторство «Общего взгляда на права британских колоний», напечатанного в форме памфлета осенью 1774 года, способствовало широкой известности Джефферсона в качестве делегата Второго континентального конгресса. Не случайно именно ему поручили написать «Декларацию о причинах и необходимости взяться за оружие», а вскоре и знаменитую Декларацию независимости.[3]

В «Общем взгляде» содержится принцип, ставший важной частью демократически-конституционной доктрины. Противопоставляя власть короля (исполнительную) власти парламента (законодательной), Т. Джефферсон косвенно

---

[1] Ibid. P. 505.
[2] Трояновская М.О. Томас Джефферсон и политическая борьба на Первом континентальном конгрессе. (К истории формирования политических фракций) //Вестник МГУ. Серия 8. История. 1980. № 4. С. 54-56.
[3] Там же.

высказался за идею разделения властей, на основании которой уже в конце 1780-х годов сформировался государственный механизм будущей федеративной республики.[1]

В историю США Т. Джефферсон вошел как автор Декларации независимости[2]. В его итерпретации локковская идея либерализма, примененная к американским революционным реалиям, приобрела радикальную направленность и стала орудием построения Нового строя. Как отметил биограф автора Декларации независимости М. Питерсон, «впервые в истории права человека, а не правителей заложили фундамент новой нации»[3].

Действительно, права человека - в центре Декларации. Равенство одного человека с другим, наделенность всех людей от природы естественными правами, суверенитет народа как общности индивидуумов и вытекающее отсюда право на революцию - вот основные идеи документа, подписанного членами Второго континентального конгресса. В представлении Т. Джефферсона эгалитаризм проистекал не только и не столько из того, что все граждане равны перед законом, сколько из факта их божественного происхождения. Именно Создатель наделил их неотъемлемыми правами, равными и одинаковыми для всех[4].

Как отмечалось, при составлении проекта Декларации независимости Т. Джефферсон включил в нее пункт об осуждении рабства, который, правда, был изъят под давлением представителей Юга. Однако теоретически утверждение, что все равны и в одинаковой степени наделены неотъемлемыми правами, распространялось на всех американцев без исключения. Примечательна формула «неотъемлемых прав», среди которых были «жизнь, свобода и стремление к счастью», была использована из Великой хартии Вольностей[5].

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Цит. по: Трояновская М.О. Указ. Соч. С. 57.
4 Even after, long after, our Constitution was founded, American lawyers not only spoke in the philosophy of Locke, but quoted him or referred to him. See, as an example, T.M. Cooley, The General Principles of Constitutional Law (4th ed.), P. 138 and note 1, referring to Locke to show the unconstitutionality of delegation of power by a legislative body.
[5] William Sharp McKechnie, Magna Carta: A Commentary on the Great Charter of King John. 2nd ed. Glasgow: James Maclehose and Sons, 1914. P. 45.

Права равных между собой людей отнюдь не являлись антитезой обязанностям правительства по отношению к ним. Напротив, главная задача справедливых правителей - охрана неотъемлемых прав народа. Даже такой столп раннего либерализма, как Д. Локк, склонен признать верховенство парламента (как совокупности выдвинутых народом депутатов) над индивидуумом. Еще более знаменательно, что автор Декларации независимости пошел дальше Д. Локка и в самом определении прав, изменив классическую формулу «жизнь, свобода и собственность». Совершенно ясно, что Т. Джефферсон нисколько не оспаривал право на собственность. Однако не вызывает сомнения, считал он, и то, что понятие «стремление к счастью», сообразное индивидуальным склонностям, представлениям и даже способностям человека, неизмеримо шире и, главное, демократичнее понятия собственности.[1] К тому же автор Декларации считал собственность скорее гражданским, нежели естественным, правом или даже «средством к человеческому счастью»[2].

Изменив традиционную для раннего либерализма триаду естественных прав путем включения в нее такого понятия, как «стремление к счастью», Джефферсон предопределил одну из важнейших черт формирующегося американского либерализма - его открытость для инкорпорировании в свой арсенал идей, исходивших от радикальных движений, его республиканизм. [3]

Над объяснением мотивов, побудившихТ. Джефферсона осуществить эту несомненно историческую модификацию триады естественных прав, думают и спорят правоведы многих стран и поколений. Необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, сказалось влияние революционной эпохи с ее устремленностью в лучшее будущее. Важно и то, что отход Т. Джефферсона от классической триады в немалой степени порожден особенностями формирующегося американского национального правосознания. Поселенцы как

---

[1] Ibid.

[2] Захарова М.Н. Томас Джефферсон и проблема собственности // История социалистических учений. М., 1982. С.. 160-178.

[3] Жук С.И. Социально-экономические аспекты становления капитализма в колонии Нью-Йорк на рубеже XVII-XVIII вв. // Американский ежегодник. 1989. М., 1990. С. 57.

выходцы из Старого Света, являясь носителями европейских ценностей, все же не были обременены в той же степени, что и их соплеменники из метрополии, национальными или сословными предрассудками. Поэтому на начальном этапе своего пути к праву они не рассматривали саму собственность и ее конкретные формы как жестко детерминированную предпосылку национального благосостояния. К тому же в раннем американском обществе человеческий капитал - как по своему физическому проявлению (количество рабочих рук), так и по инициативности и уровню производительности - ценился не ниже собственности, особенно земельной, практически неограниченной.[1]

Говоря об интерпретаторах английского либерализма в Новом Свете и идеологах борьбы за независимость американских колоний, нельзя не затронуть такую колоритную политическую фигуру, как Д. Адамс, второй президент США. Выпускник Гарварда, известный адвокат – он уже в начале своего политического пути предрекал величие Америки[2]. Вот что он писал в октябре 1755 года своему двоюродному брату Н.У. Эббу.

«Все части мироздания, доступные нашему наблюдению, подвержены изменениям», - так начиналось письмо.

«Даже великие государства не свободны от этого. Заглянув в историю, мы увидим нации, бывшие ничтожными, а впоследствии захватившие власть над целым миром. Когда же они достигали вершины своего величия, какая-нибудь непредусмотренная мелочь обычно приводила их к крушению, и власть над миром переходила в другие руки. Вечный Рим был когда-то незначительной деревушкой, населенной несколькими изгнанными головорезами, но постепенно он достиг поразительного расцвета, и превзошел в искусствах и вооружении все предшествующие нации. Но когда падение Карфагена (казалось бы, давшее власть над всем миром) устранило последнюю опасность для Империи, это привело к всеобщей праздности и развращенности, что сделало Империю легкой добычей для варваров»[3].

---

[1] Там же.
[2] Согрин В.В. Основатели США: Исторические портреты. М., 1983.С. 89-90.
[3] John M. Murrin, “No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations,

Он пишет, что «вскоре после Реформации небольшая группа людей пересекла океан, надеясь построить новый мир, свободный от рабства. Возможно это (определенно) незначительное событие приведет к тому, что следующим центром мирового господства станет Америка. Я считаю, что так оно и будет. Если мы сможем избавиться от столь беспокоящего сейчас французского соседства, то по моим расчетам, через столетие наша нация станет более многочисленной, чем английская. В этом случае, если у нас будет хороший флот, мы с легкостью установим свое господство на всех морях, и даже объединенные силы всей Европы не смогут покорить нас. Единственный для наших врагов способ не допустить этого – разобщить нас. Divide et impera – разделяй и властвуй. Заставить нас жить в разрозненных поселениях, и в каждой колонии найдется человек, желающий захватить власть над другими. Колонии будут постоянно воевать между собой, и таким образом уравновешивать силы друг друга. Не удивляйся, что я ударился в политику. Весь город сейчас в нее погружен» [1].

Политическая ситуация в колониях обострилась в конце мая 1765 г., когда Парламент Англии принял ряд новых нормативных акттов; так, фиксировалась обязанность на всей печатной продукции иметь гербовые марки, многие из которых стоили не меньше десяти фунтов. Этот новый закон стал первой попыткой Британии официально обложить Америку налогом. Он был принят Парламентом, чтобы покрыть расходы на Французско-индейскую войну, а также на создание колониальной милиции для защиты от индейцев[2]. Новый закон вызвал волну протеста. В прессе отмечалось, что «вся Вирджиния охвачена ужасом; толпы бостонцев, разъяренных, «как выпущенные на волю дьяволы», забросали камнями резиденцию Э. Оливера, секретаря провинции, назначенного ответственным за распространение марок. Затем они разрушили дом ни в чем неповинного заместителя губернатора, Т. Хитчинсона, полагая, что это он спонсировал

Reviews in American History II (June 1983). P. 164.

[1] Ibid. P. 169.

[2] Грин Дж.П., Жук С.И. Британская колониальная Америка и американская революция: переосмысливая опыт империи // Русское открытие Америки. Сб.ст., посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. М., 2002. С. 73-86.

ненавистный налог.[1]

Д. Адамс, которому в это время было тридцать, присоединился к группе противников нового закона, основанной в Бостоне. По предложению главы группы он написал статью, которая со временем выльется в «Трактат о пушках и феодальных законах». Это был его первый обширный политический труд, один из наиболее выдающихся трудов всей его жизни и анонимно отослал его в «Бостон Газетт». (В Англии эта работа появится позднее, отдельной книгой, озаглавленной «Дух Америки»). В статье не было призыва к оружию или к решительным действиям – Адамс, со свойственной любому деревенскому жителю неприязнью к «людским свалкам», не поощрял подобное «возмутительное нарушение мира и порядка»[2]. Он даже почти не затронул тему Акта о марках. В этой статье, пронизанной патриотизмом, Д. Адамс утверждал, что права и свободы американцев – это не идеалы, а реальность, основанием для которой стали британские законы, а также мужество и труды поколений американцев. Пройдут годы, и Д Адамс будет говорить, что Революция началась в умах американцев еще задолго до первых выстрелов и крови.

«Следует помнить» - писал он в своем «Трактате» - «что свободу нужно защищать всеми силами. У нас есть на это право, данное нам самим Господом Богом. На земле же это право заслужено нашими отцами, ценой их трудов, их лишений и их крови»[3]. Свободу невозможно сохранить, как он отмечал, «если в умах людей не закрепится мысль, что свобода дана им свыше, самим Создателем. У них есть неоспоримое, неотчуждаемое, данное самим Богом право на знание, какими путями следуют их правители»[4].

Д. Адамс призывал своих читателей мыслить самостоятельно и независимо. Эта идея зародилась у него десять лет назад в Вустере, когда он, размышляя, чему посвятить свою жизнь, писал: «…цель теперь определена, и я

---

[1] David McCullough. John Adams. New York. 2001. P.39.
[2] Ibid. P. 45.
[3] Adams J. Correspondence of the Late President Adams, Originally Published in the Boston Patriot in a Series of Letters. Boson: Everett & Munroe, 1809. P. 97.
[4] Ibid.P.98.

волен сам решать, каким путем к ней идти»[1].

«Трактат» гласил: «Правительство – необходимость, продиктованная здравым смыслом… Единственный источник наших страданий – наша робость. Мы боялись думать самостоятельно… Мы должны читать, писать, думать и говорить… Давайте укажем британскому правительству, что свобода дается не принципами и не парламентами… многие наши права – неотъемлемые и естественные, они должны восприниматься как аксиома, они присуще нам изначально, и существовали задолго до создания Парламента… Давайте вспомним и запечатлеем в наших душах тот настрой, с которыми наши предки пришли на эту землю, покинув родину ради свободы. Вспомним их поразительную стойкость, их страдания – голод, холод, нужду, которые они стойко переносили, непомерные усилия, чтобы растить почву, построить жилища, вырастить урожай – все это в постоянной опасности со стороны диких зверей и индейцев. Давайте же вспомним те принципы, надежды и ожидания, которые постоянно поддерживали их в их суровой жизни[2]. Давайте вспомним, что именно свобода, надежда на свободу, для них и для нас, их потомков, дала им силы преодолеть все трудности, опасности и испытания»[3].

Статья появилась в «Бостон Газетт» 12 августа 1765, и вызвала шквал откликов. Вскоре после этого Д. Адамс набросал в черновике статью, которая стала известна как «Указания Брейнтри» - указания свободных землевладельцев города делегату, выбранному представлять их интересы в Законодательном собрании Массачусетса. Некоторое время спустя статья оказалась на страницах «Бостон Газетт», и облетела все колонии. « Один из главных основополагающих принципов английской Конституции гласит, что ни один свободный человек не обязан платить налог, выпущенный без его согласия». Не должно быть «налогообложения без представленности» - фраза, которая звучала в Ирландии уже больше поколения. «Указания» провозглашали отказ от «правила морского закона» - суда без

[1] Ibid.P.98.
[2] Ibid.
[3] Ibid. p. 59-61/

присяжных, и призывали к установлению независимого судопроизводства. [1]

Какое же государственное устройство должно быть в новой стране. Этот вопрос постоянно задавался Д. Адамсом и он постарался ответить на него в работе «В защиту конституций правительственной власти в Соединенных Штатах Америки» (Лондон, 1787-1788 г.). Данная работа изначально была задумана как письмо его приятелю - конгрессмену У. Хуперу, который, работая над новой конституцией для Северной Каролины попросил Д. Адамса помочь ему советом. Затем его коллега из Северной Каролины тоже захотел иметь копию документа.[2]

По мнению Д. Адамса, вопрос о структуре правительства наиболее важный, что естественно влечет за собой фундаментальные вопросы о человеческой природе, о власти политики и об идеальном обществе. Адамс связывал вопросы с правительством, которые появились после получения независимости. Он пытался представить себе новый мир, когда победа и независимость уже будут достигнуты[3]. Этот деятель предвидел, что установление независимости влечет за собой не только огромные возможности, но и огромные трудности и опасности. Ведя дело в суде, Д. Адамс любил ссылаться на басни Ж. Лафонтена, и цитировать фразу: «Начиная какое-нибудь дело, учитывай, что и оно когда-нибудь подойдет к концу»[4].

«Цель правительства – счастье людей» - писал Д. Адамс. – «И, следовательно, будет желаема такая форма правительства, при которой могут быть счастливы максимально возможное число людей». А так как «каждый трезвомыслящий человек стремится к истине», и «счастье исходит из добродетельности», то правительство должно быть основано на истине и добродетели»[5]. «Величайшие умы человечества сходились в том», - продолжал Адамс, «что лучшее правительство – это республиканское. А республика –

---

[1] Adams J. The Works of John Adams, Second president of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations by his Grandson Charles Francis Adams. 10 Vols. Boston: Little, Brown and Co., 1850-1856. Vol. IV. P. 284.
[2] Ibid. P. 285.
[3] Ibid. P. 286.
[4] Ibid. P. 286.
[5] Ibid. P. 288.

«империя законов, а не правителей»[1]. Эту фразу Д. Адамс позаимствовал из трудов философа XVII в. Д. Харрингтона. Законодательная власть должна состоять из собрания представителей, «точный портрет всего народа в миниатюре», но в их руках не должна быть сосредоточена вся законодательная власть, т.к. индивидуумы с неограниченной властью могут быть подвержены «порывам страстей, юмора, предубежденности и необъективности»[2]. Если у власти находится небольшая группа людей, со временем они «могут стать алчными… привыкнут к привилегиям… станут амбициозными, и через некоторое время, захотят увековечить свою власть». Избежать этого можно, создав второй, меньший по размерам законодательный орган (отдельное собрание) из 20-30-ти человек, избранных главным законодательным органом.[3]

Этот, как назвал его Д. Адамс, «Совет» будет наделен возможностью «свободно и независимо судить обо всех действиях законодательной власти, а также находить и исправлять ее ошибки»[4]. Исполнительная власть, или правитель, как считал Д. Адамс, должен избираться двумя палатами законодательного собрания не больше, чем на год. Исполнительная власть будет обладать правом вето, и правом назначать всех судей, также офицеров милиции. Таким образом, правитель становится главнокомандующим вооруженных сил. Он подчеркивал, что для «беспристрастного отправления справедливости» необходимо разделение судебной, законодательной и исполнительной власти. Судопроизводство должно быть независимым. «Судьи должны обладать большим опытом судопроизводства, исключительно высоким моральным уровнем, неистощимым терпением, непоколебимым хладнокровием и выдающейся работоспособностью», они также должны назначаться на всю жизнь и не должны быть подчинены никому»[5].

Из всего этого ясно, что идеологам либерализма и Американской революции было изначально свойственна мысль: все слои общества - владельцы

---

[1] Ibid. P. 288.
[2] Ibid. P. 289.
[3] Documentary Record of Local Conflict in Colonial New England. Wadsworth Publishing Company, 1993. P. 375-82.
[4] Ibid. P. 383.
[5] Adams J. Correspondence of the Late President Adams, Originally Published in the Boston Patriot in a Series of Letters. Boston: Everett & Munroe, 1809. P. 131.

частной собственности: с одной стороны, опять же по причине масштаба земельных угодий, а с другой стороны, благодаря мудрой политике, нацеленной на более справедливое распределение земли путем предоставления льгот малоимущим гражданам. В сущности, право на собственность не только не отрицалось лидерами революционного лагеря, но, наоборот, являлось как бы само собой разумеющимся и одновременно служило гарантией соблюдения остальных гражданских прав[1].

В Декларации независимости Т. Джефферсон настаивал не только на суверенитете людей, с чем согласился бы любой либерал, но и на их праве на революцию, то есть на расторжение общественного договора между управляемыми и правителями по требованию первых. Суверенный народ мог только добровольно передать власть правительству, избранному им самим. Если же оно не справлялось с возложенными на него обязанностями, «правом народа было изменить или упразднить его и избрать новое правительство»[2]. Таким образом, Т Джефферсона можно назвать, как это делает американский историк права М. Смелсер, автором «конституционной теории перемен».[3]

Наиболее основные естественные права, разработанные Д. Локком, Т. Пейном, Т. Джефферсоном, Д. Адамсом были заметны в декларациях представителей Массачусетса (1768 г.). Вот только неполный перечень заявлений, сделанных в штате Массачусетс[4]. «Люди колоний торжественно объявляют, что объединенные колонии могут и должны быть свободными и независимыми штатами, что они освобождены от преданности британской Короне, и что вся политическая связь между ними и государством Великобритании должна быть полностью расторгнуто». «То, что это целесообразно немедленно принять самые эффективные меры для того, чтобы сформировать иностранные Союзы». «То, что план конфедерации будет подготовлен и передан в соответствующие Колонии для

---

[1] Ширяев Б.А. Джон Адамс в период борьбы американских колоний за независимость // Американский ежегодник. 1975. М., 1975. С. 209-230.
[2] Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996. С. 56.
[3] Там же.
[4] Official chronicle and tribute book. Massachusetts. Compiled and published by George D. Hall company, Boston. 1930. P. 92.

их рассмотрения и одобрения»[1].

Не все делегаты пока были убеждены, что настало время, чтобы сделать этот заключительный и безвозвратный шаг. Если Новая Англия и ее лидеры беспокоились и стремились к обсуждению и задержке, и если Вирджиния и одна или две других колонии были готовы и стремились идти дальше, большие и сильные колонии Нью-Йорка и Пенсильвании все еще колебались. Без единого чувства и без совместных действий колоний от одного конца материка до другого, объявление о независимости было бы особенно самоуверенно и возможно безрассудно[2].

В других колониях были споры; в каждой все еще расходились мнения; одни настаивали на продвинутых мерах; другие сдерживались из-за боязни независимости или боязни радикалов и всех их работ; одна треть была равнодушной, нерешительной, или даже незаинтересованной. Естественно консервативные элементы населения, зажиточных людей, людей, которые имели больше всего, чтобы проиграть от неудачного или возможно от успешного восстания, многие из торговцев, боящихся «толпы» и полного уничтожения их промышленности, были склонны выступить против более нетерпеливых и радикальных[3].

В первый день июля тема непосредственного объявления о независимости была затронута в комитете; дебаты заняли большую часть дня, но это была, как сказал Д. Адамс, «бесполезная потеря времени», потому не было сказано ничего нового. Только девять колоний были тогда подготовлены сделать заключительный шаг. Нью-Йорк отказался голосовать; Южная Каролина и Пенсильвания голосовали отрицательно; голосование Делавэра было разделено. Делегаты Пенсильвании были в состоянии неуверенности, потому что их власть происходила из юридического собрания колонии, в то время как резолюцию, одобряющую

---

1 See Becker, op. cit.; Lincoln, op. cit.; Schlesinger, op. cit., especially. P. 591..
[2] George Francis Dow and Mary G. Thresher, eds., Records and Files of the Quarterly Courts of Essex Count, Massachusetts, 1636-1696 (Essex Institute, 1911-21), vol. 2, p. 107.
[3] Ibid. p. 115.

независимость, оставило без внимания другое юридическое лицо[1]. В Южной Каролине защитники отделения от родины были встречены сильной оппозицией, и делегаты колонии на Конгрессе не могли убедиться в их праве голосовать за отделение. Большинство делегатов Пенсильвании решило голосовать за независимость, и делегаты Южной Каролины считали, что они могли принять то же решение. Так, когда 2 июля состоялось окончательное голосование, только три делегата, как известно, проголосовали против.[2]

В сжатой форме идеология, прежде всего, Д. Локка была представлена в Декларации. Один аспект заслуживает особого внимания: «Мы считаем, что эти истины очевидны, что все люди по природе равны, что их Создатель предоставил им определенные неотъемлемые Права, которыми являются Жизнь, Свобода и стремление к Счастью». Эти слова звучали бы в те дни для небольшого количества людей как новые или абсурдные. Для людей более поздних времен оставалось высмеивать предположение о естественном равенстве. Но, несомненно, Т. Джефферсон, как и Д. Локк, не намеревался утверждать, что каждый человек был столь же силен, добродетелен, и компетентен как любой другой и при этом он не был настроен на объявление о социальном, экономическом или политическом равенстве[3].

Были, однако, определенные главные права, которые человек имел в состоянии природы - до того, как появилось правительство, которому он должен был подчиняться. От определенных этих прав не отказались и не могли отказаться. Но это ни в коем случае не весь вопрос, поскольку главный тезис Т. Джефферсона - то, что правительственная власть создана на основе согласия поданных и у правительства нет врожденной или свойственной власти, а лишь предоставленные полномочия. Самое важное слово в Декларации это «происхождение».[4]

---

[1] Mark A. Noll, Nathan O. Nath, and George M. Marsden, The Search for Christian America, expanded ed. (Helmers & Howard, 1989), p. 29.

[2] Ibid. P. 31.

[3] Плешков В.Н. Борьба Томаса Джефферсона за демократические реформы в Виргинии (1776-1779) // Американский ежегодник, 1975. М., 1975. С. 145.

4 “The Power of the greatest Potentate on Earth is not Inherent in him, but is a Derivative…” Ebenezer Pemberton, On the Power and Limitations of Magistrates, Massachusetts election sermon, 1710. Quoted in Ibid., pP 174.

В состоянии природы было равенство; никто не имел право сказать за или против его соседу; никто не имел право говорить своему соседу что надо или не надо делать. Но согласием были установлены правительство и политический порядок, и система исходного состояния природы и естественного равенства исчезла. У людей должны продолжать быть равные естественные права, поскольку они не променяли бы равенство и свободу на подчинение абсолютной, произвольной и беспощадной власти. Но, как результат соглашения, появился правитель, один человек или группа людей у которых были полномочия, чтобы командовать и этим группам нужно было повиноваться, пока правительство держало себя в пределах[1].

Эта интерпретация размышления о Декларации не должна подразумевать отсутствие более радикальных или более продвинутых доктрин или пробуждений и желаний среди участников Революции, особенно среди тех, кто в некоторых из колоний был самым активным в возражении против установленного порядка вещей. Сам Джефферсон готов выступить против посягательства на привилегии, обеспеченные законом в Старом Доминионе. Всюду люди, которые до настоящего времени были проигнорированы в колониальной политике, постепенно выходили вперед. Они настойчиво продвигались к новым положениям, в некоторых случаях требуя или принимая дальнейшие политические права[2]. Некоторые люди завидовали более удачливым, и это вполне справедливо; они завидовали обладателям больших земельных собственностей, и им не понравилось экономическое преимущество их владельцев. Революция, частично порожденная социально-экономическим недовольством в отдельных колониях, шла дальше к своему неизбежному заключению - не к непосредственному социальному равенству или концу экономического равенства, а в большей степени к власти и уверенности в основной части людей.[3] Но это уже история. Она не закончилась в дни войны и даже через десятилетия после нее. Действия, которые произвели крушение британской власти, была вероятно также и философия либерализма, на

[1] Ibid. P. 178.
[2] Documents on the Massachusetts Constitution of 1780, ed. Oscar Handlin and Mary F. Handlin. Cambridge: Harvard University Press, 1966. P. 76.
[3] Ibid. P. 78.

которой базировалась Революция сама и борьба непосредственно, сломали старые традиции и помогли в продвижении ценностям либерализма, принципам политического равенства и более полной реализации прав человека[1].

[1] Согрин В.В. Дефферсон, Франклин, Пэйн и становление демократической социально-политической мысли в США //Американский ежегодник, 1979. М. 1979. С. 176-210.

§ 2.2. Европейский конституционализм и его рецепция в правовых актах североамериканских штатов

Прежде чем говорить о зарождении идей конституционализма в Англии и ее колониях, необходимо отметить, что конституционализм есть взаимозависимое сочетание (система) конституционной идеологии, конституционной теории, конституционного законодательства и конституционной практики, подразделяемой на практику политического конституционного процесса и практику действия, реализации, гарантирования и охраны конституционных норм, принципов и институтов[1].

Конституционализм может рассматриваться как: 1) конституционная идеология (система идей и концепций), 2) процесс (политический процесс вокруг конституционных вопросов, за или против принятия той или иной Конституции, а также политико-юридический процесс по принятию и изменению Конституции), 3) цель (установление определенного конституционного строя как определенного механизма власти), 4) политико-юридическая реальность (существование конкретного конституционного строя, само наличие Конституции, реальность или фиктивность ее социального действия), 5) юридический результат (реализация конкретных норм, принципов и институтов Конституции), 6) средство (разрешение политических кризисов, подавление внеконституционных форм оппозиции, установление форм диалога между народом и властью), 7) тип нормативной основы правовой системы страны (выход конституционного регулирования за рамки текста Основного Закона и возможность постановки проблемы об уровнях конституции), 8) тип конституционных основ в системе отношений «Общество - Государство - Личность» (ограничение государственной власти по либеральному типу в виде «минимизации» государства или по социальному типу в виде ответственности Государства и Личности перед Обществом), 9)тип взаимодействия в системе

[1] Дж. П. Грин. Происхождение американского конституционализма. Доклад прочитан автором на Международной конференции историков американистов (Москва, 19-21 марта 1991 г.), подготовлен на основе его книги “Peripheries and Center: Constitutional Development in the Extended Politics of the British Empire and the United States” (Athens, 1986). Американский ежегодник. 1991.

«конституционность - демократия - народовластие», 10) тип конституционного строя (либеральный - формально-юридическое осуществление государственной власти от имени народа.[1]

Американский тип конституционализма берет свое начало задолго до начала истории американской конституции. Поэтому не случайно, как указывают ряд исследователей, конституционализм как духовное направление и практика ограничения государственной власти появляется лишь в Новое время.[2]

Некоторые важные принципы конституционализма существовали уже задолго до основания Соединенных Штатов; некоторые из этих принципов, хотя и довольно слабо, введут свое происхождение с Великой Хартии Вольностей 1215 г.. Это означает, что для того, чтобы знать полностью воздействия и идеи, повлиявшие на конституционную систему США, необходимо совершить историко-правовой экскурс в истоки европейского конституционализма. Возьмем простой пример - в Конституции Соединенных Штатов условия и положения раскрывают свой полный смысл только тогда, когда изучишь часть английской истории права - судебный приказ о передаче арестованного в суд, парламентский закон о конфискации имущества и лишении прав состояния, общего права, суд присяжных и другое. Кроме того, институты всех важных конституционных принципов не родились неожиданно в Америке восемнадцатого века и даже в последние годы, суды этой страны считают необходимым изучать законы и конституционные принципы Англии, которые были уже устаревшими еще тогда, когда Учредительный конвент собрался в Филадельфии в 1787 году.[3]

Кроме того, организационные формы, в отличие от конституционных принципов, являются результатом длительного роста и более отчетливо видны в американских колониях. К примеру, когда эти колонии стали штатами, то их институты были отражением в большей мере тех принципов, по которым они жили

---

[1] Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С. 24-25.

[2] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. С. 13.

[3] Mark A. Noll, America’ s God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln. Oxford University Press, 2002. P. 15.

как колонии в предыдущие десятилетия. Создатели же федеральной Конституции США в свою очередь, руководствовались уже конституциями штатов, т.к. они не ставили своей задачей игнорирование прошлого, но и не стремились в какой-либо значительной степени изобретать что-то новое и неопробованное.

Таким образом, генезис конституционализма Соединенных Штатов «будет включать в себя, прежде всего, отпечатки колониального развития». Одна их зпадач диссертационного исследования состоит в изучении формирования конституционной системы, закрепленной в Конституции Соединенных Штатов. Определенное внимание нужно уделить превращению колоний в самоуправляющиеся содружества, а также принципам, на которых основаны конституции штатов.

Существуют два основных направления, в которых можно проследить перемещения европейского конституционализма на американскую почву в течение трех десятилетий до 1787. Одна из них отмечает направление развития принципов ограничения правительства, которые должны охранять свободу личности. Юридически ограничение форм правления являлось впечатляющим достижением поколения, которое сформировала конституции штатов и привела Соединенные Штаты к политической системе в том виде, в котором она существует в настоящее время[1]. Другое направление связано с той особой формой правления, которую использовали Соединенные Штаты, с принятием федеральной Конституции как основы федеративного государства. Как система политического порядка федерализм характеризуется распределением основных полномочий суверенной власти между правительствами. Каждое правительство имеет долю отдельных полномочий и до тех пор, пока система остается неизменной некоторыми конституционными процессами, каждый имеет свое неприкосновенное управление в своей сфере деятельности[2]. Если сказать конкретней - Соединенные Штаты являются федеративным государством, потому, что эта система является составной и сложной политической организации, т.к. она имеет качество диверсификации, а

[1] Ярыгин А.А. Особенности развития английских колоний в Северной Америке в 1 пол. 17 века //Политика и культура стран Европы и Америки. Йошкар-Ола, 1991. С. 5-21.
[2] Shurtleff, Records of Massachusetts Bay (W. White, 1854). P. 451.

не концентрации или полной консолидации. Центральное правительство с одной стороны и каждый штат с другой, имеют свои индивидуальные сферы правовых полномочий, где США отличается от добровольно объединенных суверенных государств и от полностью унитарных государств[1].

Если анализировать революционный период как этап, на котором конституционные принципы были развиты и нашли свое отражение и в какие институты были включены, есл, не беря во внимание войну и распад старой империи, изучить характерные признаки развития государства и права, то можно обнаружить два основных достижения, которые уже были упомянуты - создание ограниченного правительства и создания федеративного государства, т.е. результаты обсуждений и стремлений жителей колоний. Каждый период в истории американского конституционализма должен оцениваться по его результатам и только таким образом осмыслится в реальной жизни. Революционный период, через который прошло целое поколение и который завершился принятием федеральной Конституции, характеризовался цикличностью богатой конституционными идеями, принципами и политической философией практического характера, которые вылились в успешную политическую структуру[2].

Многие авторы отмечают значимость тех исторических актов, которые привели в итоге к созданию институтов американского конституционализма.[3] Так, резолюции, которые были выдвинуты для того, чтобы поддержать колониальную позицию, с одной стороны, привели к ограничению правительства и способствовали защите свободы личности, а с другой стороны, обусловили окончательное закрепление основ федеративного государства. Некоторые авторы отмечают, что «заявления против парламентских налогообложений включают потребность в защите личности от произвольного налогообложения, а также право колоний как составной части империи облагать налогом самостоятельно. К ним

---

1 Ibid. P. 453.

2 Карл Дж. Ричард. Создатели Конституции и Классики: Греция, Рим и американское Просвещение. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1994. С. 76.

3 Болховитинов Н.Н. Теоретические и методологические проблемы американских революций XVIII в. //Материалы 2 симпозиума советских историков-американистов. М., 1976. С. 35-37.

относятся, таким образом, стремление для установления личных прав и признания колониальных компетенции, где права личности и права каждой колонии определились, вполне логично и отличались, опираясь лишь на общественную основу»[1].

В юридической литературе можно обнаружить утверждение о том, что хронологический порядок более последователен чем чисто логический; некоторые авторы отмечают необходимость определить те аргументы и факты, которые «привели к конечной цели ограничения правительства, охраняемые писанной конституцией или доказать принципы диверсификации, которые воплотились в федеральных штатах. В сознании людей того времени, неизбежные и целиком развитые итоги американской революции, конечно, были совершившимся фактом, где они были участниками большого революционного движения»[2].

Имет место и суждение о том, что «было бы легче описать Соединенные Штаты, как организм, в котором суверенитет делится между государством и нацией..Но, здесь возникает вопрос, может ли суверенитет быть разделен…Если суверенитет является абсолютной политической единицей, то представляется только единственный владелец суверенитета в политической системе, а именно власть, которая может внести поправку в Конституцию Соединенных Штатов».[3]

Уместно при этом обратить внимание, что в середине восемнадцатого века Великобритания была огромной колониальной империей; существовали два вида колоний: корпоративные колонии и провинции. Корпоративные колонии выбирали своих представителей и имели налог без существенного вмешательства Вестминстера в их внутренние дела. Существовали два вида провинций: собственнические с представлением хартии обладающей значительными полномочиями и королевские провинции (только Массачусетс, имел Хартию), в них Королевский губернатор как представитель Короны, должен был осуществлять королевские указы. Совершенно очевидно, что именно королевские колонии

---

[1] Жук С.И. Схизма Кита и кризис норм власти в колониальной Америке // Американский ежегодник, 1998. М., 1999.С. 60.
[2] Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. М., 1978. С. 40.
[3] James Bryce, The American Commonwealth. 2 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1995. P. 76.

наиболее эффективно контролировались Вестминстером[1].

В каждой колонии была ассамблея, в которой как минимум одна палата - избиралась. В значительной степени колонии решали свои собственные внутренние вопросы, иногда сдерживаемые королевскими инструкциями и упразднением колониальных актов. Однако внешние дела находились в руках короны, и акты парламента, особенно различные меры, направленные на развитие внешней торговли, более или менее исполнялись. Бесспорным является тот факт, что существовала сложность в существовании имперской системы, в которой существовала значительная степень самоуправления колониями. В колониях ежедневно росла самодисциплина, экономическое благосостояние и приближалось время, когда они были готовы объявить свои права или гарантии.[2]

Фактически колонии жили своей собственной жизнью со значительной степенью свободы. Виржинии, например, удавалось решать свои внутренние дела более века, а ее политический потенциал был очень высок: при малейшей попытки изменить политическую систему путем посягательства на колонии, особенно в вопросах налогообложения, активизировались оппозиционные силы. Коннектикут, корпоративная колония, с предоставленным в ее распоряжение самоуправлением, служит еще одним примером, где ярко прослеживается влияние европейского конституционализма на его образование.[3]

В начале 17-го столетия земли Коннектикута были родиной для нескольких племен американских индейцев, которые довольно хорошо понимали своих соседей, поскольку общались между собой на диалектах одной языковой группы - Алгонкин (Algonquian). На землях Коннектикута насчитывалось приблизительно 7 тысяч индейцев, где наиболее мощной этнической группой коренных американцев Коннектикута были индейцы племени Пекот (Pequot), которые жили на востоке штата, на побережье пролива Long Island Sound (на землях, отвоёванных в 16 веке

---

[1] Жук С.И. «Срединные» колонии Британской Америки и истоки современной цивилизации США //Американская цивилизация как исторический феномен. М., 2001. С. 38-51.

[2] E.B. Russell, The Review of American Colonial Legislation by the King in Council (Columbia University Studies in History, etc., LXIV, no. 2). P. 221.

[3] Ibid. P. 225.

в борьбе с другими индейскими племенами штата).[1]

В начале 17 века множество индейцев откололось от главного племени Пекот. Под управлением своего вождя по имени Анкас (Uncas), они захватили побережье реки Темз (Thames River) и стали называть себя «мохиген» (могикане) (Mohegan). Другие родственные группы индейцев поселились на северо-востоке Коннектикута и назвали свое племя Нипмак (Nipmuc). Индейцы племени Ниэнтик (Niantic) жили на восточном побережье, а на центральных и западных землях штата поселились племена Хаммонасет (Hammonasset), Квиннипиэк (Quinnipiac), Пагассетт (Paugussett), Сиваной (Siwanoy), Поданк (Podunk), Покванок (Poquonock), Массако (Massacoe) и Танкси (Tunxi).[2]

Первыми европейцами, достигшими земель Коннектикута, были голландцы, которые были очень заинтересованы в установлении торговых факторий в районе реки Гудзон (Hudson River).

В 1624 г. голландцы основали поселение Новый Амстердам (сейчас Нью-Йорк), а также торговый пост на Connecticut River, который назвали Kievits Hoek (скоро он был покинут)[3]. Рассказы о плодородной долине реки Коннектикут достигли англичан, и вскоре Совет Новой Англии даровал права на эти территории графу Уорвику (the Earl of Warwick). Голландцы были обеспокоены притязаниями соседей и, чтобы закрепиться в этом месте, они выкупили земли у индейцев, считавшихся законными хозяевами, и в срочном порядке построили форт, который назвали «Форт Доброй Надежды» (Fort Good Hope). В настоящее время здесь располагается Хартфорд (Hartford).[4]

В течение следующих двух лет (1634-35) колонисты с побережья залива Массачусетс основывали новые города, сформировавшие вскоре ядро колонии штата Коннектикут. Английский торговец Д. Олдхэм привел на эти земли большую партию людей из Уотертауна, которая основала город Везерсфилд. Д. Винтроп

---

[1] Куропятник Г.П. Борьба за землю в колониальный период истории США XVII-XVIII вв. //Вопросы истории. 1974. № 8. С. 53.
[2] Там же.
[3] Nathaniel B. Shurtleff, Records of the Colony of New Plymouth in New England, 1620-1692. Boston, 1855. P. 181.
[4] Калашников В.М. Голландская колониальная экспансия в Северной Америке //Новая и новейшая история. Саратов, 1983. Вып. 9.С. 20.

(John Winthrop) - младший сын губернатора Массачусетса основал в устье реки Коннектикут поселение Сэйбрук, назвав его так в честь лорда Сэя (Lord Saye) и лорда Брука (Lord Brooke) - двух основателей колонии. В настоящее время эта территория является частью современных городов Дип-Ривер (Deep River) и Олд Сэйбрук (Old Saybrook)[1].

Под предводительством Р. Лудлоу с земель Массачусетса, из Дорчестера, в Коннектикут пришла группа колонистов, поселившихся в районе города Виндзор. Самую большую группу колонистов, насчитывавшую около сотни человек, привел из Массачусетского города Ньютаун (сейчас - Кембридж) в Коннектикут в 1636 году священник Т. Хукер. Колонисты поселились в Хартфорде, и в течение нескольких лет англо-говорящие колонисты Виндзора, Везерсфилда, Сэйбрука и Хартфорда значительно превысили численность голландских поселенцев.[2]

Большинство коренных индейцев Коннектикута довольно дружелюбно отнеслись к европейцам, а некоторые племена индейцев даже пригласили англичан селиться по соседству, надеясь найти в новых поселенцах хороших торговых компаньонов и союзников в борьбе с агрессивным племенем Пекот, которое доминировало в этом регионе. Европейские поселенцы обычно покупали у индейцев их земли и, хотя зачастую белые непрошенно вторгались на исконные территории аборигенов, споры обычно улаживались мирным путем.[3]

Исключение в мирном соседстве с индейцами составляли лишь трения между европейцами и индейцами племени Пекот. Они не могли смириться с тем, что белые чувствуют себя хозяевами на землях, испокон века принадлежавших индейцами. Их раздражали новые соседи и их новые порядки: скот белых частенько уничтожал урожаи индейцев, белые продавали спирт, который одурманивал индейцев и приносил огромный вред, недобросовестные торговцы постоянно обманывали в сделках.[4]

---

[1] M.W. Jernegan, The American Colonies 1492-1750; H.L. Osgood, The American Colonies in the Seventeenth Century, III; H.L. Osgood, The American Colonies in the Eighteenth Century, I-II.
[2] Ibid.
[3] The Maritime History of Massachusetts, 1783-1860 (1921; Boston: Houghton, Mifflin, 1961. P.187.
[4] Ibid.

И самое главное - белые полагали, что сам Бог дал им право осваивать Новый Свет. Они считали индейцев презренными дикарями, которых нужно поставить на путь истинный, обратив их к Богу, поскольку поселенцы считали себя выше во всём, и даже по отношению к индейцам, которые приняли христианскую веру.[1]

Безусловно, индейцы были в трудной ситуации, но именно Пекоты всемерно пытались помешать распространению колоний, не желая идти ни на какие компромиссы. Множественные конфликты, убийства, набеги и обоюдные репрессии сторон друг против друга в конце концов переросли в первую Ново-Английскую войну, которая вошла в историю, как Война с Пекотами (1637 год).

В 1637 г. штат Коннектикут официально объявил войну племени Пекот, а союзниками белых в этой войне выступили индейцы племен Могикан и Наррагансетт (Narragansett). Война началась с внезапного нападения объединенных сил на деревню Пекотов близ реки Мистик (Mystic River), где белые и их краснокожие союзники сожгли деревню и истребили ее жителей. Сотни Пекотов, включая женщин и детей, были убиты.[2]

В результате этой короткой войны почти все Пекоты были истреблены, многие из них захвачены в плен и проданы в рабство. Те Пекоты, что выжили - бежали с земель Коннектикута и рассеялись по территории Новой Англии.

Весной 1638 г. жители Хартфорда, Виндзора и Везерсфилда - трех важнейших поселений в долине реки Коннетикут - выбрали представителей для встречи в Хартфорде. Было необходимо совместно обсудить план объединения поселений в одну колонию.[3]

Thomas Hooker, John Haynes, and Roger Ludlow были наиболее активными участниками работы над документом, который вошёл в историю как «Fundamental Orders» (Фундаментальные распоряжения)[4].

---

[1] Ibid.
[2] Жук С.И. Политические структуры и этос ранней Америки XVII в. // Политические и государственные структуры стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. Днепропетровск, 1992. С. 34-53
[3] Andrews C. The Colonial Period. P. 174-175.
[4] Ibid. P. 176.

14 января 1639 г. была официально учреждена колония Коннектикут, и колонисты проголосовали за ее основной свод законов «Fundamental Orders», установив свой собственный порядок правления.[1]

Этот документ можно назвать первой конституцией в истории Америки. Свод законов, оформленный Хукером, Лудлоу, Джоном Хейнесом и другими лидерами колонии, провозглашал ее самоуправление. Жители колонии должны были защищать ее территорию и быть более преданными именно ей, а не Англии. Были учреждены два основных собрания: законодательное и судебное. В эти собрания были выбраны представители от каждого города. Губернатор Колонии Залива Массачусетс - Джон Хейнес (John Haynes) был избран первым губернатором Колонии Коннектикута[2].

По сравнению с Соглашением Mayflower (Mayflower Compact), которое декларировало, что право принятия решений в интересах общего благосостояния принадлежит большинству, «Fundamental Orders» устанавливали подробную схему управления, в котором верховная власть принадлежит народу. Во всём документе не содержится ни единого упоминания о короле.[3]

Этот документ был шагом в сторону будущей республики, и особая заслуга её создателей в том, что он явился примером письменной конституции как основы управления - конституции, которая могла быть прочитана и понята всеми и каждым, и не могла быть изменена по желанию одного человека или небольшой группы людей. Другими словами, понятие конституция наполнилось принципиально новым содержанием, закрепившим основы управления, где власть была ограничена правами человека и гражданина.[4]

Этот документ начинался таким образом: «Как это было угодно всемогущему Господу Богу по мудрой воле его божественного провидения во имя порядка и распоряжения теми вещами, которыми обладаем мы, обитатели и жители

---

[1] Ibid. p. 178.
[2] See also, O.M. Dickerson, American Colonial Government 1696-1765, ch. V. p. 141-145.
[3] Ibid. p. 147.
[4] William Waller Hening, The Statutes at Lange (Samuel Pleasants, 1809), vol. 1, p. 57.

Виндзора, Хартфорда и Везерсфилда, ныне живущие вдоль реки Коннектикут и на землях, которые к ней примыкают; Для оправдания ожиданий тех людей, которые собираются вместе для слова Божьего, прося у него поддержание мира и союза, должно быть создано регулярное и пристойное правительство, созданное во имя Господа, чтобы направлять и определять дела людей во все времена года по мере необходимости; это необходимо для того, чтобы объединиться в народное государство или содружество.[1] Необходимо для нас самих, наших потомков и любых других, которые могут к нам присоединиться в любое время, объединиться в союз и конфедерацию для поддержания и чистоты Евангелия Господа нашего Иисуса, которого мы исповедуем, как проповедует церковь, которая делает это в соответствии с истиной Евангельской. Кроме того, наши гражданские дела должны руководствоваться и регулироваться в соответствии с теми законами, правилами, постановлениями и указами, которые будут сделаны, приказаны и постановлены в последующем.[2]

1. Устанавливается… что ежегодно должны быть две генеральные ассамблеи или два суда, в первый и второй четверг сентября; первая должна зваться Суд Выбора, в котором должны ежегодно избираться… столько чиновников и других должностных лиц, сколько будет сочтено необходимо: один из них будет губернатор, который будет избираться на один год до тех пор, пока не будет выбран другой, и никакой другой государственный чиновник не может быть избран больше, чем на один год; ставиться условие, при котором всегда будут шесть избранных помимо губернатора; губернатор должен быть избран и должен принести присягу, созданную для этой цели, чтобы он имел право осуществлять правосудие в соответствии с законами, которые здесь приняты, и чтобы соблюдалось слово Божие; выбор губернатора должен быть сделан всеми полноправными гражданами, принявшими присягу верности, всеми теми, кто живет в пределах нашей юрисдикции (допускались жители большей части города, в которой они жили) или кто будет жить на новой большой части нашей

[1] Ibid. p. 69.
[2] Ibid. p. 71.

территории в будущем…[1]

4. Устанавливается… что ни один человек не может быть избран губернатором больше одного раза в два года и что губернатор всегда должен быть членом какого-либо утвержденного собрания, где его членами также все бывшие государственные деятели без своей компетенции и все действующие государственные деятели Содружества…[2]

5. Устанавливается… что для работы вышеупомянутого Суда Выборы города должны посылать своих представителей, а когда Выборы закончатся они могут продолжить государственную службу в других судах. Также другой Генеральный суд в сентябре должен созываться для принятия законов и для любого события, которое касается блага Содружества….[3]

7. Устанавливается… что после того, как были изданы указы Генеральных Судов, констебль…каждого города должен незамедлительно уведомить об этом жителей в то время и в том месте…которые установил он или Генеральные Суды; люди, встречаясь и собираясь вместе, выбирают и избирают представителей в Генеральный Суд, затем следует обсуждение дел Содружества; представители (депутаты) должны быть избраны населением нескольких городов и должны принести присягу верности; им ставится условие, что они не будут избраны депутатами в любой другой Генеральный Суд, не находящийся в Содружестве….

8. Устанавливается… что Виндзор, Хартфорд, Везерсфилд – каждый город должны иметь полномочия посылать своих граждан как депутатов в каждый Генеральный Суд; и все другие города, которые в последствии присоединятся к нашей юрисдикции, должны будут отправить столько депутатов (представителей), сколько постановит суд на встрече, в соответствии с разумной пропорцией числа граждан, которые будут проживать в нем; депутаты должны иметь полномочия всего города, чтобы голосовать и принимать все те законы и постановления, которые будут способствовать общественному благосостоянию и которые будут действовать на территориях всех городов.

---

[1] Ibid. P. 253.
[2] Ibid. P. 256.
[3] Ibid. P. 277.

9. Документ устанавливал, что депутаты имеют право и свободу по назначению времени и место встречи вместе до того, как Генеральный Суд вынесет рекомендации и консультации по вопросам, которые могут касаться благо общественности, точно также он может провести экспертизу собственных выборов…[1]

10. Кроме того устанавливалось, что каждый Генеральный Суд… должен состоять из губернатора, или другого лица, выбранного Судом, 4 других чиновников, из которых большая часть депутатов городов, которые избирались согласно закону; в случае если граждане или большая их часть через пренебрегают или отказываются от губернатора и большей части чиновников, должен быть созван Суд, состоящий из большей части граждан, которые присутствуют или которых заменяют их представители (депутаты) и председателя, выбранного ими: Генеральные суды должны состоять из верховной власти Содружества, и они имеют право только принимать законы или отменять их, собирать налоги, признавать граждан, распоряжаться нераспределенной землей некоторых Городов и людей, и также имеют полномочия призывать суды, чиновников, либо других лиц к ответу в случае правонарушения, а также дел связанных со смещением с должности чиновников или при их правонарушениях; также они могут принимать решения и в других случаях, если от этого зависит благосостояние Содружества, за исключением решений, связанных с выбором чиновников, которые должны быть избраны гражданами.[2]

В некоторых случаях, губернатор или председатель должен иметь полномочия, чтобы требовать от суда свободу слова, тишину при пустой болтовне, отложения решения других вещей, пока он не проголосует и чтобы все голоса имели равную силу. Но ни один их этих Судов не может прекратить свои полномочия или быть закрыт без согласия большей части Суда.

11. Устанавливается… что , когда Генеральный Суд договорился с Содружеством о какой-либо сумме денег, которые будут переданы ему под его

[1] W.C. Ford, ed., The Diary of Cotton Mather (Massachusetts Historical Society, 1912), Vol. 1, pp. 86-87.
[2] Ibid. pp. 91-96.

юрисдикцию, тогда должен быть избран комитет, чтобы утвердить и назначить соотношение того, сколько должен выплатить каждый город, при условии, что комитеты будут состоять из равного числа от каждого города».

На этой основе, в которой явно прослеживается рецепция европейского конституционализма, были приняты другие правовые акты. Среди них следует отметить документы «Олбанского конгресса (1754 г.)»; «Декларация прав штата Мэриленд (1776 г.); « Билль о правах Вирджинии (1776 г.); «Декларация причин и необходимости поднятия оружия (1775 г.); Конституции штатов Нью-Джерси (1776 г.), Вермонт (1787 г.), Массачусетса (1780 г.) и др. [1]

Особое внимание вызывает «Декларация причин и необходимости взяться за революцию» от 6 июля 1775года, где идеи европейского конституционализма получают четкое оформление. Документ начинается со слов «Наше дело правовое и наш союз является совершенным. Мы с благодарностью отмечаем, что знаменательная божественная поддержка нас, его провидение не позволили бы нам выдержать этот тяжелый спор, он позволил нам иметь нынешнюю силу, ранее закованную в воинственной эксплуатации, а также позволил обладать средствами самозащиты. С сердцами, укрепленными этими оживляющими размышлениями, перед Богом и миром, мы торжественно заявляем, что, прилагая все те полномочия, которые наш благодетельный Твоей милостиво даровал нам, оружие, которое нам пришлось использовать против наших врагов, мы, вопреки всякой опасности, с непрекращающейся твердостью и настойчивостью, мы используем для сохранения нашей свободы; мы единодушно решили умереть свободными гражданами, а не жить рабами.[2]

Чтобы это заявление беспокоило умы наших друзей и товарищей во всех частях империи, мы убеждаем их, что договорились не распускать союз, который так долго и так счастливо существовал между нами и который мы искренне желаем увидеть восстановленным. - Необходимость еще не загнала нас к отчаянным мерам, не заставила нас волновать любую другую нацию в борьбе с ними. – Мы не собирали армии с амбициозными планами отделения от Великобритании и

[1] Alden, John R. A History of the American Revolution. New York: Knopf, 1969.
[2] Ibid. P. 85.

создания независимых государств. Мы боремся не для славы или для завоевания. Мы покажем человечеству впечатляющее зрелище – нападение людей на несправоцированных врагов, без каких-либо обвинений или даже подозрений в правонарушении. Они хвастаются своими честью и культурой, и в то же время не предлагают более мягких условий, чем рабство или смерть.[1]

На нашей родной земле, в защиту свободы, которая является нашим неотъемлемым правом и которой мы пользовались до ее ущемления, для защиты нашей собственности, приобретенной исключительно нашим трудом и трудом наших предков, от защиты, от насилия, мы призываем взяться за оружие. Мы отпустим их, когда прекратятся боевые действия со стороны агрессоров и когда все признаки опасности будут от нас удалены, и не раньше.[2]

Со скромной уверенностью в милости верховного и беспристрастного судьи и правителя вселенной, мы благоверно умоляем о его божественной благости, чтобы защитить нас в этом подвиге, чтобы расположить наших противников к примирению на разумных условиях и, тем самым, отвести империю от бедствий гражданской войны»[3].

Необходимость постоянно обороняться от нападений индейцев, а также угроза голландской экспансии послужили поводом для того, чтобы в мае 1643 года представители четырёх английских колоний Массачусетса, Плимута, Коннектикута и Нью-Хейвена объединились в оборонный альянс, названный Ново-Английская Конфедерация (New England Confederation).

Управление возлагалось на восемь представителей, по два от каждой колонии, которые должны были избираться ежегодно. Управляющие были уполномочены на принятие решений, касающихся объявления войн: как оборонительных, так и наступательных. Каждая колония была обязана послать для участия в такой войне определённое количество солдат, в зависимости от численности мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет. Кроме того, управляющие получали права касательно всех вопросов, связанных с

[1] Ibid. p. 89.
[2] Ibid. p. 91.
[3] Schlesinger M. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763-1776. Columbia University Studies in History, etc., LXXVIII. P.363.

межгосударственными ссорами, беглыми слугами, скрывающимися от наказания, а также по всем делам, связанных с индейцами.[1]

Ежегодные сессии проводились вплоть до 1664 года, затем происходили встречи по мере необходимости - вплоть до 1675 года, до войны с Королём Филипом (King Philip's War), которая дала повод для возобновления деятельности. Позже взаимодействие фактически прекратилось и союз был расторгнут.

Поселения множились и разрастались. В 1644 году колония Коннектикут купила земли колонии Сэйбрук. Надо сказать, что колонии вначале не были самостоятельными административными единицами, поскольку изначально основывались на торговых интересах.[2]

К примеру, до 1662 года Англия не хотела признавать колонии Коннектикут и Нью-Хйевен административными единицами. Был известен лишь один юридический документ, так называемый «Уорвикский Патент» (Warwick Patent), который был выдан основателям колонии Сэйбрук графом Уорвиком в 1632 году. Скорей всего, этот патент перешел к властям колонии Коннектикут, когда она купила земли Сэйбрука. Тем не менее, законность владения этой землей была, с формальной точки зрения, сомнительна. Губернатор колонии Коннектикут Джон Уинтроп Младший (John Winthrop), избранный на эту должность в 1657 году, специально отправился в Англию для урегулирования законодательных вопросов и в 1662 году добился от короля документального подтверждения собственности колонии Коннектикут на землю. Этот документ вошел в историю как «Charter».[3]

После смерти короля Чарлза II наследник престола Джеймс II, и Великобритания захотела большего контроля над новыми землями. Джеймс Второй назначил своего посланника - аристократа сэра Эдмунда Андроса (Sir Edmund Andros) управляющим созданного в 1686 году Доминиона Новой Англии (Dominion of New England), в состав которого вошли колонии Массачусетс,

---

[1] Ушаков В.А. К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) //Американский ежегодник. 1986. М., 1986.с. 23.
[2] Там же.
[3] Уильям Шарп Маккекни, Великая хартия вольностей: Комментарий относительно Большого Чартера Короля Джона. Глазго: Джеймс Маклехоз и Сыновья, 1914. С. 90.

Плимут, Мэн, Коннектикут, Род-айленд, Нью-Хэмпшир.

Весна 1689 г. принесла весть о Великой Революции в Англии, а король Джеймс Второй бежал во Францию. Колонисты Коннектикута убедили преемников Джеймса Второго подтвердить положения «Чартера» 1662 года.[1]

Как и в других частях Новой Англии, главную роль в общественной и политической жизни пуританского Коннектикута играли религиозные вопросы. И хотя принадлежность к определённой конгрегации не было обязательным требованием к колонистам штата, дающим им право голосования, все колонисты были обязаны платить церковные налоги.[2]

К концу 17 столетия религиозные споры между официальной пуританской церковью и конгрегационной автономией стали серьезно угрожать единству колонии. Чтобы уладить спор законодательное собрание Коннектикута в 1708 году созвало представителей религиозных концессий в город Сэйбрук, где было принято компромиссное соглашение, известное, как «Saybrook Platform». По этому документу, наряду с официальной религией колонии, допускалось и существование других автономных религиозных концессий.[3]

В период с конца 1680 года и до 1763 года - в годы борьбы Великобритании и Франции за право контролирования земель Северной Америки - Коннектикут снабжал английские войска солдатами и деньгами. И, конечно, столкнулся с угрозой французов и союзных им индейских племен.

В 60-х годах 18-го века английские колонии как никогда ранее начали ощущать гнёт Британской короны. Правда, тогда никто не задумывался о возможности получения полной независимости, а сами колонисты ограничивались лишь требованиями одинаковых с Англией прав политического и правового режима.[4]

Активная борьба началась в 1763 г., после принятия английским парламентом «Закона о гербовом сборе». Этот закон затронул интересы

---

[1] Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. М., 1954.Т.1-2.
[2] Miller, New England Mind, P. 167.
[3] John Cotton, A Discourse About Civil Government in a New Plantation Whose Design Is Religion. Cambridge, 1663. P. 6.
[4] Ibid. P. 17.

практически всех жителей колоний, поскольку требовал уплаты налога на все официальные американские документы, газеты и брошюры - на них должна была стоять обязательная печать Британской налоговой службы[1].

В 1765 г. колония Коннектикут отправила своих делегатов на межконтинентальное собрание, состоявшееся в Нью-Йорке, чтобы потребовать от английского Парламента аннулирования «Закон о гербовом сборе» (Stamp Act). Этот закон так и не вступил в силу, т.к. собрание, в котором приняли участие представители всех колоний, опротестовало новый налог, введенный без их ведома английским парламентом. Напуганное масштабами сопротивления американцев, английское правительство в 1766 г. отменило этот Закон[2].

Однако конфликт обострялся и в начале 70-х уже любое действие английского правительства воспринималось как часть плана по порабощению американских колоний.

В 1773 году Британия приняла «Чайный закон», отдав Ост-индской компании монополию на торговлю чаем. Реакция американцев была совершенно неожиданной - они собрались в бостонском порту и не позволили разгрузить три корабля с чаем. Несколько человек забрались на суда и сбросили тюки с чаем в море. Это событие переполнило чашу терпения английского парламента, были приняты законы, ущемляющие права бостонцев, королевский флот блокировал гавань.[3]

Во всё нарастающей борьбе колонисты понимали, что необходимо объединение. Уже действовали патриотические организации, осуществляющие организованное сопротивление и благодаря их деятельности в сентябре 1774 года был созван Первый Континентальный Конгресс.[4]

Делегаты Коннектикута также представляли свою колонию на Первом Континентальном Конгрессе, собравшемся в Филадельфии. Делегаты от Новой Англии предложили принять Декларацию прав колоний и ввести экономические

---

[1] Burke E. Speech on American Taxation, 1774. Works (revised ed.), II, p. 33.
[2] Ibid. P. 35.
[3] Ibid. P. 41.
[4] in American Colonial Documents to 1776, ed. Merrill Jensen, Vol. 9 of English Historical Documents (New York: Oxford University Press, 1962), 538.

санкции против метрополии. Представители из Виргинии поддержали эти требования, но компетентные лица остальных колоний предпочли не вступать в дебаты.

На этом Конгрессе были приняты два важных документа – «Декларация прав и жалоб», в которой был выражен протест против таможенной и налоговой политики метрополии, и «Ассоциация», санкционировавшая прекращение торговых отношений с Великобританией. Одновременно была составлена петиция к королю (в самой почтительной форме просили прекратить притеснения и не давать повода к окончательному разрыву с короной) [1].

Критическая ситуация, сложившаяся в колониях, побудила Великобританию к решительным действиям против мятежников и 19 апреля 1775 английские войска выступили на Лексингтон и Конкорд.[2]

В мае 1775 года колонисты собрали Второй Континентальный конгресс, который констатировал состояние войны с Англией и принял решение о создании американской армии. Ее главнокомандующим был назначен Джордж Вашингтон. Началась война за независимость в Северной Америке, которую также называют Американской революцией (American Revolution) 1775-1783 гг. Каждая колония объявляет себя независимой республикой-штатом.[3]

После капитуляции англичан 19 ноября 1781 при Йорктауне, военные действия на территории США практически прекратились. В Париже состоялись мирные переговоры, в ходе которых американские дипломаты Б. Франклин, Дж. Адамса и Дж. Джей заключили 30 ноября 1782 предварительное мирное соглашение с Великобританией. Этот документ, 1-я статья которого признавала независимость США и предложенные американской стороной границы, был заключен на выгодных для американцев условиях и 3 сентября 1783 вошел составной частью в Парижский мирный договор.[4]

Во время военных событий Коннектикут был известен, как «Штат Поставок» (Provisions State), поскольку снабжал американскую Континентальную

[1] P.L. Ford, ed.; Memoirs of the Hist. Society of Pa., XIV), I, P. 279 ff.
[2] Ibid. P. 301.
[3] Ibid. P. 304.
[4] Ibid. P. 307.

армию (Continental Army) продовольствием, оружием и боеприпасами. В результате этой войны американцы освободились от власти короля и английской аристократии, установили республиканский строй, дали простор развитию. Так возникло независимое государство, которое получило название США, которое тогда насчитывало 2,5 миллиона человек.[1]

Однако ещё задолго до окончания войны собрался третий Конгресс, на котором была разработана и принята американская Декларация Независимости (the Declaration of Independence). 4 июля 1776 года конгресс утвердил «Декларацию независимости», которая провозгласила объединение штатов (бывших колоний) и отделение их от Англии. В этом важнейшем документе эпохи, в основном составленном Т. Джефферсоном, обосновывались «естественные права» и принципы демократического правления. Главный из них состоит в том, что «политическая власть исходит от народа и призвана защищать интересы всех граждан»[2].

Законодатель Коннектикута судья Роджер Шерман (Roger Sherman) и другие делегаты от Коннектикута: Сэмюэль Хантингтон (Samuel Huntington), Вильям Вильямс (William Williams) и Оливер Уолкотт (Oliver Wolcott) - от имени колонистов своего штата - поставили свои подписи под этой Декларацией, которую одобрило подавляющее большинство жителей штата, включая его губернатора Джонатана Трамбула (Jonathan Trumbull)[3].

Благодаря Д. Адамсу, Т. Джефферсону, А. Гамильтону и другим руководителям и идеологам национально-освободительной борьбы были сформулированы основные принципы борьбы за независимость. Убедившись в безуспешности попыток защитить права американцев - подданных короны, ссылаясь на свободы английской конституции, они обратились к идеям естественного права. Опираясь на то, что права и свободы человека являются прирожденными и неотъемлемыми, вытекающими из самой «природы» и потому

---

[1] Tyler, The Literary History of the American Revolution (one volume ed.). P. 235.
[2] Jefferson. T. Statesman of Science. New York: Macmillan, 1990. P. 111.
[3] Филимонова М.А. Александр Гамильтон, Американская революция и проблема национальной идентичности //Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании. Межвуз. сб. науч. трудов. Курск, 2000.С. 49-50.

неотчуждаемыми, создали теоретическую базу для утверждения того, что государство не может нарушать эти права, более того, оно обязано их защитить[1]. В противном случае, оправданной признавалась борьба с государственной властью, попирающей права человека. Эти идеи легли в основу важнейших программных документов американской революции, в том числе и общей для всей страны Декларации независимости.

В Декларации объявлялось об окончательном прекращении государственной зависимости от метрополии и образования независимых Соединенных штатов Америки. Разрыв мотивировался нарушением английским правительством «естественных» прав американцев. «Все люди, - говорилось в Декларации, - сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами. К числу которых принадлежит: жизнь, свобода и стремление к счастью». Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится гибельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и такой организации власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью»[2].

Именно 4 июля празднуется в США как День независимости, хотя до полной победы американцев оставались ещё пять лет, а до подписания Парижского мирного договора семь лет, а Коннектикут вошел в состав США одним из первых 13-ти американских штатов.[3] В 1787 г. в Филадельфии состоялось Конституционное собрание, на которое от Коннектикута были делегированы Шерман, Оливер Эллсворт (Oliver Ellsworth) и Вильям Джонсон (William Samuel Johnson). Когда собрание зашло в тупик при обсуждении вопроса, каким образом в Конгрессе США будут представлены граждане каждого отдельного штата,

---

[1] The Federalist Papers by Alexandr Hamilton, Lames Madison and John Jay. With an Introduction and Commentary by Garry Wills. New York; Toronto; London; Sidney; Auckland: Bantam Books. 1982. P. 394.
[2] Heffner R. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.
[3] Ibid.

делегация Коннектикута предложила свой план, вошедший в историю, как «Коннектикут или Большой Компромисс»[1].

По этому плану была учреждена структура Конгресса США, которая остается неизменной и по нынешнее время: Конгресс США состоит из двух палат. В верхнюю палату входят по два сенатора от каждого штата (сегодня верхняя палата состоит из 100 сенаторов). В нижней палате, штаты представлены их гражданами, на основе процентного соотношения численности населения.[2]

9 января 1788 года Коннектикут стал пятым по счету штатом США, принявшим Конституцию Соединенных Штатов Америки. В 1786 году штат уступил правительству США большую часть своих западных территорий, принадлежавших Коннектикуту по королевскому «Чартеру» 1662 года. В распоряжение государства перешли территории Западного Резерва (Western Reserve) - полоса земли на южном берегу озера Эри (Lake Erie), которая сейчас принадлежит штату Огайо. В 1792 году земли Западного Резерва выдавались гражданам Коннектикута в качестве компенсации за дома, разрушенные британскими войсками во время Американской революции. В 1795 г остаток земель Западного резева был продан за 1,2 млн. долларов, которые государство отложило на нужды образования[3].

К 1795 г. в штате Коннектикут проживало уже 238 тысяч граждан, что составляло 6% всего населения США. Численность населения штата в последующие десятилетия росла медленно, поскольку многие граждане штата эмигрировали в другие районы страны: на север Новой Англии, в штаты Нью-Йорк и Огайо.

В начале 19-го века Коннектикут был консервативным штатом и являлся цитаделью партии Федералистов (Federalist Party), которая стояла во главе коммерческих интересов и выступала за усиление центрального правительства страны. На президентских выборах 1800 года Коннектикут упорно противостоял

---

[1] Ibid.
[2] Martin Diamond, The Founding of the Democratic Republic (Itaska, Ill.: F.E. Peacock Publishers, 1981).
[3] Согрин В.В. Революция XVIII в. и развитие американской конституционной системы // Проблемы американистики. – Вып. 3. – М., 1985. – С. 114-137.

кандидату Томасу Джефферсону (Thomas Jefferson), поскольку Джефферсон являлся лидером республиканцев, которые находились в оппозиции к партии федералистов и выступали за защиту самостоятельных прав штатов и их граждан.[1]

К 1800 г. в Коннектикуте и других штатах Новой Англии успешно развивалась морская торговля. Но доходы от нее резко снизились после того, как Джефферсон стал президентом США и в 1807 г. принял акт о запрете (Embargo Act) на торговлю с европейскими странами, который был направлен против Франции и Англии.

По мнению Т. Джефферсона этот акт породил большие экономические проблемы и вызвал широкое общественное недовольство граждан США, а особенно среди коммерсантов и моряков прибрежных штатов, таких как Коннектикут. Когда между США и Британией возник военный конфликт, известный как война 1812 года (War of 1812), Коннектикут отказался снабжать провизией отряды национальной армии. [2]

На собрании в Хартфорде, известном, как Хартфордская конвенция (Hartford Convention) 1814-го года, федералисты Коннектикута и делегаты из других штатов Новой Англии тайно обсуждали свое недовольство федеральным правительством. Ходили слухи о том, что эти штаты собираются выйти из союза США. Но война 1812 года вскоре закончилась, и никакого соглашения между штатами Новой Англии о выходе из США принято не было. Партия федералистов дискредитировала себя этими закулисными переговорами о расколе и потеряла контроль над политикой штата Коннектикут.[3]

В 1816 г. республиканцы Коннектикута объединились с представителями «религиозных меньшинств» штата, коими были баптисты и англиканцы для того, чтобы совместными силами бросить вызов влиянию главенствующей в Коннектикуте Конгрегациональной церкви и провести политические реформы. Они сформировали Партию Терпимости (Toleration Party), кандидат которой - Оливер Уолкотт Младший (Oliver Wolcott, Jr) был избран в 1817 году губернатором

[1] Там же. С. 139.
[2] Согрин В.В.. Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М., 1990.
[3] Dickinson, Writings (P.L. Ford, ed.; Memoirs of the Hist. Society of Pa., XIV), I, p. 312. Italics of the original omitted.

штата.[1]

На следующий год Коннектикут принял новую Конституцию, заменившую положения старого «Чартера» 1662 г.. Согласно этой новой Конституции впервые в штате Коннектикут церковь была отделена от государства, и всем религиозным конфессиям гарантировался равный статус[2]. В результате усилилась власть местного правительства, судебные органы получили дополнительные права, а общественные законы штата стали более либеральными.

Таким образом, в условиях политического конфликта с метрополией, идеи европейского конституционализма и его рецепция в правовых актах североамериканских штатах, позволили создать собственные конституционные акты, которые содержали модели нового социального порядка и были способны не только воплотить в жизнь идеи прав человека и гражданина, но и стать фундаментом общественного соглашения.[3]

Европейский конституционализм стал тем фитилем на американском континенте, который взорвал феодальные преграды на пути социально-исторического прогресса и способствовал принятию новых конституционно-правовых актов[4].

Именно европейский конституционализм и его теоретические предпосылки, обобщенные идеологами американской революции в лице Т. Пейна, Дж. Адамса, Т. Джефферсона и других, реципирован в правовые акты независимых штатов, что привело к появлению новой системы организации власти и управления американского сообщества.[5]

---

[1] “The Background of American Federalism”, Am. Pol. Sci. Rev., XII, pp. 215-240.
[2] Ibid. p. 241.
[3] Robert A. Goldwin, ed., A Nation of States. Essays on the American Federal System (Chicago: Rand McNally, 1961).
[4] Ibid.
[5] Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII в. – М., 1980.

§ 2.3. Историко-правовые условия образования правовой и политической системы независимых североамериканских штатов

Условия образования правовой и политической системы независимых штатов и самой федерации складывались задолго до американской революции, а многие из них были обусловлены той политикой, которую проводила Англия по отношению к колониям. В общем виде политика метрополии и ее контроль над колониями выглядела следующим образом. Государственный секретарь в Южном департаменте был главным руководителем по американским вопросам, а Тайный Совет обладал широкой и в некоторых вопросах эффективной властью. Совет по торговле представлял собой орган, участвующий в сборе информации, давал консультации, советы и рекомендации, а не выдавал прямые и авторитетные приказы[1]. Однако его влияние имело важное значение, и его мнение по вопросам колониальной политики и управления зачастую являлось определяющим. Мнение Королевского управления являлось решающим при назначении нового Королевского губернатора. Инструкции, которые направлялись губернатору для выполнения и которые включали право на использование вето губернатора или направления в политике исходили из колоний. Неодобрение королем Совета колониальных уставов являлось наиболее эффективным методом управления[2]

Как правило, контроль осуществлялся должным образом, а расследования, проводимые министерством торговли, проводились на началах справедливости. Существовало правда много непродуманных и поспешно решаемых колониальных вопросов, в том числе в отношении судебной деятельности.[3]

Власть использовала в процессе управления императивные методы, что вызывало раздражение в колониях. Пока колонии издавали законы и колониальные суды устанавливали и выносили решения, Совет по торговле и Тайный Совета

---

[1] Barry Alan Shain. The Myth of American Individualism. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 90-91.
[2] Ibid.P.91.
[3] Ibid.P. 92.

стремились, не совсем безрезультатно, сохранять и наращивать систему общего права - или по крайней мере признание колониями определенных принципов. Колонии не принимали целиком, формы и процедуры общего права и особенно в тех вопросах, которые касались гражданских прав и свобод, истории английского конституционализма. Так, например, по состоянию на 1780 г. имело место 265 случаев, когда судебные дела переносились от колониальных судов в Тайный совет[1].Трудно сказать, насколько был силен акцент на осуществление судебного контроля и насколько он затрагивал более поздние события и создание американских институтов. Не существует заметных свидетельств и того, что американская система апелляций из государственных федеральных судов является непосредственной наследницей старой имперской системы, хотя и нельзя отрицать влияние конституционных принципов Англии.[2]

Решения Совета, зачастую, кардинально затрагивали конституционные принципы; была предпринята попытка сохранить принципы права и законы Англии. Другими словами, если колониальный закон был нарушен из-за превышения полномочий законодательного органа, то согласно уставу, или принципам общего права он не имел юридической силы.[3]

Роль английского парламента, помимо принятия актов судоходства и торговли, была достаточно заметной и в других сферах. Если спросить колониста того времени о степени парламентской власти, то его ответ скорее всего был бы следующим - парламент является наивысшей законодательной властью. И все таки невозможно с точностью передать полный смысл, либо показать с абсолютной уверенностью те рамки, в которых парламентские законодательные акты вторглись либо повлияли на внутренние колониальные проблемы. Но основным фактом являлась слабость парламентского законодательства, а не его полнота. Колонисты жившие в то время под таким неэффективным законодательством должны были прийти к мысли о том, что законодательная власть в Вестминстере очень далека от

---

1 Schlesinger A. M. Colonial Appeals to the Privy Council. Pol. Sci. Quart., XXVIII, P. 446.
[2] Ibid. P. 453.
[3] Ibid. P. 460.

их собственных текущих потребностей.[1]

Существовало несколько положений, которые более или менее оказывали влияние на внутреннее законодательство и свободу действий колоний. Самыми заметными из них, являются следующие: Акт о контрафакции (1700); Акты о фиксировании тарифа по которому иностранные монеты вводятся в обиход (1708); Акт о создании почтового отделения (1710); Акт о повышении налогов на недвижимость и содержания рабов (1732); Акт обеспечения натурализации (1740); Акт о запрещении производства бумажных денег Новой Англии (1751). Однако эти акты носили чисто локальный характер и таким образом были вовлечены в область фактического имперского контроля. [2]

Помимо выше упомянутых актов, имеют важное значение акты, принятые для общих королевских интересов на все события, которые не подвергались вторжению управлением внутренних дел. Такие меры как, ограничение изготовление сукна, железа и т.п. основывалось на предположении, что островные интересы Англии получали особую поддержку. Но нужно заметить, что другие действия или положения законов, не являлись цикличными для английской пользы. Большинство этих вопросов, которыми фактически занимался парламент, не отображаются с точки зрения колониальной системы, а подходили для местных законодательных органов и только в рамках формирующей правовой и политической системы штатов.[3]

За сто лет парламентские акты более или менее успешно регулировали внешнюю торговлю империи, хотя колонисты время от времени высказывали недовольмство относительно создаваемых барьеров. Так, акт Западной Индии или акт Черной патоки 1733 г. был разработан для того, чтобы заставить колонистов платить высокие пошлины для покупки продукции островных владений Англии, а не из иностранных колоний Вест-Индии. Особенно это казалось сырьевых товаров, которые являлись одной из основных статей колониальной торговли. В середине XVIII века и до этой даты ром, изготовленные из Вест-Индии из черной патоки

---

[1] Beer G.L. British Colonial Policy 1754-1765. P. 196.

2 Рассел Кирк. Корни американского закона. Вашингтон, округ Колумбия: Regnery Gateway, 1991. С.49.

[3] Там же.

легли в основу многих прибыльных рейсов из Новой Англии. Политика меркантилизма указывала на регулирование торговли как на основную функцию королевского правительства, а оборона была на втором месте приоритетов. Деятельность парламента в этой области была очень действенна.[1]

Опять же для большей выразительности, можно указать, что колониальные ассамблеи управляли своей собственной «внутренней полицией». Они взимали налоги для местных целей и на самом деле защищали себя как часть империи довольно успешно. Даже в королевских колониях законодательные собрания мало-помалу уходили от реальных полномочий Короны, а старый метод оппозиции, благодаря которой королевская власть в Англии, постепенно уменьшалась, часто успешно использовались колониальным Ассамблеями.[2]

Но в определенных аспектах парламент регулировал торговлю, выходящую за рамки какой-либо одной колонии. Корона занималась почтовым отделением, иностранными делами, войной и миром, армией и флотом, оставляя в подчинении милицию только колониям. В середине столетия, начиналось активное сотрудничество с индейцами и торговля с ними, а парламент являлся владельцем земель Короны в рамках королевской колонии и вскоре стал энергично интересоваться всеми Западными вопросами вплоть до создания некоторых колоний, хотя начинались они как частные предприятия[3]. После середины века были подготовлены планы создания и организации новых поселений и теперь каждый колонист должен был быть знаком с основными особенностями империи.

В процессе анализа имперской системы явно прослеживается тот факт, что каждый колонист жил под двумя правительствами. Правительством метрополии и колоний. Система правил парламента была наивысшей, но также нужно сказать, что эта высшая власть мало вмешивалась во внутренние колониальные дела. Корона, через упразднение и судебный пересмотр, принесли в свет факт колониальной субординации и наличие контроля центрального правительства за

[1] Beer G.L. British Colonial Policy 1754-1765. P. 196.
[2] Ibid. P. 201.
[3] Ibid. P. 205.

определенные вопросы общего характера. [1]

Следует подвергнуть научному анализу ряд противоречий, носящих не насильственный, но аргументированный характер, между представителями ассамблей и Королевскими управляющими. Эти противоречия раскрывают, так или иначе, постоянное развитие чувства самостоятельности и желание колонистов, особенно политиков, идти своим путем. Политические разногласия закладывают основы для будущих действий из-за неуклонного роста компетенции и практического опыта. Колонисты иногда могли возражать против власти Короля или собственного губернатора, и иногда они возражали против запретов навигационных актов и актов торговли, но в рамках общей системы. Любая попытка свергнуть систему, или изменить ее основные принципы, любое посягательство на ту сферу полномочий, которая разработана под воздействием стихийных сил, пробуждало чувство обиды и тревоги. [2]

Принципы самоуправления, согласующиеся с фактической компетентностью и опытом колонии, должны были найти свое место в политической системе; принципы свободы личности, результат английского конституционализма - и заботливо оберегаемыми колонистами - должны были бдительно охраняться.[3]

Социальная и промышленная жизнь колоний была весьма неординарна, каждая колониия имела свою структуру управления и не проявляла большого интереса к потребностям своих соседей. С одной стороны, эта готовность каждой колонии быть обращенной к своим проблемам, а с другой и чувство поддержки

---

[1] Ibid. p. 205.

[2] In an earlier paper ("The Background of American Federalism," Am. Pol. Sci. Rev., XII, pp. 215-240), I said that Great Britain by the middle of the eighteenth century had a working federal empire. To this statement Professor G.B. Adams, though not criticizing the main contents of the paper, objected on the ground that an empire with a central government free from control by the empire as a whole was not a federal empire. The criticism may be sound. The important idea is, however, that the chief quality of federalism - distribution of powers - appeared in the working practices of the old empire, and that distribution, as a practical fact, does more than merely suggest the scheme of distribution in the American constitutional system of a later day.

[3] Ibid. P. 245.

соседей в дальнейшем [1].

Тем не менее, можно прийти к такому выводу, что в колониях начали складываться политические институты, которые хотя и были различны, но имели общие черты. В них была создана самобытная система самоуправления исходя из общих тенденций и желаний и все они дорожили принципами английской свободы, так как она была задумана. На одном и на другом конце земли они говорили теми же политическими формулировками, дорожили теми же идеями, верили в те же основополагающие доктрины. В этом отношении - опустим различия в религии и жизненных привычках - существовало реальное единство, единство, которое было основано на обладание определенных принципов и чаяний[2].

Следует отметить, что в XVII в. была сформирована Конфедерация Новой Англии, которая носила лостаточно аморфный характер, ибо имело место лишь общая схема этого объединения[3]. Характерен в этом отношении Олбанский конгресс 1754 г., на котором собрались представители королевских и частных колоний. Был разработан план, по которому колонии должны объединиться в единый союз.[4] Было предусмотрено что члены Большого Совета должны выбираться представителями колониальной Ассамблей. Общая исполнительная власть была предоставлена генеральному президенту, который назначался и поддерживался Короной, имел право отменять все акты Совета. По рекомендации Совета он должен был разрешать вопросы и мира с индейцами[5]. Председатель и Совет были уполномочены регулировать торговлю с индейцами «осуществлять все покупки у индейцев, земель не в пределах конкретных колоний, или которые не находятся в пределах их границ, когда некоторые из них сводятся к более удобным размерам».[6] Они должны были быть в курсе создания новых поселений, обеспечения для них законов, до тех пор, пока Короне следует подумать а подходит ли это для формирования частного управления.[7]

---

[1] C.M. Andrews, The Colonial Period, P. 174-175.
[2] Ibid. P. 177.
[3] Ibid. P. 181
[4] Ibid. P. 185.
[5] Ibid. P. 189.
[6] Ibid. P. 189.
7 In addition to the references cited in this chapter, see E.B. Greene, Provincial

Этот центральный орган также получил право создавать армию, оснащать военные суда и для этих целей» взимать налоги. Генеральный Председатель и Совет должны были иметь чрезвычайные полномочия, чтобы заказывать суммы в казначействах каждого правительства для генеральной казны, или тратить их «для особых выплат...».[1]

Для его работы специальные Уполномоченные должны были выбираться пропорциональным, а не равным представительством нескольких колоний в Великий совет, а также была предложена возможность ограничения сферы охвата крупных колоний, некоторые из которых имели притязания на обширные территории. Оба этих последних предложений, встретили оппозицию консервативных сил, которые в последующие годы препятствовали формированию федерального союза.[2]

Тридцать пять лет спустя Б. Франклин заявил, в своей речи отметил, что если его план будет принят, то «объединение колоний родной страны случится довольно скоро» [3.] Имелись небольшие основания, что этот план был выгоден по обе стороны океана. У Совета по торговле были свои собственные идеи и разработанный план. Важно отметить, однако, как доказательство того факта, что власти серьезно рассматривали проблему империи и главным образом необходимость приобретения и контролирования средств обороны. Ни одна колония не приняла Олбанского предложения. Б. Франклин заявил, что план не приветствуется в колониях, так как он дает слишком много прерогатив для короны и осудил его потому, что он «играет слишком большую роль демократической части конституции...»[4].

План Союза опередил свое время и колонии в тот период не «созрели» для объединения из за своей несогласованности и колониальной самообеспеченности,

---

America 1690-1740 (Am. Nation Series. VI): E.B. Greene. The Provincial Governor in the English Colonies of North America (Harvard Historical Studies. VII): M.W. Jernegan. The American Colonies 1492-1750; H.L. Osgood, The American Colonies in the Seventeenth Century, III; H.L. Osgood, The American Colonies in the Eighteenth Century, I-II.

[1] Ibid.

[2] Ibid.

3 Franklin, Writing (A.H. Smyth, ed.), III. P. 226.

[4] Ibid. P. 229.

хотя и возникала настоятельная необходимость сотрудничества и континентальной организации для их же собственного благополучия.

Многие губернаторы колоний позитивно восприняли план союза. Так губернатор Массачусетса заявил, что «жизнь колоний показывает необходимость не только парламентского союза, но и налогообложения. Англия должна была получить достаточные гарантии того, что колонии не будут действовать сами по себе и, что необходимы своего рода принуждения. [1]

Так почему же колонии не поддержали план Союза? Ответ однозначен. Дух индивидуального права и настойчивое стремление колоний к привилегиям были основными особенностями той ситуации. Кроме того, империя развивалась без какой-либо последовательной и адекватной политической системы. Политика британской администрации фиксировалась в основном на торговле и она больше наблюдала за своими врагами и коммерческими соперниками в Европе.[2]

Однако в 1761 г. произошло событие, которое Д. Адамс знаменовал, как рождение американской революции. «Тогда и там, - сказал в знаменитой речи Д. Отис, - ребенок по имени Независимость родился»[3]. В 1760 г. было подано ходатайство в Высший суд Массачусетса о так называемом судебном приказе содействия. Оно появилось потому, что старые приказы останавливались на 6 месяцев после смерти монарха, а в предписании были даны полномочия лицам, которым он был выдан для поиска контрабандных товаров, и его условия были весьма всеобъемлющи и радикальны[4]. В противовес предоставления таких полномочий путем издания приказа, Д. Отис предстал перед судом.[5] Он заявил, что «норма общего права будет контролировать акты парламента и иногда аннулировать их: когда парламентские акты идут против общего права и разума, общее право будет контролировать их и вынести решение, что такой акт не имеет юридической силы»[6]. Д. Отис утверждал, что Англия имеет фиксированную

1 Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York, VI. P. 940.
[2] Ibid. P. 345.
[3] Ibid. P. 346.
[4] Hutchinson T. The History of the Colony and Province of Massachusetts Bay, ed. Lawrence Shaw Mayo, 3 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1936. P.160.
[5] Ibid. P. 161.
[6] Ibid. P. 345.

Конституцию и ее ограничения применимы, и действительно должны соблюдаться также в колониях. Следовательно, уже существует в реальности то, что американцы создали, как ощутимый факт. Эта тенденция предъявлять отрицание существующих принципов, которые должны найти свое выражение в институционных выражениях, как заметное свойство американского революционного процесса.[1]

В 1764 г. парламент, по предложению Джорджа Гренвиля, первого лорда казначейства и министра финансов, принял Закон о сахаре, часть общего плана для обеспечения соблюдения актов о торговле и судоходстве и получения некоторых доходов из колонии[2]. Кроме того, они были инновационными по сравнению с давно установившейся практикой. Суммы, полученные от некоторых налогов в колониях не покрывали расходов. Проверка Акта Западной Индии (Закона о патоке 1733 г.) показала, что его цель заключалась в том, чтобы заставить колонии отказаться от торговли некоторыми сырьевыми товарами с французскими и испанскими колониями в Карибском бассейне. Закон о сахаре повысил налоги, явно для того, чтобы получить доход.[3]

Согласно этому акту в 1764 г. колонисты должны были платить в казну дополнительный налог на ввозимый в Америку сахар и алкоголь, а сборщики налогов при обнаружении контрабанды получали возможность конфисковать товар вместе с кораблем; это стало серьезным ударом по торговле с Вест Индией, и вызвало недовольство среди американских производителей и потребителей рома. Подобное положение вещей вызвало возмущение в колониях.[4] Безусловно, имели место обременительный характер указанных актов, ограничивающих торговлю и неразумное вмешательство Лондона в колониальную экономику[5].

В этом контексте Д. Отис задавался вопросами о полномочиях правительства. Он рассматривает, истоки правительства и считает ее «вечной неизменной основой выполняющей волю Божию, чьи законы никогда не

---

[1] Ibid.
[2] Макинерни Д. США. История страны. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

варьировались»; «должна существовать в каждом обществе суверенная, абсолютная и неконтролируемая власть, «окончательное решение которой могут отменить только непосредственно небеса»[1]. Эта власть имеет свое происхождение от самих людей, которые не создают и не могут объективно создать абсолютный и неограниченный отказ от своих основных прав. Поскольку люди основа власти, и правительство получает те полномочия, которые ей дает народ. «Только те законы правительства имеют право на существование, - утверждал этот деятель, - которые созданы для улучшения безопасности, для спокойствия и процветания народа»[2]. Народ до сих пор считает, что верховная власть призвана удалять или изменять законодательство, когда у законодательного акта исчерпан лимит доверия. Но хотя это умозаключение содержит суть демократического мышления по отношению к высшей инстанцией в государстве, эта брошюра не проповедовала революцию. Д. Отис, вероятно, полагал, что Великобритания примет ее основы, без предупреждений. Он указывал на то, что колонисты, пережив трудности установления новой страны, не должны отказываться от их естественной свободы, этот дар Божий не может быть уничтожен.[3]

Д. Отис признает полномочия парламента, высшего законодательного органа Королевства и его владения. Парламент имеет право создавать акты для товаров общего направления. Но правительство не имеет право руководить произвольно, и никакая другая верховная власть не имеет на это право «принимать от любого другого лица какую-либо часть его имущества, без его согласия, лично, или через посредника». Как указывал Б. Франклин, необходимо применить в империи принцип представительства.[4]

Д. Отис не только революционный идеолог, ибо имел «видение действительно свободной и славной империи»[5]. Д. Отис открыто признает, что «будет концом всего правительства, если определенное количество подданных или

---

[1] Цит. по: Белявская И.А. Джеймс Отис и его роль в подготовке Войны за независимость //Американский ежегодник, 1975. М., 1975. С. 171-186.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Franklin, Writings (A.H. Smyth, ed), III, P. 227.
[5] Ibid. P. 229.

зависимые провинции пойдут так далеко, что будут считать справедливым решение непослушанию актам парламента».[1]

Приложение к правам британских колоний, утвержденных и доказанных, содержит подробное наличие фактов изложенных в палате Массачусетса во исполнение инструкции города Бостон своим представителям, где говорилось, что даже власть парламента в Великобритании имеет определенные границы, которые, в случае их превышения следовало признать недействительными[2]. Судьи Англии поддержали эти настроения, когда они специально объявили, что акты парламента против естественной справедливости и основополагающих принципов Конституции Британии являются недействительными». [3]

С учетом того, что ядром фактической конституции Англии были основополагающие права человека, в том числе и в отношении собственности, в колониях появлялись декларации в той или иной форме, заявлявшие, что «Высшее законодательство, в каждом свободном государстве, обусловлено властью Конституции, основные правила которой, ограниченны и очерчены». «Это является естественным, природным правом людей, что человек пользуется и распоряжается своим собственным имуществом. Это право принято Конституцией. «Собственность имеет право на существование, даже в штатах не подвергшихся воздействию человека». «Во всех свободных государствах крепится Конституции; отсюда вытекает что законодательство вытекает из ее полномочий. Поэтому нельзя изменить Конституцию не разрушая свои собственные основы» [4].

В октябре 1765 г. представителеи штата Массачусетс, в ответ на выступления губернатора, сделали важное заявление, объетиавированное в

---

[1] See also O.M. Dickerson, American Colonial Government 1696-1765, ch. V.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Journal of the convention in American Archives (Peter Force, ed.), fourth series, VI, col. 1524. See also, H.B. Grigsby, The Virginia Convention of 1776, pp. 8, 17-18. It is interesting to of an empire. And we must remember that the empire had grown up without any consistent and adequate political system, the eyes of the British administration being fixed largely on trade, while Britain watched her enemies and he commercial rivals in Europe. A commercial rather than a well-articulated political empire had received the weight of attention.

документе С. Адамса[1]. «Вы рады сказать, - утвержалось в этом акте, - что закон о гербовом сборе является актом парламента и как таковой должен соблюдаться. Эта палата, сэр, имеет слишком большое почитание для Высшего законодательного органа нации, чтобы поставить под сомнение справедливость его полномочий. Мы вовсе не собираемся корректировать границы полномочий парламента; но границы несомненно .... Кроме того Ваше Превосходительство говорит нам, что парламент принимает законы в интересах американских колоний и они остаются неоспоримыми в Вестминстере. Не сопротивляясь этому моменту, мы просим оставить только возможность следить за хартией в провинциях инвестирующие Генеральную Ассамблею с полномочиями принимать законы для ее внутреннего управления и налогообложения и что данная хартия никогда не будет отменена»[2]. Отмечалось, что Парламент имеет право принимать все законы в пределах своей собственной Конституцией,»но не больше. Ваше Превосходительство признает, что существуют некоторые неотъемлемые права, принадлежащие народу, которых сам парламент не может лишить, в соответствии со своей собственной Конституцией»[3]. Среди них является право представительства в том же органе, который обладает полномочиями налогообложения. «Наиболее значимые слова «граница, несомненно есть», но мы должны высказать требования, основанные на положениях хартии, право колонии принимать законы для внутреннего управления, а также налогообложения, и мы должны заметить также, использование слова «Конституция»[4].

Так постепенно появляются предпосылки образования ядра американского конституционализма, суть которых можно выразить следующим образом: 1) Имеются определенные основополагающие права, которое правительство не имеет

---

[1] Келли А., Харбисон У., Бельц Х. Американская Конституция: Ее происхождение и развитие. 7-ое изд. Нью-Йорк: В. Нортон, 1991. С. 56.
[2] Там же.
[3] Samuel Adams, Writings (H.A. Cushing, ed.), I, p. 13 ff. Massachusetts State Papers, p. 43 ff. How much, especially in the earlier days, Sam Adams owed to Otis, is an interesting though for us not a very important question Otis at one time said to John Adams, "I have drawn them all up, and given them to Sam to quieu when them", at least so John declared. There is little doubt in my own mind that, whoever wrote the first draft of some important papers, the hand or the ideas of Otis are to be found in some of the papers commonly and perhaps rightly attributed to Sam Adams.
[4] Ibid. P. 49.

права отнять у своих подданных. 2) Эти права закреплены в Конституции Великобритании. 3) Человек не должен соблюдать закон, который лишает его его прав. Неконституционный акт не является обязательным. 4) Существует Британская Конституция, ограничивающая государственную власть. Конституция, с точки зрения американцев, более определенная, если не сказать жесткая, чем любая другая компетенция предложенная британцами. 5) Кроме того колония, как часть империи, имеет функции и полномочия. 6) Может существовать и существует четкое различие между одной «властью» и другой. Власть налогообложения отличается от других полномочий. Парламент может иметь только одну власть. 7) Хартии и давние обычаи дали санкцию на это право, законное право колоний управлять их налогообложением и внутренним управлением. 8) Разумный и справедливый учет интересов всего, что санкционировано парламентом, чтобы принимать законы для поддержания империи и сотрудничество его частей[1].

Среди этих документов наиболее важным является информационное письмо присланное палатой Массачусетса, где отмечалось, что «конституционная власть фиксирована и не может переходить свои границы», что она «удостоверяет в этом и ограничивает независимость и обязательство верности и повиновения…»[2].

Американцы, в свою очередь, настаивали на необходимости сохранения своих привилегий и правовой основы, на которую они опирались. Свободы нет, если нет никаких конституционных ограничений власти – вот суть сформировавшей американской доктрины. Парламентарии были жертвами определенных догм, на удивление похожие на аналогичные доктрины о неделимости суверенитета, и они лелеяли августейшие полномочия парламента. Американцы были юридически разумными и аргументированными. Если парламент утверждал свое превосходство, объявив, что он, так сказать, выше закона, колонисты были готовы отстаивать верховенство Конституции, их

---

[1] Ibid. P. 51.

2 In addition to the references cited in this chapter, see E.B. Greene, Provincial America 1690-1740 (Am. Nation Series. VI): E.B. Greene. The Provincial Governor in the English Colonies of North America (Harvard Historical Studies. VII): M.W. Jernegan. The American Colonies 1492-1750; H.L. Osgood, The American Colonies in the Seventeenth Century, III; H.L. Osgood, The American Colonies in the Eighteenth Century, I-II.

неотъемлемое, юридическое право в их собственных институтах. Они утверждали, что закон выше парламента[1].

Таким образом, колониальная жизнь в период 1700-1775 годов имела ярко выраженный двойственный характер. Буквально во всем - в политике, в общественной жизни, в рыночной экономике - происходило смешение английских принципов и американской практики. В результате на свет появилась комбинация - весьма тонкая, порой почти неуловимая, а часто и непредсказуемая, ибо она следовала случайным поворотам текущей жизни. Едва ли можно было ожидать столь экстремальных последствий, как драматический разрыв с Англией. Когда он все-таки наступил в 1775 году, то стал следствием резких изменений в имперской политике, тех самых изменений, которые англичанам казались логически оправданными и неизбежными, а американцами воспринимались как нечто нестерпимое - недопустимое покушение на их свободу. Любопытно, что до этого критического момента колонии выглядели вполне успешным и эффективным начинанием, поставлявшим Англии необходимые «опоры» существования - имперскую власть и богатство.[2]

Следует отметить, что так называемый Квартирный акт, принятый примерно в то же время, что и Гербовый акт, активизировал оппозиционные силы в Нью-Йорке, где законодательной власти было приказано обеспечить войска жилищем и провизией. Ситуация, когда английская армия базировалась в провинции, носила негативный характер. Законодательная власть отказалась полностью исполнять отданные ей приказы (1766 г.) и считала целесообразным обсудить этот вопрос, однако из этого ничего не вышло, и через год был издан акт английского парламента, приостанавливающий функции законодательной власти колонии после того как она выполнит условия Квартирного акта. Даже до того, как известия о масштабе дошли до колоний, законодательная власть заявила: «сохранить свое международное положение, не отдавая при этом «соли, уксуса, пива и сидра», о которых шли бурные споры. Но дело было не только в сидре и

[1] Ibid.
2 Макинерни Д. США. История страны. М. 2009. С. 55.

пиве: огромный вред нанес масштаб репрессий[1]. Это был естественный результат отношения к проблемам в обществе: повиновение обеспечивалось не умиротворением, ни уважением и любовью народа, а насилием и прежде всего строгой приверженностью политике, которая не унизила бы достоинства правительства. [2]

Следующим шагом, сделанным Парламентом, была отмена пошлин, наложенных актами Тауншенда, не считая пошлины на чай (1770). Лорд Норт, который только что приехал к главе министерства, где он долгие годы оставался послушным слугой короля, был за отмену пошлины. Акты были «абсурдными»; он с удовольствием предпринял бы меры для того, чтобы успокоить сердитых американцев, но оказалось, что мягкость не поощряла дух повиновения; и к тому же это бы привело к дальнейшему оскорблению «авторитета власти». Налог на чай должен был быть сохранен. «Самое подходящее время для того, чтобы предъявить наше право на налогообложение, наступает тогда, когда это право отнимают». Но в Америке были британские солдаты, а Бостону они совершенно не нравились их присутствие вызывало неприятные ощущения. В тот самый день, когда Норт пропагандировал отмену актов Тауншенда, произошла Бостонская «резня», а на следующий день граждане строго потребовали, чтобы солдаты были отправлены в замок в убежище. В пуританском городе царил дух восстания[3].

В 1769 г., как только законодательный орган отказался вести дело в Бостоне в присутствии войск, оно было отложено до встречи в Кембридже. Губернатор Бернард скоро отправился в Англию, а вице-губернатора, «оставили встретить волны недовольства». [4]

Обсуждение закончилось только в 1772 г. , когда законодательному органу разрешили встретиться снова в Бостоне. И таким образом, благодаря бесполезному приказу некомпетентного министерства, Массачусетс научился учитывать сущность его учреждений и собственности в принципах его самоуправления.[5]

---

[1] Макинерни Д. Указ. Соч. С. 92-95.
[2] C.H. Van Tyne, The Causes of the War of Independence P. 278.
[3] Journals of the House of Representatives of Massachusetts 1727-1729 P. 362.
[4] Ibid. P. 365.
5 Ibid. p. 365.

В 1773 году в связи с угрозами, что люди, обвиняемые в совершении правонарушения, должны быть переправлены через океан для проведения судебного процесса, был сделан другой важный шаг и на сей раз Вирджинией. Она предлагала сформировать соответствующие межколониальные комитеты, и таким образом в континентальном масштабе подготовила систему, которая сделала оппозицию эффективной. Союз колоний, который позже стал союзом государств, опирался таким образом сначала на сообщество созданных идей, незаконно учрежденные комитеты, людей, которые представляли дух недовольства. [1]

В конечном итоге, колонии выработали для себя четкие позиции, которые базировались на двух главных принципах: первым являлась доктрина естественных прав человека и предполагалось, что английская конституция будет воплощать эти права и защищать их. С этими принципами была тесно связана вера в то, что единственное свободное правительство является ограниченным, то есть таким, которое в своих поступках ограничено конституцией и законом. Вторым принципом являлось суждение о том, что империя не была централизованной и единой, а, наоборот, была децентрализована и многосторонняя. [2]

Вероятно, революция уже развилась до такой степени, что о положительных результатах не могло быть и речи, но судя по официальным доводам, колонисты были согласны с теми привилегиями и правами, которые были у них 10 лет назад, другими словами, согласны с той империей, которая была раньше. [3]

Можно сказать, что за недолгое время до объявления о полной свободе от парламентского контроля Массачусетс обратился к истории колонии и стремился доказать с помощью исторических фактов его право на свободу от парламентского вмешательства. Он не отстаивал свою независимость от короля, а жаловался на новшества, сделанные Парламентом и его агентами в Америке, где Совет настаивал на создании системы разделения властей.[4]

---

[1] See Van Tyne, op. cit., p. 427 ff.; J.M. Leake, The Virginia Committee System and the American Revolution.

2 Massachusetts State Papers. P. 172-173.

[3] Ibid. P. 175.

[4] Ibid. P. 179.

Мысли колонистов уже созрели до революционного мышления, то есть желания восстать против установленных учреждений, и нуждались в союзниках, которые бы с радостью приняли переворот, отмели прошлое и построили бы новые структуры на его руинах. Колониальное мышление было одновременно абстрактным и конкретным. Оно было конкретным и историческим, потому что обратилось определенно к фактическим рабочим учреждениям. Оно было в какой-то мере абстрактно, потому что сделало акцент на естественные права, которые были постулатами аргумента и были воплощены в британском гражданстве, поскольку колонисты имели их исходя из степени действительности в английской конституционной доктрине. О них говорили английские мыслители и политические лидеры, и эти права частично были сотканы в историю «Славной революции» 1688, которая была также близка колонистам и на основе которой они могли базировать свои требования.[1]

Английские власти полагали, что колонии попросту воспроизведут привычную политическую систему, только в меньшем масштабе. Это означало, что в американских колониях будет действовать «смешанная» или «сбалансированная» модель правительства. То есть колонистам предстояло сформировать политическую систему, которая включала бы все традиционные элементы общественного строя и сочетала различные формы правления. Как и в Англии, они должны были предварительно создать уменьшенные копии монархической, аристократической и демократической власти[2]. Действительно были созданы колониальные правительства, большинство из которых включало в себя три основных элемента. Прежде всего, это губернатор (обычно назначаемый свыше) - теоретически он возглавлял пирамиду власти и исполнял функции «как бы короля». На следующей ступеньке располагалась верхняя палата или консультативный совет (тоже назначаемый сверху) – этот орган являлся американским эквивалентом британской палаты лордов. И, наконец, в самом низу располагалась нижняя палата или законодательное собрание представителей (выбирались народом) – этакая местная версия демократической палаты общин, в его функции входила

[1] Английская буржуазная революция XVII века: В 2 т. М., 1954. Т. 1-2.
2 Hillsborough to Governor Bernard, April 22, 1768 P.. 203-204.

разработка законов и контроль сбора налогов.[1]

Естественно, в глазах британцев все это выглядело грубой, приближенной аналогией британской схемы. Колонисты и сами должны были понимать, что их правительственная система не идет ни в какое сравнение с английский парламентом, т.к. они просто скопировали (а не разделили) властные структуры, базирующиеся в Лондоне. Английские чиновники самонадеянно закрывали глаза на попытки американцев обзавестись собственными органами управления и более того, не вмешивались в принятие повседневных решений, представив их самим американцам. У короля и парламента были более важные дела, чем мелкие проблемы далеких и не слишком важных (по крайней мере, с точки зрения англичан) колоний. Таким образом, большую часть XVIII столетия метрополия легкомысленно закрывала глаза на «самоуправление» американских переселенцев. Казалось, такое положение вещей устраивало всех: колонии наслаждались дарованной им свободой, а Лондон минимально вмешивался в их дела, в целом пожинав урожай в виде экономических дивидендов, поступавших из стабильно развивающихся заокеанских владений.[2]

Колонисты ценили подобный подход со стороны лондонских властей и лояльно относились к британскому политическому наследию, а также охраняли свои традиционные права и искренне восхищались успехами смешанного управления. Американцы чрезвычайно гордились тем, что являются частью империи, которая на тот момент, несомненно, являлась самой могущественной в западном мире. Они на собственном опыте убедились, насколько важно иметь столь серьезного союзника: именно поддержка Британии помогала держать в страхе испанцев и французов - извечных противников английских колонистов и старались всячески защищать интересы короны.[3]

Однако теоретические модели плохо приживаются в реальной жизни. Хотя колониальные правительства и выглядели тщательно сработанной миниатюрой лондонских структур (вроде бы те же король и парламент), но, как выяснилось, на

---

[1] Ibid. P. 209.
2 Edward Channing, A History of the United States, III, P.99.
[3] Ibid. P. 105.

практике они действовали совершенно иначе. В обществе, где отсутствовала жестко структурированная иерархия, они с трудом справлялись со своими функциями[1]. Губернатор в своем распоряжении не имел солидного денежного фонда, ни права распоряжаться общественными должностями. Так, например, в 1774 году вышел закон (Квартирный акт), который обязывал губернатора, при первой необходимости предоставить подходящее жилище королевским войскам. Таким образом, армия, присутствие которой долго раздражало жителей Бостона, должна была быть размещена не в замке, а находиться в городе, что так будет лучше, где ее постоянное присутствие обуздает людей и не спровоцирует их на новые восстания. Эти действия были настолько радикальными, настолько отличались от обычных действий правительства, что они были почти в области военного положения[2]

Не случайно в «Общем обзоре» Т. Джефферсона критикуется английский парламент и его действия. Смысл этого документа заключается в том, что колонии больше не намерены терпеть назойливое вмешательство метрополии, т.к. «акты власти принятые группой людей, чужды нашим конституциям и являются непризнанными согласно нашими законами»[3].

Поэтому «Общий обзор» был предвестником Декларации независимости и в этом можно видеть некоторые из тех конституционных принципов, которые даже в более позднее время оказывали влияние на американское законодательство.[4]

Таким образом, губернаторы представляли собой слабые политические фигуры, которые, как правило, не пользовались народной поддержкой. Не имея возможности приобретать надежных сторонников, они вынуждены были бороться в одиночку с провинциальными законодательными органами. Со своей стороны, собрания представителей обладали куда большей полнотой власти и неустанно трудились над ее расширением, участвуя в законотворчестве и при каждой возможности вмешивались в работу исполнительных и юридических органов. В

---

[1] Ibid. P. 109.
[2] Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York, VI, P. 889.
[3] Ibid. P. 293.
[4] Зубков А.Ю. Английская корона и американские колонии накануне Войны за независимость (1763-1775) //Вопросы истории. 1983. № 8. С. 170-174.

Англии лишь четвертая часть населения имела возможность голосовать на выборах, тогда как в колониях таким правом обладали от половины до трех четвертей всех белых мужчин, и многие из них не относились к числу англичан[1]. К тому же большое число избирателей по происхождению принадлежали к той или иной группе, которые с традиционным подозрением относились к властным структурам. При таком обширном и разнообразном электорате колониальная политика была более нестабильной и подверженной конкуренции, чем ее английский прототип. [2]

Американскую политику трудно назвать демократической в истинном смысле этого слова. Хотя абсолютное число избирателей превышало таковое в любой другой стране, все же большая часть населения была лишена права голоса. Сюда относились чернокожие колонисты и все женщины. К тому же для кандидатов на государственные посты - даже для белых мужчин - был установлен высокий имущественный ценз, что также ограничивало доступ к браздам правления[3]. Как результат, в стране складывалась система, при которой власть концентрировалась в руках небольшой группы избранных лиц. Потребовалось совсем немного времени, чтобы рядовые американцы осознали сей факт, однако это был не единственный урок, который преподнесла им жизнь. Сложившуюся систему самоуправления со всеми ее пороками они воспринимали как данность, но тем не менее доверяли ей больше, чем находившейся за 3 тыс. миль централизованной власти. Колонисты вынуждены были жить в мире, британском по форме, но функционировавшем на американский лад.[4]

Обращение жителей Бостона пробудило в колонистах новое возмущение и желание снова объединить силы. Первый шаг для Континентального Конгресса был сделан Вирджинией, и ее предложение должно было вступить в действие

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] A Summary View of the Rights of British America. Set Forth in Some Resolutions Intended for the Inspection of the Present Delegates of the People of Virginia. Now in Convention." Printed at Williamsburg, reprinted in Philadelphia and in London. See Thomas Jefferson, Works (federal ed.), II, pp. 47-89.
4 George Bancroft, History of the United States (last revision), III, p. 284. For Hillsborough's letter as addressed to Rhode Island, see John Almon, Prior Documents, P. 220.

летом 1774.[1] Делегаты были выбраны различными методами, но в значительной степени посредством комитетов корреспонденции, тех незаконных, но эффективных институтов, которые соответствовали задаче поддержания общенародных прав и, если потребуется, могли вызвать революцию.[2] Формальная процедура колониального законодательного органа, почти в каждом случае не была четко определена, поскольку не было только официальной оппозиции в большинстве колоний, а было робким возражением против радикальных мер. Поэтому очевидно, что Конгресс, бесспорно, являлся законным органом и он был созван не для того, чтобы способствовать революции, хотя его можно вполне считать революционной организацией. [3] Например, в Нью-Хэмпшире делегаты были выбраны «собранием представителей, назначенных несколькими городами», которые собрались для достижения цели; в Массачусетсе, палатой; в Род-Айленде, где не было никаких королевских чиновников Генеральной Ассамблеей; в Коннектикуте (аналогично свободная корпоративная колония) - палатой, которая уполномочила комитет корреспонденции назначать делегатов; в Нью-Йорке, «Должным образом опросами, проведенными надлежащими людьми, в семи административных районах Нью-Йорка и графства» и различными другими комитетами отдаленных районов; в Нью-Джерси - в соответствии с соглашением; в Пенсильвании - палатой; в Делавэре - в соответствии с соглашением «представителей почетных граждан»; в Мэриленде - в соответствии с соглашением и «Собранием Комитетов» из округов; в Вирджинии - в соответствии с провинциальным соглашением; в Северной Каролине, «общим собранием жителей»; в Южной Каролине – «общим собранием жителей», действия которых

---

1 See C.R. Lingley, The Transition in Virginia From Colony to Commonwealth, pp. 81-82; A.M. Schlesinger, The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763-1776 (Columbia University Studies in History, etc., LXXVIII), P. 363.

2 "When the Continental Congress met, there is good reason to believe that it was looked upon as a meeting of the committees of correspondence of the several colonies...." Van Tyne op. cit., pp. 427-428.

3 September 6, 1774. Journals of the Continental Congress (W.C. Ford, ed.), I, p. 25. Hereafter referred to as Journals. Each colony should have "one voice; but as this was objected to as unequal, an entry was made on the journals to prevent its being drawn into a precedent." Connecticut Delegates to Governor Trumbull, October 10, 1774. Quoted in Ibid., I. P. 25.

были ратифицированы палатой.[1]

Следует отметить, что основание представления на Конгрессе возникло из обсуждений будущего союза: должен ли быть у каждой колонии один голос, или же должны быть приняты принципы пропорционального представительства? Предложение, «установить равноправное представление согласно соответствующей важности каждой Колонии», не было принято и вместо этого было решено, чтобы «у каждой Колонии или Области был один Голос. Конгресс в настоящее время не мог предоставить надлежащие материалы для того, чтобы установить важность каждой Колонии»[2]. Поэтому в формальном смысле, это не были представители существующих колониальных правительств, а Конгресс представлял собой часть недовольных людей, которым было достаточно интересно действовать, несмотря на напряженную оппозицию консерваторов и, вообще, преграду или неодобрение губернаторов. [3]

Анализируемая резолюция была по существу компромиссом, т.к. она не признавала, что в правомочие Парламента входит регулирование торговли; она не аннулировала контроль королевской власти, которая была действительно явно признана в обращении к королю несколько дней спустя. В «обращении к людям Великобритании», Конгресс объявил, «Поставьте нас в ту же самую ситуацию, в которой мы находились к концу последней войны, и наша прежняя гармония будет восстановлена»[4].

Таким образом, на Континентальном Конгрессе не была сформирована актуальная конституционная теория, доминировали устаревшие догмы. Противостояние между метрополией и колониями касалось, прежде всего,

---

[1] Ibid.

[2] Согрин В.В. Мифы и реальности американской истории.- М., 1986.

3 Cf. McIlwain, op. cit., pp. 116-117 Some writers and students may be misled by the wording of the first resolution as given in Select Charters (William MacDonald, ed.), pp. 358-359, the resolution there reading "they have never ceded to any foreign power whatever, a right to dispose of either [life, liberty, and property] without their consent." The word "foreign" should be "sovereign". Journals, I, p. 67; Journals of Congress (1823 ed.), I, p. 20. To object to "sovereign", in any complete sense, was characteristic of the colonial position. MacDonald's work is in general painstaking and accurate.

4 "We wish not a diminution of the prerogative, nor do we solicit the grant of any new right in our favour." Journals, I, p. 119.

злоупотреблений парламентской властью и сохранение колониальных уставов на основе английской конституции. Определенные существенные права американцев также отстаивались Конгрессом: право на суд присяжных, право на мирные собрания и подачи прошения и право на освобождение от присутствия в мирное время, кроме как с согласия законодательного органа колонии. Также утверждалось, что для хорошего правительства необходимо, чтобы составляющие отделения законодательного органа были независимы друг от друга и что осуществление законодательной власти в колониях назначенным Короной советом, было неконституционным и опасным.[1]

В резолюции содержалось намного больше, чем отделение от Великобритании и сопротивление «принудительным актам» правительства находящегося на другом берегу океана. В спорах и разногласиях колонистов в период между формированием «Союза» и внезапным началом войны и заключительным принятием независимости можно обнаружить большое количество новых социальных и политических взглядов на ситуацию в колониях[2]. В самоуправляющихся колониях Коннектикута и Род-Айленда, фактическое управление Революционными движениями перешло в руки комитетов или провинциальных встреч - управления за пределами законного правительства каждой колонии. В течение приблизительно двух лет перед независимостью революционные правительства были настроены использовать народную власть для того, чтобы поддержать их права против парламентских требований и плохого управления. Мысль о полной независимости была все еще почти страшной для многих людей, серьезно настроенных на защиту бойкота и враждебности к неприемлемым законам Великобритании. [3]

Особенно трудной была ситуация в Бостоне, где власть монарха была представлена армией. Всюду было много беспорядка, связанного с революционным

---

[1] Ibid., I, p. 89. The matter presented above is important for our purpose of following the main line of constitutional argument.

[2] Attention is called to Eckenrode, op. cit.; C.H. Lincoln, The Revolutionary Movement in Pennsylvania 1760-1776; C.L. Becker, The History of Political Parties in the Province of New York, 1760-1776.

[3] J.F. Jameson. The American Revolution Considered as a Social Movement. 1970. Pp. 15-21.

движением, но в целом спокойствие царило в колониях, хотя в 70-х годах XVIII века они оказались на грани восстания. Что же такого должно было случиться, чтобы столь разительно изменить положение дел в стране - от исключительно благоприятного до нестерпимо раздражающего? Как это было возможно: иметь благоденствие и спокойствие, а получить в результате революцию?[1]

Ответ (если не вдаваться в подробности) звучит следующим образом: дело в том, что в колониях настали новые времена. Британия поменяла правила игры, да так круто, что американцы не смогли принять эти изменения. После десятилетий достаточно вольготного администрирования они ощутили резкое ужесточение колониальной политики. Вместо того, чтобы консолидировать колонии при помощи коммерческого механизма, британские власти сделали ставку на политический и военный деспотизм. И вместо того, чтобы честно расплатиться по счетам за колониальные операции, англичане решили, что настало время платить самим американцам. [2]

Для чиновников, ведавших колониальными делами, изменения казались вполне честными, разумными и необходимыми. Колониям те же самые перемены виделись непродуманными и тиранническими. Британцы отказывались признавать себя суровыми деспотами, а напротив, претендовали на роль рачительных хозяев, которые решили наконец-то навести порядок в колониальном хаосе. Американцы в свою очередь, видели себя не бездумными бунтовщиками, а подлинными консерваторами, охраняющими традиционные права англичан от посягательства недобросовестного правительства. И обе стороны отказывались понимать позицию противника. После десяти лет бессмысленных пререканий терпению обоих оппонентов пришел конец, и былой союз рухнул, а попытка Британии реорганизовать империю натолкнулась на скрытое сопротивление американцев, которое затем переросло в вооруженное восстание.[3]

Действительно, два ближайших года - с 1770 по 1772 год - в жизни колоний царил относительный покой, однако это была только видимость,

[1] Ibid. P. 27.
[2] A.M. Schlesinger, “Colonial Appeals to the Privy Council”. Pol. Sci. Quart., XXVIII. P. 446.
[3] Ibid. P. 249.

скрывавшая ряд застарелых проблем. Несмотря на отмену двух законов, большинство имперских реформ оставались в силе: несправедливые «налоги» подрывали конституционные принципы; вице-адмиральские суды ставили под сомнение основные юридические права населения; произвол королевских чиновников мешал самоуправлению; запрет на выпуск бумажных денег сильно осложнял экономическую жизнь колоний, а неоправданное присутствие регулярной армии несло угрозу основным гражданским свободам. В среде колонистов зрело недовольство, и осенью 1772 года в Бостоне был сформирован Корреспондентский комитет, в чьи функции входило распространение новостей, патриотических выступлений и предостережений по всей стране[1]. Невзирая на запрет, комитет осуществлял связь между колониями и проводил антибританскую агитацию среди народа. Пройдет совсем немного времени, и «корреспонденты» комитета начнут передавать в свои отделения куда более важные новости.[2]

Чтобы поддержать пришедшую в упадок Ост-Индскую компанию, парламент принял в 1773 году закон о чае, который заочно передавал компании монополию на чайную торговлю в Америке. Используя махинации на таможне, чиновники компании искусственно занижали цены на популярный среди колонистов голландский чай, поступавший по контрабандным каналам. Пока цены на этот напиток оставались низкими, таможенные пошлины сохранялись. Откровенно протекционистский характер закона привел к тому, что американские колонисты от пассивного порицания перешли к активным действиям: горожане организовывали специальные отряды, которые блокировали порты и запрещали разгружаться торговым судам. В Бостоне пошли еще дальше: 16 декабря 1773 года горожане утопили в прибрежных водах прибывшую партию чая стоимостью 10 тыс. фунтов стерлингов («Бостонское чаепитие»)[3].

В ответ Лондон принял ряд кардинальных мер: прежде всего, британцы закрыли Бостонский порт; вслед за тем последовала реорганизация правительства Массачусетса и назначение военного губернатора; судопроизводство по делам

---

[1] Ibid. P. 251.
2 Massachusetts State Papers, P. 150.
[3] Антекер Г. Американская революция. 1763-1783. М., 1962.С. 210.

нарушителей королевских законов было перенесено в Лондон, зато подразделения регулярной армии максимально приблизили к населению - теперь солдат размещали прямо в частных домах. Если Британия рассчитывала этими репрессивными законами - в Америке их окрестили «невыносимыми» - запугать колонистов, то она сильно просчиталась. Вместо того правительственная акция, как никогда, сплотила американцев и усилила их ненависть к британским властям. Таким образом, сам парламент и английское правительство спровоцировали волнения, а затем и революцию.[1]

Как отмечалось, когда Континентальный Конгресс собрался в Филадельфии 10 мая 1775 г., война уже началась надежда на мирный способ обеспечения прав колонистов оказались не состоятельными[2].

Теперь уже подавляющее большинство колонистов не сомневалось, что Англия готовит генеральное наступление на их оставшиеся свободы. Принятые парламентом законы подтверждали самые дальновидные догадки, которые оправдывали протесты колонистов. На протяжении последних десяти лет американские патриоты не просто осуждали имперские реформы, они также пытались их осмыслить. Основательно изучив труды древнегреческих и древнеримских философов, опираясь на идеи эпохи Просвещения и взгляды английских оппозиционеров Джона Тренчарда и Томаса Гордона, местные патриоты пришли к неутешительным выводам: все злоупотребления лондонских властей проистекают не от неумения управлять, а являются намеренной попыткой разрушить американскую свободу.[3] Весь ход колониальной истории подтверждал тезис о небезопасности политической власти для ее носителей - власть, как известно, развращает. Причем, как выяснилось, процесс этот носит расширяющийся и неконтролируемый характер: чем шире возможности власть предержащих, тем необратимее последствия. Растущая власть требует в жертву свободу, а человеческие права вообще нечто хрупкое, и защитить их можно лишь через постоянный и бдительный надзор.

---

1 John Adams, Works (C.F. Adams, ed.), П, P. 374.
[2] In an earlier paper (“The Background of American Federalism”, Am Pol. Sci. Rev., XII, pp. 215-240).
[3] Ibid. P. 245.

Оказывать сопротивление тирании в любых формах, в том числе руки и недобросовестному правительству, которое противопоставляет личные интересы государственным – в этом они видели свое исконное право. А в том, что такое сопротивление необходимо, колонисты теперь не сомневались. Доказательством тому служила цепь несправедливости чинимых королевской властью[1].

Два объективных фактора осложняли и без того нелегкое положение американцев: во-первых, подавляющее военное превосходство противника - всемогущей Британской империи; а во-вторых, значительное расхождение в политических взглядах, царившее в рядах самих американцев. Тем не менее они продолжали бороться, и итоги борьбы оказались несколько неожиданными. Взявшись за оружие в 1775 г., колонисты всего лишь хотели исправить те перегибы и злоупотребления в управлении, которые допускала метрополия. Однако постепенно война американцев за свои права переросла в Войну за независимость. Аналогичная метаморфоза случилась и с органами местного самоуправления. Борьба за политическую самостоятельность, начатая в 1776 году, имела целью освобождение от чересчур жесткого централизованного управления, а результатом же стало создание сильного и многогранного аппарата власти - национального правительства.[2]

В 1765 году участники радикальной организации «Сыны свободы», к которым присоединились и «Дочери свободы», развернули широкомасштабную кампанию, целью которой являлась борьба с произволом британского правления. На тот момент они еще не подозревали, что их действия в конечном счете приведут к отделению колоний от империи. Точно так же отряды народного ополчения в апреле 1775 года не догадывались, что их вооруженные стычки с британцами при Конкорде и Лексингтоне знаменуют начало революции. Да и делегаты конгресса, принявшие Декларацию независимости, еще не решались на такой шаг, как объявление войны.[3]

Сколь бы запутанной ни выглядела военная обстановка весной 1775 года, одно

1 C. H. Van Tyne, The Causes of the War of Independence, p. 278.
[2] See William Knox, The Controversy Between Great Britain and Colonies Reviewed (London, 1769), pp. 50-51.
[3] Ibid. P. 56.

было совершенно ясно: Британия имела несомненное превосходство по всем статьям. Она более чем вчетверо превосходила свои колонии по численности населения; ее экономика была более разносторонней; многочисленная армия состояла из опытных профессионалов, а флот являлся сильнейшим в мире. Всему этому могуществу американцы не могли противопоставить ни многочисленной армии, ни солидного материального обеспечения. Их вооруженные силы состояли из Континентальной армии (безнадежно уступавшей противнику во всех отношениях) и разношерстных отрядов народного ополчения (в которых боевая солидарность и товарищеский дух значительно уступали дисциплине)[1]. Положение колонистов усугублялось отсутствием авторитетного централизованного правительства, способного координировать военные усилия и объединять вокруг себя население. Фактически каждый пятый американец принадлежал к партии «лоялистов», по-прежнему преданных королю и метрополии. Все эти люди с неодобрением относились к идее создания независимого государства и испытывали страх перед решительными выступлениями мятежников. [2]

И все же положение американских патриотов было не столь безнадежным, как могло показаться с первого взгляда. Во-первых, Британии приходилось воевать на чужой территории, за 3 тыс. миль от родного дома. Боевые действия разворачивались в колониях, разбросанных на протяжении 1,5 тыс. миль вдоль Атлантического побережья, в основном в сельской местности, где крупные города редкость. Традиционные британские методики не всегда срабатывали против ополчения, которое, по сути, представляла собой сборище партизанских отрядов, не объединенных единым мозговым центром и не следующих единой военной стратегии[3]. Во-вторых, положение англичан осложнялось политическим разбродом, который царил у них дома, и непредсказуемым поведением их противников на международной арене. Американцы, со своей стороны, проявляли

---

[1] Ibid. P. 63.

[2] Тишков В.А. Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации //Вопросы истории. 1976. № 1.С. 89.

[3] George Bancroft, History of the United States (last revision), III, p. 284. For Hillsborough's letter as addressed to Rhode Island, see John Almon, Prior Documents, 220.

все большую враждебность по отношению к Британии: идея независимого государства приобретала все больше сторонников в рядах колонистов. Они сражались в привычных условиях, объединенные необходимостью защищать свои дома и семьи. И, что немаловажно, боролись за общее дело, цели которого хорошо осознавали, а не против какого-то расплывчатого «врага». Опять же, что касается международного окружения, западные державы - конкуренты Британской империи - скорее поддерживали колонистов, чем вставляли им палки в колеса[1]. Национальная американская армия, хоть и собранная из беднейших слоев населения, что называется, из социальных низов, тем не менее проявила себя вполне боеспособной и даже в чем-то превосходящей противника. Ее характеризовали такие черты, как настойчивость, маневренность и склонность к неожиданным военным решениям.[2] В освободительной войне - растянувшейся на 7 лет (1775 - 1781 гг.) и охватившей 3 театра боевых действий - американцы выиграли именно благодаря своему упорству и умению поставить противника в тупик.[3]

Начиная с весны 1775-го и вплоть до весны 1776 года, внимание Лондона было приковано к Новой Англии, конкретно к Бостону, являвшемуся центром антибританской агитации. Стремясь сломить патриотическое движение, империя делала ставку не на переговоры и мирное урегулирование, а на грубую военную силу. Она стремилась как можно скорее уничтожить очаг сопротивления, чтобы его влияние не проникло в другие колонии. Британцы считали, что, избавившись от мятежников, с легкостью восстановят мирное и стабильное правление в своих владениях. [4]

Следует отметить, что надежды выглядели вполне осмысленными, поскольку наиболее воинственные настроения царили именно в Бостоне, а большая часть населения некоторое время оставалась нейтральной. Однако ряд фактов указывал на возможное (и весьма близкое) изменение ситуации к худшему. Так, во время «ограниченных действий по наведению порядка» в Бостоне британские войска

[1] Ibid. P. 223.
[2] Ibid. P. 227.
[3] Ibid. P. 291.
4 Adams, Diary and Autobiography, 2:77.

понесли тяжелые потери. Конгресс, хоть и выражал верноподданнические чувства короне, тем не менее в июне 1775 года принял решение о формировании Континентальной армии.

Д Мэйхью, проповедовавший право революции еще в 1750 г., и являвшийся наиболее красноречивым клерикальным оппонентом британской политики, оторопел от предвидения хаоса, который почудился ему в Бостоне. В той же проповеди, в которой он прославлял аннулирование, Мэйхью напомнил слушателям о том, как близко они подошли «к анархии» когда «некоторые непотребные личности ... воспользовались возможностью потешить свою неприязнь [путём] ... совершения отвратительных надругательств и бесчинств по отношению к личности или имуществу других»[1]. Сопротивление Британии высветило давнюю напряжённость, существовавшую в Массачусетсе между свободой и вседозволенностью - напряжённость, искусно выраженную в речи Джона Уинторпа в 1640-х годах, которую теперь Мэйхью воспроизвёл цитатой из Апостола Павла: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода (ваша) не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу»[2]. Свобода означала право делать то, что справедливо, добродетельно и законно в глазах общества, а не беспрепятственное выражение личной воли. Важной задачей для революционного Массачусетса было утверждение и поддержание свободы, а не вседозволенности. Встал вопрос о примирении личных и коллективных прав в новой форме организации общества. [3]

Колониальное общественное мнение было в этот период настолько неустойчивым, что любые обстоятельства могли подтолкнуть его в сторону мятежа. И без того уже власть в ряде колоний перешла из рук британских чиновников в руки местных патриотов. В общем, как выяснилось, ситуация была куда более нестабильной, чем изначально виделось британским властям. Когда бостонские бунтовщики захватили артиллерийский склад в форте Тинкодерога и начали обстреливать английские войска, стало ясно, что официальную позицию Лондона

1 Mayhew J., The Snare Broken (Boston, 1766), 1-2.
2 Jensen, American Colonial Documents. P. 696.
3 Francis Bernard, Select Letters on the Trade and Government of America; and the Principles of Law and Polity, Applied to the American Colonies (London, 1774). P. 24.

пора пересматривать. В марте 1776 года новый командующий колониальными войсками сэр Уильям Хоу отдал приказ о выводе подразделений из Бостона и размещении их в Галифаксе. Борьба с североамериканскими колониями переходила в новую фазу.

После начала Войны за независимость (1775 - 1783) и первых столкновений на полях сражений с англичанами у городов Лексингтон и Конкорд американцы были готовы к провозглашению независимости от британский короны. Их решимость укрепилась после того, как масштаб военных действий расширился, а попытки добиться мирного решения конфликта путем переговоров с Лондоном не принесли успеха. Общественное мнение колоний испытало сильное влияние революционного памфлета-эссе Т. Пейна «Здравый смысл» (1776).[1]

В мае - июне 1776 г. дебаты в Континентальном конгрессе по вопросу провозглашения независимости достигли апогея. 7 июня на рассмотрение конгресса были представлены три резолюции, предусматривавшие провозглашение независимости, установление союзных отношений с зарубежными странами и создание конфедерации. 11 июня решением конгресса был сформирован комитет, которому поручалось подготовить Декларацию независимости. В состав комитета были включены горячие сторонники независимости: Томас Джефферсон (1743—1826), Бенджамин Франклин (1706-1790), Джон Адамс (1735-1826), Роджер Шерман (1721-1793), а также Роберт Ливингстон (1746—1813), выражавший взгляды умеренного крыла конгресса. С учетом того, что Джефферсон обладал репутацией талантливого ученого и литератора, подготовку текста Декларации комитет поручил именно ему.[2]

Уже спустя две недели черновой вариант Декларации был представлен Джефферсоном на рассмотрение комитета и после внесения нескольких поправок, предложенных Франклином и Адамсом, 28 июня согласованный текст был предложен вниманию членов Континентального конгресса. Радикальному крылу конгресса удалось одолеть яростное сопротивление противников разрыва с Лондоном и уговорить сторонников умеренной позиции. 2 июля резолюция,

[1] Thomas Paine. Common Sense, 1776. Middlesex, England, 1979. P. 120.
[2] Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джеффферсон. М., 1976. С. 109.

провозглашающая независимость бывших колоний, была одобрена «единогласно» (воздержались лишь делегаты от Нью-Йорка), после чего конгресс обратился к обсуждению представленного Джефферсоном проекта Декларации независимости. Из воспоминаний самого Джефферсона известно, что 4 июля все члены конгресса, за исключением одного, подписали текст Декларации.[1]

Однако, судя по имеющимся историческим данным, официальное подписание было отложено до того момента, когда удастся придать столь важному документу подобающий вид, т. е. отпечатать Декларацию на пергаменте. Лишь 2 августа 1776 г. эта задача была выполнена и текст был вновь подписан членами конгресса, фамилии которых были опубликованы в январе 1777 г. вместе с аутентичным текстом Декларации.[2]

Основная суть Декларации сводилась к следующему:

«Мы считаем самоочевидными истины:

что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью[3];

что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых;

что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа.

Благоразумие, конечно, требует, чтобы давно сложившиеся формы правления не сменялись вследствие маловажных и преходящих причин, так как опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то

[1] Там же.
[2] Speeches and Documents of American History / Ed. By R. Birley, V. London, 1962.
[3] Declaration of Independence. Heffner R.D. A Documenrary History of the Unaited States. N.Y., 1965.

право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности.[1]

Наши колонии также долго и терпеливо переносили различные притеснения, и только необходимость заставляет нас теперь изменить формы прежнего государственного строя. История правления ныне царствующего короля Великобритании — это история беспрестанных злоупотреблений и насилия, непосредственная цель которых заключается в установлении в наших штабах абсолютного деспотизма». И далее:[2]

«Поэтому мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на Генеральный конгресс и призывая Всевышнего быть свидетелем искренности наших намерений, именем и властью доброго народа наших колоний торжественно во всеуслышание объявляем, что наши соединенные колонии отныне являются, и по праву должны быть, свободными и независимыми Штатами, что они полностью освобождаются от верности британской короне, и что всякая политическая связь между ними и государством Великобританией полностью расторгается[3]. Как свободные и независимые Штаты, они полномочны объявлять войну, заключать мир, уступать в союзы, вести торговлю и осуществлять все другие акты и начинания, которые по праву могут совершать независимые государства. В подтверждение настоящей Декларации, с твердой верой в покровительство Божественного провидения, мы даем взаимный обет жертвовать своими жизнями и своим состоянием и свято блюсти нашу честь»[4].

В феврале 1778 года французские и американские дипломаты заключили долгожданный договор о союзе, а уже в июне Франция и Британия официально находились в состоянии войны. На следующий год к Франции присоединилась Испания, одновременно и голландцы ужесточили отношения с Британией. Таким образом, три союзные державы обеспечивали американских революционеров деньгами и припасами; французские и испанские корабли сражались с британским флотом; помимо того, Франция посылала своих добровольцев для участия в

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
4 Heffner Я. D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

военных действиях на территории Северной Америки. Лондонские политики внезапно обнаружили, что оказались в полной изоляции и то, что начиналось для них как «ограниченные действия по наведению порядка» в Новой Англии, переросло в широкомасштабный вооруженный конфликт в Америке и в конечном счете в мировую войну.[1]

В начале марта 1782 года парламент принял решение о прекращении войны в колониях. В июне начались переговоры с американской делегацией, включавшей в себя Б. Франклина, Д. Джея и Д. Адамса. Они имели четкие указания от конгресса в выработке условий мирного договора кооперироваться с Францией. Проблема заключалась в том, что вчерашние союзники колонистов — французы и испанцы — преследовали собственные цели: они искали пути урегулирования былых разногласий с Британией; и перспектива возникновения в Северной Америке мощного республиканского государства с антимонархической и антиколониальной направленностью их отнюдь не радовала[2]. Американские делегаты прекрасно это сознавали и справедливо опасались, что их интересами попросту пожертвуют в ходе беззастенчивых махинаций европейских дипломатов. Чтобы исключить подобную возможность, они решились на сепаратные переговоры с Британией.[3]

Американцы отдавали себе отчет, что при определенных обстоятельствах их заигрывание с бывшей метрополией может привести к ухудшению отношений с Францией, которая уже проявляла признаки раздражения. Поэтому американские делегаты предупредили, что спор между двумя нациями легко может привести молодую республику в объятия Британии. В результате им удалось заключить мир на достаточно выгодных для Америки условиях. Британия официально признала независимость Соединенных Штатов и определила пределы нового государства: на севере оно простиралось до канадской границы, на юге — до Флориды, западная граница проходила по Миссисипи[4]. Более или менее четко были прописаны вопросы, касающиеся рыболовных прав, компенсации лоялистам, выплаты государственных долгов и эвакуации британских войск с американской

1 Макинерни Д. США. История страны. М., 2009. С. 89.
[2] Там же.
[3] Там же.
4 Edward Charming, A History of the United States, III.

территории, хотя в грядущие десятилетия все эти пункты оставались камнем преткновения между двумя нациями. Невзирая на груз нерешенных проблем, американцы верили, что одержали большую победу — сначала на полях сражений, а затем за столом переговоров[1].

Таким образом, только объединившись в союз, штаты смогли одержать победу в войне с метрополией и добиться почетного для себя мира; однако им оставалось еще решить не менее важную и сложную задачу — а именно, создать достойную систему самоуправления.

[1] Ibid.

ГЛАВА III. КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ

§ 3.1. Предпосылки принятия конституций североамериканских штатов

Декларация независимости повлекла за собой потребность в установлении нового политического строя в колониях. Отделение от метрополии означало, что колонии стали независимыми государствами (штатами). Революционное движение переросло в революцию с намерением порвать отношения с Англией в целом, что обязательно произвело и смену правительства. Институт королевских губернаторов упразднялся и были предприняты меры для того, чтобы сменить их власть. Провинциальные конгрессы или комитеты, выбранные в различных колониях хотели идти по собственному пути с принятием собственных конституций для которых сложились все необходимые предпосылки. По мнению американского исследователя Э. Корвина, конституция «является не причиной, но следствием гражданских и политических свобод; она не дарует права народу, но сама является творением его власти»[1].

Иными словами, говоря о предпосылках принятия конституций штатов и будущей федерации следует также отметить, что конституция, являясь заглавным законом государства, отражает наиболее важные закономерности развития общества, закрепившим новый конституционный строй штатов, «власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина, которые составляют сферу индивидуальной автономии личности, свободную от вторжения государства и его агентов»[2].

---

[1] Corwin E.S. The Constitution as Instrument and as Symbol // American Political Science Review. 1936. No 30. P. 1071. Цит.по: Ginsburg T. Constitutional Specificity, Unwritten Understanding and Constitutional Agreement // Public Law and Legal Theory Working Paper. Chicago, 2010. No 30. P. 69-70.

[2] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического

Исходя из имеющегося историко-правового опыта развития колоний, а затем и штатов, можно извлечь определенные уроки, которые могут оказаться полезными при решении теоретических и практических вопросов, связанных с правовым обеспечением устойчивого функционирования государственности и поступательного развития гражданского общества, в частности с законодательным обеспечением прав и свобод человека в обществе, реальных гарантий прав и законных интересов личности, с упрочением основ и защитой конституционного строя России.

На этой основе закономерности становления государственности штатов и федерации, раскрывают малоизвестные стороны и факты, которые могли бы внести ясность в спорные вопросы. Кроме того, правовые и политические идеи и взгляды видных деятелей революции, таких как Т. Пейн, Б. Франклин, Д. Адамс, Т. Джефферсон послужили важной предпосылкой принятия конституций штатов и федерации.

Неслучайно, что в период, предшествовавший Декларации независимости США, многие европейские правовые идеи переживали в Новом Свете второе рождение. Так, накануне создания самостоятельного североамериканского государства, в 1775 г., известный правовед, просветитель, будущий второй президент Джон Адамс утверждал, что целью конституции является «создание правительства законов, а не людей», т.е. власти, основанной на беспристрастных нормах-правилах, а не на предрассудках или пристрастиях, свойственных человеку. Для Д. Адамса великой идеей к наделению широкими полномочиями правительства и в то же время подчинению его букве закона стал принцип разделения правительственных полномочий[1] - концепция разделения властей, исторически ассоциируема со школой французского философа Ш.Л. Монтескье.

Между 1761 -1776 гг. Д. Адамс осмысливал теорию, направленную на защиту основных прав и свобод от посягательства властей, и постепенно развивал

исследования. Москва: Проспект, 2014. С. 15.

1 Adams J. Diary and Autobiography of John Adams. 4Vols. // The Adams Papers. Ser. 1. Diaries. Ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (MA), 1961. Vol. 3. P. 276.

идею письменной конституции, основанной на естественном праве[1]. Он утверждал: «Фундаментом свобод служила возможность выбора. В политике, как и в религии, каждый вправе думать и действовать по своему усмотрению»[2]. Вплоть до войны за независимость Адамс делал упор на ограничение парламентской власти через неписаную конституцию и естественное право[3] (как выдающиеся правоведы-британцы Э. Коук и У. Блэкстоун, основательно изученные им) и использовал эти принципы для обоснования прав американцев. Впоследствии вместе с другими патриотично настроенными современниками перенес акцент на колониальные хартии, а затем на создание нового нормативного законодательства[4].

Квинтэссенцию взглядов американских мыслителей того времени в сфере конституционализма можно выразить в следующей формуле У. Блэкстоуна: во-первых, конституции штатов и федерации - эволюционный, а не революционный документ. Хотя они и были написаны в революционном возрасте, тем не менее ,охватывают идеи и принципы, развиваясь методом проб и ошибок, который возрос из колониального опыта. Конституционное и правовое развитие Англии и политическая история греческих и римских республик, также влияли на содержание этих правовых документов; во-вторых, три важных политических понятия, взятые американцами из римского опыта, были положены в основу доктрины республиканизма, политического достоинства, и сдержек и противовесов[5]. Например, английская Конституция, включая английские хартии свободы, английскую правовую систему, оказала самое большое влияние на развитие североамериканских штатов. Представительное правительство, традиция широко известных гражданских свобод, и наследие общего права - это важные политические учреждения и правовые институты Англии, которые американцы приняли в создании их собственных конституций. Однако, определенные особенности английской конституции были отклонены американцами, включая

---

[1] Ibid. p. 287.

2 Adams J. Legal Papers of John Adams. 3 Vols. in One. Ed. by L Kinvin Wroth and Hiller B. Zobel. Cambridge (MA), 1965. Vol. 2. P. 131.

[3] Ibid. p. 135.

4 Coke E. Institutes of the Laws of England. 4 Vols. Buffalo (N.Y.), 1986.

[5] Blackstone W. Commentaries on the Laws of England Oxford (UK), 1765-1769.

монархию и принцип законодательного превосходства парламента[1]. Вследствие этого конституции штатов и федерации представляют собой смешивание английских и американских конституционных традиций. Создатели конституций штатов и федеральной конституции учитывали опыт английской истории, по которой республики, как и другие формы правления, уязвимы для коррупции, и что законодательные органы так же как суды, действующие по нормам общего права, могут быть такой же угрозой свободе, как всесильные монархи[2]. По этой причине они не вкладывали всю свою веру в какую-либо ветвь власти, и установили ограничения полномочий каждой.

Тринадцать штатов, которые когда-то были английскими колониями, срочно нуждались в более надежном государственном управлении, лучшей защите от иностранных держав, крепкой валюте и других преимуществах, которые могли бы быть получены посредством установления «более совершенного союза», основанного на торжественном соглашении, или основном законе, названном конституцией.[3]

Что подразумевалось под словом конституция в тот период? Как политический термин, конституция показывает систему основных принципов – свод основных законов - для управления государством или страной. Конституция – это способ, которым одна общественная система порождает другую общественную систему.[4]

Каждая страна развивает конституцию определенного вида, потому что без основного закона, люди не смогли бы жить вместе. Испытывая недостаток в конституции, они никогда не знали бы личной безопасности или защиты их собственности, или любой разумной свободы. «Можно сказать, что даже дикими

---

[1] Mcllwain Ch. H. The American Revolution: A Colonial Interpretation. N.Y., 1924; Stoner J. R. jr. Common Law and Liberal Theory: Coke, Hobbes, and the Origins of American Constitutionalism. Lawrence (KS), 1994.

[2] Ibid.

[3] J. Adams to Benjamin Rush, June 21, 1811 // Old Family Letters. Copied for Alexander Biddle, Series A. Philadelphia, 1892. P. 287.

[4] Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013. С. 13.

племенами управляют «конституционные» обычаи простой природы»[1].

Наиболее широко известной из всех конституций является Конституция Соединенных Штатов. Она была принята в 1787, вступила в силу в 1789 и была внедрена в опыте и мыслях многих поколениях людей. Это является главной причиной того, почему американская Конституция в наше время все еще является действующей, так как ее истоки уходят глубоко в почву человеческого опыта. Конституционные «корни» - это политико-правовые идеи, законы, хартии, привычки в общественной жизни и политические и моральные ценности более ранних взглядов и идей мыслителей Европы.[2]

В настоящее время о конституции говорят как о письменном документе, но фактически конституции могут быть частично или даже совершенно неписанные. Эти «неписанные» конституции основаны не на единственном документе, но составлены из старых соглашений, уставов и правовых обычаев в общественной жизни. Английская Конституция - пример такого вида совокупности правовых норм. Пока Конституция Соединенных Штатов не была согласована в Филадельфии, все национальные конституции других государств были «неписанными» и неофициальными. Спустя несколько лет после того, как американская Конституция была составлена, конституции были приняты в Польше и Франции. Как бы то ни было, даже американская Конституция не полностью зафиксирована в одном правовом акте.[3]

Было сказано, что каждая страна обладает двумя различными конституциями, которые существуют рядом. Одна из них - формальная письменная конституция: другая – «неписанная», состоящая из политических соглашений и способов сосуществовать в гражданском общественном строе, которые развились среди люди за многие столетия. Как указывал Лассаль, нужно различать писаную и реальную (действительную, фактическую) конституцию[4]. Писаную конституцию Ф. Лассаль определял как собранные «на одном листе бумаги, в одном акте

---

1 Sidney A. Discourses Concerning Government. Ed. T. G. West. Indianapolis, 1990.
[2] Конституция США. История и современность //Под ред. А.А. Мишина, Е.Ф. Языкова. М.: ЮЛ, 1988.
[3] Зайчук О.В. Правовая система США. Киев: Наукова Думка, 1992.С. 89.
[4] Лассаль Ф. Соч. Т. 2. С. 11-15.

основания учреждений и правительственной власти всей данной страны». А фактическую конституцию, как уже отмечалось, он характеризовал как фактически существующее в стране соотношение общественных сил. Следующий важный тезис в лассальянской концепции конституции касается определения хронологических рамок существования фактической конституции. По мнению Ф. Лассаля, фактическая конституция в отличие от юридической (писаной) присуща любому государственно-организованному обществу, в том числе рабовладельческому и феодальному государствам, а не только буржуазному.[1]

Кроме того, Лассаль в своей концепции конституции высказал еще два важных тезиса: о зависимости юридической конституции от фактической и о главном условии эффективности конституционного регулирования. Именно поэтому он признавал не создавать вымышленную писаную конституцию, а заняться устройством конституции действительной, т.е. изменить существующее в стране соотношение общественных сил. Иными словами, чтобы изменить юридическую конституцию, надо вначале изменить фактическую: «конституция, написанная преждевременно, - дело совершенно бесполезное»[2].

Таким образом, например, некоторые важные особенности политической структуры Америки даже не упомянуты в письменной Конституции 1787. Например, что в письменной Конституции Соединенных Штатов[3] говорится о политических партиях? Ответ - ничего. Политические партии же влияют как на внутреннюю, так и на внешнюю политику. Что письменная Конституция говорит о президентском кабинете с его госсекретарями, казначействе, сельском хозяйстве, защите, образовании? Ответ снова – ничего, хотя президент не сможет функционировать без кабинета. Таким образом, можно говорить о «видимой» и «невидимой» конституции, и о «письменной» и «неписанной» конституции.

Конституционная история колоний, а затем и штатов, если смотреть в целом, не имеет практически границ, поэтому, чтобы постичь ее полностью необходимо иметь ввиду также социальное и экономическое изменение и

[1] Там же.
[2] Лассаль Ф. Соч. Т. 2. С. 17-19.
[3] Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // World Almanac and Book of Facts, 2003.

движение. Нельзя пользоваться только случайными ссылками на изменения социально-экономической жизни, которые вызывают конституционные споры и составляют важные определения избирателей, законодательных органов и судов. [1]

В ходе обсуждения раннего периода, охватываемого этой работы, цель автора не останавливаться на появлении конституционного строя в колониях (штатах), а затем закрепленного в Конституции Соединенных Штатов. Некоторое внимание должно быть уделено преобразованию колоний в самоуправления содружества, а также принципы, на которых были основаны конституции штатов. Поэтому наша главная задача состоит в том, чтобы показать идеи, доктрины, развитие принципов, которые составили американскую конституционную систему, когда эта система стала воплощаться в государственно-правовом оформлении.

Существуют два главных направления, которые могут быть прослежены в взаимосвязи за эти десятилетия до 1787: (1) одно из них - развивающейся принцип ограниченного правительства, которое предполагало охрану свободу личности. Юридически ограниченные правительства были результатом своего поколения, которое создало конституции штатов и основало Соединенные Штаты как государство. Другое - привело к форме федеративного государства, оно произошло с принятием федеральной Конституции. Это было новым явлением в мире, хотя сегодня существует много государств с подобной структурой. В качестве системы политического порядка, федерализм характеризуется распределением полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов. И пока система остается верной некоторым конституционным процессам, у каждого есть его неприкосновенная власть над его областью деятельности[2]. Говоря о конкретном случае — Соединенные Штаты - федерация, потому что это – сложная, комплексная система политической организации. У нее есть качество разнообразия, а не концентрации полной консолидации власти. Было бы проще описать Соединенные Штаты как организм, в котором суверенитет разделен между государством и нацией. И это вероятно служило определением в конце восемнадцатого столетия. Но возникает во-

1 Зубков А.Ю. Английская корона и американские колонии накануне Войны за независимость (1763-1775)// Вопросы истории. 1983. № 8.С. 16.
2 Felix Morley. Freedom and Federalism. Indianapolis: Liberty Fund, 1981. P. 76.

прос, кому более принадлежит суверенитет, как он может быть разделен, поэтому расплывчатое определение, данное выше, представляется более предпочтительным далее. Если суверенитет - полная политическая власть, то, кажется, только один обладатель суверенитета в политической системе, а именно, власть, которая может изменить Конституцию Соединенных Штатов. У центрального правительства, с одной стороны, и каждого штата с другой, есть соответствующие сферы органов правовой защиты. Соединенные Штаты отличаются от простой лиги полностью суверенных государств и от полностью унитарного государства. [1]

Вообще, сам термин происходит от лат. superanus и во французской трактовке souverainete вошел в правовой и политический лексикон Нового времени, став эквивалентом высшей, или верховной, власти.[2]

Начальный период развития концепции суверенитета относится к эпохе позднего Ренессанса, когда в Западной Европе шел процесс образования централизованных национальных монархий. Именно из Европы, данная концепция суверенитета была перенесена в североамериканские колонии.

Считается, что у истоков концепции суверенитета стоит французский политический мыслитель, социолог и юрист Жан Боден (1530-1596 гг.)[3], который в сочинении «Шесть книг о Республике» (Six livres de la Republique, 1576 г.), отрицая божественное происхождение власти, дал рациональное правовое обоснование идее абсолютной монархии. У Бодена прилагаемое к государству понятие суверенитета как высшей власти сосредоточивались в личности суверена (государя), правомочия которого охватывали и законодательство, и суд, и дела войны и мира, и создание привилегий, и назначение должностных лиц. Бодену принадлежит первое классическое определение суверенитета: «Суверенитет есть абсолютная и непрерывная власть государства». Единственным исключением было отсутствие у короля неограниченного бюджетного права: Боден считал, что король должен испрашивать у Генеральных штатов согласия на введение новых налогов и денежных сборов, хотя, кроме права вотирования налогов, за штатами отрицалась какая-либо законода-

[1] Ibid. P. 92.
[2] Ibid. P. 101.
3 Bodin J. Oeuvres philosophiques. P., 1952.

тельная власть»[1]. В этом отношении Боден шел дальше ранних систематиков положительного права французской монархии (Сейссель), у которых власть короля ограничена не только религиозной рамкой, но также самостоятельностью судебных решений парламента и неотчуждаемыми привилегиями дворянства.[2]

Рассматривая вопрос о том, насколько суверен связан законами и обязательствами перед сословными представителями, Боден отвечал на него следующим образом: «во имя государственной необходимости могут быть отчуждены все личные, сословные и провинциальные права. Обещания связывают государя, но обязывающая сила обещания покоится на «естественном праве»[3]. В случае же крайней необходимости обязательство, предписанное общими естественными принципами, прекращается; обязательства государя перед сословными представителями или народом в целом длятся до тех пор, пока выполнение его обещания - в интересах народа. (По этим основаниям, кстати, Боден различал суверенную монархию и тиранию; народ должен подчиняться законному монарху, но имеет право на убийство тирана).

В определенных случаях необходимо действовать вопреки обещаниям или совсем упразднять законы, сообразно потребностям случая, времени и лиц. Если государю приходится при этом спрашивать народ или сенат, то это, с точки зрения Бодена, абсурд: сословные представители тоже не являются «господами над законом» (если бы было так, то они обходились бы без государей), а суверенитет не может быть jouee a deux parties («игрой для двоих»)[4]. Ситуация, когда господином является то государь, то народ, противна разуму и праву. Поэтому полномочие — как всеобщее, так и для каждого конкретного случая - прекратить действие закона, или «право последнего решения» — это отличительный признак («примета») суверенитета, из которой должно выводить все остальные (объявление войны и заключение мира, назначение чиновников, роль последней инстанции, право помилования)[5].

---

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
5 Эту трактовку боденовского понятия суверенитета как права последнего решения (Dezision) дает немецкий юрист-государствовед Карл Шмитт. См.: Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс Ц Кучково поле, 2000. С. 18 -

К числу интеллектуальных оснований идеи суверенитета причисляют также Никколо Макиавелли (1469-1527 гг.) с его знаменитым произведением «Государь» (II Principe, 1532 г.).[1]

Макиавелли разрабатывает понятие ragione di stato (французская версия: raison d'etat), в котором совмещаются, по замечанию выдающегося русского юриста С.А. Котляревского, и государственная необходимость, и государственный интерес. Макиавелли разбирает в своем труде способы создания сильного, абсолютистского монархического государства, которое при отсутствии у народа должных гражданских добродетелей всецело берет на себя заботу о своем процветании и могуществе как высшем, самодовлеющем благе. Хорошо, когда государь может при этом руководствоваться общепринятыми нормами поведения и морали, но в принципе для достижения политических целей государство не должно останавливаться ни перед какими нормами морали и права. [2]

С.А. Котляревский проницательно замечает, что, несмотря на вульгарное понимание идеи государства, Макиавелли вполне односторонне, но тем не менее очень верно указал на один аспект государства, который соответствует его реальной природе при всех формах правления — на стремление государства к освобождению от всякого рода стеснения его абсолютной власти, или суверенитета.[3]

Второй важнейший этап развития концепции суверенитета связан с попытками его рассмотрения сквозь призму теорий «естественного права» и «общественного договора» (конец XVII - XVIII вв.) и наложившего свой отпечаток на развитие североамериканских штатов.

Концепцию суверенитета с позиций теории «естественного права» развил английский философ и политический мыслитель Джон Локк (1632-1704 гг.) в своем произведении «Два трактата о государственном правлении» (Two treatises of government, 1690 г.). Первый трактат – опровержение взглядов Р. Филмера на боже-

---

20.

[1] Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: 2006. С. 284-290.

2 См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.

3 Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 218-220.

ственный источник происхождения абсолютной королевской власти; второй - содержит обоснование конституционной парламентской монархии, в основу которого положены теории «естественного права» и «общественного договора» (Social Compact).[1]

Взгляды Дж.Локка на суверенитет сложились в полемике с политическим учением Томаса Гоббса (1588-1679 гг.)., который исходил из представлений о государстве как об «искусственном теле» (субъекте), имеющем в основе не божественное, а человеческое происхождение. Государство, по Гоббсу, создается людьми на основе «общественного договора» как выход из естественного, догосударственного существования, которое определялось как анархическое состояние «войны всех против всех». На учреждаемое в целях обеспечения мира и безопасности граждан государство (или на его персонификацию в лице государя, монарха) переносятся права отдельных граждан, добровольно ограничивающих тем самым свою естественную свободу. Отсюда обосновывается идея общественного блага как высшего закона, дающего правовую санкцию возникновению государства. Последнее рассматривается как необратимое следствие «общественного договора», в связи с чем само государство становится абсолютным сувереном[2].

В отличие от абсолютистской теории государства Т. Гоббса, правительству, согласно Локку, передается посредством «общественного договора» только некоторая часть «естественных прав» (отправление правосудия, внешних сношений и т.п.) ради эффективной защиты всех остальных – свободы слова, веры и, прежде всего, собственности. Законодательная власть в государстве должна быть отделена от исполнительной (включая судебную) и «федеративной» (внешних сношений), причем само правительство должно подчиняться закону. Государственная власть в этом отношении носит до известной степени условный характер: народ остается безусловным сувереном и имеет право не поддерживать и даже ниспровергать безответственное правительство, нарушающее неотчуждаемые «естественные права» граждан.

Демократический, республиканский характер «договорной» концепции суве-

[1] См.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т.3. М.: Мысль, 1988. С. 137-210.
[2] Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

ренитета был разработан Ж.Ж.Руссо (1712 - 1778 гг.) в его основном социально-политическом трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» (Du contract social ou principes du droit politique, издан в Амстердаме в 1762 г.).[1]

Следуя логике, использованной Т.Гоббсом и Дж.Локком для объяснения происхождения государства, Руссо определил «общественный договор» как исторически необходимый шаг в развитии человечества, посредством которого последнее, выходя из «естественного» состояния, подчиняется общей воле и осуществляет посредством государства т.н. «народный суверенитет».[2]

Из природы государства как воплощения общей воли и орудия реализации объективных интересов всего народа Руссо выводил идею гражданского равенства людей, которую он распространял и на имущественные отношения, придавая своей концепции тем самым явный социальный уклон. Государство, воплощающее «народный суверенитет», согласно Руссо, может быть только основанной на прямой демократии республикой, которая управляется законами, принимаемыми собранием всех граждан. (На эти выводы, как считают исследователи творчества Руссо, его подвигли годы пребывания в Швейцарии, где он мог воочию наблюдать демократические установления маленьких альпийских республик).[3]

Учения Дж.Локка и Ж.Ж.Руссо справедливо считаются двумя краеугольными камнями, положенными в основу концепции «народного суверенитета», которая нашла выражение в американской Декларации Независимости 1776 г.[4]

Характерно, что то понятие суверенитета, которое было распространено в североамериканских колониях, являлось своего рода соотношением международного и внутригосударственного права. Особенно это актуально в условиях глобализации, где данная категория является одной из важнейших юридических теоретических и практических проблем.[5]

---

[1] Rousseau. Du Contrat Social. L. I. Ch. VI

[2]. Ibid. P. 136.

[3] Ibid.

4 M. Schlesinger, The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763-1776 (Columbia University Studies in History, etc., LXXVIII), P. 363.

5 Ершов В.В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права. //Российское

В зарубежной и российской специальной литературе, как правило, выделяют два традиционных свойства государственного суверенитета: верховенство государственной власти по отношению к другим социальным властям внутри страны и независимость государства по отношению к другим государствам вовне.[1] Категорию «суверенитет» в XVI в. выделил Ж. Боден как «суверенитет, данный государю», для «осуществления суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении».[2] В дальнейшем суверенитет стал рассматриваться как один из основных признаков собственно государства.[3]

Характерно, что еще Ж. Боден понимал практическую невозможность установления и реализации абсолютного суверенитета, подчеркивая объективное существование его определенных пределов. «Абсолютная власть государей и суверенных властителей, — разъяснял Ж. Боден, — никоим образом не распространяется на законы Бога и природы».[4]

В конце XIX — начале XX в. Г. Еллинек, проанализировав исторический опыт европейских государств, пришел к убедительным выводам: 1) «суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория»; 2) история «неопровержимо показывает, что государства, которые теперь считаются издавна суверенными, **никогда не имели такого характера**»[5]. В середине XX в., развивая положение об относительности государственного суверенитета, Г. Кельзен справедливо подчеркивал: абсолютный суверенитет одного государства с неизбежностью «исключает суверенитет любого другого государства».[6] Наконец, уже в начале XXI в. М. Н. Марченко обоснованно констатировал: в «...теоретическом и практическом плане суверенитет все

правосудие. 2011. №12. С. 5-17.

1 См., например: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2008. - С. 69; Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др., отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 691.

2 Боден Ж. Шесть книг о государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. 1 //Сост. В. В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. С. 334, 335.

3 См., напр.: Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 58.

4 Боден Ж. Указ. соч. С. 335.

5 Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 356.

6 Kelsen H. General Theory of Law and State. W.Y., 1995. P. 86.

больше эволюционировал от абсолютного суверенитета (хотя и в номинальном виде) к относительному».[1]

Таким образом, можно сделать вывод: начиная с XVI в. и до настоящего времени суверенитет государств в теоретическом и практическом плане существовал и исследовался преимущественно как относительный, а не как абсолютный. Следовательно, суверенитет государства может быть ограничен на национальном уровне самим государством, иными государствами или надгосударственными органами, что и было присуще сначала колониям (штатам), а затем и федерации[2].

Если мы рассматриваем предпосылки принятия конституций североамериканских штатов, с учетом вышеизложенных концепций, как период, в который конституционные принципы развивались и нашли свое выражение, и в который были образованы основные институты; если мы исследуем годы, чтобы обнаружить творческий характер принятия конституций мы находим два главных достижения, которые были уже упомянуты – институт ограниченного правительства штатов и основание федерации[3]. Каждый период в истории должен быть оценен по его результатам и возможности постичь его только фактические события. Данный период закончился принятием конституций штатов и федеральной Конституции и был особенно реализован в идеях, принципах, и политической философии практического характера[4]. Это было успешным созданием политической структуры, которая существует до настоящего времени.

Многое из того, что легло в основу предпосылок принятия конституций североамериканских штатов выявляется в рассмотрении аргументов в годы, предшествовавшие войне за независимость. Вероятно, мы можем видеть больше, чем государственные деятели того времени, потому что знаем результаты и понимаем последствия того, что было сказано и сделано. Вопрос состоит в том, была ли позиция колонистов юридически обоснованным на основе конституционного строя Ан-

---

1 Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2008. С. 84.
2 Ершов В.В. Там же.
3 См.: Fotheringham P., Kellas Z., Potter A. American Government, and Politics. London and Boston, 1978. P. 18, 45-47.
4 Ibid. P. 51.

глии или нет? Здесь имеются в виду исторические процессы предшествующих десятилетий, а также непосредственный характер спора, ведущий к созданию институтов и кристаллизации принципов американской конституционной системы.[1]

Например, декларации против парламентского налогообложения включали требование защиты человека от произвольного налогообложения, а также право колоний в качестве составной части империи для обложения налогом себя. Они включали, поэтому борьбу за личные права и за признание колониальной компетентности, а также права человека и права каждой колонии, хотя они были едва ли логически различимыми. [2]

Если следовать в хронологическом порядке, а не чисто логическом, можно найти это переплетение, и задаться вопросом, свидетельствуют ли эти факты и аргументы как представленный пункт для того, чтобы выйти из под власти метрополии, которая охраняет свой диктат или, о принципе разнообразия, которое воплощено в федерации. В сознании людей того времени это было конечно не совсем ясно, т.к. они были участниками великого революционного процесса, все результаты которого не могли быть полностью оценены.[3]

Не то, чтобы был дух лояльности или намеренной независимости, но колонии жили своей собственной жизнью, а со значительной свободой. Вирджиния, например, управляла сама своими внутренними делами больше столетия, а ее политическая самостоятельность была высока. Любая попытка изменить политическую систему, вторгаясь в колониальную область, особенно в делах налогообложения, способна была пробудить оппозицию. Коннектикут, корпоративная колония, имевшая свое самоуправление, служит другим примером. Негодование вызывалось лишь вторжением власти английского правительства, если оно нарушало полномочия и права колонии и существенный вопрос - эта колониальная компетентность, которая была укреплена на многолетнем опыте[4].

---

1 See Van Tyne, op. cit., p. 427 ff.; J. M. Leake, The Virginia Committee System and the American Revolution.

[2] Ibid. P. 431.

[3] Ibid. P. 435.

[4] Конституция Коннектикута 1639 // American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder.census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012.

В общем представлении английского правительства и контроля, определенные элементы выступили с некоторой отчетливостью. Через министров государства было фактически осуществлено королевское управление, а Тайный Совет имел широкую и в некотором отношении эффективную власть. Министерство торговли занималось сбором информации, в даче консультаций, советов и рекомендаций, а не в издании прямых и авторитетных приказов. Но его влияние было важно и его взгляды относительно вопросов колониальной политики и управления были часто определяющими. Королевская власть была в основном и наиболее заметно осуществлялась (1) назначением королевского губернатора; (2) изданием инструкций, которые губернатор предписан был выполнить, и которые, включали заказы относительно использования губернаторского вето или указаний, чтобы осуществлять определенную политику в колонии; (3) отказ изменять колониальные уставы, вероятно самый эффективный и далеко идущий метод контроля. «Королевский отказ был исполнительным, а не законодательным актом, выполненным не королем, а Советом, как его личным исполнительным агентом».[1] Это было осуществление королевской прерогативы, выражение верховной власти короля в предписании законов для нижестоящих законодательных органов, право которых принять законы всегда опиралось на желание короля. Королевской отказ был, следовательно, не вето, а акт регулирования и контроля, в том же смысле, что королевские письма и инструкции были также актами регулирования. Фактически, отказ и инструкции были синонимами, поскольку оба выражали в различных формах королевскую волю.[2]

Как правило, королевский контроль осуществлялся более строго и внимательно, а исследования Министерства торговли были обычно кропотливы и проводились справедливо и разумно.[3]

Но в то же время, было много необдуманного и поспешного вмешательства в колониальные дела и это особо касается осуществления отказа и судебного надзора. Власть использовалась, в целом, не с целью грубого вторжения, а в чрезвычайно локальных целях, или в вопросах, которые касались торговой области и интере-

1 E.B. Russell, The Review of American Colonial Legislation by the King in Council (Columbia University Studies in History, etc., LXIV, no. 2), p. 221.
[2] Ibid. P. 253.
[3] Ibid. P. 255.

са. Профессор Эндрюс классифицирует фактические цели отказа следующим образом: «У политиков, которые управляли Советом и их советниками, было четыре ведущих аспекта. Во-первых, защита законов и обычаев английской конституции; во-вторых, охрана интересов и благосостояния английских подданных; в-третьих, защита колоний или любого из их жителей от опрометчивого законодательства; и наконец, чтобы предотвратить прохождение законов, которые были экстраординарными, репрессивными, неподходящими, или технически дефектными». Первая группа, Эндрюс говорит, была наибольшей, но «Вероятно самой важной из всех причин для отказа, был тот, что акт затрагивал торговлю и отгрузку в королевство или привилегий и прерогатив Английских подданных»[1].

Но отказ, хотя и был наиболее эффективным средством сохранения королевской власти и создания однородной империи, часто выступал как источник раздражения в колониях. В то время как колонии издавали законы, а колониальные суды судили и издавали решения, Совет по торговле и Тайный Совет боролись за создание и поддержку общей системы законодательства или по крайней мере за признание определенных принципов. Колонии не принимали во всех отношениях формы и процедуру общего права и особенно в тех вопросах, которые касались прав и свобод граждан, истории английского конституционализма. Не легко отличить те элементы в общем праве, которое может благополучно быть помещено в пределах королевских конституционных принципов и тех элементов, которые должны действовать только по отношению к правам и обязанностями колонистов. Те элементы конституционного права, относящие к области общего права, были распространены, в большой мере, в Англии чем в колониях[2]. В течение столетия, заканчивающегося в 1780, 265 случаев прошли от колониальных судов до Тайного Совета. «Король в совете полностью изменил решения колониальных судов 76 раз и подтвердил их 57 раз. В 77 случаях решения не зарегистрированы; 45 случаях были освобождены от обязательств для несудебного преследования. Только одиннадцать обращений отмечены в отчетах, как услышанных исключая односторонний поря-

1 C. M. Andrews, “The Royal Disallowance”, Am. Antiq. Society Proceedings, new series, XXIV, P. 343.
2 Ibid. P. 345.

док».[1] Конечно, трудно сказать, сколько внимания должно быть уделено для осуществления судебного контроля и насколько это повлияло на дальнейшие события и создание американских институтов. Нет прямого материального доказательства, указывающего, что американская система апелляций от штата к федеральным судам была прямым наследованием от старой имперской системы, но нельзя также отрицать его влияния. Хотя представляется, что было несколько случаев, когда сфера законодательной власти колонии была воспринята в Тайном совете в порядке, который предлагает прямо полную параллель между силой Тайного совета и силой американских судов (например, объявление акта недействительным, в процессе практики судебного рассмотрения).[2]

Решения Совета в осуществлении власти отказа часто придавало конституционным принципам очень широкий смысл. Была попытка поддержать общие принципы общего права и закона Англии, которые были своего рода основным законом метрополии. Отказ от колониальных актов, хотя технически следует отличать от судебных решений, часто на самом деле осуществлялся таким образом, чтобы сохранить колонии в пределах их собственной сферы и сохранить парламентские действия от нарушения или ухудшения. Создатели американской Конституции видели различие между отказом и актом, с одной стороны, и с другой судебные определения о незаконности акта. Другими словами, если колониальные законы были запрещены, поскольку они превысили полномочия законодательного органа на основе устава, либо потому, что не учитывались принципы общего права.

Существует поэтому некоторое сходство между отменой и решением, которые, согласно американской конституционной системе, может быть вынесено американским судом с учетом на законность действий государственного законодательства, которое утверждается в нарушении законов, договоров или Конституции Соеди-

---

1 A. M. Schlesinger, "Colonial Appeals to the Privy Council, "Pol. Sci. Quart., XXVIII, p. 446. "The king in council reversed the colonial courts 76 times and affirmed their decisions 57 times.... In 77 cases no decision is recorded; 45 cases were discharged for non-prosecution. Only eleven appeals are noted in the records as having been heard ex parte." Ibid., p. 448.

2 George Bancroft, History of the United States (last revision), III, p. 284. For Hillsborough's letter as addressed to Rhode Island, see John Almon, Prior Documents, p. 240.

ненные Штаты Америки.[1]

Роль английского парламента, кроме принятия навигационных актов и актов торговли, была не столь заметна. Если бы вдумчивого колониста спросили относительно степени парламентской власти, то предположительно его ответ был бы, что парламент является высшим органом законодательной власти в стране. Однако, невозможно говорить с абсолютной уверенностью, до какой степени парламентские уставы вторглись или затронули внутренние колониальные проблемы, т.к. главный факт - отсутствие, а не полнота парламентского законодательства. Колонисты жили в течение многих лет в сфере отношений, незатронутых в соответствии с таким законодательством, и, должно быть, думали о законодательном органе в Вестминстере как далеко от их собственных непосредственных интересов.

Было несколько постановлений, которые более или менее непосредственно затрагивали внутреннее законодательство и свободу действия колоний.[2] Закон (1700) о Пиратстве может быть классифицирован таким образом, что в нем виден явно имперский интерес; Закон устанавливающий нормы, по которым иностранные монеты должны циркулировать (распространяться) в ограниченном масштабе (1708); Закон устанавливающий почтовое отделение (1710); Закон делающий колониальное имущество и рабов недвижимыми, ответственных с долгами (1732); Закон предусматривающий натурализацию (1740); Закон расширяющий закон о налогах на колонии (1741), и запрещающий бумажные деньги Новой Англии (1751). Но эти действия не имели просто местного характера.[3]

В них было зафиксировано рассмотрение всеобщего благосостояния и во всяком случае сам факт, что такие законы были приняты и таким образом касались пределов области фактического английского контроля. Эта област английского парламентского законодательства исходила из очевидной потребности. И именно влияние реальной, а не формальной или теоретической области имперской власти на избрание формы правления для колоний — важный фактор исторической основы

[1] Ibid. P. 251.
[2] Ibid. P. 46.
3 Massachusetts State Papers, P. 150.

американской конституционной системы[1].

Нужно сказать, что, в дополнение к актам упомянутым выше, имеют существенное качество законов, принятые для общих английских интересов и таким образом защитить интересы страны. Такие меры, как ограничение изготовления шерстяных тканей . в более позднее время, шляп и железа, опирались на предположение, что островные интересы Англии должны получать особую поддержку.[2] Большинство из этих вопросов, с которыми фактически имел дело английский парламент распределялись между центральным правительством и колониями.

В течение ста лет парламентские действия имели определенный успех регулирования внешней торговли страны. Политика меркантилизма безошибочно указала на регулирование торговли как главной функции английского правительства, функции имевшей второе значение после обеспечения обороны. Деятельность Парламента в этом случае была очень реальна; каждый колонист, хотя и слабо был заинтересован в политике на экстерриториальных водах и осознавал этот факт.

Кроме того, колониальные собрания управляли своей собственной «внутренней полицией». Они взимали налоги для осуществления местных целей, защищали себя как части метрополии. Их местная торговля была в их собственных руках, хотя под давлением представителей королевской власти, но которые касались повседневной жизни колоний. [3] Даже в королевских колониях, законодательные собрания постепенно заменяются фактической властью Короны. Старый метод оппозиции, благодаря которому снижается влияние королевской власти Англии, часто успешно использовался колониальными собраниями, поскольку сохранение средств позволило собраниям достигнуть своей цели. Факт остается фактом, что до 1760 королевский контроль над колониями был в значительной степени разрушен. Таким образом колониальное правительство уже не было в руках королевских чиновников и авторитет королевской власти и власти губернаторов упал. Они потеряли свое покровительство, контроль над вооруженными силами, способность использовать секретные фонды, чтобы проверить бунты и восстания, управлять полицией или

[1] Ibid. P. 153.
2 "Some of the interests sacrificed for the good of the Empire were British, some colonial." G. L. Beer, British Colonial Policy 1754-1765, p. 196.
3 C. M. Andrews, The Colonial Period, pp. 174-175.

принять любые адекватные меры, чтобы гарантировать безопасность дома, или защитить границы против французов и индейцев.[1]

Но в определенных аспектах область королевской власти распространялась заметно дальше. Парламент регулировал торговлю вне границ любой одной колонии, а у Короны была организация почтового отделения, иностранных дел, войны и мира, армии и флота. Теперь каждый колонист был знаком с главными особенностями управления, а некоторые заметные и важные полномочия короны считались само собой разумеющимся и к их существованию и потребностям колонисты привыкли.

На примере английской колониальной системы видно, что каждый колонист жил при двух правительствах: колониальное правительство, которое было его собственным и не обладало полной властью и власть короны, которая через отказ и судебный надзор, утвердила факт колониального подчинения и существование центрального правительства, управляющего определенными делами общей важности. [2]

Историко-правовой анализ американского конституционализма показывает явное сходство общей схемы метрополии и американской политической системы федерализма. Достаточно ясно в сущности, если мы посмотрим на практику колониальной системы в период середины восемнадцатого века, полномочия которой были фактически распределены и осуществлены различными правительствами. И если учесть заметные полномочия осуществленными центральным правительством, можно найти поразительно похожие полномочия национального правительства, закрепляющиеся Конституцией Соединенных Штатов. Если добавить к полномочиям, осуществленным короной монополию налогообложения, сходство становится еще более очевидным[3]. Невозможно оценить с детальной точностью меру влияния этой системы в дни, когда американцы были призваны организовать свою собственную государственност, но кажется невозможным то предположение, что американцы не были под влиянием их собственного опыта. Такая гипотеза заставила бы нас думать, что американская система федерализма не была порождена ис-

[1] Ibid. P. 178.
[2] Ibid. P. 178.
[3] Ibid. P. 192.

торическими силами и не учла уроки прошлого, а ее создание явилось внезапным.[1]

Поэтому Англия в середине восемнадцатого столетия характеризуется не концентрацией власти, а фактическим ее распределением. Если бы в 1760 корона протянула бы руку и сказала: «Это закон империи, по которому формируется система», она признала бы себя в качестве самого значительного члена империи с ключевой характеристикой федерализма — наличия множества правительств, каждое из которых обладает своей юридической сферой власти[2]. Если бы империя была укреплена в существующую форму, то это была бы имперская федерация. Важная идея заключается в том, что главное качество федерализма - распределение полномочий появилось в практике работы старой метрополии, и то распределение, как факт, делает больше, чем просто предлагает схему распределения в американской конституционной системе более позднее. Сходство между фактическим распределением в старой метрополии и распределения предусмотренных Конституцией Соединенных Штатов является очевидным. В сущности американский федерализм был ребенком старой метрополии.[3]

Эта система, мы должны заметить, была продуктом роста, в значительной степени непреднамеренного и незапланированного. Его ценность исходит из самого факта, из авантюристического усилия, от разрешения, часто необдуманного, спонтанного роста. Революционные события в колониях были продуктом природных сил и условий. [4]

Колониальная история связана с рядом споров, особенно в отношении между представительными собраниями и королевскими чиновниками. Они были вынуждены оставаться в том же положении, создавать впечатление устойчивого движения вперед к независимости, хотя не было никакой реальной цели порвать узы связи с метрополией. Споры действительно раскрывают непрерывное развитие чувства самостоятельности и желание колонистов, особенно политиков, иметь свой соб-

---

1 In an earlier paper ("The Background of American Federalism," Am Pol Sci Rev XII, pp. 215-240).
2 Ibid. p. 245.
3 See the Constitution of the United States, amendment VI.
4 In addition to the references cited in this chapter, see E. B. Greene, Provincial America 1690- 1740 (Am. Nation Series, VI).

ственный путь. Политические разногласия способны были заложить основы для будущих действий в связи с неуклонным ростом компетенции и влиянием практического опыта колоний. [1]

Колонисты могли иногда возражать против королевской власти или власти губернатора и не всегда следовали запрещениям навигационных действий и актов торговли, но общая система сохранялась. Любая попытка свергнуть власть или изменить ее основы и, прежде всего, вторжение в ту сферу власти, которая развилась при естественных условиях, была способна пробудить негодование и тревогу.[2]

Практика метрополии должна цениться для понимания учреждения и развития американского конституционализма. Рассматривая период до создания и принятия федеральной Конституции нужно иметь в виду, что появление конституционализма способствовало развитию правовой системы и защите частного права и свободы при ограниченном правительстве.[3]

Можно выделить еще ряд факторов, влияющих на предпосылки принятия конституций штатов. Среди них можно выделить характер местного и центрального правительств, развивавшихся в каждой колонии, который подвергался широкому влиянию разнообразных условий. Возможно, наиболее важным из всех условий был характер самих колонистов; ибо он определял, среди прочих вещей, какие идеи и институты будут принесены в колонию.[4] Не менее важным было влияние географических условий, которые играли важную роль в определении города в качестве основной местной единицы Новой Англии, и в определении плантации соответственно на Юге, оставивших такое важное влияние на жизнь каждого сектора. Там, где были найдены люди другой национальности, они практически всегда оставляли свой след, в то время как своеобразная форма церковных институтов, введение различных социальных классов, и наконец, характер ранних хартий в каждой колонии, со всеми теми случайностями, которые повлияли на своеобразие развития, были

---

[1] E. B. Greene, The Provincial Governor in the English Colonies of North America (Harvard Historical Studies, VII).
[2] Ibid.
3M. W. Jemegan, The American Colonies 1492-1750; H. L. Osgood, The American Colonies in the Seventeenth Century, III.
[4] H. L. Osgood, The American Colonies in the Eighteenth Century, I-II.

среди причин, лежащих в основе различий между колониями.[1]

Рассмотрим вкратце влияние политического развития на принятие конституций. Общепринято разделять колонии на три отдельные группы, из-за различий в характерах установленного местного правительства: (1) городская система, установленная в Новой Англии; (2) окружная система Вирджинии и Юга; (3) смешанная система средних колоний. Причина, по которой эти типы правительства были установлены в различных местах, зависит от влияния вышеперечисленных систем на места. Как эти условия послужили развитию определенных правительств, мы вскоре увидим. Достаточно будет добавить, что город, округ и смешанные системы оказывали влияние исторически на пояса, находящиеся к востоку от колоний, в которых установлен тот или иной тип правительства.[2]

Нельзя забывать и о хартиях — предвестников конституций. Например, Хартия 1606 года, которая была самым первым правовым актом, когда торговцы Лондона и Плимута захотели сделать поселения в Америке с торговыми целями и запросили у короля хартию. В течение средних веков по всей Европе появилась традиция корпоративных городских хартий с расширенными привилегиями. От них пошли хартии на землю, которые не только являлись земляными грантами, но и определяли права компаний на свободы и управление. Только через шесть лет, в 1599, Элизабет дала знаменитой Восточной Индийской Компании либеральную хартию с практически абсолютной властью самоуправления.[3]

Хартия, дарованная Плимутской и Лондонской компаниям в 1606 году, была менее либеральной, чем те, что была даны ранее, но все же предоставила обширные территории. Плимутская компания могла поселиться где угодно между 41 и 45 параллелью, Лондонская - между 34 и 38. Правительство для каждой компании было возложено на Английский совет из тринадцати лиц, назначаемых Королем. Под управлением этого совета были еще два, тоже по тринадцать человек, назначенные таким же образом для колоний. Ни один из этих советов не был законодательным

---

[1] Ibid.
[2] See C.R. Lingley, The Transition in Virginia From Colony to Commonwealth, pp. 81-82.
[3] A.M. Schlesinger, The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763-1776 (Columbia University Studies in History, etc., LXXVIII), p. 363.

органом, ибо они исполняли инструкции Короля. Им было, однако, предоставлено право защищать колонии и чеканить монету. Права колонистов гарантировались стимуляцией того, что они «должны обладать всеми свободами, правами и иммунитетами свободных обитателей в пределах всех наших доминионов, как если бы они были рождены на Английской земле»[1].

Нельзя не обратить внимание на политические и социальные условия развития колоний (Например, южных и северных колоний). В каком-то смысле все английские поселения подчинялись хартии 1606 года, однако хартия Вирджинии имела наибольшее влияние. Последующие хартии этой колонии были прямыми правопреемниками этого инструмента, но более демократичными по духу, ибо правительственные полномочия вскоре были переданы всем акционерам[2]. Под управлением этих хартий находились многие поселенцы мигрировавшие в Америку. Их характер может быть легко представлен по мотивам, которые ими двигали, ибо практически все были в поисках приключений или наживы. Классовые различия были проведены практически с самого начала и становились более заметными с развитием колонии. Огромные табачные плантации способствовали появлению земляной аристократии, в то же самое время, как они сделали необходимым рабский труд, а импорт рабов - выгодным. Такие социальные различия противостояли попыткам установления равенства любого вида. Общее образование не находило места в подобной системе. Все церковные, экономические, политические преимущества постепенно стали собственностью высшего класса, представители которого смотрели на себя как на естественных лидеров. При таких обстоятельствах не кажется странным, что вся жизнь людей была продуктом неравенств, которые заключались в отсутствии местного самоуправления, ограничении избирательных прав и концентрации власти в руках меньшинства.[3]

В первой ассамблее Вирджинии (1619) эти ограничительные тенденции не были особо заметны в начале. Первые пятнадцать лет история Вирджинии показывала ощутимый конституционный прогресс всех классов. Поселенцы позициони-

1 Franklin, Writings (A. H, Smyth, ed.), III, p. 226, note 1.
[2] Ibid.
[3] September 6, 1774. Journals of the Continental Congress (W.C. Ford, ed.), I, p. 25.

ровали себя противниками властных правил губернаторов, посланных для этого в большинство английских компаний, которые принадлежали к либеральной партии и решили провести эксперимент по самоуправлению. Для этой цели в 1619 году губернатор потребовал созвать по два представителя от каждого города, сотни или плантации, чтобы помочь ему и его совету в создании законов. Таким образом дух независимости Америки соединился с либерализмом Английской компании в развитии первой народной ассамблеи в Америке.[1]

В 1621 году Королевскими инструкциями колониальная система была подтверждена и одобрена на продолжение, а когда в 1624 году Вирджинская компания была ликвидирована и хартия отозвана, король стал решать вопросы назначения губернатора, совета и других чиновников, хотя людям все еще было позволено выбирать представителей для заседания в совете[2]. Эта модель была воспринята и другими южными колониями. Ранняя попытка Мериленда позволить всем свободным людям принимать участие в создании закона вскоре уступила место такой ассамблее, которая заседала не в качестве отдельного органа, но вместе с губернаторским советом. Каролина даже не пыталась использовать громоздкую конституцию Локка, но вскоре приняла вирджинскую систему, которая, казалось, хорошо подходила к ее условиям. Тем не менее, даже суровая жизнь в приграничных районах не произвела на свет совершенного равенства. Существование вполне определенного класса бывших рабов, служащих и наконец, землевладельцев, оказывало влияние как на политику, так и на общество, и таким образом заставляло избирательное право быть правом не всех свободных людей.[3]

Что из себя представляло правительство в Вирджинии? В местном управлении у людей была еще меньшая роль. Почва была настолько хорошо приспособлена к аграрным работам, что плантации натурально появились повсюду, а города не процветали. Так как страна, основанная на плантациях, имеет очень разбросанное население, она обладает несколькими потребностями, которые требуют внимания всех людей, даже для большого района. Вследствие этих условий, округ был куда

1 Edward Channing, A History of the United States, III, p. 99.
[2] Ibid. p. 101.
[3] Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы английской революции. 1642-1660. М.: Наука, 1989.

более важен, чем приход. Этот факт возложил на собрание прихожан определенные обязанности, и со временем собрания стали переизбирать своих правопреемников в соответствии с обычаем множества приходов и муниципальных советов в Англии. Подобные «закрытые собрания» были, конечно, фатальными для политического развития людей, которые стали настолько неразборчивыми в вопросах управления, что не могли даже использовать возможности, предложенные им для улучшения своего положения.[1]

Окружное правительство было еще менее благоприятным политическому равенству. Окружные чиновники, лейтенант, шериф и мировые судьи, которые обладали административными и судебными обязанностями, назначались губернатором. Люди были отстранены от доли участия в проведении дел. Тем не менее, аристократия, контролировавшая приходы и ассамблею, оставляла свой след в управлении страной, потому что по обычаю губернатор выбирал окружных чиновников из их числа.[2]

Новая Англия была заселена практически исключительно английскими пуританами, большинство из которых прибыло в эту страну с целью избавиться от властного церковного управления, наложенного на них министрами короля. Они верили в простоту церковного управления, в выборность пасторов на собрании прихожан, и что поведение личности должно контролироваться стандартами священного писания. Они не отделились от Англиканской церкви, но попытались реформировать ее, убеждая ее принять их методы. Когда они потерпели неудачу, множество собраний прихожан мигрировали как одно целое в Америку. Из-за схожести интересов, боязни индейцев и отсутствия большой плодородной долины, пригодной для плантаций, они селились вместе и зачастую образовывали так называемую «независимую» форму церковного управления, то есть все собрание выбирало пастора, следило за финансовыми и другими вопросами. Было вполне естественно, что церковное собрание должно было следить за светскими вопросами, требовавшими разрешения, поэтому мы можем называть эти собрания реальной

[1] Alexis de Tocqueville, Democracy in America, ed. by Phillips Bradley. 2 vols. (New York: Alfred A. Knopf, 1945).
2 Ibid.

формой городских собраний, в которых голосовать могли только члены церкви.[1] Таким путем религиозная организация пуритан сделала возможным и необходимым то, что было наиболее демократичной формой местного управления, существовавшей тогда, но в то же время она установила почти такой же необходимый религиозный избирательный ценз.

Пуританский дух привел к некоторым интересным результатам, потому что он был демократичным в одном смысле, и монопольным в другом. Зависимость от священного писания привела их к тому, что они основывали школы, чтобы иметь возможность лучше использовать его. Их попытки самоуправляться своим собственным путем привели их к ограничению привилегий непуританской части колонии, и те, чьи права были ограничены подобным пуританским духом протестовали с таким успехом, что последующее правительство было еще более демократичным, чем старое. Таким образом, дух пуританства пронизал все общество. Он не преодолел религиозную монополию, так же как и не принес социального равенства, но он эффективно противостоял всем тенденциям централизации правительства, ввел образование за государственный счет и дал всем практически одинаковые гражданские права.[2]

Наибольший интерес представляет раннее конституционное развитие Массачусетс, самой крупной колонии Новой Англии. [3]

С Хартией провинции залива Массачусетс мы сталкиваемся впервые в колониальный период, который начался с высадки английских поселенцев с корабля «Мэйфлауэр» в 1620 году. Колония получила свое название по имени местного индейского племени Массачусет, что означало «большое горное место». Первое поселение основали религиозные колонисты - мейфлауэрцы в г. Плимут, за ними последовали пуритане, начавшие осваивать территорию Массачусетского Залива., которое было достаточно длительным и сложным. Сложность во многом заключалось

---

[1] George Bancroft, History of the United States (last revision), III, p. 284. For Hillsborough's letter as addressed to Rhode Island, see John Almon, Prior Documents, p. 220.

[2] Ibid. p. 11.

3 Keith Thomas, Religion and tbe Decline of Magic (Penguin Books, 1979), pp. 561-62,589-90.

большой оторванностью колоний от метрополии, что во многом затрудняло строительство новой государственной власти[1]. Теоретически Англия контролировала жизнь колонистов, которые оставались подданными английского монарха. В действительности же метрополия оказывала слабое влияние на развивающие и набирающие силу колоний, где власть короля была слишком далека, чтобы быть эффективной и результативной. К примеру, когда началось освоение новых земель, король Уильям лишь только в 1691 году издал Хартию провинции залив Массачусетс в Новой Англии т.е. 71 год спустя после высадки колонистов.[2]

Исходя из этого, можно сделать вывод, что теоретически и практически, конституционализм в штате, а затем и во всей Северной Америки развивался и эволюционировал несколько самостоятельно, вне зависимости от Англии, хотя и использовался опыт этой страны. Дальнейшая история показывает, что среди наименее послушных английскому праву и королю были северные колонии - Массачусетс, Нью-Гемпшир, и Коннектикут, в отличии от Нью-Йорка, Пенсильвании, Делавера сохранявших преданность английской короне и традициям правовой культуре.[3]

Такие различия между колониями, не были случайными. Пенсильвания сознательно выбрала свой путь, отличный от пути, по которому пошла Вирджиния или Королина со своим мягким климатом, где основную рабочую силу составляли рабы.(примерно 40 процентов). Англия же в отличие от своих колоний не знала рабства и законодательство касающее рабовладения отсутствовало. Закон о рабовладении родился в колониях и прежде всего в южных штатах, где требовалась дешевая рабочая сила на плантациях. Конечно рабы были и в Массачусетсе, но они составляли единицы и как правило не доминировали в производственной системе, как это было на Юге.[4]

Отличалась и правовая система Англии от права в том же штате Массачусетс, что породило среди ученых споры по поводу разновидности общего семейства английского права. Закон, который привезли колонисты в новую землю, не был зако-

---

[1] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814. Mass. Stats. 1.425.201.
2 Massachusetts State Papers, p. 150.
[3] Ibid. p. 156.
[4] Ibid. p. 167.

ном в чистом виде королевского суда, а был лишь правовым актом местного сообщества, порожденным условием и бытом проживания переселенцев. Многие ученые называют его «народным законом» по той причине, что он в корне отличался от официального закона, хотя глубокими корнями опирался на источники английского права, в числе которых основная роль отводилась судебному прецеденту и правовому обычаю, и которые еще хорошо помнили первые поселенцы.[1] Другими словами создавался суррогат английской правовой системы получившей в будущем название англо-американской правовой семьи. Детали этого колониального права хотя и были сложны и запутаны, но в основной своей массе охотно воспринимались местным населением, так как воспроизводили те части права метрополии, которые были живы в памяти и которые отвечали новым условиям жизни и жизни нового сообщества. Естественно, что отпечаток на это право откладывали и политические и религиозные взгляды колонистов, а также их преданность короне. По меткому выражению известного американского ученого-правоведа Л. Фридмэна колониальное право было достаточно похоже на правовую систему, созданную людьми, потерпевшим кораблекрушение.[2]

Она состояла из трех частей: элементов старого закона, новых законов, созданных в результате настоятельных потребностей жизни в новой стране, и правовых элементов, оформленных под воздействием религиозных взглядов. Например, до издания королем Хартии провинции залив Массачусетс (1691 г.) здесь было опубликован один из ранних документов, касающихся прав местных жителей. Он так и назывался «Право и свободы Массачусетса» «и содержал элементы судебной власти и института присяжных со всеми процессуальными действиями, такими как наказанье через повешенье или сожжение на костре за кодовство, неприкосновенность частной собственности»[3] и т. д., то есть все то, что было привезено из Англии. В ходе колонизации появились новые правила, которых не было в метрополии. Например, здесь долгое время действовал запрет на продажу индейцам оружия, которые считались злейшими врагами переселенцев. Наблюдалась также

---

[1] Ibid. p. 170.

2 Фридмэн Л. Введение в американское право. М.: 1993.

[3] Massachusetts State Papers, pp. 172-173.

определенная трансформация правовых установок с целью упрощения применения судами тех или иных норм на практике. Ведь английское право, по мнению ряда исследователей, страдало усложненном набором правовых обычаев, судебных прецедентов, юридических доктрин, среди которых было трудно разобраться даже юристам практикам, не говоря о простых граждан.[1] Поэтому не случайно колонисты создавали свою правовую систему с чистого листка. В качестве примера часто рассматривают королевский закон Англии о первородстве. По нему, если землевладелец умирал, не оставив завещания, его земли переходили в собственность старшего сына. В Массачусетсе отказались от такой практики, так как она не соответствовала реалиям, т.к. все дети обладали правом наследования, хотя старший сын получал двойную долю против остальных наследников. Тоже самое можно сказать и о других королевских указах[2].

Колониальный период с одной стороны интересен сам по себе, а с другой - он иллюстрирует одну из важных составляющих условий, которые в дальнейшем оказали решающее влияние на становление американского конституционализма.

Одной из наиболее важных политико-правовых идей зародившись во времена английской буржуазной революции, а затем и получившее распространение в колониях, была идея представительного и ответственного правления[3]. Нужно сказать, что она и сегодня во многом остается теоретическим фундаментом существования парламентарных форм государственного правления в большинстве стран мира, в том числе в Великобритании, США, России. Именно Великобританию следует считать родиной классического парламентаризма как такой системы взаимодействия общества и государства, при которой парламент изначально играл ведущую роль в осуществлении государственно властных функций. Недаром дальнейший период интенсивного общественно-политического и государственного развития Великобритании называют золотым веком парламентаризма. [4]

---

[1] Ibid. p. 179.
[2] Ibid. p. 181.
[3] Ibid. p. 185.
[4] Thomas Hutchinson, The History of the Colony and Province of Massachusetts Bay, ed. Lawrence Shaw Mayo, 3 vols. (Cambridge: Harvard University Press, 1936), 2:160.

Именно в Англии еще в XIII в. термин «парламент» стал употребляться в значении, достаточно близком к современному, а сам соответствующий орган в XIV в. приобрел двухпалатную структуру, который оказал огромное влияние на становление «бикамерализма». В том же XIII в. английский Парламент подтвердил свое право устанавливать налоги и сборы и тем самым активно участвовать в формировании государственного бюджета. В XIV в. также получила рождение и нашла первое применение парламентская процедура импичмента по отношению к носителям исполнительной власти, которые злоупотребляли своими полномочиями и совершали преступления.[1] В XVI в. законотворчество окончательно было признано функцией Парламента и впервые в истории сформулировано понятие закона (статута) как акта принимаемого парламентом, утвержденного королем и имевшего высшую силу среди актов государственной власти. Становление всей этой практики происходило в процессе перманентной политической борьбы между Парламентом и монархом, отголоски которой мы находим и в данной Хартии. Конституционно-правовое регулирование хартии не использовало понятие «парламент» при характеристике одного из органов государственной власти колонии[2]. Такой подход объяснялся на наш взгляд определенными причинами. Во-первых, стремлением подчеркнуть принципиальное отличие английского парламента от законодательных органов колоний. Юридически английский парламент во главе с монархом считался единственным высшим органом законодательной государственной власти страны и занимал самое высокое положение в государственном механизме. Во-вторых, английский парламент существовал без парламентаризма как элемента системы разделения властей. Парламент, как и другие государственные органы страны, работал под руководством аппарата монарха или лично самого монарха. А парламентаризм предполагает не только наличие парламента, но и сосредоточение в его руках реальной самостоятельной власти, которая не подчинена власти исполнительной.[3]

Говоря же о представительстве вообще, нужно иметь в виду тот факт, что это

---

[1] Peter Oliver, Origin and Progress of the American Rebellion, ed. Douglas Adair and John A. Schutz (Stanford: Stanford University Press, 1961), p. 39.
[2] Ibid. p. 41.
[3] Ibid. p. 47.

понятие очень широкое и требует разъяснения. В отношении государственных органов обычно полагают, что речь идет о представительстве интересов и воли избирателей, а мандат на такое представительство дают сами избиратели на выборах. В нашем случае и исполнительная власть в лице губернатора и законодательная власть формировались без непосредственного участия избирателей исходя из воли монарха. Поэтому можно сказать, что, например, ассамблея штата Массачусетс был представительным органом с большой натяжкой[1].

Интересны предпосылки принятия Конституции в Коннктикуте в 1639 г., в колонии, расположенной южнее от Массачусетса, и в которой можно обнаружить в большинстве своем те же особенности. Самоуправляющийся город был всюду оплотом свободы и основой правительства. Нигде это не было лучше развито, чем в Коннектикуте. Население Коннектикута эмигрировало из Массачусетса в больших количествах, потому что они выступали против ограниченности, показанной в строгой религиозной проверке для избирателей, хотя они позже переосмыслили свои сомнения и применяли проверку, схожую с массачусетской. Поскольку у них не было устава, они устроили для себя систему правительства, схожую с той, которая была в Массачусетсе[2]. Влияние устава (хартии) как конституции ясно показано воплощением этих фундаментальных законов в писаном документе. Но факт, что эти «Фундаментальные порядки» были созданы непосредственно людьми, а не даны человеком извне, говорит об отчетливом шаге вперед в конституционном строительстве[3]. Нет никаких упоминаний о собраниях всех свободных (полноправных) людей поселения, но депутаты от городов должны были встречаться с губернатором, заместителем губернатора и судьями (помощниками), в то время как губернатор избирался законодательным собранием.

Система правительства была признана и гарантирована как для Коннектикута, так и для Род-Айленда, согласно их либеральным уставам 1662 и 1663. В последней колонии дух свободы зашел дальше, чем в других, оберегая избирательное право для свободных граждан даже после того, как оно исчезло повсеместно. В то

---

[1] Journals of the House of Representatives of Massachusetts 1727-1729, p. 362 ff.
2 Assembly. Public Records of the Colony of Connecticut. X, p. 268 note.
[3] Ibid. p. 269.

время, когда предоставлялись эти хартии, это право было подтверждено для Массачусетса, при условии что для Короны и членов Англиканской церкви будут сделаны определенные вещи. Неудача Массачусетса в исполнении своей части договора привели к аннулированию хартий Коннектикута и Род-Айленда. Под руководством Уильяма III Массачусетс получил новую хартию, которая установила имущество, а не религию в качестве избирательного ценза, и оставила вопрос назначения губернатора в ведение Короля[1].

Влияние городского собрания Коннектикут на американскую конституционную свободу вряд ли может быть переоценено. Собрания проводились как минимум раз в год, обычно весной, и все «свободные граждане» привыкли собираться вместе для обсуждения и решения вопросов, связанных с местной и центральной властью, голосовали за заместителей, в некоторых случаях за губернатора и его исполняющего обязанности, и для выборов представителей в ассамблею, а также своих городских должностных лиц. Так как каждый город имел, по крайней мере, одного представителя в ассамблее, интерес к делам колонии всегда поддерживался[2]. В местном правительстве люди выбирали членов городского управления для решения не слишком важных вопросов, которые возникали между сессиями городского собрания; но отчеты часто подвергались резкой критике, так что надзор был постоянным. Другие должностные лица, такие как констебль, дорожные контроллеры, надзиратели в приюте для бедных и городской клерк, избирались на весенних встречах каждый год и постоянно находились под наблюдением. Это было возможно, потому что практически все города штата Коннектикут были маленькими и плотными, и потому что вмешательство ассамблеи в местные вопросы не позволялось[3]. При выборах городских чиновников избирательное право было практически таким же, как для выборов представителей колониального правительства, но со временем к выборам стали допускаться множествадругих граждан, имевших имущество. К концу семнадцатого века любой владелец земли с доходом в 40 шил-

[1] Ibid. p. 273.
[2] John Andrews to William Barrell, Boston, January 29, 1775, Proceedings of the Massachusetts Historical Society, ist ser., 8 (1864-65). P. 398-99.
[3] Ibid. p. 401.

лингов в год допускался к голосованию.[1]

Несколько по другому развилась колония (штат) Нью-Йорк, которая ранее принадлежала Голландии. В колониях, завоеванных у Голландии, единицей местного правительства было поместье, но оно редко было самоуправляющимся. Центральное правительство было автократическим и редко поддавалось влиянию советников, выбранных несколькими гражданами. Английская оккупация внесла общие принципы английских свобод и в течение 20 лет привела к установлению ассамблеи, избранной свободными землевладельцами (фригольдерами), заседающей совместно с консулами и создававшей законы. Ни один налог не мог быть введен без согласия ассамблеи. Поместная система была постепенно вытеснена системой «мест», которая, как появившаяся позднее, обладала меньшей жизнеспособностью и силой, чем в Новой Англии. Главной особенностью системы был метод, когда города выбирали руководителей в качестве административной ассамблеи для страны.[2]

По той же схеме развивался конституционализм в колонии Пенсильвания. Система местных органов власти, которая была привычна для Пенсильвании, была такой же, как и в Нью-Йорке - компромисс между государством и городской системой «мест», но она была более подвластна влиянию властям страны в целом. Вместо руководителей из городов, как в Нью-Йорке, колония управлялась комиссарами, избранными от трех или пяти районов. Поначалу там было слабо развито (или вообще отсутствовало) городское управление на местах, и должностным лицам страны были предоставлены расширенные полномочия. Хотя политические институты квакеров (quakers) не заслуживают особого внимания, их политические и социальные идеи принадлежали скорее к девятнадцатому, а не семнадцатому веку[3]. В основе их идей был расширенный принцип равенства, который вел во многих случаях к весьма либеральным и гуманным взглядам. Отношение к людям, принадле-

---

[1] Connecticut Delegates to Governor Trumbull, October 10, 1774. Quoted in Ibid., I, p. 25, note 1.

2 No representation from Georgia was provided for. There were to be not less than two nor more than seven representatives from any one colony. Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York, VI, p. 289.

[3] Ibid. p. 291.

жащим к другим сектам, не было отмечено суровостью, наблюдаемой где-либо еще, избирательное право ограничивалось куда меньше, чем в других колониях, и была сделана попытка (хоть и безуспешная) ликвидировать смертную казнь (за исключением тяжкого убийства).[1]

Таким образом, предпосылки принятия конституции отличались развитием и особенностью каждой колонии. Ранее было указано, что исходя из способа назначения губернатора, чаще всего колонии делят на 3 группы: королевские, где губернатор является представителем Короля, собственнические, в которых он назначается «собственником», и чартерные, в которых он избирается населением. Классификация, предложенная профессором Озгудом, является более совершенной: он делит их на общественные (корпоративные) и провинциальные; первые выступают в качестве юридического лица, последние находятся в прямой зависимости от метрополии. Во многих колониях мы находим, что структура правительства в некоторой степени изложена в Хартии или в письменных инструкциях, с которыми колония должна была считаться. Все они имели 3 правительственных департамента, работающих более или менее независимо друг от друга, и законодательные органы на всех ступенях развития. Каждое колониальное правительство было полностью независимо от всех других, но все они были тесно связаны с правительством метрополии по большинству вопросов, являющихся предметом ее контроля. [2]

В 1760 единственными чартерными колониями со всеми присущими им признаками были Коннектикут и Род-Айленд. Массачусетс подходил по форме Хартии, но имел губернатора, назначаемого Короной. Пенсильвания, Делавэр и Мэриленд были собственническими, остальные были королевскими.[3]

Таким образом, можно сделать вывод, что предпосылками принятия конституций штатами, явились экономические, политические и социальные факторы, которые выразились в закреплении основных принципов естественного права и новой формы устройства штатов, системы их государственных органов и компетенции, правового положения граждан. Если говорить в самом широком социальном плане,

---

[1] Howe, quoted in Gerald N. Grob, The State and the Mentally Ill (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966), 190-91.
2 C. M. Andrews, The Colonial Period, pp. 232-233.
[3] Ibid. p. 241.

данные предпосылки были призваны способствовать преодолению феодальных препон социально-историческому прогрессу в лице писанных конституций.

§ 3.2. Традиционное и новое в политико-правовом содержании конституционных актов североамериканских штатов

Задача этого параграфа - более подробно остановиться на появлении правовой системы, закрепленной в конституциях штатов. Определенное внимание нужно уделить превращению колоний в самоуправляющиеся содружества, а также принципов, на которых основана конституция штатов, то, что было сердцем революции. Причина вооруженного конфликта, который привел к независимости колоний и образованию штатов уже описывалась в предыдущих главах. Нашей главной целью должен быть поиск идей, анонсирование доктрин, раскрытие конституционных принципов, которые, по мнению Дж. Адамса, имели важное значение потому, что они вошли в американскую конституционную систему, когда эта система начала реально существовать.[1]

Существуют два основных направления, в которых можно проследить эти начала в течение трех десятилетий до 1788 г.: 1) направление развития принципов ограничения правительства, которые должны охранять свободу личности. Юридически, ограничение форм правления, являлось достижением поколения, которое сформировало конституцию штатов и привело Соединенные Штаты к политической системе в том виде, в котором она существует в настоящее время; 2) особая форма правления, которую взяли на себя Соединенные Штаты с принятием федеральной Конституции как основы федеративного государства. Как система политического порядка федерализм характеризуется распределением основных полномочий суверенной власти между правительствами[2]. Каждое правительство штатов имело по доле отдельных полномочии, и до тех пор, пока система оставалась неизменной, каждый имел свое неприкосновенное управление в своей сфере деятельности. Если сказать конкретнее - Соединенные Штаты являются федеративным государством потому, что эта система является составной и сложной частью поли-

---

[1] John Adams, Works (C.F. Adams, ed.), II, p. 374.

[2] Richard Vetterli and Gary Bryner, In Search of the Republic: Public Virtue and the Roots of American Government (Savage, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 1987).

тической организации, которая имеет качество диверсификации, а не концентрации или полной консолидации[1]. Центральное правительство, с одной стороны, и каждый штат - с другой имеют свои индивидуальные сферы правовых полномочий, а потом США отличаются от добровольно объединенных суверенных государств и от полностью унитарных государств.

Если мы рассмотрим революционный период как период, в котором конституционные принципы получают свое развитие, и находят свое отражение в правовых актах, регулирующих создание ограниченного правительства и создание федеративного государства. Революционный период, через который прошло целое поколение, и который завершился принятием федеральной Конституции, характеризовался цикличностью, богатой идеями, принципами и политической философией практического характера, которое вылилось в успешную политическую структуру.[2]

Многое из того, что очень важно как свидетельство созидательной деятельности революционного периода, обнаруживается при изучении доказательств, используемых в новых формах и содержаниях конституций штатов.

Нам необходимо выбрать те моменты, которые привели в итоге - к созданию институтов и кристаллизации принципов американской конституционной системы.

Если рассматривать инструкции и резолюции, которые были выдвинуты для того, чтобы поддержать новую политическую систему, то можно обнаружить создание ограниченного правительства предназначенного для защиты свободы личности, а с другой стороны, к окончательному закреплению идей федерализма на американской почве[3].

В целом можно определить аргументы и факты, которые привели к конечной цели создания федеративного государства и ограниченного правительства, охраняемые написанной конституцией, или другими словами доказать принципы

---

[1] Ibid.
[2] Пейн Т. Век разума //Сборник трудов /Под ред. Эрика Фонера [Eric Fohner]. – Изд-во: Лайбрари оф Америка, 1995. С. 203.
[3] Там же. С. 205.

диверсификации, которые воплотились в штатах[1]. В сознании людей того времени неизбежные и целиком развитые результаты принятия конституций являлись, конечно, совершившимся фактом, закрепившим суверенитет штатов и создания новой формы политической власти[2].

Подробно о суверенитете и об отношении данного явления к предпосылкам принятия конституций колоний (штатов) и провозглашению их независимости говорилось в первом параграфе данной главы. Наша задача в этом параграфе состоит в том, чтобы рассмотреть эволюцию конституций штатов в их переходе от идеи суверенитета до идеи федерализма. Для этого есть все основания, тем более что суверенитет в его исторических истоках, как заметил однажды Еллинек, есть «политическое понятие, которое впоследствии трансформировалось» с тем, чтобы обеспечить юридическую поддержку политической власти государства[3].

Кроме того, ряд современных ученых убеждены[4], что политическая философия должна освободиться от слова, а также от понятия суверенитета не потому, что это понятие устарело[5], не благодаря социологически-юридической теории «объективного права»[6], и не только потому, что понятие суверенитета создает непреодолимые трудности и теоретические сложности в сфере международного права, но потому, что, будучи рассмотренным в его подлинном значении, а также в перспективе той научной сферы, к которой оно принадлежит - политической философии, - это понятие в действительности неверное[7], и «обречено вводить нас в заблуждение, если мы будем продолжать употреблять его, полагая, что это понятие

---

[1] Там же. С. 207.
[2] Francis G. Wilson, The American Political Mind (New York: McGraw-Hill, 1949).
3 Jellinek G. Recht des modernen Staates: Allgemeine Staatslehre. Berlin,1900, p. 394.
4 Maritain J. Man and the state. The University of Chicago Press. 1956.
5 Ср.: Preuss H. Gemeinde, Staat, und Reich als Gebietskoerperschaften. Berlin, 1889; Merriam Ch. E. History of the Teory of Sovereignty since Rousseau. N.-Y.: Colombia University Press, 1900.
6 Ср.: Duguit L. Law in the Modern State. N.-Y.: Viking Press, 1919.
7 Подобного же мнения придерживается Гарольд Дж. Ласки, хотя он основывается на иной философской позиции. См.: Laski H. J. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press, 1917; A Grammarof Politics. New Haven: Yale University Press, 1925.

слишком долго и слишком широко использовалось, чтобы его можно было отвергнуть, и не осознавая присущих ему ложных коннотаций»[1].

В правовых документах и идеологии американского конституционализма XVII-XVIII вв. мы редко встретим термин суверенитет. Идеологи американской независимости и создатели первых колониальных конституций исходили из того, что власть и независимость народа не являются верховными отдельно от самого народа и у него есть естественное право на полную автономию или самоуправление. Здесь мы вполне согласны с Ж. Маритеном, когда он говорит, что народ пользуется этим правом, когда принимает писаную или неписаную Конституцию политического общества, или когда часть его объединяется в небольшую политическую группу с тем, чтобы выработать право или принять решение, или когда он избирает своих представителей, а у народа всегда остается такое право. Именно благодаря ему народ контролирует государство и своих правительственных чиновников. Именно благодаря ему народ обусловливает свой выбор тех, кто назначен заботиться об общем благе, кто обладает правом создавать законы и управлять, так что, наделяя этих конкретных людей властью (в установленных сроках и с определенными полномочиями, народ в той же мере ограничивает само отправление собственного права на самоуправление, но никоим образом не определяет окончание обладания этим правом и не ущемляет количественно это обладание)[2]. Правительственные чиновники, или правительство, то есть люди, наделенные исполнительной властью, являются (в самом строгом смысле слова «управление») управляющим органом в государстве, потому что народ сделал их в политическом обществе представителями целого, как такового.[3] Все это полностью согласуется с нашим заключением, согласно которому выражение «суверенитет народа» не является самым точным определением демократического строя. Вот что сказал Линкольн: «Управление народа, народом, для народа». Это означает, что народом управляют те люди, которых народ избрал и наделил правом распоряжаться в рамках их функциональных обязанностей определенного рода и срока и над управляющей деятельностью кото-

1 См.кн.: Маритен Ж. Человек и государство. М.: 2000. С. 36.
2 Там же. С. 32-33.
3 Там же. С. 41-47.

рых народ осуществляет постоянный контроль - прежде всего через своих представителей и специально созванные собрания.[1]

Чем успешнее в XVII-XVIII вв. развивались колонии, тем чаще колонисты осознавали свою самостоятельность и что они - новая, более удачливая, чем их европейские современники, общность людей - «американцы». К 1700 г. в стране проживало немало потомственных семей, чье пребывание здесь исчислялось тремя и более поколениями. Поскольку американцы являлись выходцами из разных стран, то культурные достижения, а также их знания, умения, навыки, привезенные ими в Новый Свет в качестве интеллектуального багажа, постепенно трансформировались в уникальные в своем роде американские ценности.[2]

Современники уже в то время пытались осмыслить развитие американского общества в контексте мировой цивилизации. В частности, приехавший в Америку в XVIII в. из Франции Жан де Кревкер в известном сочинении «Письма американского фермера»[3], последовательно развивая мысль о формировании американской национальной идентичности в середине XVII - начале XVIII в., задавался вопросом: «Кто же такой американец, этот новый человек?». И отвечал: «Он - американец - оставляет позади себя все свои старые предрассудки и манеры, приобретая новые от тех, кому подчиняется, и от нового положения, которое он занимает... Здесь представители всех наций сливаются в новую человеческую расу, чьи груды и чье потомство вызовут однажды великие перемены в мире. Американцы - западные паломники, несущие с собой тот огромный запас умений, бодрости и трудолюбия, всего того, что давно сформировалось на Востоке; они завершат великий круг ... Американец - это новый человек, который действует по новым принципам; поэтому он должен придерживаться новых идей и вырабатывать новые взгляды»[4].

---

1 См. высказывание Линкольна: Scholasticism and Politics. N.-Y.: Macmillan CO.,1940, cc. 107-108.

2 М.В. Джернегэн. Американские Колонии 1492-1750; Х. Л. Осгуд, американские Колонии в Семнадцатом столетии, III; Х.Л. Осгуд, американские Колонии в Восемнадцатом столетии, I-II.

3 Creveccoeur St. John de. Letters from an American Farmer (1782) / Ed. by A.E. Stone. N.Y. 1981.

4 Ibid.

Оказавшись в новых условиях, поселенцы смотрели на все с верой в то, что их дети будут жить лучше. Отношения между населением и властью складывались очень сложно, т.к. свободных колонистов трудно было подчинить интересам метрополии. Любое ущемление изначально существовавших прав и свобод вызывало резко негативную реакцию. Обладая большей экономической, политической и религиозной свободой, чем европейцы, американцы прилагали немало усилий к ее расширению и упрочению. К тому же преобладавшая однородность населения, веротерпимость и свобода сочетались в Америке с широкими экономическими возможностями: доступность земли, возможность развития частной собственности и предпринимательства - все это побуждало множество людей добиваться в той или иной сфере деятельности максимально эффективных результатов[1]. Важнейшим мировоззренческим и жизненным ориентиром колонистов стал принцип свободы выбора.

Общие трудности и опасности сплачивали и отодвигали на второй план религиозные и национальные противоречия переселенцев из разных стран, которые, чтобы выжить, должны были жить хотя бы в относительном согласии. Консенсус был достигнут, когда начали формироваться базовые ценности американцев, такие, как свобода личности и равенство самоуправления и именно эти категории стали основой американского самосознания[2].

Жан де Кревкер отмечал, что в XVII-XVIII вв. у прибывавших в Новый Свет иммигрантов чувство родины как бы отсутствовало, они полностью идентифицировали себя с новой страной, обретая здесь некий личностный статус[3]. Открывшаяся возможность реализовать себя, стремление к успеху и процветанию, надежда на то, что благодаря декларированному принципу равенства они смогут многого добиться, - все это объясняет тот факт, что мало кто из переселенцев возвращался из Америки на родину. Конечно, жизнь на новом месте накладывала отпечаток на их поведение и образ мыслей. Поначалу колонисты отличались как друг

---

[1] Ibid.
[2] Ralph Rossum and Gary McDowell, The American Founding (Port Washington, N.Y.: Kennekat Press, 1981).
[3] Crevecoeur St. John de. Letters from an American Farmer (1782). Letter III. What is an American? // An Early American Reader. Wash. 1993. P. 120.

от друга, так и от европейцев, но постепенно сформировался новый тип личности - американец[1].

В то же время сознание своих естественных прав и готовность защищать их, отличали американцев от всех прочих народов мира. Трактовка этих прав оставалась, например, для Гамильтона неизменной на протяжении всей жизни: как и другие американцы, он рассматривал права человека исключительно в политическом, а не в социальном аспекте и, как правило, выражал их в локковской триаде: жизнь, свобода и собственность. Здесь интернациональное становилось национальным, изначально космополитические принципы воспринимались как собственно американские. Эта своеобразная трактовка национализма приводила к отождествлению Америки с делом свободы во всем мире, служила питательной почвой для естественно присущего революционерам мессианизма.[2]

Поиски новой, подлинно американской идентичности отражались и на представлении американцев о своем происхождении. Не случайно именно в это время расцветает культ «отцов-пилигримов» - основателей американских колоний, прибывших в Новый свет, как полагали революционеры, в поисках не только религиозной, но и политической свободы.[3]

Подчеркивается уже не английское, но европейское происхождение колонистов. В противовес прежней идентификации американцев и англичан Т. Пейн пишет в 1776 г.: «Отечество Америки - Европа, а не Англия. Новый Свет стал убежищем для гонимых приверженцев гражданской и религиозной свободы из всех частей Европы».[4] Ориентация на общеевропейскую, а не английскую традицию отразилась и в том значении, которое приобрела для революционеров фигура Колумба.

Вместе с формированием новой ментальности начинает создаваться и так называемая «гражданская религия» - идеологическое ядро рождающейся нации.

---

1 Ibid. P. 118, 120, 122.

2 Филимонова М.А. Александр Гамильтон, Американская революция и проблема национальной идентичности // Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании. Межвуз. сб. науч. трудов. Курск,. 2000.

3 Craven W. The Legend of the Founding Fathers. - Ithaca (N.Y.), 1965. - P.33.

4 Пэйн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. - М., 1959. – С. 36.

Это был, прежде всего, культ прав человека (одна из популярных патриотических песен называлась «Боже, храни права человека») [1]. В основу национальной традиции ложились также культ Декларации независимости, день принятия которой стал одним из первых общенациональных праздников, культ мифологизированных фигур «отцов-основателей», в особенности Дж. Вашингтона, Б. Франклина, Ж. де Лафайета. Еще при их жизни в их честь назывались города и графства (существовало даже государство Франклин, правда, впоследствии исчезнувшее), сочинялись поэмы. День рождения Вашингтона был объявлен национальным праздником.[2]

Объединяющим американцев моментом стало и представление о будущей Америке, за которую они сражались. Всякая революция воспринимается ее творцами как процесс создания нового мира, нового человека, новой ментальности. Патриоты США также видели в своей революции начало «нового ряда веков» (novus ordo saeculorum), о чем до сих пор напоминает надпись на долларах[3]. Представление о новой Америке революционеры заимствовали главным образом из описаний идеальной республики в трудах европейских просветителей, когда в XVIII в. считалось, что республиканцев отличает совершенно особая ментальность. Ш. Монтескье, например, считал ее определяющими чертами любви к свободе и равенству, умеренность в потребностях, простоту нравов, республиканскую добродетель[4]. Без всего этого республика не могла существовать, а добродетель, как ее понимали в эпоху Просвещения, подразумевала также активную гражданскую позицию, самоотверженное служение родине. «Чем лучше устроено государство, тем больше в умах граждан заботы общественные дают ему перевес над заботами личными», - утверждал Руссо[5]. Таким идеальным народом и сознавали себя многие американцы. Республиканская простота нравов и добродетель должна была распространиться во всех областях жизни - начиная с языка и манер и кончая политикой. Америка противопоставлялась в этом смысле развращенной Европе. Эти

1 Craven W. The Legend of the Founding Fathers. 1965. - P. 77.
2 См.: Craven W. Op. cit. - P.72-73.
3 Ibid. p. 75.
4 Монтескье Ш.Л. О духе законов. - В кн.: Избранные произведения. - М., 1955. - С. 196-198.
5 Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Отв. ред. Г.Э. Кучков. - М., 1998, - С.280.

ожидания оказались утопическими и сравнительно скоро угасли, однако их роль в общественном сознании конца XVIII в. несомненна[1].

Данное положение значительно расходилось с понимаем нации и суверенитета европейской доктрины и в частности с французской. Так Леон Дюги в работе «Конституционное право. Общая теория государства» констатирует следующее: «В признании нации субъективным элементом государства заключается существенная черта французской теории и в то же время существенный пункт теории, господствующей в новейшей науке.[2] Далее он говорит, что по вопросу суверенитета во французской доктрине, которая, как известно, является научным выражением нашего положительного права, внутренний суверенитет есть просто публичная власть, и таким образом суверенитет является самим элементом государства с точки зрения его внутреннего строения. Если в международных отношениях могут существовать несуверенные государства, то им совершенно нет места в праве внутреннем, так как, по самому определению своему, государство облечено властью повелевающею, а суверенитет и есть именно эта повелевающая власть[3]. Подлежит анализу суверенитет именно в таком понимании, потому что это понятие не так просто, как это может казаться на первый взгляд»[4].

Обратимся к высказыванию еще одного французского мыслителя второй половины XIX века Ж. А. де Гобино. В своем труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» автор, говоря об американской нации указывает, что «республиканский народ обладает двумя особенностями, которые коренным образом отличаются от естественных тенденций всех демократических обществ, вышедших из чрезмерного смешения. Во-первых, это приверженность к традиции, или, если воспользоваться юридическим термином, к прецеденту. В Америке происходит постоянное

1 Silverman K. A Cultural History of the American Revolution -N.Y., 1976. –P. 492-494, 504-511; Royster Ch. A Revolutionary People at War: The Continental Army and American Character, 1775-1783. - Chapel Hill, 1979 - Chapter 1; Endy M.B., Jr. Just War, Holy War, and Millennialism in Revolutionary America // William and Mary Quarterly. -Vol. 42. - January 1985; Lewis J. The Republican Wife: Virtue and Seduction in the Early Republic // William and Mary Quarterly. - Vol. 44. - 1987. - P. 689- 721.

2 Леон Дюги. 1908. С. 107.

3 Там же. С. 112.

4 См.: Леон Дюги «Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 108-150.

изменение институтов, вместе с тем у выходцев англосаксов наблюдается явно выраженное отрицание быстрых и радикальных перемен. У них сохранились многие законы, принесенные из метрополии в колониальные времена. Среди современных веяний некоторые из них источают запах обветшалости, напоминающий феодальную эпоху. Во-вторых, те же самые американцы больше, чем они в этом признаются, озабочены социальной градацией: все они стремятся к обладанию. Звание гражданина не более популярно у них, чем рыцарский титул «эсквайр». Эти черты у демократов Нового Света указывают на желание повысить свой статус, что в корне отличается от принципа революционеров древности.[1]

Делая вывод можно сказать, что понятие суверенитета и «американского народа» обозначало естественным образом объединенных членов, составляющих политическое общество. Таким образом, объединяющим американцев моментом, стала идея, в результате которой американский народ, и создававшее политическое общество являлись носителями прав: у американского народа было право на выбор религии, на самоуправление и существовало отношение взаимной справедливости между политическим обществом и его отдельными членами.[2] Другими словами, процесс социализации колоний являлся продолжением естественного роста системы свободного предпринимательства, когда общее самосознание постигает общественную функцию частной собственности и необходимость ввести в естественные и институциональные формы тот закон «общей пользы», которому придавал особое значение Фома Аквинский.[3]

Что же выступило целью и наиболее существенной задачей колоний (штатов), когда они принимали хартии, а затем конституции? Во-первых, это обеспечение материальными благами конкретных индивидов, каждый из которых поглощен собственным благополучием и обогащением; во-вторых, достижение господства производства над природой или политического господства над другими людьми (теми же индейскими племенами). В-третьих: в улучшении условий самой челове-

---

1 См.: Ж.А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». М., 2010. С. 737.
2 Кислова А.А. Религия в формировании американской нации // Национальные процессы в США. –М., 1973.
3 См.: Maritain J. Freedom in the Modern World. N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1936), Appendix I, “Person and Property”.

ческой жизни или обеспечении общего блага для большинства таким образом, чтобы каждый конкретный человек не только из привилегированного класса, но и из широких народных масс мог реально достичь той степени независимости, которая свойственна цивилизованной жизни и которая обеспечивается одновременно экономическими гарантиями занятости и собственности, политическими правами, гражданскими добродетелями и развитием ума.[1]

Все это нашло выражение в эволюции формы и содержании конституционно-правовых актах североамериканских штатов, основная задача которых сводилась к помощи человеку в деле завоевания свободы, собственного развития и автономии.

В предыдущих главах, мы указывали, что, существовали два вида колоний: корпоративные колонии и провинции. Корпоративные колонии выбирали своих представителей и имели налог без существенного вмешательства Англии в их внутренние дела. Существовали два вида провинций: собственнические, с представлением хартии, обладающей значительными полномочиями; и королевские провинции (только Массачусетс имел хартию), в них королевский губернатор, как представитель короны, должен был осуществлять королевские указы. Совершенно очевидно, что именно королевские колонии наиболее эффективно контролировались Лондоном.[2]

Первыми конституционными актами в североамериканских колониях были своего рода королевские хартии. В соответствии с этими хартиями, каждая колония являлась отдельным корпоративным образованием, чья политика направлялась короной и чья юрисдикция распространялась на четко очерченную территорию с собственными гражданами. Все эти реалии отражают особые обстоятельства… в отношении земель, местоположения, жителем и торговли»[3].

Конечно же, обособленность не означала независимости, т.к. колонии могли быть «обособленными доминионами», не составляющими фактически часть ко-

---

[1] Ibid.

[2] Э.Б. Грин, Провинциальный Губернатор в английских Колониях Северной Америки (Гарвард Исторические Исследования, VII).

[3] Smith W. Mr. Smith s Opinion Humbly Oriented la the General Assembly of the Colony of New York. N.Y., 1743. P. 17;

ролевства. Тем не менее, почти все английские официальные лица были согласны с тем, что они являлись также «зависимыми доминионами». Гораздо меньше определенности содержали другие конституционные постулаты - например, в чем и в каких пределах колонии зависимы, какой автономией или самостоятельностью могут пользоваться такие зависимые образования.[1]

Цели, преследуемые Англией при основании колонии, обусловили трудность решения этих проблем. Американские колонии учреждались прежде всего «в коммерческих целях», их «первейшей заботой» являлись торговля и прибыль. Чтобы выполнить эти задачи с минимальными издержками и для себя, и для нации, монархия поощряла частное предпринимательство как компаний, так и лордов-собственников. Для содействия развитию колоний им даровались исключительные права на обширные земельные площади, а также «разнообразные и значительные иммунитеты и привилегии», включая широкие права на самоуправление и особые экономические льготы. Подобная политика была аналогична той, что ранее практиковалась Англией на кельтских окраинах: в таких районах, как Честер и Дарем, монархия предоставляла местным магнатам обширную автономию в обмен на их лояльность короне[2]. Испытывая недостаток в средствах, которые позволили бы ей осуществлять территориальную экспансию, она не имела других возможностей утвердить законность своих притязаний как на новые территории, так и на верность жителей этих земель.[3]

Однако колонии отличались от граничащих с Англией территорий в трех важных аспектах. Во-первых, они находились на значительном расстоянии. Во-вторых, там отсутствовало оседлое местное население, которое можно было бы легко привлечь к осуществлению целей колонизаторов. И, в-третьих, новые в массе

---

[1] Dummer T. Defence of the New England Charters. L., 1726. P. 56;
Dummer T. Defence of the New England Charters. L., 1726. P. 56;

[2] Vaugham J. The Reports and Arguments of the Learned Judge John Vaugham. L., 1677. P. 401-402. Opinions of Eminent Lawyers / Ed. by G. Chalmers. Birlington (Vt.), 1858. P. 209.

3 Acts of the Privy Council... Vol. 1. P. 48-49. The Watchman. Letter IV // Pennsylvania Journal and Weekly Advertiser. Philadelphia. Apr. 27. 1758; Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1936. Berkeley: Los Angeles. 1975. P. 62-63.

своей английские поселенцы принесли с собой английские традиции, в том числе касавшиеся законности и управления. Они высоко ценили индивидуальные и местные корпоративные свободы и автономию и особенно конституционные принципы ограниченного правления и согласия. [1]

Одним из важных последствий этой глубоко укоренившейся «характерной черты раннего этапа модернизации английского общества» была сильная «тенденция к самоуправлению в рамках развивающейся империи». В то же время покровители некоторых колониальных предприятий, неизменно проявлявшие «особую чувствительность» к покушениям на свою «автономию» и стремившиеся «ограничить вмешательство королевской власти», скоро поняли, что не смогут привлечь достаточно поселенцев для реализации своих замыслов, если не гарантируют им самоуправление, доступ к земле и временное освобождение от налогов и прочих общественных обязательств.[2]

С точки зрения колонистов, королевские хартии не только наделяли их полномочиями управлять определенной территорией, но и подтверждали все традиционные права, привилегии и свободы англичан. В тех немногих случаях, когда группы людей переселялись без таких хартий (самый ранний пример - колония Плимут), они часто заключали письменные «договоры о поселении», в которых обязывались сотрудничать друг с другом в установлении той формы правления, которая копировала оставшуюся в старой Англии[3].

В США правоведы, изучающие конституцию, отмечают, что на этапе раннего развития общества роль этих хартий и договоров была главной; они также выявили истоки и связи с ними последующей приверженности американцев к писаным конституциям.[4] Представляется, однако, что ранние поселенцы отнюдь не заботились о том, чтобы их колониальные конституции полностью или в основном

---

1 Andrews K.R Trade. Plunder and Settlement. Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire,. Cambridge, 1984. pp. 16-17.

[2] Ibid. P.21.

[3] Ibid. p. 27.

4 Дж. П. Грин Происхождение американского конституционализма. Доклад прочитан автором на Международной конференции историков американистов (Москва, 19-21 марта 1991 г.), подготовлен на основе его книги “Peripheries and Center: Constitutional Development in the Extended Politics of the British Empire and the United States” (Athens, 1986). Американский ежегодник, 1991.

отражали бы эти документы. Напротив, они считали свои хартии не главными компонентами конституций, а, как и в случае с Великой хартией вольностей, просто законным подтверждением английской короной их прав, которыми они обладали в силу своего рождения и принадлежности к английскому народу. Так или иначе, но королевское правительство впоследствии взяло назад, аннулировало, купило или пересмотрело хартии большинства колоний. К 1750 г. хартии сохраняли только Мэриленд, Коннектикут, Род-Айленд, Пенсильвания и Массачусетс[1]. В самом деле, как и английская конституция до Славной революции, некоторые колониальные конституции с самого начала являлись в основном неписанными обычными конституциями, которые медленно развивались на основе серии прецедентов, защищавших и расширявших унаследованные права колонистов как англичан. Можно считать, что хартии, на первоначальном этапе выполняли роль колониальной конституции. - Несмотря на малое количество чартерных колоний, в определенном смысле все они показали влияние хартий, которые лежали в основе большинства из них. Как уже было сказано, эти хартии были документами, (выданными Короной отдельным лицам или объединенным компаниям), предоставляющими грант на землю, дающими план для руководства компании, определяющими их права. В теории эти хартии были окончательно вступившими в силу (без права отзыва Короной), хотя и подлежащими конфискации; но до Революции у Парламента не было ни единого шанса на вмешательство в уже принятую хартию. Стюарты, однако, безнаказанно и без достаточных на то причин аннулировали хартии; но при ганноверцах эта незаконная практика прекратилась.[2]

Большинство колоний вернули хартии, которые они не так давно уступили или которых лишились, но Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд продолжали самоуправляться, в соответствии с их хартиями, вплоть до Революции[3]. Мы уже обращались к вопросу о том, как самые первые хартии превратились в основной закон Массачусетса и Вирджинии, и как другие колонии воплотили в более поздних хартиях более совершенную систему правительства, смоделированную по об-

[1] Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд, 1630-1642., 1980.
[2] Согрин В.В. Политическая история США. XVII-XXвв. –М., 2001.
[3] Там же.

разцу одной или другой систем. Эти поздние хартии номинально создали корпорации, поэтому правовая фикция торговых компаний была сохранена, но во всех намерениях и целях, Хартия Коннектикута 1664 была своего рода Конституцией, признанной Королем. Она, таким образом, получила одобрение населения, что было необходимо для превращения ее в конституцию, и одобрение Короля, что было необходимо для колониальной конституции. В то время как другие хартии отражают эти идеи с меньшей степенью совершенства, они были довольно хорошо развиты, чтобы сделать их практически аналогичными.

Рассмотрим в качестве примера Хартию провинции Массачусетс, дарованной английской короной в 1691 г.[1]

Начинается Хартия с приветствия королевской четы:

«Уильям и Мэри, по божьей милости, Король и Королева Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитники веры, и т.д. Всех, до кого этот документ должен дойти, приветствуем[2].

Принимая во внимание, что его величество покойный Король Джеймс Первый, наш королевский предшественник, в соответствии с его жалованной грамотой, скрепленной большой печатью Англии, датированной в Вестминстере в третий день ноября, на восемнадцатом году его правления, действительно давал и предоставлял совету, учрежденному в Плимуте в округе Девон, для насаждения (озеленения), руководства, упорядочения и контроля Новой Англии в Америке, и их наследникам и (право)преемникам и назначает, что вся та часть Америки, расположенная в широте от сорока градусов северной широты, от (небесного) экватора до сорок восьмого градуса упомянутой северной широты, включительно, и в длину всей вышеизложенной ширины на всем протяжении земель от моря до моря, вместе со всеми почвами, грунтами, участками земли, гаванями, портами, реками, водами, ловами рыбы, шахтами(рудниками) и полезными ископаемыми, также королевские золотые и серебряные рудники, и другие шахты и полезные ископаемые, драгоценные камни, карьеры, и все множественные или единичные другие доходы,

1 The charter of the province of the Massachusetts bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T. B. wait and co., 1814.
[2] Ibid.

полномочия, арендные выплаты, привилегии и преимущества в пределах упомянутой территории, и также в пределах островов и смежных морей»[1].

И далее «И тогда несколько человек, нанятых как доверенные лица в интересах нашей колонии в Заливе Массачусетс в Новой Англии, сделали свое скромное заявление к нам, чтобы мы были рады в соответствии с нашей королевской грамотой включать наших подданных в (число жителей) вышеназванн(ой)ую колонию, и предоставлять и подтверждать такие их полномочия, привилегии и свободы, в нашей королевской мудрости, которые максимально способствовали бы нашим интересам и службам, и благополучию и счастливому положению наших подданных в Новой Англии: И мы любезно удовлетворяем прошение наших вышеназванных подданных; и также до конца наши законопослушные подданные в пределах нашей колонии Нью-Плимута в вышеупомянутой Новой Англии, могут быть подчинены такой форме правления, которая сможет дать им лучшие условия защиты, и также рассматривается предоставление им нашей королевской грамоты, как к нашим подданным в упомянутой колонии Залива Массачусетс, с разумными полномочиями и привилегиями, что в последствии будет иметь тенденцию не только к безопасности, но и к процветанию положения наших подданных в упомянутых частях Новой Англии»[2].

В Хартии были указаны органы власти колонии, которые должны были исполнять волю монарха.

«И далее, для нас, наших наследников и преемников, устанавливаем и предписываем, что с этого времени и навсегда будет один губернатор; один помощник или заместитель губернатора; и один секретарь вышеназванной провинции или территории, время от времени назначаемый и уполномоченный нами, нашими наследниками и преемниками; и восемь и двадцать ассистентов, или консультантов, для того, чтобы советовать и помогать губернатору вышеназванной области (провинции) или территории на время, как сей документ указывает и назначает:

[1] Ibid. p. 24.
[2] Ibid. p. 25.

вышеназванные консультанты или помощники должны быть учреждены, избраны и выбраны таким способом, как будет представлено далее в этом документе»[1].

В документе также говорилось о законодательном собрании.

«Далее, мы желаем, с помощью этого документа для нас, наших наследников и преемников, предписываем и предоставляем созывать и проводит губернатору большое законодательное собрание или ассамблею на некоторое время каждую последнюю среду мая каждого года всегда и в любое другое время, когда губернатор сочтет необходимым это сделать; большое законодательное собрание или ассамблея должны состоять из губернатора и совета или помощников; и таких свободных землевладельцев (фригольдеров) нашей области или территории которые будут время от времени избираться или направляться большей частью фригольдеров и других жителей соответствующих городов или мест, которые должны присутствовать на таких выборах; каждый из упомянутых городов и мест, настоящим уполномочиваем выбирать и направлять двух человек и не больше служить и представлять их в упомянутом большом законодательном собрании или ассамблее.[2]

Большому законодательному собранию или ассамблее, которая созывается как ранее было сказано, настоящим документом для нас, наших наследников и преемников, даем и предоставляем власть и полномочия время от времени направлять, назначать и объявлять, какое количество человек каждый округ, город и место должны выбрать и направить служить и представлять в упомянутом большом законодательном собрании или ассамблее.[3]

Предусматриваем, что никакой фригольдер, или другой человек, не должны иметь право голосовать на выборах членов, предназначенных служить в большом законодательном собрании или ассамблее, которая созывается как уже было сказано, кто во время таких выборов не имеет имущества фригольда («свободное держание») на земле в пределах вышеназванной области или территории, стоимостью сорок шиллингов в год как минимум: или другого имущества стоимостью сорок фунтов стерлингов: и каждый человек, который должен быть избран, прежде, чем

[1] Ibid. p.27.
[2] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814. Mass. Stats. 1. 425.201.
[3] Ibid. p. 36.

он будет заседать или работать в упомянутом большом законодательном собрании или ассамблее, дает присягу (клятву), упомянутую в парламентском законе, изданном на первом году нашего правления и называемом «Акт отречения в верности и верховенстве и утверждения иных присяг (клятв)»[1].

Губернатор в настоящее время должен иметь полномочия и власть время от времени, как он сочтет необходимым, прерывать, откладывать и распускать все большие законодательные собрания или ассамблеи, собранные и созванные как вышеупомянутые.[2]

Наша воля и желание, выражаемые этим документом, для нас, наследников и преемников, предоставляем, устанавливаем и предписываем, чтобы ежегодно, один раз в год отныне, вышеупомянутое восемь и двадцать советников или помощников должно быть выбраны законодательным собранием или ассамблеей, недавно выбранной; то есть как минимум по восемнадцать жителей, или землевладельцев в пределах территории колонии Залива Массачусетс; и как минимум четыре жителя, или землевладельца в пределах территории называемой ранее Нью-Плимут; и по крайне мере три жителя, или землевладельца в пределах территории называемой Область Мэйн; и по крайне мере один житель, или землевладелец в пределах территории, лежащей между рекой Сагадахок (Sagadehock) и Новой Шотландией.[3]

И упомянутые консультанты или помощники или любой из них, может быть в любое время освобожден от обязанностей или смещен с должности или лишен доверия консультантов или помощников любого большого законодательного собрания или ассамблеи; и если любой из упомянутых консультантов или помощников умрет, или окажется смещен, как было сказано, перед общим днем выборов, то в каждом таком случае в большом законодательном собрании или ассамблее на первом заседании, можно провести новые выборы одного или более консультантов или помощников, в комнате или ином месте консультантов или помощников, которые умерли или смещены.[4]

И о суде.

---

[1] Ibid. 43.
[2] Ibid. p. 51.
[3] Ibid. p. 53.
[4] Ibid. p. 57.

«И далее мы предоставляем право и предписываем, что для упомянутого губернатора законно, с уведомления и согласия совета или помощников, время от времени назначать судей, специальных уполномоченных по слушанию и решению дел, шерифов, ректоров (мэр, офицер полиции), маршалов, мировых судей, и других чиновников, к нашему совету и принадлежащим судебным органам»[1].

В Хартии как правовом акте конституционного характера говорилось о полномочиях губернатора, законодательного собрания и судов.

«И мы настоящим предоставляем и предписываем, чтобы губернатор, или лейтенант, или заместитель губернатора области или территории, в настоящее время, или любые два или больше из совета или помощников на тот момент, когда они будут назначены упомянутым губернатором, могут всегда, и время от времени после этого, иметь полномочия и власть управлять и принимать присяги, назначенные указанным законом парламента, принятого на первом году нашего господства, вместо присяг на верность и верховенство, всех и каждого человека или группы людей, которые теперь обитают и проживают в пределах нашей области или территории, или которые будут приезжать туда жить.[2]

И мы по нашей милости, компетентности и чистого намерения, предоставляем, устанавливаем и предписываем, для нас, наших наследников и преемников, что большое и законодательное собрание или ассамблея нашей области или территории, созванная как уже было сказано, должна всегда иметь полномочия и власть учреждать и составлять суды и суды письменного производства, или другие суды, от нашего имени, имени наследников наших и преемников для слушания, проведения расследования (выяснения обстоятельств дела) и определения способа совершения преступлений, проступка, ссоры, процессов, исков, действий, дел, причин и т.д., возникающих или случающихся в пределах нашей области или территории; между людьми, проживающими там независимо от того уголовное дело или гражданское, упомянутые преступления тяжкие или нет, и упомянутые жалобы вещные, личные или смешанные (mixt); и для вынесения решения исполнения наказания: судам и юрисдикционным органам (судам), настоящим документом, для нас, наших

[1] Ibid. p. 59.
[2] Ibid. p. 63.

наследников и преемников, даем и предоставляем полномочия и власть, время от времени приводить к присягам для лучшего нахождения правды (истины) в любом спорном вопросе или зависящем от них.[1]

И для нас, наших наследников и преемников, даем и предоставляем, упомянутое законодательное собрание или ассамблея должны иметь полномочия и власть назначать и определять ежегодно всех государственных служащих в пределах упомянутой области, такие чиновники исключительны, выборы и устройство, которое мы имеем согласно этому документу сохранены для нас, наших наследников и преемников, или губернатора нашей области в настоящее время, изложение нескольких обязанностей, полномочий и пределов деятельности каждого такого чиновника, который будет назначен упомянутым законодательным собранием или ассамблеей.[2] Формы присяг, не противоречащих законам и уставам нашего королевства Англии, которые будут в указанном порядке осуществляться ими для выполнения их обязанностей и прохождения службы; и также взимать штрафы, денежные взыскания, заключать в тюрьму, и исполнять другие наказания; облагать и взимать соразмерные и разумные налоги, тарифы и таксы на имущества людей, владельцев и жителей нашей области или территории, являющиеся результатом распоряжения и предписания за подписью губернатора области, с уведомлением и согласием совета, для службы и необходимой защиты и поддержке нашего правительства области или территории, и охраны и защиты жителей там.[3] Согласно таким действиям, которые применяются или будут применяться в пределах нашей области; и распространить те дела и идеи, посредством которых нашим подданным, жителям нашей области, можно было добросовестно, мирно и вежливо управлять, защищать и оказывать поддержку; чтобы их хорошая жизнь и мирные отношения смогли убедить индейцев, уроженцев страны, к познанию и повиновению единственному истинному Богу и Спасителю человечества, и Христианской веры, Его королевское величество наш королевский дедушка Чарльз Первый, в сво-

---

[1] Ibid. p. 67.
[2] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814г. Mass. States. 1.425.201.
[3] Ibid.

ей вышеназванной жалованной грамоте высказывал такое свое королевское намерение, и чтобы покончить с профессией авантюриста на данной плантации.[1]

Не обходила Хартия и свободы подданных.

«Наша воля и желание выражаются в том, что мы делаем настоящим для нас, наших наследников и преемников, предоставляем, устанавливаем и предписываем, что все и каждый из наших подданных, наших наследников и преемников, которые должны прибыть и жить в пределах нашей области и территории, и каждый из их детей, которые родятся там (в Новой Англии), или в морях по направлению туда, или по возвращению отсюда, будут обладать и пользоваться всеми свободами и иммунитетами свободных и обыкновенных подданных в пределах любого из наших доминионов, наших наследников и преемников, со всем намерениям и целями, как будто они и каждый из них родились в пределах нашего королевства Англии. [2]

И для большей свободы и поощрения наших возлюбленных подданных, населяющих вышеназванную область или территорию Залива Массачусетс, и тех, кто прибудет, чтобы жить там, этим документом мы, для нас, наших наследников и преемников, предоставляем, устанавливаем и предписываем, что всегда должна быть свобода совести, выражающаяся в поклонении Богу всеми христианам (кроме папистов), населяющими или теми, которые будут населять вышеназванную область или территорию».[3]

Мы остановились на анализе данного документа столь подробно, чтобы показать, что такие же хартии существовали и в других колониях.

В тех колониях, которые лишились своих хартий, правительство сохранялось за счет точных инструкций, определяющих его структуру и влияние хартии отчетливо видно в решительных протестах людей любому произвольному изменению духа или формы правления. Делались частые отсылки к правам, закрепленным в хартии, даже если она была раньше аннулирована как таковая. Настойчивые и

---

[1] Ibid.
[2] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814. Mass. Stats. 1. 425. 201.
[3] Ibid.

довольно успешно принятые претензии, выраженные Вирджинией[1] в адрес северо-западных территорий, берущие начало в ее хартии 1612 года, есть ни что иное как типичный пример этого явления. Так что, в ограниченной степени все колонии обладали и пользовались привилегиями писаной конституции.

Во всех этих колониях, если гражданин считал, что колониальный закон противоречит хартии, он имел право на вынесение этого вопроса в суд для урегулирования (с правом обжалования у торговых лордов), то есть этот принцип схож с нынешним правом, даруемой федеральной Конституцией.

Структура же власти в колониях, исходя из хартий была следующей[2].

Губернатор. - В восьми из тринадцати колоний губернатор был представителем Короля. Он назначался Короной и мог быть убран по усмотрению. Пребывание в должности было, как правило, коротким, и были они людьми вполне обычными, лишь с некоторыми отличительными чертами. Где избрание было в руках народа, срок был равен одному году, но обычным делом было переизбрание удовлетворяющего всех год за годом. Полномочия губернатора сильно варьировалась в зависимости от степени успешности претензий законодательной власти на долю в управлении и он обладал правом абсолютного вето на все законы, которые впоследствии подлежали пересмотру Королем. Губернатор часто отвечал за государственные земли, назначал чиновников на все должности, включая судей, осуществлял право помилования, командовал всеми вооруженными силами колонии и в целом обладал самой сильной властью в правительстве. Ему часто помогал консилиум, который во многих случаях был верхней палатой законодательного органа и к этому консилиуму он обращался за советами, однако он редко был связан его взглядами, т.к. консилиум не обладал правом управления администрацией.[3]

---

[1] Билль о правах Вирджинии 1776 г. // http:www.e-reading.ws/bookreader.php/146881/Makinerni_-_SShA_Istoriya_strany.html

[2] Томас Джефферсон [Thomas Jefferson] Заметки о штате Вирджиния [Notes on the State of Virginia]. Вопрос XVII в.: Сочинения Томаса Джефферсона [Thomas Jefferson Writings] под ред. Меррилла Д. Петерсона [Merrill D. Peterson]. – Изд-во «Лайбрари оф Америка» [Library of America], 1984. С. 285.

[3] C.H. Linkoln, The Revolutionary Movement in Pennsylvania 1760-1776; C.L. Becker, The History of Political Parties in the Province of New York, 1760-1776; J.F. Jameson, The American Revolution Considered as a Social Movement.

Законодательная власть. - В королевских колониях законодательная власть была возложена на одну или две палаты представителей и губернатора. В большинстве королевских колоний отношение законодательной власти к исполнительной было, по большому счету, таким же, как в самой Англии в начале семнадцатого века, т.е. список полномочий ассамблеи не ограничивался утверждением законопроектов, предложенных губернатором[1]. Даже в финансовой сфере у них были полномочия инициативы. В колониях, где локальное самоуправление было более распространенным и более недвижимым, законодательные органы вносили на рассмотрение большинство законопроектов, хотя влияние губернатора на законодательный процесс было значительным.[2]

К 1763 году двухпалатная система использовалась повсеместно, за исключением Пенсильвании, Делавэра и Джорджии. Нижние палаты всегда избирались населением или из городов, округов, или из других районов. Сроки полномочий были короткими. Касаемо верхних палат, те, что были в Коннектикуте и Род-Айленде, избирались избирательными округами, те, что в Массачусетсе, избирались ассамблеей. В других колониях они обычно назначались непосредственно губернатором[3].

Когда законопроекты принимались законодательным органом, оставалось еще несколько препятствий, которые нужно было преодолеть для превращения в действующий закон. Во-первых, существовало вето губернатора (за исключением Пенсильвании). Далее, законопроект мог быть отклонен как противоречащий хартии (если она была) или законам Англии, что могло быть сделано судьями колонии, или, что было куда более распространено, торговыми лордами. Наконец, законопроект мог быть отклонен палатой Лордов как нежелательный для Короля[4].

Развитие двухпалатной системы парламента. Несмотря на то, что перед глазами у колоний был наглядный пример английской двухпалатной системы парламента, однопалатный законодательный орган существовал в колониях на протя-

---

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] H. von Holst, The Constitutional and Political History of the United States, I, ch. IV. 1832.
[4] Ibid.

жении большей части семнадцатого века. Члены палаты представителей заседали с помощниками губернатора, за исключением некоторых случаев. Конституцией Локка в Каролине была сделана попытка установить две отделенные друг от друга палаты с исключительным правом инициативы, возложенным на верхнюю палату, но на практике это не было осуществлено[1]. В Пенсильвании эта модель была воплощена в действительность, но реакция на это была настолько сильна, что в 1696 верхняя палата не только потеряла право инициативы, но фактически влилась в ассамблею, с которой заседала до Революции. В большинстве остальных колоний сильные противоречия между населением и губернаторами в течение первой половины восемнадцатого века привели к разделению двух частей парламента, таких разных по своему участию, характеру и методу назначения. В Новой Англии, хотя и ассамблея, и помощники губернатора выбирались населением, влияние парламентарной системы, старых обычаев Массачусетса и метода избрания помощников по округам привели к полному разделению двух палат.[2]

Рост полномочий колониальной ассамблеи. - Хотя столь популярные ассамблеи были привычны повсеместно в 1700, нельзя сказать, что за пределами Новой Англии их власть была очень сильна. Однако в течение следующей половины века, благодаря различным противостояниям с их губернаторами, они получили огромное развитие. Губернаторы, представляющие Короля или собственника, часто были очень высокого мнения о своих прерогативах и очень низкого о правах людей. Точка зрения представительных ассамблей была абсолютно противоположной, поскольку в хартии об этом не оговаривалось и Массачусетс утвердил за ассамблеей право вносить все законопроекты, связанные с финансами. Это утверждение не было позволено ни американской, ни английской властью, но было основой для колониальных притязаний. Существовало постоянное противоборство по вопросу о том, должен ли оклад губернатора быть постоянным, или он должен обновляться из года в год, но в 1735 торговые лорды отказались от попыток установить в Массачу-

[1] Ibid.
[2] Town of Gorham (Maine), Proceedings, January 7, 1773. Massachusetts Historical Society, Boston Committee oh Correspondence letters received, Photostat. P. 274.

сетсе постоянное жалованье.[1] В Вирджинии ассамблея получила преимущество, приобретя право назначать казначея - невиданный успех; но в целом на юге преимущество было у губернаторов, в то время как на территории севернее Мэриленда преуспевали ассамблеи. Хотя, нельзя предполагать, что противостояния были только по вопросам жалования. Столкновения были по поводу предоставления незанятых земель (полномочие губернатора как представителя Короля), и по поводу обложения налогом на имущество[2]. Но по какому бы то ни было поводу, все сводилось к тому, что ассамблея отказывалась утверждать жалованье губернатора до тех пор, пока он не сделает то, что хочет сама ассамблея; и так как губернаторы редко оставались на своем посту надолго, их временные нужды были для них куда важнее вопроса конституционных прав, так что ассамблеи обычно побеждали.[3]

Эти конфликты имели как положительную, так и отрицательную стороны. Они вызвали огромную неприязнь между населением и губернаторами, хотя она никогда не распространялась на Короля, а также они мешали ведению бизнеса. С другой стороны, они поддерживали интерес населения к государственным делам, развивая дух независимости, обучали людей руководству колониальными правительствами, и, наконец, произвели на свет такое «общепонятное», «народное» правительство, какого не было нигде. Но даже эти преимущества не были чистыми для слоев с правом голоса и особенно для их представителей, посланных в ассамблею, пытающихся осуществлять права, которых у них не было, и считавших, что любое вмешательство в их притязания было проявлением тирании.[4]

Важным моментом было закрепление в первых конституционных актах свободы подданных. Политические свободы. - Мы уже отметили, в какой степени колонии были самоуправляющимися. Начав с двух республик, которые избирали практически всех своих должностных лиц (локальных и общих), мы проходим че-

---

[1] Quoted in Richard D. Brown, Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns (Cambridge: Harvard University Press, 1970), p. 88.
[2] Ibid. p. 91.
[3] Ibid.
[4] Алексис де Токвиль [Alexis de Tocqueville] Старый режим и революция [The Old Regime and the Revolution], под ред. Франсуа Фюре [Francois Furet] и Франсуа Мелонио [Francois Melonio], пер. Алана С. Кахана [Alan S. Kahan]. - Изд-во Чикагского университета [University of Chicago Press], 1998. С. 162-163.

рез серию перемен, до тех пор, пока не находим колонии, особенно к югу от Вирджинии, которые не обладали местным самоуправлением и власть ассамблеи в которых была крайне мала. За исключением Новой Англии, Вирджинии, Мэриленда и Пенсильвании, ранняя история колоний говорит о том, что население было маленькое, и не имело влияния на власть. Позднее были созданы ассамблеи, хотя и созывались нерегулярно, и в некоторых случаях им была разрешена доля участия в местном самоуправлении. Но более чем для половины колоний во все времена система избирательного права была ограниченной и зависимой от воли губернатора. В Вирджинии избирательное право было настолько узким, что право голоса имела очень малая часть населения, в то время как важнейшими полномочиями обладал лишь правящий класс[1]. В Новой Англии религиозный ценз был окончательно отменен (1691) благодаря усилиям Короны и замещению имущественным цензом. Это исключило участие около 90% совершеннолетних мужчин в колониальных выборах и как минимум половины от участия в городских собраниях. Даже Род-Айленд поступился со своими ранними принципами и влился в общее движение. Единственным исключением была Пенсильвания, которая сохраняла верность принципам, изложенным Пенном, но даже здесь голосующий должен быть свободным собственником или налогоплательщиком. В общем, мы можем сказать, что в течение восемнадцатого века религиозный критерий не допускал к выборам никого, кроме протестантов; в то время как на севере требовалось имущество определенной ценности, а на юге требовалось обладание поместьем определенного размера.[2]

Экономические свободы. - Дух семнадцатого и восемнадцатого веков был куда менее благоприятен экономическим свободам, чем в наше время. Ощущение того, что одна страна становится богатой за счет обеднения другой, было довольно распространенным, и многие ощущали, что они оказывались в преимуществе, ограничивая привилегии других. Колонии больше рассматривались как источники прибыли, чем как реальные части метрополии. Законы о судоходстве, принятые в

[1] Там же. С. 165-167.
[2] Полное собрание сочинений Роджера Уильямса [The Complete Writings of Roger Williams]. – Изд-во Расселл и Расселл [Russell & Russell], 1963. Т. 5. С. XXI.

Англии, гармонировали с этими идеями, так как они стремились ограничить торговые отношения между колониями и другими государствами (кроме Англии) и дискриминировали все суда кроме английских и американских.[1] Коммерческая деятельность между колониями была запрещена (1673), промышленное производство по большей части тоже (1719, 1732) и торговля самыми прибыльными предметами дохода Англии натыкалась на препятствия в виде таможенных пошлин на сахар и черную патоку (1733). Хорошо известно, что эти законы не соблюдались до 1760, но если бы это было не так, последовали бы большие трудности. Тем не менее Англия была не единственной страной в этой дискриминации. Каждая колония приняла бесчисленное количество законов похожего характера. Иностранцы, даже англичане, испытывали трудности в ведении многих видов бизнеса[2]. Законодательство диктовало правило в интересах господствующего класса, и даже мелочи образа жизни не избежали государственного вмешательства. Постоянно издавались законы, регулирующие оплату труда, хоть они и не имели эффекта. Обычаи усложняли отход от родового ремесла, а урегулирование срока обучения препятствовало мобильности трудовых кадров. Но несмотря на все эти назойливые ограничения, сложно сказать, что где-то еще на земле достигли такого уровня экономических свобод, как в Америке.[3]

Помимо различий в Конституции и в центральных органах, росли различия в гражданских и политических свободах. Жизнь в колониях создала, тем не менее, равенство, какого не существовало в Англии. Законы, появляющиеся в колониях, зачастую предшествовали появлению тех, которые принимались в Европе. Ассамблея Массачусетса была куда более представительной, чем английский Парламент[4], а избирательные права Коннектикута были в 5 раз либеральнее тех, что были в Йоркшире, в то время как количество голосующих в Пенсильвании было в 2 раза больше, чем в Коннектикуте. Маленький размер колоний приучил широкие слои

---

[1] Стратанович В.Ф. Промышленное развитие североамериканских колоний Англии в XVII-XVIII вв. // Уч. зап. Московского областного педагогического института им. Н.К. . – Т.171. – Вып.7. –М., 1966.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] “Samuel Eliot Morrison, The Maritime History of Massachusetts, 1783-1860 (1921; Boston: Houghton, Mifflin, 1961), 187.

населения делать то, чем занимались только некоторые лица в Англии, таким образом средний американец относился к своим права намного ревностней среднего англичанина. Другими словами, «речь идет по существу об определении ценности личности и общества, государства, иных форм коллективного бытия людей друг для друга, что в философии, социологии, этике выступает как проблема соотношения общества и личности и их интересов, а в юриспруденции – прав и обязанностей гражданина и государства, нации, народа, иных ассоциированных форм человеческой жизнедеятельности»[1].

Вопреки положениям ранних хартий английские должностные лица никогда не изъявляли желания признать в полном объеме претензии колонистов на все права, содержащиеся в английской конституции. По этой причине сама природа этих конституций быстро стала объектом спора между королевским правительством и колониями, наподобие того, как природа английской конституции была главным пунктом борьбы между короной и парламентом в Англии XVII в.

Многие споры, которые породила повсюду эта проблема, вращались вокруг двух принципиальных вопросов: обладают ли колонисты всеми преимуществами, положенными им по английским законам, и могут ли ассамблеи представителей, созданные в начале существования каждой колонии, издавать для их населения законы, имеющие по колониальным конституциям такой же статус, какой по английской конституции имеют законы Палаты общин[2].

Королевская администрация никогда не разделяла притязаний колонистов на твердые гарантии их прав в соответствии с английскими законами. Тем не менее посредством широкого использования юридических прецедентов и статутов колониальным судьям удалось постепенно обеспечить колонистам эти права через обычаи и практику судопроизводства. Хотя большую часть эмпирических исследований, необходимых для подкрепления этого тезиса и показа истинного масштаба и характера заимствования английских законов в колониях еще только предстоит вы-

---

[1] Эбзеев Б.С. Социальная солидарность как позитивное основание государственности и права России (к методологии исследования) // Конституция, личность и суд современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н.В. Витрука. М.: РАП, 2013. – С. 79.

[2] См. Э.Б. Грин, Провинциальная Америка 1690-1740 (Am. Ряд Нации, VI).

полнить, факт ослабления в первой трети XVIII в. требования гарантий действия английских законов в колониях убедительно свидетельствует о том, что к тому времени провинциальные и местные суды уже повсеместно утвердили в этом обширном регионе основанные на обычаях права колонистов.[1]

Действуя аналогично, колониальные ассамблеи выдвигали свои жесткие и зачастую повторные требования к английским властям. Они формулировали их согласно своей юрисдикции, приравниваемой к юрисдикции Палаты общин в Британии. Хотя королевская администрация признавала право ассамблей принимать законы, она тем не менее всегда настаивала на подчиненности этих институтов, подобно органам управления английских корпораций, которые не имели всех парламентских прав и привилегий[2]. Однако благодаря тому, что ассамблеи контролировали финансы колоний, и без их согласия королевские губернаторы не могли должным образом управлять колониальным законодательным органам постепенно удалось получить на деле такую власть, в которой королевская администрация им теоретически отказывала.

В дальнейшем это приводит к эволюции как формы, так и содержания правовых актов конституционного характера, через принятие конституций. Конституции колоний североамериканских штатов в отличии от хартий были шагом в сторону будущей демократии, и особая заслуга ее создателей в том, что это было примером письменной конституции как основы управления, - конституции, которая могла быть прочитана и понята всеми и каждым, и не могла быть изменена по желанию одного человека или небольшой группы людей[3]. Например, Конституция Штата Массачусетс (1780 г.) формулирует свою цель, которая должна гарантировать «народу исключительное право самоуправления в свободном, суверенном и независимом штате; обладает и пользуется ныне и в будущем всеми теми полномочиями, компетенцией и правами, которые непосредственно не переданы им Соединенным Штатам Америки в лице Конгресса США» (ст. 4). В ст. 5 фиксируется, что

---

[1] William Barney. The Passage of the Republic: An Interdisciplinary History of Nineteenth-Centure America. Lexington, Mass., 1987. P. 48.
[2] Ibid. p. 51.
[3] W.F. Dodd, “Constitutional Convention,” Cyclopedia of American Government, I, p. 425.

«вся власть изначально принадлежит народу и исходит от него, все представители власти и должностные лица, которым дана законодательная, исполнительная либо судебная власть, являются его доверенными лицами и агентами и всегда несут ответственность перед ними» [1].

Статья 6 гласит: «Ни один человек, ни одна корпорация либо объединение людей не должны иметь каких-либо преимуществ, особых и исключительных привилегий, отличных от тех, которые доступны всему обществу, если только они не явились признанием особых заслуг перед обществом; эти права не передаются по наследству и не могут быть уступлены детям либо потомкам или кровным родственникам, поскольку сама идея о человеке, рожденном представителем власти, законодателем либо судьей абсурдна и противоестественна»[2].

Сама Конституция штата Массачусетс имеет три части: Преамбула, Декларация прав жителей Содружества наций штата Массачусетс и Структура правительства. Преамбула и первая часть Конституции устанавливают структуру правительства, чья основная цель - защита безопасности каждого и спокойное пользование естественными правами и благосостояние жизни. «Учреждения управляющего правительства должны обеспечивать существование государства, защищать его и обеспечивать индивидуумов, которые составляют его целое, в безопасности и спокойствии их естественных прав, и благосостояния жизни, и всякий раз, когда эти цели не достигнуты, люди имеют право изменять правительство и применять меры, необходимые для их безопасности, процветания и счастья»[3]. Наиболее ярко эту идею закрепляет ст. VII Конституции: «Правительство установлено для общего блага; для защиты, безопасности, процветания и счастья людей, а не для прибыли. Поэтому люди имеют бесспорное, неотчуждаемое и неоспоримое право назначить правительство; и преобразовывать, чтобы изменить, или полностью заменить его, когда их защита, безопасность, процветание и счастье требуют этого»[4]. В Декларации прав жителей Содружества наций штата Массачусетс содержались право на

1 The Constitution of the Commonwealth of Massachusetts. 1780. Boston, 2002. Art. VII.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Ibid.

жизнь, свободу и собственность, свободу труда, равенство перед законом и иные права. Также есть обязанности, в основном подразумевающие, что каждый индивидуум обязан вносить свою долю в расходы правительства и оказывать свою личную помощь при необходимости; он обязан бережно и осторожно относится к выбору должностного лица и сохранять бдительность в своих действиях. Часть, закрепляющая структуру правительство, описывает должностные лица и институты для исполнения решений и воплощения законов.[1]

Что создатели Конституции имели в виду, когда они посвятили себя и своих соотечественников преследованию этих идеалов? Кратко можно сделать вывод и дать определение этим важным словам, для того, чтобы они были традиционно поняты: свобода означает отсутствие принуждения или силы, или способности человека под взглядами и оценками другого человека выполнить свои собственные планы вместо того, чтобы подвергнуться желанию другого. Закон означает распределение обязанностей и прав в обществе так, чтобы люди могли жить вместе в мире и гармонии. Под законной свободой подразумевалась свобода личности, которая признавала потребность в некотором отношении ограничить свободу, и отклоняла понятие того, что у человека должна быть абсолютная свобода делать то, что ему или ей нравится независимо от прав других[2]. Без сдержанности законности и правопорядка не может существовать свобода и демократия. Правосудие означает обеспечение людям того, что законно принадлежит им, и вознаграждению людей согласно тому, что они заработали или заслуживают. Равенство возможности и равенство перед законом обычно расцениваются как признаки правосудия в свободном обществе, в отличие от равенства результата или условия, которое должно быть наложено принуждением. Демократия в ее конституционном понимании на протяжении более чем двух столетий сопрягается с правовым государством, вне которого она в принципе невозможна[3].

---

1 A Declaration of the Rights of the Inhabitants of the Commonwealth of Massachusetts. Boston, 2002. Art. XXIX.

[2] Ibid.

[3] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. – Москва: Проспект, 2014. - с. 4.

Чтобы понять свободу, порядок, и правосудие, думают об их противоположностях: рабство, беспорядок, и несправедливость. Цель хорошей конституции состоит в том, чтобы позволить обществу иметь высокую степень свободы, порядка, и правосудия.[1] Ни одна страна никогда полностью не достигала прекрасной свободы, порядка, и правосудия, и, по-видимому, ни одна страна не достигнет этого, потому что люди и человеческие общества очень несовершенны. Создатели конституций штатов не ожидали достигнуть совершенства человеческой натуры или правительства. То, что они действительно ожидали, должно было «сформировать более совершенный союз» и превзойти другие страны и эры в установлении хорошего политического закона[2].

Здесь можно справедливо согласиться с российским ученым С.М. Шахраем, который указывает, что конституция должна стать ядром кристаллизации порядка из хаоса «эпохи перемен»[3], что наглядно было продемонстрировано на примере североамериканских штатов. Исследователь российской конституции последовательно приводит свои аргументы (хотя речь идет о Конституции России, они на наш взгляд характерны и для конституций штатов и федеральной Конституции США). Какие же это аргументы?

Во-первых, в новой российской Конституции был заложен целый ряд идей и принципов, которые одинаково важны для всех граждан независимо от их политических взглядов. Это признание высшей ценностью человека его прав и свобод. Это политическая стабильность и территориальная целостность страны. Это социальный и светский характер государства. Это выборность органов власти и местное самоуправление. Уважение к культуре и традициям всех национальностей, составляющих многонациональный российский народ. Это идеологическое многообразие и политический плюрализм. Это равное признание и защита всех форм собственности, включая частную. Таким образом, закрепив эти и многие другие принципиальные положения, Конституция тем самым сформировала необходимую идеоло-

---

[1] Там же.

[2] Конституция Российской Федерации. Изд-во «Юридическая литература», 2014.

[3] Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / С.М. Шахрай; Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013.-с. 14-15

гическую базе для общественного согласия, поскольку включила в себя идеи и принципы, которые равным образом разделяют самые разные политические силы – и консерваторы, и коммунисты, и демократы.[1]

Во-вторых, в ситуации острого конфликта и невозможности быстрого достижения консенсуса для решения проблем применялась специальная технология, когда вместо фиксации спорных моментов происходило закрепление алгоритмов поиска согласия. Эти алгоритмы не зависели от природы конфликта и были нейтральны по своей сути.[2]

Исходя из этого, Конституция была написана как очень небольшой по объему и во многом процедурный документ. То есть она не носит характер инструкции, не содержит готовых ответов на вопросы, которые объективно появляются (и появлялись!) в ходе нового государственно-политического строительства, а описывает новый порядок и процедуры, которые следует применять для решения возникающих проблем. В частности, Конституция содержит правила и процедуры, которые должны применяться в случае, если возникает конфликт между различными ветвями власти или между федеральным центром и регионом.[3]

В-третьих, и это, очевидно, самое важное, Основной закон создавался как образ желаемого будущего, а не как отражение ситуации, сложившейся на момент его принятия. Таким образом, с исторической точки зрения Конституция не была причиной перемен. Она выполнила роль организующего начала. С одной стороны, Конституция ограничила стихию общественного творчества жестким коридором реальных политических и правовых возможностей. С другой стороны, она задала четкие векторы движения, поставила стратегические цели развития общества и государства, которые должны быть реализованы в конкретных правовых актах, решениях и действиях.[4]

В результате с исторической и политической точки зрения новая Конституция стала не идеологической декларацией, но согласованным и, что крайне важно,

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Шахрай С.М. Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013. С. 15-16.
[4] Там же.

юридически оформленным общенациональным проектом – проектом строительства новой России[1].

В этом на наш взгляд и состояла суть эволюции формы и нового содержания правовых актов колоний, когда колонисты осознали, что помимо защиты свободы, порядка и правосудия конституция считает должностных лиц непосредственно ответственными перед людьми. Это означает, что правящий класс или должностные лица должны быть ответственными - в соответствии с конституцией - в тех мерах, которые они предпринимают в то время в государстве. При действительно конституционном правлении ни мужчине, ни женщине нельзя осуществлять произвольную власть - т.е. игнорировать законы или общие права всякий раз, когда это удобно сделать. Все чиновники должны считаться ответственными перед установленными властями, такими как суды, действующие по нормам общего права, к законодательному органу, и голосующей общественности, и не должны освобождать себя от законов, которые им предписаны. Должностные лица также должны считаться ответственными перед финансовыми инспекторами и должны подвергнуться от удаления из офиса до импичмента за «высокие преступления или проступки», такие как злоупотребление властью или неправильное пользование государственными средствами.[2]

[1] Там же.

2 Dicey V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution (Indianapolis: Liberty Fund, 1982).

§ 3.3. Конституционные истоки федеративного выбора США

Идеи и лексикон федерализма стали популярными среди политической элиты североамериканских колоний, а затем и штатов в конце XVII — начале XVIII веков под влиянием борьбы за независимость. Государственные деятели и идеологи американской революции использовали идеи федерализма для принятия местных конституций и урегулирования конфликтных ситуаций с метрополией[1].

Однако во внутриполитическом и общественном обиходе Америки сам федерализм играл гораздо более скромную роль, поскольку социально-политический и культурный контекст имперской модели не способствовал восприятию федералистских представлений даже в среде просвещенной политической элиты[2].

В последние десятилетии колонисты неоднократно пытались добиться от английских властей твердых гарантий своих конституционных прав, но их аргументы сводились к тому, что за предшествующие 150 лет в Англии сложилась неписаная обычная конституция, которая сильно отличалась от конституций отдельных североамериканских колоний. Как утверждалось, согласно этой развивавшейся английской конституции, страна организована на федеративной основе, причем законодательные функции распределены между местными законодательными органами, следовательно, английский парламент обладает неограниченными полномочиями только в вопросах, входящих в компетенцию самой метрополии в целом. Доказывалось, что эти основанные на обычае положения конституции и ограничивали полномочия английского парламента по отношению к колониям, т.к. парламент не мог поступать иначе, как подчиняться неписаной английской конституции[3].

Однако широко распространенная в Англии приверженность доктрине верховенства парламента привела к тому, что лишь немногие могли подумать о каком-либо ограничении его власти. Возникшая в этой связи тупиковая ситуация и привела 13 колоний к тому, что в 1776 г. они потребовали независимости, т.к. в колони-

---

[1] B.Y. Andrew C. McLaughlin. Constitutional history of the United States. D. Appleton-century company incorporated New York London 1936 Copyright, 1935, by D. Appleton-century company, inc.

[2] Ibid.

[3] Аптекер Г. Колониальная эра. – М., 1961.

альную эпоху их конституции почти полностью покоились на неписаных обычаях и традициях[1].

Будучи глубоко разочарованными в 1765 - 1775 гг. неудачными попытками склонить английское правительство к признанию неписаных конституций, колонисты в 1776 г. немедленно приступили к облечению их в исчерпывающую и конкретную письменную форму[2].

Вопреки мнению многих исследователей, данный анализ конституционного развития Англии и колоний до создания США предполагает, что в начале современной эпохи решения, принимавшиеся в центрах мировой политики, одним из которых была в то время Англия, приобретали силу закона только вследствие их полной или частичной ратификации на периферии. Если бы Англия обладала необходимыми средствами принуждения (которых у нее в то время не было), то она могла бы, вероятно, и на имперской периферии реализовать все решения центра. Однако подчинение периферии центру означало бы признание отсутствия или крушения власти, что, как прекрасно понимало большинство англо-американских политических мыслителей, всегда зависело лишь от точки зрения[3].

На практике же все политические и конституционные мероприятия в рамках государственного устройства метрополии в начале современной эпохи зависели от согласованности многих ее компонентов, т.е. чтобы санкция с места придавала конституционную силу любой позиции центра и наоборот. Конституционные обычаи и доктрины могли исходить либо из центра, либо с периферии, но они не должны были получать законную силу вне того места, откуда они исходили, - будь то империя в целом - до тех пор, пока не одобрялись всеми заинтересованными сторонами[4].

Как истоки, так и результаты Американской революции дают классическое подтверждение справедливости такого положения. Между 1765 и 1775 гг. метрополия была не в состоянии, не прибегая к силе, обеспечить согласие колоний с ее

---

[1] Там же.
[2] McClellan James, Liberty, Order, and Justice: An Introduction to the Constitutional Principles of American Government (3rd ed.) (Indianapolis: Liberty Fund, 2000.)
[3] Ibid.
[4] Ibid.

взглядами на конституционную структуру государства. И лишь после почти восьми лет войны выяснилось, что для выполнения этой задачи ей не хватает воли и ресурсов, что не осталось другой альтернативы, кроме как позволить бывшим колониям идти собственным, независимым путем. Имея за плечами такой опыт, политические лидеры Соединенных Штатов в 1770-1780 гг. сразу поняли, что без формального и вполне определенного согласия нескольких составляющих союз политических образований никакого нового центра для американского альянса создать невозможно[1].

В этом смысле нет никаких оснований полагать, что поток разнообразных местных направлений конституционного развития немедленно воплотился бы в факте создания Соединенных Штатов путем некоего повсеместного введения конституционной системы в последнем десятилетии XVIII в. Нет также оснований считать, что послужившие основой конституционного процесса местные обычаи немедленно исчезли с введением в действие всеобщей писаной конституции. Представляется вероятным, что большее внимание к местному аспекту конституционного развития после становления американской нации (определение «местный» применяется как к штатам, так и к федерации) выявило бы существенную преемственность в истории конституционного развития колониального и постколониального общества. Это значительно обогатило бы знание всех аспектов данного вопроса и помогло бы полнее определить взаимосвязь конституций и будущего федеративного государства.[2]

Словарь американской политической культуры также отразил влияние классического наследия Америки. Слово Английская конституция получено от латинского «constitutio», что означает набор законов или постановлений, изданных римским императором. Среди других терминов, президент и федерализм уходят корнями в римскую историю; римский термин сенат был применен создателями американской Конституции в избирательном доме законодательной власти их федерального правительства, хотя метод выбора сенаторов в Америке должен был

[1] The Papers of Thomas Jefferson. Edited by Julian P. Boyd et al. Princeton: Princeton University Press, 1950.
[2] Ibid.

очень отличаться от того, как это было в Риме. Гамильтон и Мэдисон, авторы Федералиста, писали от имени Публия статьи, ссылаясь на Публиуса Валериуса древнего римлянина, известного защитой римской республики.[1]

Три важных политических понятия, взятые американцами из римского опыта были доктринами республиканизма, политического достоинства, и сдержек и противовесов. Хотя теоретически республика была бы любой формой правления, кроме монархии, а это, как понимали американцы, означало правительство, в котором люди были бы главными. В небольшом городе Новой Англии они могли бы управлять непосредственно самостоятельно, но в более крупном масштабе люди должны будут управлять косвенно через свободно выбранных представителей[2]. Защита этой формы правительства в восемнадцатом столетии была радикальной идеей, и много европейских мыслителей, привыкнув к монархии, рассматривали республиканизм как глупый и неосуществимый пережиток прошлого. Республики могли бы быть подходящими для греческого города-государства или швейцарского кантона, но они слишком непостоянны для того, чтобы управлять чем-либо большим. Внутренний крах римской республики под весом коррупции и беспорядка, приводящего к тирании и возможному разрушению страны, казалось, подтверждал эту точку зрения. Фактически, коррупция ниспровергла и свалила почти каждую республику, которая когда-либо существовала[3].

Однако, американские лидеры полагали, что республиканизм предложил единственную надежду на сохранение свободы, и что республиканизм мог быть успешно восстановлен, если бы ошибки прошлого были поняты и не повторены. Они думали, что эта цель была достижима, если будет разработана республика, которая бы поощряла общественное достоинство, принцип оживления республиканского правительства, и препятствовала коррупции, характерной

---

[1] См.: М. Фаррэнд. Компромиссы Конституции. Американская история Революции. IX. Стр. 479.

2 Richard Bernstein, Are We a Nation? The Making of the American Constitution (Cambridge: Harvard University Press, 1987). Trevor Colbourn, The Lamp of Experience (Indianapolis: Liberty Fund, 1997).

[3] Ibid.

республиканской власти. Размышления Шарля Монтескье, Джеймса Харрингтона (воображаемое Содружество наций), письма Алджернона Сидни, писем Томаса Гордона и его переводы римских историков - подчеркнули угрозу коррупции и обеспечили наглядные примеры того, как этого можно было бы избежать.[1]

Прежде всего, американцы оценили республиканское превосходство, и американским лидером, который ценил это больше всех, был Джордж Вашингтон. История, распространенная Пастором Вимсом, что Вашингтон не мог «сказать неправду», когда он как-то обвинялся в срубании вишневого дерева, была мифом; и все же в этом была доля правды, поскольку Вашингтон был истинным государственным служащим, честность и целостность которого были выше упрека[2]. Если бы он был человеком, жаждущим власти и славы, он, возможно, использовал бы свою популярность среди американского народа, чтобы короновать себя или установить военную диктатуру, как сделал Наполеон Бонапарт во Франции. Но Вашингтон скопировал поведение во время войны и политику Цинцинната, великого римского патриота и государственного деятеля, который никогда не искал себе власти, ответил на требование Рима, когда это было необходимо, и возвратился к плугу, когда прошел кризис[3]. После Революции пример Вашингтона, общая апелляция к Цинциннату, и патриотическое рвение американских лидеров войны за независимость вдохновили создание Общества Цинцинната, организации для служащих в Континентальной армии. Сначала некоторые политические деятели выразили беспокойство, когда появилось Общество, считали, что это могло быть частью военного заговора, чтобы свергнуть правительство, но известная враждебность Вашингтона по отношению к таким идеям скоро заставила эти страхи отступить. Общество все еще существует как живущий мемориал патриотизму американского революционного солдата и как напоминание о том, что дух республиканского достоинства, как представлено жизнью и карьерой Цинцинната, вел Вашингтон и другие американские лидеры в

---

[1] Paul Merrill Spurlin, Montesquieu in America, 1760-1801. (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1940).

[2] Плешков В.Н. «Общество Цинцинната» // Вопросы истории. – 1973.- №11. – С.214-219.

[3] Там же.

своей борьбе за свободу[1].

Для делегатов в Филадельфии самой интересной особенностью римской республиканской конституции была своя система проверок власти мужчин в органе государственной власти, и балансирование власти среди различных государственных учреждений[2]. Американцы узнали об этих учреждениях из истории Полибия, греческого государственного деятеля, вынужденного долгое время жить в Риме. Два римских консула, римский Сенат, составленный из богатых и влиятельных людей, которые раньше занимали важные должности, прежде чем стать сенаторами; римское собрание, или собрание простых людей - эти три организации обладали отдельными полномочиями. И римская конституция («ненаписанная») включала другие положения, чтобы препятствовать тому, чтобы любой класс подавлял другие классы, и для того, чтобы сохранить республиканскую форму правления. Римская конституционная система, хваленая Полибием как лучшая конституция его эпохи, была тесно связана с выгодной организацией гражданского права, и с «высоким старым римским превосходством» - традиционная римская этика, требующая почтение и храбрость[3].

Фактические формы сдержек и противовесов, которые американцы включили в Конституцию в 1787, были получены не столько из английского прецедента и из американского колониального опыта, а непосредственно от римской модели. Примеры из истории римской республики были обоснованы создателями федеральной конституции как укрепление американского понятия политических сдержек и противовесов.[4]

Таким образом, можно заметить, что видение американцев большой и растущей федеративной республики приписано из летописи римской республики. Хотя Римская республика потерпела неудачу из-за долгих гражданских войн в первом столетии, и вытеснилась Римской империей, этот римский опыт, и упадок,

---

[1] Декларация причин и необходимости взяться за оружие 1775 г. // http://www.infousa.ru/government/dmpapers5.htm

[2] Там же.

[3] Friedrich A. Hayek, The Constitution of Liberty (Chicago: University of Chicago Press, 1960).

[4] Джек Н. Раков [Jack N. Rakove] Джеймс Мэдисон. Сочинения [James Madison: Writings]. Лайбрари оф Америка [Library of America], 1999. С. 683.

который обрушился на римскую цивилизацию через столетия, были и в умах многих американских лидеров конца восемнадцатого столетия. Мрачные последствия политической централизации Римской империи убедили многих создателей Конституции в том, что американское правительство должно быть федеральным, а не центральным - так же, как некоторые делегаты указали на отсутствие единства греков как на предупреждение против исчезновения американской республики как слабой конфедерации. Кроме того, римская борьба классов напомнила американцам, что они должны стремиться примирить различные группы и интересы через собственную конституционную систему.[1]

Таким образом, Рим был политическим и моральным примером, предостерегающим американцев ранней республики. Великая история упадка и разрушения Римской империи Эдуарда Гиббона была опубликована между 1776 и 1783, периодом американской Революции, и ее подробные данные, была отчетливы в умах делегатов принимавших конституцию[2].

Все это произведет большое влияние на принятие Конституции Соединенных Штатов спустя две тысячи лет после того, как Полибий написал похвалу римскому государству и учреждениям. Другим непосредственным и практическим примером конституционного развития федеративного устройства были как ни странно сама Англия и колониальные политические структуры[3].

Поэтому стремление делегатов в Филадельфии в 1787 было урегулировать потребность в сильном федеральном правительстве с требованием государственного суверенитета, местной автономии, и личной свободы. Они не могли найти в истории древнего мира такую идеальную конституцию, которая смогла бы достигнуть этой цели. Спустя много лет после принятия конституции - один из политических мыслителей США О. Бронсон сказал, что миссия Америки при Боге состояла в том, чтобы понять истинную идею политического государства.

---

[1] Джеффри Х. Морисон (Jefry H. Morison). Учреждение Американской Республики (John Witherspoon and the Founding of the American Republic). – Изд-во Нотр-Дамского университета (University of Notre Dame Press), 2005.
[2] Alfred Kelly, Winfred Harbison, and Herman Belz, The American Constitution: Its Origins and Development 7th ed., 2 vols. (New York: W.W. Norton, 1991).
[3] Ibid.

Миссия Америки состояла в том, чтобы дать полное понятие Содружеству наций, «которое обеспечивает сразу и власть общественности и свободу частного лица - суверенитет людей без социального деспотизма, и свободы личности без анархии... Греческие и римские республики утверждали государство в ущерб свободе личности; современные республики или делают то же самое, или утверждают свободу личности в ущерб государству. Американская федеративная республика была установлена провидением, чтобы понять свободу каждого с преимуществом для другого».[1]

Говоря о влиянии английских конституционных традиций на федеративную модель, нужно конечно видеть много серьезных различий между английской и американской конституцией. Как мы отметили ранее, английская Конституция не является формальной конституцией и содержится во многих правовых актах. Среди них: (1) определенные права и уставы, которые расцениваются как часть основного закона, (2) принципы, полученные из общего права, и (3) большое разнообразие политических и юридических обычаев и традиций. Уставы, которые обладают конституционным статусом, являются теми, которые имеют дело с распределением и осуществлением власти, и теми, которые гарантируют определенные свободы[2]. Три больших политических документа, которые, по существу, ограничивают или согласовывают различия между короной и страной (людьми и их представителями) выделяются как видные ориентиры в английской конституционной истории. Это - Великая хартия вольностей (1215), Петиция о праве (1628), и билль о правах (1689), которые составляют «Библию английской Конституции». Многие из частных прав, гарантируемых в этих документах позже вновь появляются в первых конституциях штатов и федеральной конституции, а также в билле о правах. Содержащийся в Великой хартии вольностей пункт о правах, например, позже стал известным как «подлежащий

1 Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville) Старый режим и революция (The Old Regime and the Revolution), под ред. Франсуа Фюре (Francois Furet) и Франсуа Мелонио (Francois Melonio), пер. Алана С. Кахана (Alan S. Kahan). – Изд-во Чикагского университета (University of Chicago Press), 1988.

2 James Bryce, The American Commonwealth. 2 vols. (Indianapolis: Liberty Fund, 1995).

праву закон», можно найти в Пятой и Четырнадцатой поправках Конституции Соединенных Штатов. Великая хартия вольностей часто расценивается как скопление англо-американских привилегий, потому что она установила принцип, что все англичане, а не только палата лордов, наделены правом на личную свободу, и что никакой человек, включая короля, не стоит выше закона[1].

Конституционные истоки федеративного выбора США содержались в других более принципиальных различиях английской и американской конституцией, которые касались вопроса суверенитета. Суверенитет имеет самый высший правительственный орган или орган правовой защиты, а в соответствии с английской Конституцией, юридический суверенитет находится в Парламенте. Парламент, другими словами, является высшим органом, и его власти не могут бросить вызов корона или судебная власть.. Парламент решает для себя, являются ли его законы конституционными. Однако, в британской истории, и, особенно, во время американского революционного периода, бросался вызов определенным английским уставам на том основании, что они были «неконституционными». Американские политические лидеры, например, утверждали, что Акт о гербовом сборе, облагаемый налогом, был «неконституционным» [2]. Этим они имели в виду, что в их суждении устав находился в противоречии с простыми английскими свободами и должен быть аннулирован и их апелляция была направлена Парламенту, потому что английские суды не обладали такой юрисдикцией. В отличие от этого, суверенитет в американской конституционной системе находится непосредственно в Конституции, которая является высшим законом страны. Если сторона утверждает, что определенный закон конгресса является «неконституционным», то Конгресс может аннулировать устав, но также он может при определенных условиях направить дело в суд и получить судебное решение данного вопроса.[3]

---

[1] Ibid.

[2] Джордж Вашингтон [George Washington] Сочинения [Writings] под ред. Джона Роудхамела [John Rhodehamel]. – Изд-во: Лайбрари оф Америка [Library of America], 1997. С. 71.

[3] Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. -М., 1985.

Английские и американские политические системы также различимы на основе разделения полномочий. У англичан - парламентская система правительства, тогда как у американцев - президентская система. И в обеих системах функции правительства разделены на законодательные, исполнительные, судебные, но четкого разделения персонала нет. Формальный глава государства в английской системе монарх, но фактически премьер-министр. Члены правительства также имеют место в Парламенте, а Премьер-министр, например, фактически имеет место в Палате общин (нижняя палата) и является лидером победившей партии[1]. С другой стороны, Президент Соединенных Штатов более независим от законодательного органа, т.к. он избран гражданами в целом, а не членами Конгресса. Он может фактически быть членом политической партии, которая находится против партии большинства под контролем одного или обеих палат конгресса. В отличие от английской системы, членам палаты представителей и Сената Конституция США запрещает участие в исполнительной власти. Вот почему американцы отступили от английского примера разделения полномочий и предпочли федеративную модель от монархического, унитарного устройства[2].

Однако, многими другими признаками, эти две конституции довольно похожи и английское влияние можно различить. Конгресс и Парламент являются двухпалатными законодательными властями, состоя из двух уровней. Члены палаты общин, как таковые и из палаты представителей, избраны из одномандатных округов на относительно короткое время. Спикер осуществляет контроль над обеими палатами, хотя спикер палаты общин является нейтральной фигурой, которая не голосует и не участвует в слушаниях[3]. Оба уровня расценивались как «более низкие» уровни и имели больше участников, чем «верхние» уровни. Поскольку они подвергаются более частым выборам и представляют избирательный округ, члены парламента палаты общин и палата представителей также обычно расцениваются ближе к народу[4]. Палата лордов

[1] Joseph M. Bessette and Jeffrey Tulis, The Presidency in the Constitutional Order (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1981).
[2] Ibid.
[3] George W. Carey, In Defense of the Constitution (Indianapolis: Liberty Fund, 1995).
[4] Ibid.

прекратила существовать как независимый орган, равный Палате общин, и в настоящее время довольно не похожа на влиятельный Сенат Соединенных Штатов. Однако в 1787 у них были некоторые общие черты. Хотя Сенат был создан для того, чтобы представлять интересы штатов, а не американских граждан, и Сенат и Палата лордов были расценены как более исключительные организации, которые будут иметь влияние над более представительными нижними палатами. Оба были свободны от прямого контроля; многие (но не все) члены палаты лордов сохраняли свои унаследованные места и Сенаторы были избраны законодательными собраниями штата, а не людьми. Таким образом, двухпалатная система была одобрена и в Англии и в Америке как устройство для того, чтобы ограничить законодательный орган, который представлял различные избирательные округа с различными интересами, в двух палатах вместо одной для того, чтобы ни одна политическая группа не могла доминировать над всей законодательной властью.[1]

Аналогично, федеральная судебная система, принятая создателями Конституции в 1787, имела штамп английской Конституции. В соответствии с обеими конституциями, судебная власть была установлена как независимое отделение, хотя и не абсолютно свободная от законодательства и контроля со стороны исполнительной. Судьи назначаются главой государства на неустановленный срок, и остаются на скамье, пока они осуществляют «правомерное поведение», и не могут быть уволены кроме как посредством импичмента. Их зарплаты не могут быть сокращены законодательным органом, в то время пока они вершат правосудие. Это усиливает их независимость, препятствуя тому строгому законодательному органу, которое пытается повлиять на судебную процедуру через манипуляцию судебными зарплатами[2].

Многими другими способами американский федерализм и конституционализм, письменный или ненаписанный, внедрен в английских методах и обычаях. Почти без исключения, все свободы личности, включая политическую свободу и право на имущество, которые гарантируются в

---

[1] George W. Carey, The Federalist: Design for a Constitutional Republic (Urbana: University of Illinois Press, 1989).

2 Donald S. Lutz, Origins of American Constitutionalism (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988).

Федеральной Конституции и конституциях штатов; могут быть прослежены в английских прецедентах. Представительное правительство, или то, что называется республиканской традицией, является основой американского федерализма и конституционализма. Но это - традиция, унаследованная от Англии, и американские революционные лидеры по достоинству оценили этот факт[1].

Декларация независимости влекла за собой потребность установления региональных правительств. Отделение от метрополии означало, что колонии больше не были колониями Англии, а стали независимыми государствами - штатами. Ранние стадии процесса перехода были частью конфликта с метрополией. Революционное движение, в то время когда оно было все еще в начале уже ставило цель порвать с метрополией в целом и обязательно стремилось создать новую форму законного правительства.

Континентальный Конгресс естественно был заинтересован в учреждении реальных правительств в колония, которые должны были приступить к работе по моделированию правительств, способных не только на сопротивления, но и на выполнение работ самостоятельного Содружества наций.

Первый важный шаг был сделан провинциальным конгрессом Массачусетса. Эта колония отправила официальное письмо (датировано 16 мая 1775) Континентальному Конгрессу, который обратился за обещанием подчиниться такому «общему плану», который Конгресс мог бы направить колониям[2]. В начале июня Конгресс ответил на запрос и было решено, что, «чтобы соответствовать духу и сущности устава, провинциальному Конгрессу нужно рекомендовать написать письма жителям нескольких мест, которые представлены на Собрании, чтобы они выбрали представителей, и что собрание будет избирать советников, а эти советникиолжны осуществлять полномочия правительства, пока губернатор, посредством назначения его Величества, не согласится управлять колонией согласно ее уставу»[3].

В конце того же самого года Нью-Хэмпшир послал подобный запрос, на

---

[1] See James Sullivan, “The Antecedents of the Declaration of Independence,” Am. Hist. Asso. Report for 1902, I, pp. 65-81.
[2] Laid before Congress October 18, 1775. Answered November 3, 1775.
[3] November 4, 1775.

который ответили практически в той же самой манере. Скоро получили рекомендации Южная Каролина и Вирджиния[1]. В этих трех случаях совет Конгресса был более ясен чем в ответе Массачусетсу, который высказал идею независимого представительного органа, способного установить правительство и эта идея в ее основных принципах была проста[2].

Весной (май 1776) резолюция с очень выразительной и заключительной преамбулой была представлена на Конгрессе. Она объявила, что на все полномочия правительства должно влиять руководство людей, и что это было рекомендовано собраниям и соглашениям объединенных колоний, где не было установлено никакой власти, чтобы принять такое правительство, которое должно было, по мнению людей, лучше всего способствовать их счастью и безопасности и Америке вообще. Таким образом, прошел почти год между советом Массачусетса и общей рекомендацией колониям, тогда как многие все еще убеждали себя, что установленные правительства должны были быть временными, пока не будет улажен спор с родиной, но это означало, что колонии должны были впредь быть свободными и независимыми штатами[3].

Превращение колоний в Содружество наций, принципы, на которых должны были быть основаны эти новые государства, были очень важны. И поскольку принципы покоятся на действительности и стабильности, методах и механизме, посредством которых были установлены и организованы штаты, они имеют важное значение. Авторы конституции утверждали, что все граждане были первоначальными обладателями и источником власти. Такие правовые акты были фундаментом американского аргумента против Англии, т.к. у граждан Америки могли создать правительство и установить пределы его власти юридическими нормами. Адамс объявил, что все люди «должны совещаться друг с другом, и мы

---

1 December 4, 1775.

2 Декларация и резолюция Первого Континентального конгресса 1774 г. // American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder.census.gov.

3 In the above sentences the resolution of May 10 and the preamble adopted on May 15 to accompany the resolution are abbreviated and woven together. We can see in these resolutions the basis of the conversation reported by John Adams: "Mr. Duane called it to me, a machine for the fabrication of independence. I said, smiling. I thought it was independence itself, but we must have it with more formality yet." John Adams, Works (C.F. Adams, ed.), Ill, p. 46.

должны понять теории самых мудрых авторов и пригласить людей возводить целое здание своими руками на самом широком фундаменте»[1]. Принципы конституционной теории должны были быть проверены на практике, а для этого их нужно было реализовать с наибольшей точностью. Для этого было необходимо (1), вовлечь в политику основную часть людей; (2), избрать орган, представляющий людей, обязанность которых состояла бы в том, чтобы сформировать правительство и определить, если потребуется, пределы его власти; (3), дать людям, первоначальным обладателям власти, возможность прохождения предложенной конституции и даровать правительству законное право управлять; (4) орган, составляющий конституцию, нужно резко отличить от законодательного органа - действующий как временное революционное правительство и законодательный орган для восстановления новой системой. Это было необходимо, потому что не должно быть никакого подмена производной власти правительства в отличие от неотъемлемых прав людей. Орган, который принимал конституцию, не должен был, поэтому, издавать законы в обычном значении слова. Если согласно соглашению должна была быть принята не только конституция, но также и акт о законодательном органе, то законодательство и конституция могли бы оказаться в одной и той же плоскости. Если бы конституция происходила от соглашения и не была формально ратифицирована людьми, то производный характер правительства не мог бы существовать дальше[2].

Совершенно очевидно, что, чтобы обеспечить жизнь, свободу, счастье людей, правительство должно установлено среди людей и наделено своими законными полномочиями с согласия управляемого.[3]

Необходимо сказать несколько слов о Новой Английской Конфедерации, которая также оказала влияние на истоки федеративного выбора. Между колониями не существовало реального согласия во взаимодействии и они находилась в такой изоляции, что мысли о союзе казались ничем иным, как «сдачей» своих прав тому, кто отказался признать их права. Причина этих настроений крылась в том

1 Ibid., III, p. 16.
2 Ibid., III. P. 21.
3 April 10, 1787. See The Records of the Federal Convention of 1787 (Max Farrand, ed.), III, p. 16. 1973.

факте, что Корона сама предприняла попытку создать такой союз с целью облегчения и усиления контроля над колониями.[1]

Существовали, конечно, и другие силы, работающие над созданием союза, но никто из них, опираясь, как это было раньше, на общность языка, традиций, институтов, не был достаточно силен, чтобы преодолеть людские предрассудки и страх перед Короной. Среди этих «объединяющих факторов» самым распространенным и наиболее влиятельным был страх перед всеобщим восстанием индейцев, который и послужил причиной созыва конгресса в Нью-Йорке в 1690, в Олбани в 1754[2]. По факту, эта причина была основополагающей для создания Новой Английской Конфедерации и будущей федерации. Эта лига четырех свободно вступивших колоний (Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Нью-Хейвен) не была прочным союзом, так как, хотя центральное правительство и формировалось из двух комиссаров от каждой колонии с некоторыми номинальными полномочиями по союзным вопросам, но в то же время у них не было абсолютно никакой власти обеспечивать выполнение своих решений. Союз не вмешивался в местное самоуправление, так как у каждой колонии остался полный контроль над внутренними делами[3].

В Союзе была ценность, которая заключалась в урегулирований межколониальной экстрадиции и объединении усилий колоний против голландцев и, что наиболее важно, против индейцев. Религиозная ограниченность Союза проявляется в отказе принятия еретического Род-Айленда и неверующего Мэна, а полезность Союза постоянно снижалась за счет длящейся оппозиции других колоний. Но за сорок лет Союз не только сделал действия колоний более эффективными, но и направил их на совместные дела.[4]

Не было недостатка в других проектах союза, в частности, предложенный Пенном в 1698, и проводилось множество конгрессов, в которых представитель-

---

[1] See Madison's preface to the debates in the Federal Convention, Documentary History of the Constitution, III, p. 7. 1956.
[2] Ibid.
[3] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814. Mass. Stats.
[4] See also a letter from Madison to Jefferson, March 18, 1786, in Charles Warren, The Making of the Constitution. 1984. p. 16.

ство имели от двух до пяти колоний. Самым важным среди конгрессов и самым ценным среди проектов были предложенные колонией Олбани в 1754. Конгресс был созван для заключения соглашения с племенем Ирокезов, с целью предотвращения их помощи французам в приближающейся схватке. Семь колоний были представлены своими лучшими представителями. Заключение договора было быстро отправлено на второй план после осознания необходимости создания военного союза.[1] Франклином был предложен проект, который был принят с несколькими изменениями, по которому создавалась должность генерального президента, назначавшегося короной, обладающего полномочиями исполнительной власти и военного командования с правом назначения на посты. Колонии должны были иметь представительство в ассамблее, в зависимости от дохода, который они приносили в казну союза.[2] Будучи, по сути, совещательным органом, ассамблея имела полномочия назначения сборов и колониальных налогов в виде прямого предписания колониям, которым гарантировались все существовавшие права. Хоть проект и был принят единогласно на конгрессе, так же единогласно его осудили в законодательных органах колоний, к тому же он не получил одобрения в Англии. Комментарий, сделанный Франклином, показывает причину неудачи этого проекта и отношение колоний и Короны друг к другу: «Во всех ассамблеях считали, что в проекте заложено слишком много прерогатив, в Англии же считали, что он был слишком демократичным». Та эпоха еще не созрела для согласованных действий и ничто кроме большого национального подъема не могло создать великий национальный Союз[3].

Истоки будущего федеративного государства можно увидеть и в идее и практике формирования конфедерации. Хотя предложение создать статьи конфедерации было сделано в один день с предложением независимости от 12 июля 1776, конфедерация оформилась только к 1781. Хотя, существенным был факт того, что

---

[1] Journals of Congress (1823 ed.), IV, pp. 619-620.

[2] Letter from Morris to Franklin, January 11, 1783, in The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States (Francis Wharton, ed.), VI, p. 203.

[3] Материалы Федерального Конвента 1787 года [The Records of the Federal Convention of 1787], исправл. ред. – Изд-во Йельского университета [Yale University Press], 1966. Т. 1. С. 150-152.

отделение от метрополии означало создание союза колоний как в умах видных государственных деятелей, так и в действиях Конгресса. В июне 1776 был собран комитет в составе одного человека от каждого штата, и отчет, сделанный 12 июля. Судя по той дискуссии, большинство делегатов желало наделить Конгресс теми полномочиями, которые он осуществлял в то время; но когда этот вопрос был поднят через год, ситуация сменилась коренным образом, так как штаты стали куда более ревностно относиться к своим правам и требовали полного принятия своих позиций за счет жертвования общими интересами. У штатов был свой путь, и союз, куда более слабый, чем предложенный в 1776 году, был выдвинут Статьями Конфедерации, принятыми Конгрессом 15 ноября 1777 года, которые были посланы в штаты для одобрения[1]. Тем не менее, нет резонных оснований полагать, что чувства людей по поводу штатов и национальных прав были полностью отражены в Статьях. Для всех союз был необходимостью, но для многих он был необходимым злом[2]. Несмотря на несовершенство Статей, довольно удивителен тот факт, что какой-либо союз вообще мог сформироваться, если принимать во внимание чувство самодостаточности у штатов, крайнюю политическую ограниченность, которая руководила их поведением, и реакцию против национализма, которая началась с 1776 года. Учитывая все это, ратификация продвигалась очень медленно и к июлю 1778 года десять штатов согласились на условия Статей и Конгресс настоятельно призвал остальные штаты дать свое согласие.[3] К маю 1779 только Вирджиния откладывала принятие, и она отказывалась до тех пор, пока ее сильные соседи не уступят западные территории, которые угрожали ее безопасности. Наконец, когда действия Нью-Йорка и Вирджинии обеспечили контроль Конгресса за этими землями для общего блага, Мэриленд дал свое согласие. Таким образом, первого марта 1781 года, после пяти лет утомительных усилий, Союз был установлен, что было важным шагом для создания будущей федерации.[4]

Какой была характеристика Конфедерации? Она называла себя лигой (штатов) государств, которая поддерживала их «суверенитет, свободы и независимость

[1] Там же. С. 154.
[2] Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. – М., 1978..
[3] Journals of Congress (1823 ed.), IV, pp. 730, 737.
[4] Secret Journals of the Acts and Proceedings of Congress, III, 1981. pp. 452-454.

и любые полномочия, юрисдикцию и права, которые Конгресс делегировал соединенным штатам». Идея о том, что суверенитет принадлежал отдельным штатам, а не стране в целом, подтверждается положением о том, что каждый штат, будь то большой и маленький, должен иметь один голос в Конгрессе и требованием того, что Статьи могут быть изменены только единодушным согласием легислатур штатов. Однако, существовали ограничения, наложенные на штаты и говорящие о том, что они не были суверенными, например, штатам не позволялось посылать послов, заключать договоры с иностранными державами, налагать таможенные пошлины, нарушающие договоры соединенных штатов, содержать армию, объявлять войну.[1] Центральным правительством при Конфедерации было ни что иное, как конгресс делегатов, выбранных по штатам, с существенными дипломатическими и несущественными законодательными полномочиями, и без исполнительных как в теории, так и на практике. Судебная власть данного органа была ограничена юрисдикцией апелляционной инстанции по делам, касающимся споров между штатами[2]. Законодательные полномочия включали право выпуска денег, право реквизировать у штатов суммы на оплату затрат правительства и людей в количестве, достаточном для ведения войны, создавать военно-морской флот и, наконец, объявлять войну и заключать мир; но по всем значительным вопросам абсолютно необходимыми были голоса девяти штатов. Как было сказано, Статьи были созданы с единственной целью получить минимальный результат с максимальными усилиями.[3] Но в одном отношении Конфедерация отличалась от всех предыдущих союзов в лучшую сторону - она осознала существование единого гражданства и гарантировала гражданам одного штата, пребывающем в другом, все права граждан этого другого штата.[4]

Коренным недостатком Конфедерации было отсутствие суверенной власти в Соединенных Штатах. Этот недостаток проявлял себя множеством способов. Центральное правительство не могло иметь дело с гражданами кроме как через

---

[1] Proposals to Amend the Articles of Confederation, 1781-1789 (American History Leaflets, A.B. Hart and Edward Channing, eds., no. 28.). 1963.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] George Bancroft, History of the Formation of the Constitution, II, 1971. pp. 373-377.

штаты, то есть его действия были направлены на штаты, а не на физические лица, что было причиной того, что Конгресс мог провозглашать что угодно, но не мог ничего делать. В вопросах исполнения законов, получения доходов, образовании армии, поправок к Статьям, правительства штатов могли вмешиваться в действия Конгресса, и в некоторых случаях всего лишь один штат мог отклонять важные решения. Поскольку военное принуждение таких штатов было немыслимым, Конгресс по сути потерял ту мощь, которая принадлежала ему в номинале. Практически невозможным стало вовремя собрать кворум в Конгрессе, так как штаты либо пренебрегали выбором делегатов, либо сами делегаты не считали важным посещать заседания и конгресс потерял не только свои полномочия и влияние, но и самоуважение.[1]

Падение Конфедерации произошло, в известной степени, благодаря всем ее недостаткам, но особенно благодаря отсутствию полномочий на контроль коммерции и невозможности получать доходы. Пока длилась война, Соединенные Штатам везло на получение кредитов у Франции и Голландии, а также они могли получать некоторые суммы в своих штатах; но они не всегда могли выплачивать проценты по кредитам, поэтому кредитование значительно уменьшилось после 1783[2]. Уже была попытка ввести бумажные деньги, но безуспешная, так что единственным средством, оставшимся у Конгресса, чтобы оплатить свои расходы, было распределение между штатами сумм, которые они должны уплатить для поддержки Конгресса.[3] Так как не было способов заставить штаты уплачивать эти суммы, и так как у самих штатов были проблемы с финансами, конгресс тщетно ожидал хотя бы малую часть того, что он просил. Из пятнадцати миллионов, запрошенных у штатов с 1781 по 1786 годы, было выплачено меньше двух с половиной миллионов, а с 1784 по 1788 только один миллион из десяти запрошенных попал в федеральную казну.[4]

---

[1] Ibid. p. 381.
[2] Ibid. p. 385.
[3] Ibid. p. 387.
[4] История Первого Федерального Конгресса Соединенных Штатов Америки в документах [Documentary History of the First Federal Congress of the United States of America]. – Изд-во: Джон Хопкинс [Johns Hopkins Press], 1986. Т. 4. С. 17.

Были сделаны две попытки изменить Статьи Конфедерации, чтобы предоставить центральному правительству полномочия на регулирование иностранной торговли и наложение таможенных пошлин на импорт по своей воле. При каждой попытке поправки не проходили потому, что только один штат возражал. Рекомендация от 3 февраля 1781 года была издана, чтобы показать необходимость предоставления Конгрессу полномочий на сбор пятипроцентного налога, использующегося исключительно для возмещения процентов и государственного долга и на это согласились все штаты кроме маленького Род-Айленда[1]. Второе заявление было сделано 30 апреля 1784 года, предлагающее ввести пятипроцентную или более пошлину на 25 лет по нескольким перечисленным статьям, с полномочиями у Конгресса регулировать коммерцию, при этом сбор пошлин должны были производить федеральные чиновники. Поправка не прошла из-за отказа Нью-Йорка, который настаивал на том, чтобы пошлины собирались в его собственных портах, а затем выплачивались Конгрессу в обесцененном денежном эквиваленте. Все эти случаи показывали, что Статьи Конфедерации были основным законом Соединенных Штатов до тех пор, пока не будут заменены на более совершенную Конституцию[2].

Самосознание не всегда измеряется силой государственного правительства и как только правительство становилось слабее, вовлеченность людей в политический процесс становилась все больше. В течение войны их скрепляло чувство общей угрозы; но как только военные условия исчезли, и они вернулись к своей повседневной жизни, штаты обнаружили большее количество причин, чтобы быть вместе, чем раньше. Говоря кратко, мы рассматриваем еще три аспекта истоков федерации: коммерция, государственные земли и религиозные институты.

а) Потребность в государственном контроле за коммерцией. - Так как все иностранные дела были предоставлены Конгрессу, регуляция коммерции была единой по всей стране. Каждая часть Соединенных Штатов чувствовала свою собственную выгоду в том случае, если иностранная торговля вырастет, и что все они были задеты коммерческой дискриминацией Европы и невозможностью заключать приемлемые торговые договоры. В вопросе торговли между штатами они осознали

[1] Letter From Marshall to Wilkinson, January 5, 1787, in Am. Hist. Rev., XII, p. 348.
[2] Ibid. p. 351.

еще большую необходимость единой законодательной базы. Свободная торговля между штатами не предоставлялась Статьями, поэтому каждый штат облагал пошлинами любой товар от своих соседей по своему усмотрению[1]. Так как торговля между штатами была обширной и развивающейся, и каждый штат образовал свой набор пошлин для собственного блага, результатом явилось не только ухудшение торговли, но и образование напряженной атмосферы, вследствие которой некоторые штаты приняли репрессивные законы. Соответственно, необходимость государственного контроля была настолько очевидной, что до тех пор, пока он не был достигнут, положение дел находилось на грани военного столкновения[2].

б) Влияние публичной собственности на формирование федеративной государственности. - Практически тот же самый государственный контроль требовался для обширных территорий на западе, которые были уступлены Англией по мирному договору (1783). Несколько штатов имели претензии на эти земли, базировавшиеся на их хартиях, завоеваниях или договорах с индейцами, при этом некоторые из них вступали в конфликт. По большей части из-за отношения Мэриленда, который осознал для себя опасность дальнейшей экспансии и без того больших штатов, эти претензии практически или полностью не признавались, а контроль за землями севернее Огайо был предоставлен Конгрессу[3]. Это великодушное пожертвование устранило опасность борьбы между штатами, которая существовала по торговым вопросам, а с другой стороны повлияло на формирование федеративной государственности в положительном направлении, ибо Конгресс осуществлял на этих территориях очень сильную власть, на которую у него не было конституционных полномочий.[4]

Ордонанс 1787 года для правительств штатов северо-западных территорий был тем, что немцы называют bahnbrechende idee - революционной идеей. В то время как поначалу территория управлялась чиновниками, назначенными Конгрес-

---

[1] George Washington, Writings (W.C. Ford, ed.), XI, 1936. pp. 53-54.
[2] Ibid. p. 57.
[3] Документы губернатора и компании Массачусетского залива в Новой Англии, 1628-1686. – Бостон: изд. Натаниэль Б. Шертлефф, 1853-1854. Т. 4. Ч. II.
[4] Letter of March 9, 1786, in Mass. Hist. Society Collections, fifth series, II, part 1, p. 431.

сом, то есть, по сути была колонией внутри Соединенных Штатов, были сделаны оговорки для создания пяти штатов, как только население любого района достигнет 60000. Эти штаты были республиканскими по характеру и должны были быть приняты в союз на равных началах с остальными и никогда не должны были отделяться от Соединенных Штатов. Конгресс показал свое соответствие реформистскому духу того времени, декларировав, что там будут религиозные свободы, что рабство никогда не будет существовать на этой территории, что образование будет даваться за государственный счет, и что поместья должны делиться в одинаковых частях детьми обоих полов.[1]

в) Государственные религиозные организации. - До революционной войны практически каждая колония имела укоренившуюся церковь, получавшую поддержку от колонии; но при том факте, что каждая колония имела церковные институты и они никогда не пересекали колониальных рамок. Другими словами, хотя в каждой колонии могли быть члены Англиканской церкви, церковные организации не были связаны между собой. После войны национальные настроения людей привели к образованию национальных церквей. Из старой Англиканской церкви выросла Американская Епископальная церковь и в 1784 году Методисты провели свое первое национальное собрание, в то время как в 1788 году была образована Пресвитерианская церковь.[2]

Религиозные свободы. - В то же время изменения происходили в структуре общества. Ни одно неравенство колониального периода не выдержало полностью подрывного влияния Революции. Практически во всех конституциях штатов, принятых во время войны, был установлен религиозный ценз для государственных чиновников и, в некоторых случаях, для избирателей, в то время как во многих случаях священникам запрещалось занимать подобные должности. Эти ограничения существовали в особой степени на Юге и в Новой Англии до тех пор, пока не были сметены демократическим движением того столетия, но многие из них были отменены во время Конфедерации. В этом великом движении лидерство взяли Джеф-

[1] Джэкоб Э. Кук [Jacob E. Cooke] Доклады Александра Гамильтона [The Report of Alexander Hamilton]. Изд-во: Харпер Торчбукс [Harper Torchbooks], 1964. С. 131.
[2] Jon Butler, Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People (Harvard University Press, 1990). P. 157.

ферсон и Мэдисон, обеспечивая отделение вирджинской церкви от государственной власти и отмену избирательного ценза. Влияние примера, заданного Ордонансом 1787 года в этих, как и в других реформах, было очень важным.[1]

Проблема рабства. - Самыми заметными изменениями были те, которые касались чернокожих рабов, но также были и другие, которые устранили множество классовых различий в законодательстве. Общей тенденцией была отмена майората там, где он существовал, и замена его равным распределением собственности умершего. В попытке отменить работорговлю лидерство взяли средние и южные штаты. К 1787 в Новой Англии была практически завершена эмансипация, которая также прогрессировала в средних штатах, но к югу от Вирджинии у нее не было точки опоры.[2]

Политический ценз. - Принимая во внимание заявление о том, что «все люди созданы равными», людям восемнадцатого века понадобилось большое количество времени, чтобы осознать, что каждый человек имеет право на участие в управлении страной. В то время как требования колониальных времен были существенным образом изменены, собственность оставалась основой избирательного права до конца века. Вермонт, Нью Хэмпшир и, позднее, Кентукки делали шаги в направлении всеобщего избирательного права, но в старых штатах господствовал имущественный ценз и чиновники должны были владеть большей собственностью, чем голосующие. Даже либеральный ордонанс для северо-западных территорий требовал наличие собственности в 50 акров, чтобы иметь право баллотироваться.[3]

Таким образом, можно сделать вывод, что изменения, принесенные Революцией, не были радикальными ни по своей сути, ни по способу своего происхождения, но дух революции был закваской, которой было пронизано общество к единой политической системе. Старая структура претерпевала изменения и она поменялась к пониманию федеративного государства, которое явилось результатом естественно-исторического развития и в силу этого естественным рефлексом на

---

[1] Ibid. p. 161.
[2] Косарев Б.М Генезис плантационной рабовладельческой системы США // Вопросы истории. – 1978.-№5.
[3] See, as an example, T.M. Cooley, The General Principles of Constitutional Law (4th ed.),1971. p. 138. and note 1.

сложившуюся ситуацию в стране. Новая федеративная форма организации государственной власти была призвана способствовать преодолению раздробленности страны и к единению единой зарождающейся американской нации[1].

[1] Билль о поправках 1791. // World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

Глава IV. ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ США

§ 4.1. Становление и эволюция правосудия в североамериканских штатах и его влияние на формирование федеративных основ государства

Еще до принятия Статей Конфедерации и принятия Конституции Соединенных Штатов 1787 года, штаты, как независимые образования, уже приняли свои конституции[1]. Таким образом, особенности судебной власти штатов можно проследить с самого начала колониального периода.

В Соединенных Штатах Америки не существует двух штатов с одинаковой системой судов. Каждый штат вправе сам определять наиболее подходящую организационную схему, создавать необходимое количество судов, а так же давать им названия и устанавливать их юрисдикцию. Таким образом, организация судов штатов не обязательно является четко выстроенной трехзвенной системой, похожей на систему федеральных судов. Например, в федеральной системе суды первой инстанции называются районными, а апелляционные трибуналы – окружными. Однако более чем в большинстве штатов районные суды являются судами, рассматривающими дела по первой инстанции. В некоторых других штатах для наименования высшего суда штата используется название высших судов. «Считается, что наиболее странная ситуация, приводящая в замешательство, создалась в Нью-Йорке, где суд высшей инстанции штата называется верховным»[2].

Несмотря на то, что в организации правосудия штатов присутствует различие, никто не сомневался в необходимости их существования. Из-за того, что на уровне штатов статутное право развито гораздо больше, чем на уровне федерации, и оно регулирует практически все вопросы, от основных взаимоотношений людей до

---

1 Конституция Нью-Джерси 1771. Конституцию – Constitution Facts https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf.

2 Robert A.Carp and Roland Stidham, Judicial Process in America, Congressional Quarterly, Inc. (2001).

наиболее важных вопросов политики штата, суды штата рассматривают различные категории таких дел, а их количество многократно превышает количество дел, рассматриваемых федеральными судами. Но так было не всегда.[1]

Например, в течение колониального периода, политическая власть сосредотачивалась в руках губернатора, назначаемого королем Англии, и они сочетали в себе функции законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

В том же Массачусетсе низший уровень судебной власти того времени состоял из местных судей, называвшихся мировыми судьями или магистратами, которые назначались на должность губернаторами колонии. Следующим уровнем были суды округов (county courts), которые рассматривали дела по первой инстанции, а апелляционные жалобы на решения всех судов подавались на высший уровень – губернатору или совету губернатора. В тот период так же существовали большие и малые коллегии присяжных, которые в настоящее время играют далеко не последнюю роль в правосудии штатов. [2]

Нужно также отметить, что к началу XVIII века профессия юристов стала престижной, а количество юристов, обучавшихся в «Английских Судебных Иннах» (четыре английские школы подготовки барристеров) стало расти, и, как следствие этого, процедуры в судах колоний постепенно были заменены на более сложное Английское общее право.[3]

Сначала рассмотрим более подробно установленный порядок осуществления правосудия при колониальных правительствах.

В Массачусетсе право учреждать суды колонисты взяли на себя, не имея на то полномочий, письменно подтвержденных уставом Колонии. Однако после того, как число колоний значительно увеличилось, потребность в таких судах стала настолько очевидной, что сама Корона вынуждена была признать за колониальным правительством это право, не предъявляя серьезных претензий к юрисдикции до

---

[1] Ibid.

2 U.S. Department of State publication, Outline of the U.S. Legal System; http://www.america.gov/st/usg-english/2008/May/20080522211311eaifas0.5917169.html

[3] Ibid.

тех пор, пока это касалось исключительно жителей колонии и их внутренней политики. Система правосудия была приведена в порядок только через несколько десятилетий, но даже тогда полномочия некоторых судов не были определены и оставались неясными.[1]

Основу судебной власти составляли следующие суды: Законодательное собрание, Суд магистрата, Окружные суды, Суды по делам иностранных граждан, Гражданские или Мировые Суды, Военные трибуналы и Суды справедливости.

Среди вышеназванных судов Законодательное собрание, в котором заслушивались как судебные дела, так и другие вопросы, решение по которым выносилось по принципу большинства, являлось самым уважаемым органом, который имел большие полномочия. До середины XVII века эти суды должны были осуществлять всю власть в колониях — и законодательную, и судебную, - а так же проводить слушания как по гражданским, так и по уголовным делам. Позднее был разработан новый план организации судебной власти, в котором учреждались некоторые из вышеупомянутых судов, а судебная власть переходила в руки Суда Магистрата. [2]

Согласно принятым законам, суды Магистрата провозглашались «основной гражданской властью Содружества» и эта власть давала ему право действовать «в вопросах консультирования по праву, написании законов и в вопросах судопроизводства».[3]

После учреждения судов, спектр полномочий которых был несколько уже, Законодательное собрание сохраняло за собой право рассматривать апелляции по некоторым вопросам, поэтому в течение некоторого времени после учреждения нижестоящих судов любая из сторон имела право ходатайствовать о рассмотрении своего заявления непосредственно Законодательным собранием. Чтобы прекратить подобную практику в конце XVII века был принят закон, предполагающий взыскание штрафа со стороны представляющий на рассмотрение

---

[1] Richard D. Brown and Jack Tager, Massachusetts A Concise History, University of Massachusetts Press, 2000.

2 A Declaration of the Rights of the Inhabitants of the Commonwealth of Massachusetts. Boston, 2002. Art. XXIX.

[3] Ibid.

Законодательному собранию какое-либо дело как в форме прошения, так и в форме пересмотра (последнее — форма для передачи дела из Магистратского суда), в случае если выяснилось бы, что сторона не имеет никаких оснований для пересмотра дела.[1]

Далее появились законы, согласно которым никакое дело не могло быть начато или принято к рассмотрению Законодательным собранием, если до этого по нему не проходило слушание, а также, если до этого оно не было хотя бы единожды пересмотрено в нижестоящем суде, чьим решением истец остался неудовлетворен, что еще больше ограничивало изначально принадлежавшие суду полномочия. Если присяжные и судьи не приходили к единому решению по делу, оно передавалось на рассмотрение последней инстанции — Законодательному собранию[2].

Все решения по апелляционным жалобам, предоставленным на рассмотрение Законодательному собранию или Магистратскому суду, выносились только на основе изначально имевшихся в деле доказательств, и никакие другие улики не предоставлялись. Также было постановлено, что в случае возникновения у суда, ведущего процесс, сложностей с принятием единого решения, судьям следовало передать это дело Законодательному собранию для вынесения решения, не указывая при этом имен истца и ответчика. Постановление Законодательного собрания направлялось в нижестоящий суд и являлось заключительным по данному делу.[3]

Уголовные дела в колониях направлялись на перерассмотрение Законодательному собранию только в том случае, если мнение судей, на чьем рассмотрении изначально находилось дело, делилось в соотношении 3 к 5, 4 к 7 или похожем. К тому же Законодательное собрание исполняло роль высшей канцлерской и надзирательной власти вплоть до XVIII века, когда была учреждена система Судов справедливости, подчинявшаяся ему.[4]

Лечфорд в «Честности», написанной приблизительно в середине XVII века,

---

1 Wood, New England’s Prospect, 37-38, 39.
[2] Ibid.
[3] Petition quoted in Kenneth A. Lockridge, A New England Town. The First Hundred Years: Dedham, Massachusetts, 1636-1736 (New York: Norton, 1970).
[4] Ibid.

говорит, что «в Законодательном собрании рассматриваются и гражданские иски, и уголовные дела, и даже церковные, особенно касающиеся не членов, и, что Законодательное собрание и Суд квартальных сессий имели права, схожие с полномочиями Парламента, Королевского суда, Суда общегражданских тяжб, Канцлерского суда, Высокой комиссии, Звёздной Палаты и остальных судов Англии». «Они приговаривают к смерти, ссылают, штрафуют людей, отрезают им уши, секут, заключают людей под стражу и всё это за оскорбление Церкви или граждан и без каких либо достоверных свидетельств»[1]. Он утверждает, что апелляционные жалобы подлежат рассмотрению Законодательным собранием и не упоминает, существуют ли какие-нибудь ограничения этого права, но вероятно после XVII века , пересмотр дел Законодательным собранием, кроме тех, в которых мнения судей и присяжных разошлись, был сравнительно ограниченной и редкой практикой.[2]

Право пересматривать решения нижестоящих судов сохранялось за Законодательным собранием, пока устав был в силе.

Мы еще вернёмся к праву Законодательного собрания пересматривать дела, а также к форме проведения заседания и к процессуальным нормам, однако стоит заметить, что не представляется возможным с желаемой точностью определить природу власти данного суда.

Следующий по значимости и полномочиям являлся Суд магистрата, который получил право осуществлять судебную власть через законодательные акты[3].

Согласно,например, закону от 1639, в Бостоне (штат Массачусетс) этот суд должен был созываться в две сессии: «Губернатором и помощником губернатора и остальными судьями для рассмотрения всех апелляционных заявлений переданных нижестоящи (штатми судами, проведения бракоразводных процессов, слушания всех тяжких уголовных дел, связанных с жизнью, членством и изгнанием». Также Губернатор был уполномочен созывать специальные судебные сессии для разбирательства по особо тяжким преступлениям. Не случайно этот суд называли

1 Ibid.
2 Брайсон, Уильям К. Американская судебная система. Верховенство права / Уильям К. Брайсон. М., 1992..
3 Wood, New England’s Prospect, 15, 31.

«Большой Квартальный Суд», т.к. он собирался четыре раза в год: один раз в Салеме, один в Ипсвиче и два раза встречи проводились в Бостоне[1].

Право стороны подать ходатайствовать о пересмотре решения нижестоящего суда в магистратском суде никак не было ограничено, однако здесь действовало то же правило, что и в законодательном собрании: решение выносилось «на основе изначально имевшихся в деле доказательств, и никакие другие улики не предоставлялись»[2]. Следовательно, полномочия Магистратского суда в судебных делах были так же велики, как и полномочия Законодательного собрания. Таким образом, изначально Суд магистрата создавался с целью исключить необходимость участия Законодательного собрания в большинстве процессов, не связанных с государственными делами. Очевидно, что говоря о юрисдикции Верховного и Квартального Судов, можно рассматривать их как абсолютные идентичные системы и утверждает, обладающих полномочиями Королевского суда, Суда общегражданских тяжб и других английских судов. Эти суды также были уполномочены рассматривать дела, подпадающие под юрисдикцию Адмиралтейства, а к концу XVII века получили право принимать решения по делам без участия в процессе присяжных, что было нововведением относительно старой процессуальной системы и в тоже время шло в разрез с уникальным устройством судов Колонии, где «вопросы, касающиеся взыскания долга, посягательства на частную собственность, иски по конкретным обстоятельствам дела, рассмотрения дел, основанное на праве справедливости, голосование «за» решение суда, а также вопросы, касающиеся ереси, рассматривались присяжными». Они также были уполномочены пересматривать решения по вопросам наследства, которые слушались в Окружных Судах. [3]

Окружные суды, учрежденные в середине XVII века - следующий вид судов, который имел схожие с Судом общегражданских тяжб и Уголовным судом полномочия, так как был учрежден после формирования последнего[4].

Заседания Окружных судов обычно проводились одним или несколькими

---

[1] Ibid., 29.
[2] Ibid. p. 31.
3 Sketghes of the judicial history of Massaghusetts. Boston: 1840. P. 58.
[4] Ibid. p. 61.

заместителями судьи или, как часто их называли, магистратами, проживавшими в округе, где шло заседание, или магистратами, которых для проведения заседания время от времени назначало Законодательное собрание и которым ассистировали комиссары, выбранные полноправными гражданами округа и утвержденные Законодательным собранием. Судей и комиссаров общим числом должно было быть пять человек, но, тем не менее, даже втроём, при условии, что среди них был один мировой судья, они были в праве вести заседания[1].

Под юрисдикцию Окружных судов попадали как гражданские, так и уголовные дела, кроме случаев развода, а так же уголовные преступления, которые наказывались лишением свободы, четвертованием или ссылкой. Они были уполномочены, в таких случаях, созывать большие или малые коллегии присяжных, проживающих на территории их округа, а так же назначать секретарей и других необходимых суду служащих. Полномочия данных судов в решении уголовных дел были аналогичны полномочиям английского Суда квартальных сессий[2].

Здесь нужно отметить, что на становление и эволюцию правосудия в североамериканских штатах большое влияние оказали труды английского судьи Г. Брактона и особенно его «Трактат о законах и обычаях Англии», где он упор делает на этике и морали, так как именно они «определяют обычные правила поведения». Помимо этого он говорит о праве, которое создается именно судьями, а само правосудие исходит только от Бога.[3]

Как и Сессионный суд, Окружные суды занимались планированием дорог, а также выдавали лицензии развлекательным заведениям и, помимо прочих служебных обязанностей по отношению к ним, должны были следить за тем, чтобы эти дома были под надлежащим руководством и содержались должным образом. Кроме того, законом от 1641 года за Окружными судами закреплялось право признавать человека полноправным жителями колонии. Помимо всего прочего эти суды также были наделены юрисдикцией по делам о завещаниях, наследствах и

[1] Ibid. p. 63.
[2] H. de Bracton, Bracton on the Laws and Customs of England, ed. & Transl. S. Thorne (1968-1977), II, p. 21 (Harvard Law School Library / Bracton Online).
[3] Ibid. p. 22.

опеке, то есть занимались подтверждением завещаний, предоставлением прав на управления наследственным имуществом и другими схожими с этими вопросами. Апелляционные жалобы по таким делам направлялись суду магистрата. Судебные секретари, в силу занимаемой должности, являлись также протоколистами, и в перерывах между заседаниями суда протоколист и двое судей были уполномочены подтверждать назначение управляющего наследством и утверждать завещания[1].

Апелляционные жалобы по делам, рассмотренным в Окружном суде, направлялись Суду магистратов, а сами Окружные суды в свою очередь, могли рассматривать апелляции по решениям, вынесенным одними только судьями или одними только членами судебной комиссии по делам с небольшой суммой иска. Законом от 1649 года было отозвано изначально принадлежавшее им право слушать дела, сумма ущерба по которым не превышала сорока шиллингов, а в следующем году вышел закон, согласно которому в том случае, если истцу не удавалось получить по суду возмещения большее этой суммы в иске о нарушении неприкосновенности частной собственности, начатом в Окружном суде, его иск не удовлетворялся, и он обязан был выплачивать судебные издержки противоположной стороны, даже если заявленная сумма ущерба была достаточной для того, чтобы суд начал процесс по делу.[2]

Время от времени Законодательные собрания колоний давали распоряжения касаемо Окружных судов, которые в некотором отношении изменяли их полномочия и организацию.

Суды по делам иностранных граждан или, как их иногда называли, Коммерческие суды также были учреждены в середине XVII века. Они были созданы с целью решения вопроса о расселении иностранцев, которые прибывали в колонию с торговыми или иными целями и которые не могли оставаться в Колонии, чтобы дождаться стандартного отправления правосудия.[3]

Эти суды могли быть созваны в любое время по требованию иностранного

---

[1] Ibid. p. 25.
[2] Ibid. p. 35.
[3] Jonathan Edwards, A Faithful Narrative of the Surprising Voice of God (1737), in American Colonial Documents to 1776, ed. Merrill Jensen, vol. 9 of English Historical Documents (New York: Oxford University Press, 1962), 538.

гражданина губернатором или заместителем губернатора и двумя магистратами (судьями) по требованию, или же, в отсутствие губернатора и заместителя губернатора, тремя магистратами. Полномочия этих судов совпадали с полномочиями Окружных судов, и порядок осуществления правосудия был такой же. Протоколы заседаний суда по делам иностранцев передавались в Суд магистрата для регистрации, как и протоколы других заседаний. Однако за истцом не сохранялось право на обжалование решения, так как целью учреждения данных судов было обеспечить быстрое отправление правосудия и предполагалось, что вынесенное решение обжалованию не подлежит.[1]

В 1650 году иностранцам было разрешено подавать иски в любой суд колонии, несмотря на то, что тогда существовали ограничения по месту рассмотрения тяжб между гражданами, постоянно проживающими на территории колоний.

В 1682 году иностранным гражданам запрещено было предъявлять иски другим иностранцам в любом из колониальных судов без предварительной гарантии оплаты судебных издержек.[2]

Заметным судебным актом в жизни колоний, а затем и штатов, закрепившим новое видение правосудия, стал Великий закон Пенсильвании 1682 года Принятый после Английской буржуазной революции, он осуждал произвол не только в колониальных судах, но и в революционных трибуналах времен О. Кромвеля. Поэтому в данном акте так подробно, в русле традиций англосаксонского права, регламентировались вопросы правосудия. «Все суды должны быть открытыми, - утверждали авторы Закона, - правосудие никогда не должно продаваться, в нем не может быть отказано, его отправление не должно откладываться» (ст. V) [3].

С целью упростить судебный процесс Закон требовал, чтобы «все исковые документы, процедуры и протоколы в судах были составлены кратко, на английском языке, в обычной простой форме, понятной и обеспечивающей бстрое отправление правосудия» (ст. VII)[4].

---

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Точное название этого акта – «Законы, согласованные в Англии и т. д.». Текст закона размещен на сайте: URL: http: // avalon.law.yale.edu.
[4] Там же.

Как и в английском праве, в Пенсильвании учреждались суды присяжных и большое жюри. При этом Великий закон устанавливал ряд дополнительных гарантий. В частности, он допускал применение смертной казни к виновным в совершении только двух преступлений – государственной измены и убийства (ст. XXV). Лица, осужденные по ошибке к лишению свободы или иным наказаниям, имели право предъявлять иски о возмещении вреда к тем лицам, по информации или обвинению которых они были привлечены к суду (ст. XII). Таких норм английское право того времени не знало[1].

Влияние на эволюцию правосудия в колониях, а затем в штатах, стал следующий по времени принятия английский Билль правах 1689 г., который закреплял такие меры, как запрещение создавать особые суды, приостанавливать действие законов, освобождать от ответственности, применять жестокие и необычные наказания, а также требовать выплаты чрезмерных штрафов. Эти нормы призвали к утверждению новых начал судопроизводства, которые в дальнейшем были развиты в основном прецедентной практикой.[2]

В конце XVII века суды справедливости были учреждены и в других колониях. До этого времени вести слушания по подобным делам было уполномочено Законодательное собрание, однако под их юрисдикцию стало попадать такое большое количество дел, что было необходимо создать другой судебный орган с целью освободить Законодательное собрание от части его обязанностей. Таким образом, из судей Окружных судов, избранных полноправными гражданами, составили Суды справедливости, чтобы высылать повестки в суд, заслушивать и выносить решения по искам от имени правительства с предоставление вещественных доказательств того, что дело касается права справедливости. Они имели право в ходе судебного процесса допрашивать стороны, так же как и свидетелей под присягой и принимать решения в «соответствии со справедливостью и добром» и на этом основании назначать наказание, что было

---

[1] Боботов С.В. Введение в правовую систему США / С.В. Боботов, И.Ю. Жигачев. М., 1997.

[2] Правосудие в современном мире //Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.- с. 25.

продолжением английской судебной системы.[1]

Ходатайства о пересмотре решения Суда справедливости направлялось в магистраторский суд, где судьи, ранее заслушавшие дело и вынесшее по нему решение, могли изложить причины, по которым они это решение вынесли, однако они не могли участвовать в голосовании по его утверждению. Решение магистратов по делу считалось заключительным, в том случае, если Законодательное собрание, по апелляционной просьбе, не находило причин для назначения повторного слушания по делу перед судьями Окружного суда, с правом, как в первый раз, подавать на апелляцию, или, в «особо тяжелых случаях», назначать слушание по делу в самом Законодательном собрании.[2]

Позже станет понятно, что основание Судов справедливости было немного большим, чем просто расширение полномочий Окружных судов, но они были представлены, как особая форма потому, что их права, на самом деле, несколько отличались от других полномочий суда[3]. Например, в первом уставе Колонии Массачусетс говорилось, что эта ветвь юридической системы Массачусетса, зачастую непризнанная, служила для того, чтобы представлять интересы людей. Это был последний суд учрежденный законодательной властью, пока в силе еще был первый устав Колонии, и как покажет практика, Суд справедливости не только был учреждён в период нахождения у власти губернатора Андроса, но также суд с такими же полномочиями был в числе первых учрежден Законодательным собранием после принятия нового устава Колонии. И только дискреционным полномочием Короны он в конце концов был запрещен.[4]

Военный трибунал (или Военная Комиссия) был основан в колониях в середине XVII века для управления военными делами Колонии, в Комиссию которого входили Губернатор, заместитель губернатора и еще девять человек. Полномочия Военного трибунала были чрезвычайно велики: комиссия могла начинать наступательную и оборонительную войну, заключать под стражу каждого,

---

1 R.J. Walker M.G. Walker (The English Legal System) (1980), p. 43.
[2] Ibid. p. 51.
[3] Ibid. p. 53.
[4] Corey, quoted in Marion I. Starkey, The Devil in Massachusetts (Garden City, N.Y.: Doubledav. 1961). 205.

кого они сочтут врагом Содружества и приговаривать к смерти тех, кто не явится в распоряжение армии или накладывать ограничения на их свободу до тех пор, пока они не понадобятся армии[1].

По началу предполагалось, что Комиссия просуществует только до следующего заседания Законодательного собрания, но она продолжала действовать в периоды между заседаниями еще некоторое время, хотя очень сложно установить, как долго еще она продолжала работу.[2]

Перечисляя суды, которые время от времени учреждались в колониях следует упомянуть Специальных уполномоченных по заслушиванию и решению дел, которые были назначены правительством Англии посещать колонии для проведения судебных процессов и вынесения приговоров по всем делам и восстанавливать общественный порядок в округе[3].

Помимо уже упомянутых судов существовала также система низших судов для рассмотрения дел о малозначительных правонарушениях, чьи полномочия были не только разнообразны, но и менялись время от времени в соответствии с тем, как менялись условия жизни и потребности людей.[4]

Учреждение судов низшей инстанции поначалу было встречено недовольством. Дела, ущерб по которым не превышает 40 шиллингов, попадали под юрисдикцию Магистрата. Именно это явилось причиной того, что мировые судьи стали уполномочены заниматься гражданскими делами, хотя, согласно первому уставу колонии, не признавались служителями юстиции. Однако каждый Магистрат являлся и Мировым судьёй и мог разбирать дела с суммой нанесенного ущерба менее 40 шиллингов, заключать в тюрьму, наказывать нарушителей закона, налагать штрафы.[5]

Согласно протоколам заседаний судов и записям в архивах колоний, существования у Магистратов и Членов судебной комиссии по делам с

---

[1] Ibid. p. 209.
[2] Matthew Cradock, quoted in Charles McLean Andrews, The Colonial Period of American History, 4 vols. (New Haven: Yale University Press, 1934), 1:338.
[3] Ibid.
4 Конституция штата Нью-Гемпшир 1783 г. //http:/wildcard-spb.ru/zev8baiko.
[5] Ibid.

незначительной суммой ущерба судебной власти всегда признавалось. Судьям, постоянно проживавшим на территории города, где они отправляли правосудие, предоставлялось право без участия присяжных заседателей вести судопроизводство и выносить решения по всем искам, поданным в их городе, о взыскании долга, посягательстве на частную собственность, и тех, сумма ущерба по которым, не превышала сорока шиллингов, а так же выдавать ордера на арест, обыск или арест имущества, а также осуществлять по необходимости другие действия.[1]

Также они были уполномочены рассматривать дела о мелких кражах и других правонарушениях, ущерб от которых не превышал 40 шиллингов. Если правонарушитель не мог выплатить штраф, судья мог назначить ему наказание в виде 10 ударов хлыстом или набить на ноги колодки. Среди прочих прав, предоставленных судьям законом, было так же право проводить церемонии бракосочетания[2].

Комиссары по делам с небольшой суммой ущерба были уполномочены проводить заседания, имея на то санкцию Магистратского или Окружного суда, по всем делам, которые попадали под юрисдикцию Магистрата, в тех городах, где не было своего судьи. В каждом таком городе было трое выбранных жителями комиссаров, двое из которых составляли кворум для заслушивания дела. В их власти было отправлять правосудие исключительно в их городе; исключение составляли случаи, когда стороны проживали в разных городах. В данной ситуации истец был вправе выбрать город, в котором пройдет слушание по делу.[3]

Также комиссары были уполномочены вести гражданские дела, однако заключение одной из сторон в тюрьму было не в их юрисдикции, они могли только передать дело на рассмотрение Мировому судье или Окружному суду для подтверждения вынесенного ими приговора, если ответчик не мог выплатить установленный штраф и не имел в городе, где проживал никакого имущества,

---

[1] Jensen, American Colonial Documents, p. 69. 1971.
[2] Документы и дела ежеквартальных судов графства Эссекс, штат Массачусетс, 1636-1696 под ред. Джорджа Френсива Доу и Мэри Г. Трешер. – Изд-во Эссексского института, 1911-1921. Т. 2. С. 107.
[3] John Smith, A True Relation (Wisconsin Historical Society Digital Archive, 2003).

которое могло бы составить сумму, достаточную для выплаты штрафа.[1]

Что касается уголовных преступлений, то здесь члены комиссии были уполномочены подписывать ордера на обыск и арест, но только в тех случаях, если в зоне досягаемости не было ни суда, ни магистрата. Кроме того, в 1663 году они были наделены правом брать свидетельские показания по гражданским и уголовным делам, а также и осуществлять их[2].

В дополнение к Магистратам и Комиссарам по делам с незначительной суммой ущерба в некоторых случаях полномочия проводить заседания по делам, попадавшим под юрисдикцию магистрата, имели Члены городского управления. Так поступали в случае если единственный судья, проживавший в городе, был заинтересован в исходе представленного на рассмотрение дела; или если в городе не было магистрата и один или более из Комиссаров был заинтересован в исходе дела. В таких случаях Члены городского управления были уполномочены вести судебный процесс и выносить приговор и приводить его в исполнение[3].

Также Члены городского совета могли проводить судебные заседания по делам о нарушениях распоряжений муниципальной власти, штраф за которые не превышал 20 шиллингов, если нарушение распоряжения не предусматривало уголовную ответственность[4].

Наглядно эволюцию правосудия можно проследить на примере учреждения отдельного Бостонского суда, который вобрал в себя черты, как суда Комиссии по делам с незначительной суммой ущерба, так и черты Окружных судов. Причиной для учреждения это суда послужило резкое увеличение городского населения и рост торговли в городе, а так же тот факт, что преступления, совершенные приезжими и другими людьми, часто оставались безнаказанными. Этот суд состоял из семи Комиссаров, выбранных полноправными гражданами города и одобренных

---

[1] Ibid. p. 87.
[2] Ibid..
[3] Документы и дела ежеквартальных судов графства Эссекс, штат Массачусетс, 1636-1696 [Record and Files of Quarterly Courts of Essex Count, Massachusetts, 1636-1696] под ред. Джорджа Фрэнсиса Доу [George Francis Dow] и Мери Г. Трешер [Mary G. Thresher]. – Изд-во Эссексского института, 1911-1921. Т. 2. С. 109-115.
[4] Там же.

судьями Магистрата, любые пять из которых, или трое, если среди них присутствовал судья, могли отправлять правосудие по всем гражданским делам, сумма ущерба по которым не превышала 10 фунтов, в пределах ограниченной территории, которая включала в себя некоторые острова в гавани и простиралась до перешейка, отделявшего Бостон от Роксбери. Они также были уполномочены слушать уголовные дела, в которых сумма возможного взыскания не превышала двадцати шиллингов[1]. Свои полномочия они получили от Государственного секретаря и имели право самостоятельно назначать судебных секретарей. Апелляционные жалобы передавались отсюда непосредственно в Магистратский суд; настолько, насколько позволяли их полномочия, они заменяли собой Окружной суд.

Согласно проекту этот суд был учрежден всего на год, и так как пишет губернатор, очевидное приобретение Бостоном всё большей независимости вызвала всплеск недовольства, срок действия закона, учреждавшего этот суд, не был продлен.[2]

Из информации, имеющийся в архивах, следует, что периодически, если того требовали сложившиеся в той или иной части страны обстоятельства, созывались заседания Комиссаров, обладавших более или менее широким спектром полномочий. В 1661 году двое Комиссаров из Линна получили право регистрировать браки, принимать присягу у свидетелей также, как это мог делать каждый Судья Магистрата.[3]

Кроме того, в каждом городе был Судебный приказчик, которого выбирали горожане и кандидатура которого утверждалась Окружным судом, занимавшийся повестками и судебными приказами и уполномоченный «вызывать в суд по повестке и выдавать приказ на наложение ареста на имущество», «вызывать повесткой свидетелей», «удовлетворять виндикационные иски, а так же давать

---

[1] Там же.

2 Thomas Fuller, Worthies of England (1662), quoted in “Editor’s Introduction,” Agriculture and Economic Growth in England, 1650-1815, ed. Eric L. Jones (London: Methuen, 1967), 5.

[3] Ibid. p. 17.

истцу обязательство обеспечить поддержку обвинения» [1].

Ходатайства о перерассмотрении дел, решение по которым принимали только Магистраты или Комиссары по делам с небольшой суммой ущерба или только Членами городского совета, направлялись в Окружные суды, и сторона, подающая ходатайство была обязана зафиксировать в письменной форме все причины, дающие достаточно оснований для подачи апелляции, при этом «не отзываясь ни о суде, ни о противной стороне неподобающим образом» [2].

Чтобы избежать предвзятости в решениях суда, ни один из судей, кто уже заслушивал рассматриваемое дело в нижестоящем суде, не имел права голоса в слушании этого же дело Законодательным собранием[3].

Хотя предоставленное описание правосудия, существовавшее в XVII-XVIII вв. очень коротко и, возможно, далеко от совершенства проведения судебных заседаний, тем не менее оно помогает понять нынешнее устройство судопроизводства и его влияние на формирование федеративных основ.

В дальнейшем эволюцию правосудия в колониях привела к тому, что Законодательное собрание и Магистратский суд объединялись в Верховный суд, Окружные суды приобретали некоторые черты Суда общих тяжб и Суда квартальных сессий, в то время как Суд по наследственным делам брал на себя часть полномочий, ранее принадлежавших Окружным судам, а дела, попадавшие под юрисдикцию Магистратов и Комисаров по делам с незначительной суммой ущерба, переходили во власть Мировых судей.

В течение всего этого времени много внимания уделялось тому, чтобы правосудие было как можно более безупречным, чтобы судьи были настолько свободны от каких-либо предубеждений, касаемо дела, насколько это позволяла природа вещей, хотя, в теории, деятельность судов была настолько безукоризненной, насколько это возможно. Было постановлено, что ни один судья не допускается в Верховный суд на заседание по делу, разбирательство по которому

---

[1] Ibid. p. 21.
[2] Материалы колонии Нового Плимута в Новой Англии, 1620-1692 [Records of the Colony of New Plymouth in New England, 1620-1692]. – Бостон. 1855-1861. Т. 10. С. 181-185.
[3] Там же.

он проводил в нижестоящем суде. В дополнение к этому, постанавливалось, что никто не должен консультироваться с судьёй или Комиссаром по делу, в котором он позже будет выступать в роли истца или ответчика; а в следующем году был принят закон, согласно которому судья лишался права голоса по делу, в котором кто-либо из сторон приходился ему отцом, сыном, братом, дядей, племянником, арендодателем, арендатором, даже если он мог «дать разумный совет по делу»[1].

Рассмотрим установленный порядок судопроизводства.

Формально магистраты должны были ежегодно переизбираться, но на деле, в соответствии с линией поведения, принятой относительно выборов на эту должность, она стала пожизненной; и, так как основным их занятием являлось отправление правосудия, то Магистраторский суд можно рассматривать, как достаточно независимый в своих решениях. К тому же, учитывая тот факт, что они очень хорошо знали своё дело, справедливо было бы ожидать, что в определенный момент ими будет принята единообразная система проведения заседаний и принципов вынесения решений. В известной степени так оно и было[2]. Однако общественное сознание было слишком перегружено мыслями о личных нуждах и возможных рисках, а также полемикой на религиозные темы, в которую были втянуты все, чтобы заняться такими вещами как, например, юриспруденция в широком смысле этого слова. Таким образом, при тотальном отсутствии профессионально подготовленных юристов и судей, изучавших бы право как науку, тщетно было бы надеяться на какое-либо улучшение, движение вперёд в устройстве судебно системы, пока в силе был устав.[3]

Следует представить основные принципы отправления правосудия в судах колоний и остановиться на ряде подробностей, которые в определенной степени повлияли на судопроизводство.

Должностное лицо, ведавшее исполнительными функциями Суда, поначалу назывался «Надзиратель за общественным порядком», а позже стал называться

---

[1] Конституция Северной Каролины 1669 г. // American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder.census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012.
2 Там же. С. 125-126.
[3] Stephen D. White, Sir Edward Coke and “The Grievances of the Commonwealth, 1621-1628” (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979).

маршалом — начальником полицейского участка, и это название долго сохранялось. Кроме того, с раннего времени в нескольких городах избирались Констебли, должностные лица, отвечающие за порядок в городе, которые были уполномочены приводить в исполнение судебные приказы о наложении ареста на имущество, и выполняли большое количество обязанностей, связанных с внутренней политикой Колонии. Законом от 1675 года маршалам и констеблям разрешалось писать свое заключение по делу на «обратной стороне постановления об аресте имущества» и отправлять копию истцу по делу, вместо того, чтобы снова вызывать его в суд, как делалось ранее.[1]

До середины XVII века протоколы заседания суда велись не всегда. Но позднее вышел закон, требующий от судей, магистратов и уполномоченных комиссаров записывать ход процесса, указывая все улики и свидетельства, проходившие по делу, в книгу фиксации судебных решений, с той целью, чтобы «судебное дело продолжало процветать». Показания свидетелей, данные на открытом заседании суда, фиксировались секретарём судебного заседания и составляли часть письменного производства по делу. Многие регистрационные записи процессов тех лет, занимающие огромное количество страниц, хранятся в подшивках Протоколов судов штатов. [2]

Присяжные с ранних лет существования правосудия были задействованы в судебных процессах, но когда точно присяжные впервые участвовали в слушании дела нигде не указанно.

В 1634 году был издан закон, требующий проведения присяжными, выбранными полноправными гражданами, слушаний по всем делам, предполагающим решение вопроса о жизни или смерти обвиняемого.

С середины XVII века Большая коллегия присяжных, созывалась с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предания его суду, где дело будет рассматриваться с участием "малого жюри" присяжных.[3] И Большая и Малая

---

[1] Ibid.
2 Documents of American History. P. 205-207.
3 Ibid., P. 210.

коллегии присяжных созывались следующим образом: помощник судьи направлял Надзирателю за общественным порядком приказ, предписывающий ему оповестить двадцать четыре членов коллегии присяжных, названных секретарём, о том, что они призываются в суд, за четырнадцать дней до самого суда[1].

В дальнейшем был изменен порядок созыва коллегии присяжных. Помощник судьи или секретарь судебного заседания отправляли констеблям нескольких городов приказ о необходимости предоставления определённого количества присяжных, они же в свою очередь созывали правомочных граждан своего города, которые и выбирали требуемое количество присяжных. Дважды в год, в марте и в сентябре, магистратский суд созывал Большое следственное жюри, чтобы последнее «сообщило Суду все сведения, касающиеся дел, о которых должно быть известно суду»[2].

Присяжные, рассматривавшие судебное дело по существу, были превращены в судей, рассматривавших и решавших как вопросы права, так и вопросы факта, хотя была предпринята попытка оставить за присяжными только право устанавливать фактические обстоятельства по делам, связанным с возмещением убытков и выплатой судебных издержек, а право провозглашать приговор по делу оставить за Судом. Но закон был временным, и присяжные очень редко выносили специальные вердикты — решения по частным вопросам. Присяжные имели право совещаться ровно столько времени, сколько им было необходимо, «если они не могли решить в деле главный вопрос», так же если присяжные не были уверены в логичности и добросовестности своих выводов по делу, они были вольны «на открытом заседании суда посоветоваться с любым человеком, который, по их мнению, мог разрешить их сомнения или направить ход их мыслей в нужное русло перед тем, как они вынесут вердикт»[3].

Иногда вердикты выносились только на основании имеющихся у присяжных серьёзных подозрений, не имеющих под собой достаточно весомых доказательств.

---

1 Matthew Cradock, quoted in Charles McLean Andrews, The Colonial Period of American History, 4 vols. (New Haven: Yale University Press, 1934), 38.

2 Ibid. p. 41.

3 Adelman, L. The Glorious Jurisprudence of Thurgood Marshall / L. Adelman // Harvard Law and Policy Review. – 2013. – Vol. 7. – P. 113-136.

В таких случаях суд признавал обвиняемого виновным в инкриминируемом ему деянии, хотя неофициальное обвинение не смогло опровергнуть доводы ответчика в свою защиту и присяжные не смогли найти улики, подтверждающие вину подсудимого. Возможно, это послужило причиной того, что в нынешней клятве, произносимой присяжными, участвующими в рассмотрении уголовных дел, есть часть, в которой они заявляют о том, что если они находят ответчика невиновным «они лишь ставят суд в известность о своем решении и более ничего»[1].

Часто случалось, что судьи и присяжные расходились во мнениях, и обычно в таких случаях суд отказывался принимать вердикт присяжных и дело перенаправлялось в другой магистратский суд или, как иногда случалось, Законодательному собранию[2].

Памятный случай подобного расхождения во мнениях состава суда и присяжных имело место в деле Анны Хиббинс, обвинённой в колдовстве в 1656 году. Присяжные сочли ее виновной, но магистраты отказались подтвердить приговор, и дело было передано на рассмотрение Заонодательному собранию. Бурный протест народа оказал давление на суд, и женщина была признана виновной и приговорена к казни[3].

Чтобы избавиться от неудобств, причиняемых подобным расхождением мнений судий и присяжных, в конце XVII века был принят закон, согласно которому, после того, как Суд разъяснил присяжным суть закона и «сличил с ним подтвержденные в ходе разбирательства факты», вердикт, вынесенный присяжными должен был быть принят и на его основании должен был быть вынесен приговор по делу. Последним средством защиты для «проигравшей стороны» была подача ходатайства о проведении в открытом суде заседания для проведения расследования на предмет определения правосудности вынесенного вердикта, обвинив присяжных в ошибке мнения и коррупции... Тогда секретарь суда созывал в качестве присяжных двадцать четыре человека, чтобы рассудить дело о запятнанной репутации, и если на этом процессе выяснялось, что в

[1] Ibid. p. 53.
[2] Hutchinson, quoted in Edmund S. Morgan, The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop (Boston: Little, Brown, 1958), p. 152.
[3] Ibid. P. 155.

вынесенном вердикте действительно имеет место ошибка или заблуждение, то потерпевшая сторона восстанавливала свои права, а если члены коллегии присяжных были уличены присяжными в коррупции, они лишались должности либо попадали в заключение.[1]

Право подавать жалобы на присяжных должно было предполагать также и ответственность за голословные обвинения, поэтому в 1684 году был принят закон, требовавший от стороны в письменной форме изложить свои основания для предъявления претензий, и, если истец проигрывал дело по обвинению присяжных в коррупции, он был обязан выплатить десять фунтов штрафа, а так же по сорок шиллингов каждому члену коллегии присяжных, но более того присяжные, ранее обвиняемые им в коррупции, предъявляли ему иск за клевету[2].

Обычно в вердикте присяжные также постанавливали, какая из сторон будет выплачивать издержки, взамен затрат, которыми неизбежно сопровождается каждый процесс. Возможно, подобное право давалось присяжным, согласно предписанию от 1641 года, где говорилось, что истец или ответчик, в зависимости от того, кто из них будет признан виноватым, обязан выплатить судебные издержки; вопрос о виновности решался так же, как и другие вопросы факта.

Итак, хотя присяжные уже проводили заседания, чаще всего арестант имел право сам решать, будет ли его дело рассмотрено судейским составом или присяжными заседателями и как показывает практика, слушания в суде присяжных были предпочтительней[3].

Что касается вопроса о выплатах, существовало огромное количество ранних законов, целью которых должно было быть предотвращение судебных процессов и освобождение жителей от бремени выплат в поддержку правительства.

Размеры взноса, выплачиваемого за подачу иска, варьировались от четырёх пенсов до десяти шиллингов, в соответствии с размером иска, и довольно жестокие штрафы были предусмотрены для тех, кто обращался в суд с исковым заявление

---

[1] Ibid. p. 159.
[2] “The Constitution of 1780” in The Popular Sources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780, ed. Oscar Handlin and Mary F. Handlin, (Cambridge: Harvard University Press, 1966).
[3] Ibid.

или апелляционной жалобой, не имея для этого оснований. Присягу произносили, держа руку поднятой, так как клясться на Библии считалось идолопоклонством, хотя это была форма, к которой они были привычны в Англии.[1]

Формы проведения судебных заседаний были чрезвычайно просты, а судебные приказы (повестки) были весьма лаконичны и до 1662 года даже не от имени короля. Эти приказы могли быть как в форме приказа об аресте лица, так и в форме приказа о явке в суд, и должны были быть вручены тем, кому предназначались, как минимум за пять дней до заседания суда. К тому же правосудие осуществлялось быстро, вследствие того, что «большинство дел слушаются и разрешаются за одно заседание»[2]. Закон об ошибках в процессуальных документах или судебных выступлениях был принят рано, и судьи редко утруждали себя возражениями относительно процедуры предъявления иска или производства по делу. Формам подачи исковых заявлений, как будет показано далее, уделялось мало внимания. Существовали виндикационные иски (о возвращении владения движимой вещью), иски о взыскании денежного долга, иски из противоправного нарушения владения с причинением вреда, и иногда устанавливали специальную, подходящую форму подачи иска по делам о восстановлении владения недвижимостью. Однако самым часто встречающимся иском, наравне с исками о восстановления владения землями, или исками о взыскании платы за нанесение прямого вреда здоровью, был иск о взыскании убытков.[3]

Производство по уголовным дела, как уже говорилось, было в компетенции Большого жури, которое выносило обвинительный акт и признавало обвинение безосновательным или подтверждало его. Иногда на обороте они отмечали, что «у них имеются серьёзные подозрения, однако они находят их недостаточными для предания обвиняемого суду». Упоминаются случаи, когда, после того, как дело было заслушано, и подсудимый был оправдан по всем пунктам обвинения, присутствующие в суде вставали со своих мест и обвиняли его в других

1 Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. P. 100.
2 Constitutional law. St. Paul, MN. 2001. P. 187.
3 Bradstreet quotations are from The American Puritans: Their Prose and Poetry, ed. Perry Miller (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956), p. 270.

преступлениях, и тогда его снова судили. [1]

Обвинительные акты для предварительно предъявления присяжным были, как было показано, не очень официальными, а также законами не была предусмотрена должность Генерального прокурора штата, который должен был заключать под стражу правонарушителей.[2]

Причины неофициальности этих процессов, возможно, кроется во мнении, уже высказанным Блэкстоуном, о желании признания со стороны колонии английских законов. «Они считали, что английские законы на них не распространяются, так как они неприменимы к таким благочестивым людям. Поэтому они почти полностью переняли европейскую систему законов. Когда обычное право Содружества было признанно имеющим недостатки, было решено, что выносить приговоры по уголовным делам следует, руководствуясь словом Божьим»[3].

К концу XVII века суды получили полномочия позволять подавать прошения о бесплатном рассмотрении иска, и иногда, согласно регистрационным записям, такое случалось, хотя стороны освобождались только от уплаты судебного сбора.

Говоря о становлении и эволюции правосудия в североамериканских штатах и его влиянии на формирование федеративных основ, следует отметить, что как и тогда, так и сегодня не имеется классического определения правосудия, как, впрочем, и понятия судебной власти, которые неразрывно связаны между собой. Большинство современных исследователей сходятся в том, что правосудие представляет собой вид правоохранительной деятельности по рассмотрению и разрешению различных категорий судебных дел в установленных законом процессуальных формах, т.е. в форме реализации судебной власти[4].

Поскольку судебная власть относится к одной из ветвей государственной власти, постольку правосудие должно рассматриваться как особый вид

---

1 Blackstone, W. Commentaries on the Law of England / W. Blackstone. – Philadelphia: Gco T. Bisel Co, 1922. – Vol. 1. – 291 p.
[2] Ibid. P. 281.
[3] Ibid. P. 297.
4 Quoted in George Macaulay Trevelyan, England under the Stuarts (1904; Harmondsworth: Penguin, 1960), 74.

государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права[1].

По мнению ряда российских ученых, правосудие осуществляется посредством рассмотрения в судебных заседаниях гражданских, уголовных и иных дел в установленной законом процессуальной форме. Причем, это не только разбирательство дел судом первой инстанции, но и пересмотр вынесенных им решений вышестоящими судами – то есть, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциями, а также производство в суде по вновь открывшимся обстоятельствам[2].

В предыдущих главах и данном параграфе уже говорилось, что процесс формирования единого федеративного государства США занял длительный исторический период с начала XVII в. до середины XVIII в. Одновременно этот период был временем становления и эволюции правосудия в колониях, а затем и штатах.

Интересным примером данной проблематики, где также можно проследить эволюцию право штатах служит штат Иллинойс, который в отличие от штата Массачусетс (конституция принята в 1780 г.)[3] был образован только в 1818 году (конституция принята 26 августа 1818 г.).

Статьей IV Конституции штата учреждался Верховный Суд в составе 4 судей, которыйьнаделялся апелляционной юрисдикцией, исключение составляли дела о доходах, о приказах низшим должностным лицам, habeas corpus и об импичменте, которые в этом суде рассматривались по первой инстанции. Судьи Верховного Суда назначались Генеральной Ассамблеей, которая так же учреждала все остальные внутренние суды, а срок пребывания судей в должности зависел от поведения судей, за исключением первых назначенных судей, чей срок истекал в 1824 году. В юрисдикции судьи окружного суда находились все дела, а так же иски в соответствии с общим правом и правом справедливости, по которым сумма иска

---

[1] Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2009. С. 99.

[2] Justice in the Modern World: monograph / under the editorship of V.M. Lebedev and T.Y. Khabrieva.-M.: Norma: INFRA-M, 2014.

[3]

составляла более 20 долларов, и все дела об измене, иных тяжких уголовных преступлениях, преступлениях и проступках. Новые судьи были назначены на должность без определенного срока пребывания и все члены судебной системы находились под воздействием законодательной власти.

В 1824 году Генеральная Ассамблея назначила на должности новых судей Верховного суда, а также были созданы 5 окружных судов и их возглавили 5 окружных судей. Однако в 1827 году они законодательно прекратили свое существование и четырем судьям Верховного Суда вновь пришлось возглавить окружные суды в четырех округах. В 1829г. к северу от реки Иллинойс был учрежден пятый округ, а в 1835г. Генеральной Ассамблеей были назначены судьи для остальных окружных судов, и Верховный Суд вновь освободился от нагрузки в виде рассмотрения дел в окружных судах. Кроме того, были учреждены шестой округ и шестая должность окружного судьи.

Уже к 1838 году в Иллинойсе насчитывалось 9 окружных судов и 9 окружных судей. Принципы правосудия, заложенные Конституцией 1818 года, наделили Генеральную Ассамблею властью создавать суды нижестоящей инстанции, которые были полностью подконтрольны Генеральной Ассамблее[1]. Действие этого предписания Конституции ясно демонстрирует история окружных судов, которые создавались и упразднялись три раза в течение 20 лет, а законодатели меняли судебную систему практически каждые два года и упорядоченная судебная система долго не могла укорениться в Иллинойсе. Власть, которой была наделена Генеральная Ассамблея, по назначению и снятию с должности судей, даже судей Верховного Суда, сделала судебную систему полностью зависимой от генеральной Ассамблеи. Но уже в 1848 году потребовалось понимание того, что эффективная судебная система должна быть независимой от Генеральной Ассамблеи, что было основной причиной составления проекта новой конституции.[2]

Статья V Конституции Иллинойса 1848 года учреждала Верховный Суд в составе трех судей, двое из которых составляли кворум. Эти судьи избирались

---

[1] John M. Zane, The Story of Law (Indianapolis: Liberty Fund, 1998).
[2] A.P. Blaustein and J.A. Sigler (eds.), Constitutions That Made History (1988), pp. 77-78.

путем общественного голосования от каждого подразделения штата на 9 лет. Верховный Суд в качестве первой инстанции рассматривал дела о доходах, приказах низшим должностным лицам, habeas corpus, и импичменте, и все остальные категории дел в качестве суда апелляционной инстанции и заседал в каждом округе один раз в год.[1]

Конституция 1848 года устанавливала 9 округов, где окружной судья избирался в своем округе на 6 лет и в его юрисдикции входили дела на основе закона и права справедливости, а так же все апелляционные жалобы на решения нижестоящих судов. Генеральная Ассамблея получила лишь возможность увеличивать количество округов, чем она и успешно пользовалась. Судьи Верховного Суда и окружных судов не могли занимать какую-либо иную должность на уровне федерации или штата в течение срока нахождения в должности судьи и год после освобождения от должности судьи, но их могли снять с занимаемой должности двумя третями каждой палаты Генеральной Ассамблеи[2].

Конституция и последующее законодательное регулирование учреждали окружной суд (county court) в каждом округе (county) во главе с окружным судьей (county court judge), чей срок пребывания в должности длился 4 года. В юрисдикцию суда входили все дела о наследстве, гражданские дела, сумма иска по которым не превышала 100 долларов, дела о насильственном вторжении и незаконном удержании недвижимости, уголовные дела о нападениях, побоях, нарушении общественного порядка, кражах, совершенных неграми (рабами или свободными), а так же дела при совпадающей юрисдикции с окружным судом (circuit court) по делам о продаже недвижимости умерших лиц.[3]

В каждом округе (county) были избраны по 2 мировых судьи, которые заседали вместе с окружным судьей (county judge), а срок нахождения этих судей в должности составлял 4 года, их юрисдикция была такой же, как и у мировых судей до 1848 года[4].

---

[1] Ibid., pp. 143-144.
[2] Brenan, W. State Constitutions and the Protection of Individual Rights / W. Brenan // Harvard Law Review. – 1997.
3 Timeline of Judicial History of Illinois, 1924.
[4] Ibid.

В течение двух десятилетий после вступления Конституции 1848 года в силу, количество населения Иллинойса резко возросло, особенно в ранее малонаселенных районах севера. Статья V раздела 1 Конституции штата предусматривала положение о том, что «нижестоящие местные суды гражданской и уголовной юрисдикции могут учреждаться Генеральной Ассамблеей в городах этого штата, однако, структура таких судов должна быть одинакова, а юрисдикция не должна выходить за пределы города»[1]. Впоследствии в 1854 году Генеральная Ассамблея учредила выборную должность председателя полицейского суда: одного - для каждого города с населением менее 6 000 человек; двух – для городов с населением от 6 000 до 12 000 человек и трех – для городов, чье население превышает 12 000 человек. Срок пребывания их в должности составлял 4 года, но их юрисдикция была такой же, как и мировых судей их округа (county), а так же в юрисдикцию председателя полицейского суда входили дела о распоряжениях, сумма иска по которым составляла не более 100 долларов[2]. Однако дело могло быть рассмотрено любым другим председателем полицейского суда этого города или ближайшим мировым судьей, а порядок и процедура рассмотрения дел были такими же, как и в мировом суде, за исключением дополнений, установленных хартией определенного города. Мировые суды и полицейские суды не были судами письменного производства, вследствие чего, апелляционная жалоба в суд письменного производства означала рассмотрение дела по существу[3]. Для удовлетворения потребностей, связанных с ростом населения в городских регионах, суды письменного производства были учреждены в Чикаго, Авроре, Элгине и других развивающихся городах. Такие суды учреждались как суды общегражданских исков и их юрисдикция совпадала с юрисдикцией окружных судов (circuit courts), кроме дел о предательстве и об убийстве. В 1859 году суд общегражданских исков округа Кук (Cook county) был переименован в Главный суд первой инстанции Чикаго, юрисдикция которого совпадала с юрисдикцией

[1] Ibid.
[2] Plucknett, T.F.T. A Concise History of the Common Law / T.F.T. Plucknett. – Rochester, NY: The Lawyers Cooperative Publishing Co, 1929. 830 p.
[3] Ibid.

Окружного Суда (Circuit Court).[1]

Конституция 1848 года была конституцией сельскохозяйственного штата, и она устанавливала судебную систему сельского типа. Однако рост Иллинойса происходил не только за счет населения, но и за счет экономики, т.к. в штате развивались большие индустриальные территории и крупные городские районы. Конституция штата и установленная ей судебная система вскоре перестали отвечать требованиям штата, и в 1869 году конвент, изначально призванный внести поправки в старую конституцию, создал абсолютно новую, для частично-городского и частично-сельского штата. Конституция 1870 года по существу была основным законом Штата Иллинойс до принятия Конституции 1970 года[2].

Что представляет из себя судебная система Иллинойса в соответствии с конституцией 1870 года.

Конституция 1870 года в статье VI устанавливала новую судебную систему, которая была довольно сложной. Верховный Суд состоял из семи судей, а юрисдикция его была такой же, какую устанавливали предыдущие конституции. Суд был обязан ежегодно заседать в течение сессии в каждом из трех больших подразделений, установленных конституцией 1848 года, а так же одну или две сессии в Чикаго, при условии наличия необходимого помещения. Четверо судей составляли кворум, и согласие четырех судей было необходимо для принятия решения. Штат был разделен на 7 районов (дистриктов) для выборов судей Верховного Суда и эти районы могли быть изменены законом для установления равного количества населения в каждом из них, однако они должны были состоять из смежных между собой округов (counties) [3]. Срок пребывания судей Верховного Суда в должности составлял 9 лет.

В 1879 году было установлено законодательное требование к Верховному Суду – его сессии должны были проводиться только в одном городе в октябре, декабре, феврале, апреле и июне. Этот же закон предписывал назначение персональных секретарей для судей Верховного Суда, а так же устанавливал

1 Act of March 2, 1859 (To Establish a Circuit Court in and for the State of Illinois).
[2] Act of March 5, 1869.
[3] See T. Ia. Khabrieva, “Вступительная статья” [Introductory Article], Конституции государств Америки [Constitutions of the States of America] (2016), I,.

необходимость назначения библиотекаря Верховного Суда. Суду было дано право законодательной инициативы – возможность подавать законопроекты законодательной ветви власти, что было новшеством. Раздел 31 статьи VI устанавливал необходимость судей представлять Суду ежегодный письменный отчет, а так же устанавливалось, что Суд каждый год представляет письменный отчет о недостатках правового регулирования в Иллинойсе Губернатору и законопроекты Генеральной Ассамблее для разрешения этих проблем. Объединив с VI статьей раздел 11, предусматривавший учреждение апелляционного суда, можно рассматривать создание Верховного суда в качестве основы, положившей начало, совершенствующей и толкующей законы штата Иллинойс. Верховный Суд с тех пор не играл роль выездного апелляционного суда. [1]

Конституция предусматривала создание апелляционного суда Генеральной Ассамблеей после 1874 года и четыре таких суда были созданы уже в 1877 году. Каждый такой суд состоял из трех судей, которые назначались Верховным Судом из окружных судов (circuit courts), или, в случае с Округом Кук (Cook County) из Главного суда первой инстанции. Судьи назначались на 3 года и проводили 2 сессии ежегодно и избирали Председательствующего судью. Кворум составляли 2 судей, и согласие 2 судей из трех было необходимо для принятия решения по делу[2]. В юрисдикцию суда входил только апелляционный пересмотр дел, рассматривались все жалобы и приказы об ошибках на решения любого окружного суда (circuit court), Главного суда первой инстанции округа Кук, окружных судов (county courts)или городских судов по любому делу или процедуре или праву справедливости, в отличие от уголовных дел, дел, касающихся привилегий, безусловных прав собственности на недвижимость или законной силы статута[3]. Решения таких судов были окончательными по делам, сумма иска по которым была меньше 1 000 долларов, или в случаях, когда нижестоящие суды оценивали утраты в сумму, меньшую, чем 1000 долларов, за исключением случаев, когда Апелляционный Суд считал дело довольно значимым, чтобы его рассмотрел

1 Act of April 29, 1802 (To Amend the Judicial System of the United States).
[2] Ibid.
[3] Ibid.

Верховный Суд[1].

В 1897 году был принят закон, дававший право Верховному Суду назначать трех окружных судей (circuit judges) в отделение Апелляционного Суда любого района (дистрикта), в котором количество дел, ожидающих рассмотрение, превышало 250. В 1911 году закон давал возможность устанавливать дополнительные отделения для отделений судов, в которых количество дел, ожидающих рассмотрения, было больше 250. Юрисдикция отделений и юрисдикция Апелляционных судов были одинаковы, однако Верховный Суд мог отстранить или перевести окружных судей (circuit court judges) или судей главного суда первой инстанции, назначенных в Апелляционный Суд.[2]

Конституция устанавливала окружные суды (circuit courts), рассматривавшие дела общего права и права справедливости по первой инстанции, а так же решения нижестоящих судов в качестве апелляционной инстанции. Впоследствии Генеральная Ассамблея поделила Штат на 17 округов (circuits), за исключением Округа Кук (Cook County), который являлся отдельным округом. Округа должны были быть максимально равными по населению, развитию экономики и по территории, а так же они должны были состоять из смежных нижестоящих округов (counties). Положения Конституции предусматривали по одному судье на каждый округ (circuit), но Генеральная Ассамблея установила по 3 судей в каждый из округов (circuits). Судьи окружных судов (circuit court judges) избирались в своих округах (circuits) на 6 лет, а сессия каждого окружного суда (circuit court) должна была проходить, по крайней мере, два раза в год в каждом нижестоящем округе (county).

Единственным исключением был нижестоящий Округ Кук (Cook County), в котором рост количества дел существенно превышал рост населения. Развитие промышленности, торговли и городская жизнь служили причинами возникновения новых видов правовых процедур, обоснование прав и свобод. Таким образом, в то время, как население Округа Кук было примерно таким же, как и в других округах, то количество подаваемых исков было гораздо больше, во всех остальных округах,

1 http://www.state.il.us/court/General/History.asp
2 Act of March 3, 1911.

вместе взятых[1].

Конституция 1870 года учредила Округ Кук как единый округ с 5 судьями, где Главный Суд первой инстанции Чикаго стал Главным Судом Первой Инстанции Округа Кук. Так же были предусмотрены положения, расширявшие численный состав обоих судов. Старый Суд письменного производства Чикаго был заменен на Уголовный Суд Округа Кук, в юрисдикцию которого входила юрисдикция окружного суда по уголовном и квази-уголовным делам в защите частных прав граждан, а сессии Уголовного суда проводились судьями Окружного и Главного суда первой инстанции. Генеральная Ассамблея увеличивала численный состав судей Окружного суда Округа Кук до тех пор, пока он к 1915 году не достиг 20 человек[2].

В 1905 году Генеральная ассамблея приняла новый закон, позволяющий создавать окружным судам отделения в любом нижестоящем округе, а в 1909 году утвердила положение о переназначении судей из одного округа в другой на срок не более чем 8 месяцев[3].

Конституции каждого штата так же содержали положения о создании нижестоящих окружных судов в каждом нижестоящем округе. На эту должность избирался один судья на четырехлетний срок; однако, в тех случаях, когда это было целесообразно. Генеральная Ассамблея могла создать район (дистрикт) из двух или более нижестоящих округов, который входил бы в юрисдикцию одного судьи и такой суд был Судом нижестоящего округа, осуществляющим письменное производство[4]. Впоследствии, законодательство изменило юрисдикцию судов нижестоящих округов так, что в итоге в его юрисдикцию входили наследственные дела и смежная юрисдикция с мировыми судьями (в тех случаях, когда сумма иска не превышала 1 000 долларов), все малозначительные уголовные дела и проступки (наказанием за которые не было заключение в федеральную тюрьму или смертная

---

[1] Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford, 1765-1769. Vol. 1. P. 134. URL: http: // avalon.law.yale.edu/subject_menus/blackstone.asp.
[2] Ibid. p. 151.
[3] Urofsky, M., Finkelman, P.A. March of Liberty: a Constitutional History of the United States. Vol. 1: From Founding to 1900 / M. Urofsky, P. Finkelman. – London-NY: Oxford University Press, 2011. – 672 p.
[4] Ibid.

казнь), а так же все апелляционные жалобы на решения мировых судей и председателей полицейских судов (кроме случаев, когда судья нижестоящего округа был мировым судьей – в таком случае апелляция подавалась в окружной суд) [1].

Конституция 1870 года и последующее законодательство в 1877 и 1881 годах учредили Суды по делам о наследстве в тех нижестоящих округах, население которых превышало 70 000 человек. Судьи таких судов осуществляли свои полномочия в течение 4 лет. Однако в Законе 1903 года Генеральная Ассамблея предусматривала положения о том, что судьи судов по делам о наследстве и судьи нижестоящих окружных судов могут заменять друг друга и «стремиться к поиску баланса различных интересов» [2].

Конституции штатов предусматривали положения, в соответствии с которыми положение и система мировых судей и председателей полицейских судов не отличалась от установленной ранее, а в 1901 годы был принят закон, касавшийся судов письменного производства в крупных городах и в него вносились поправки в 1901, 1911 и 1913 годах. В соответствии с этим законом в городских судах могло быть от 1 до 5 судей, хотя количество должностей не могло быть менее 1 на каждые 50 000 человек. Суды могли создаваться только в городах, чье население было больше или равно 3 000 человек и судьи назначались на 4 года, а юрисдикция этих судов совпадала с юрисдикцией окружных судов, кроме дел об измене и об убийствах[3].

Например раздел 31 статьи VI Конституции штата Иллинойса предусматривал положения о возможности отрешения любого судьи от должности путем принятия решения тремя четвертыми всех избранных членов каждой палаты Генеральной Ассамблеи.[4]

Раздел 17 статьи VI содержал требования к назначении кандидата на

---

[1] The History of the Common Law of England by Matthew Hale (1713). URL: http:// mahan. wonkwang.ac.kr/link/med/law/england/commonlaw/CommonL.htm.
2 Ibid.
[3] Adeiman, J, Aron, S. From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States and the Peoples in between in North American History / J. Adelman, S. Aron // The American Historical Review. – 1999. – Vol. 104. - № 3. – P. 814-841.
[4] Ibid.

должность судьи. Возраст кандидата на должность окружного или любого нижестоящего судьи должен был быть не менее 25 лет, кандидат должен быть гражданином Соединенных Штатов, жителем Штата Иллинойс, по крайней мере, 5 лет до выдвижения кандидатуры и резидентом округа, крупного города или небольшого города, в котором он избирался[1].

Недовольство системой мировых судов и председателей полицейских судов стало настолько выраженным, что поправка 1904 года к Конституции упразднила мировые суды, полицейские суды и констеблей в Чикаго и ограничила юрисдикцию всех остальных мировых судей, полицейских судов и констеблей в Округе Кук. Так же разрешалось учредить муниципальный суд в городе Чикаго[2].

Законодательные акты 1905, 1906, и 1907 годов учредили Муниципальный Суд Чикаго, в юрисдикцию которого входили гражданские дела об истребовании денег или имущества, а так же не тяжкие уголовные дела. Этот суд был создан для удовлетворения быстро растущих потребностей городского района и время от времени его реорганизовывали для удовлетворения потребностей Чикаго. В 1899 году законодательно была установлена возможность, а в 1907 были внесены поправки в деятельность созданного Суда по делам несовершеннолетних (позднее его переименовали в Суд по семейным делам) в Округе Кук. Один судья окружного суда должен был рассматривать все дела с участием лиц, моложе 21 года, указанных в законе как материально зависимых, заброшенных или нарушающих закон. Такой закон был первым во всей федерации и в дальнейшем был учтен для создания аналогичных судов во всех штатах. Другими словами речь шла о защите прав и свобод всех категорий граждан, а в 1903 году в Иллинойсе был учрежден административный орган, называвшийся Претензионным судом для рассмотрения любых дел, адресованных против штата и губернатором было назначено 3 судей[3].

Эти специализированные суды демонстрировали потребности растущего населения и развития независимости, необходимости и ответственности судов Иллинойса. Они достаточно хорошо справлялись с поставленными задачами,

---

[1] Blackstone W. Op. cit. Vol. 1. P. 135.
[2] Ibid. Vol. 2. P. 2.
[3] Zweigert, K., Kotz, H. An Introduction to Comparative Law: vol. 1. 2d ed / K. Zweigert H. Kotz. – London-NY: Oxford University Press, 1992. – 392 p.

однако, вскоре проблемы осуществления правосудия в федеративном государстве поставили перед судами новые задачи.

Стоит рассмотреть эффект, который оказал рост Чикаго и других городских районов на судебную систему Иллинойса. Как уже замечалось ранее, еще до 1859 года для растущих городов начали создаваться специализированные суды, юрисдикция которых совпадала с юрисдикцией уже существовавших на то время судов[1]. Создание таких судов было необходимым, так как даже в 1870 году Конституция не была достаточно гибкой и не могла справиться с ростом населения и необходимостью расширения судебной системы. Примером наибольшей путаницы стал Округ Кук (Cook County), где насчитывалось большое количество судов: Окружной суд (circuit court), Главный суд первой инстанции, Суд по семейным делам, Суд по уголовным делам, Суд по делам о наследстве, Суд нижестоящего округа (county court), Муниципальный суд Чикаго, 23 городских, сельских и муниципальных судов, 75 мировых судей и 103 Полицейских суда.[2] Юрисдикции многих судов совпадали, что создавало еще большие организационные проблемы. Возможно, наиболее значительным был тот факт, что административного органа, объединявшего, координирующего и надзиравшего за деятельностью этих судов, не существовало. С целью исправления такой ситуации в середине XX века на голосовании была принята поправка, учредившая единообразную судебную систему, которая вступила в силу 1 января 1964 года, и представляла собой абсолютно новую VI статью конституции Иллинойса 1870 года.

В соответствии со статьей 1964 года, судебную власть осуществляли Верховный Суд, Апелляционный суд и Окружные суды (circuit courts). Все ранее существовавшие суды первой инстанции были упразднены, а их юрисдикция была передана соответствующим Окружным судам (circuit courts).

В состав Верховного Суда входило 7 судей, избиравшихся из 5 районов (дистриктов). Оставшаяся часть штата была поделена на 4 судебных района. Трое

---

[1] У. Бернам. Правовая система США. 3-й выпуск. – М.: «Новая юстиция», 2006. – с. 303.

2 Act of March 5, 1925.

судей Верховного Суда избирались в Первом Судебном районе, а в остальных районах – по одному судье. Четверо судей составляли кворум, и для принятия решения было необходимо согласие четырех судей. Судьи избирались на срок в 4 года, а Верховный суд в качестве первой инстанции рассматривал дела о доходах, о приказах низшим должностным лицам, о запретах и дела habeas corpus. Все остальные дела суд рассматривал в качестве апелляционной инстанции за исключением дел о доходах, касавшихся положений федеральной конституции или конституции штата, делах habeas corpus или при подаче апелляционной жалобы на вынесенное решение в отношении дела, касающегося применения смертной казни, апелляция передавалась из Окружного Суда непосредственно в Верховный Суд.[1]

Верховному Суду давалось право устанавливать процессуальные правила рассмотрения дел, по сути означавшая, что общая административная власть над всеми остальными судами осуществлялась Верховным Судом в лице Председателя Суда, который избирался членами Суда на 3 года. Для помощи Председателю Суда в осуществлении таких полномочий, Статья устанавливала должности администратора Суда и служебного персонала. Из положений статьи видно, что внимание Верховного Суда к развитию, толкованию и применению права Иллинойса в соответствии с федеральной конституцией значительно возросло. Таким образом, сложившееся правосудие значительно отличалось от того, что существовало в 1820 году[2].

Апелляционный суд был организован по тому же принципу пяти судебных районов, что и Верховный Суд и состоял и 24 судей, 12 – в Первом Районе (Округе Кук), и по 3 судьи в каждом из оставшихся судебных районов, которые избирались на десятилетний срок.[3]

Все окончательные решения окружных судов (circuit courts), за исключением тех, которые обжаловались только в Верховном Суде, и оправдательных приговоров за примерное поведение по уголовным делам, могли быть обжалованы

---

1 Richard A. Posner, The Federal Courts: Crisis and Reform, 1985.
[2] Ibid.
[3] Эта информация, как и другая информация о судах штатов, взята из сборника: The Book of the States. Council of State Governments, Lexington, Kentucky, 1990-1991, p. 204-207).

в Апелляционный суд того района (дистрикта), в котором был расположен окружной суд (circuit court)[1]. Для гарантии возможности пересмотра любого дела. Апелляционный суд был наделен правом рассматривать любые дела по первой инстанции. Апелляционные жалобы на решения Апелляционного суда по делам, затрагивавшим вопрос, регулируемый федеральной конституцией или конституцией штата, в первый раз, а так же в тех случаях, когда Апелляционный Суд считал необходимым рассмотрение дела в Верховном Суде, подавались в Верховный Суд. Во всех остальных случаях Апелляционный Суд был последней инстанцией, если только Верховный Суд не давал своего согласия на пересмотр дела[2].

Осуществляя административную власть над всеми нижестоящими судами, Верховный Суд мог издавать и издавал правила, касающиеся подачи апелляционных жалоб на решения Апелляционного Суда в Верховный Суд, который мог назначить дополнительных судей в Апелляционный Суд, а так же мог переводить подразделения апелляционного Суда из одного района в другой при необходимости. Так же в соответствии с установленными правилами Суд мог рассматривать апелляционные жалобы, касавшиеся небольших сумм и рассмотрение которых не отнимало много времени.[3]

Конституции штатов имели статьи делившие штаты на судебные округа (judicial circuits) и состоящие из одного или нескольких нижестоящих округов (counties).

К примеру раздел 8 Статьи VI Конституции того же штата Иллинойса предусматривал возможность законодательного создания судебных округов при необходимости, т.е. в статье не содержалось запрета на определенное количество таких судебных округов; и, следовательно, она была достаточно гибкой и могла удовлетворять будущие потребности развивающегося штата. На каждый судебный округ приходился один окружной суд и суд мог рассматривать по первой инстанции «все вопросы, подлежащие судебному рассмотрению». Наделив общей

[1] Ibid. p. 209.
[2] Ibid.
3 Richard E. Ellis, The Jeffersonian Crisis: Courts and Politics in the Young republic, 1971.

юрисдикцией окружные суды и установив в каждом судебном округе по одному окружному суду, законодатели предотвратили и избежали трудностей, сопряженных со сложной и пересекающейся юрисдикцией, а так же правовых вопросов, вытекавших из таких сложных ситуаций.[1]

В окружных судах существовало 3 категории судей: окружные судьи, члены суда и мировые судьи. Окружные судьи рассматривали дела, входившие в юрисдикцию окружного суда, а так же они могли устанавливать правила судопроизводства в данном суде и избирались всем судебным округом. Председатель окружного суда избирался судебным округом и членами суда и был управляющим судебным округом, а также имевшим административную власть над всем соответствующим округом, и подчинялся административной власти Верховного Суда, т.к. распределял дела между судьями, служебные обязанности между судебным персоналом, а так же устанавливал время и место судебных заседаний[2].

Члены суда рассматривали все дела, входившие в юрисдикцию окружного суда: избирали Председателя суда, однако не имели права устанавливать правила судопроизводства, и не могли быть избраны на должность председателя. От каждого нижестоящего округа штата должен был быть избран хотя бы один член окружного суда, а срок назначения на должность судей окружного суда и членов окружного суда составлял 6 лет[3].

Мировые судьи назначались окружными судьями и могли занимать свою должность в течение желаемого срока, так как официальных сроков нахождения в должности для них установлено не было. В их юрисдикцию входили все дела, попадающие по юрисдикцию окружного суда, однако, на рассмотрение к ним назначались совсем немногие категории дел. Закон наделял Верховный Суд правом расширять круг дел, назначаемых к рассмотрению мировыми судьями: председатель окружного суда мог ограничить и конкретизировать круг дел, которые

1 Peter McCabe, The Federal Magistrate Act of 1979, Harv. J. on Legis., 1979.
[2] Andrew C. McLaughlin, The Foundations of American Constitutionalism (New York: University Press, 1932).
[3] Ibid.

могли быть назначены к рассмотрению мировыми судьями в его судебном округе[1]. В основном мировые судьи рассматривали гражданские дела, сумма иска по которым не превышала 15 000 долларов; квази-уголовные и уголовные дела, наказание по которым составлял штраф не более 1 000 долларов, либо лишение свободы на срок не более 1 года, либо и то и другое. Мировые судьи так же выполняли внутренние административные функции, а количество мировых судей, разрешенное к назначению, должно быть пропорционально населению. В дополнение к мировым судьям, назначенным статутом, Генеральная Ассамблея наделила Верховный суд правом распределять назначения еще 40 мировых судей в судебных округах при появлении такой необходимости.[2]

Статья 1964 года установила важные нововведения в принципах правосудия. В соответствии с 11 разделом Статьи, судьи, будучи избранными, имели возможность переизбраться, однако не в качестве члена какой-либо партии или против кандидата, но отдельно зарегистрированными, а электорат голосовал за или против единоличного судью, и, для того чтобы остаться в должности, судье необходимо было набрать большинство голосов. Однако раздел 10 предусматривал первоначальное избрание судей по партийным спискам и любой кандидат, который выдвигался на выборную должность судьи в первый раз, должен был «быть предложен партийным съездом или внутрипартийными выборами, после чего участвовать в выборах на должность судьи…»[3].

Раздел 16 предусматривал запрет на занятие судьями федеральных должностей, должностей штата, должностей в муниципальных корпорациях, политических партиях, а так же запрет на ведение частной правовой практики. Раздел 15 устанавливал положения о том, что никто не может быть избран на должность судьи, если только это не гражданин, юрист, имеющий лицензию по праву данного штата и житель данного судебного района, судебного округа, нижестоящего округа или иного территориального деления, от которого он

---

[1] Schwartz, B. Commentary on the Constitution of the United States: Federal and State Powers. Vol. 1 / B. Schwartz. – NY: Macmillan, 1968. – 481 p.
[2] Ibid.
[3] Martin Diamond, The Founding of the Democratic Republic (Itaska, Ill.: F. E. Peacock Publishers, 1981).

избирается. Это была попытка установить судейскую должность в качестве полноценной профессии в Иллинойсе, а так же увеличить эффективность и объективность отправления правосудия.[1]

Раздел 18 устанавливал Делегацию Судей, состоявшую из судьи Верховного Суда, который избирался судьями Верховного суда, 2 судей апелляционного суда, которые избирались апелляционным судом и 2 окружных судей, которые избирались Верховным Судом с возможностью выхода на пенсию по инвалидности или отстранить любого судью от занимаемой должности при необходимости. Таким образом, система правосудия предпочитала сама выносить судебные решения в отношении своих сотрудников, а не доверять эту власть Генеральной Ассамблее. Делегация Судей созывалась Председателем Верховного Суда, по решению Верховного Суда или по просьбе Сената, а раздел 19 устанавливал, что Председатель Верховного Суда ежегодно должен был созывать Судебную Конференцию «для обсуждения вопросов, возникающих в судах и для предложений по улучшению отправления правосудия»[2]. Позже, Верховный Суд был обязан представлять Генеральной Ассамблее ежегодный отчет и такие положения были закреплены в законодательстве для развития системы правосудия в качестве профессиональной и независимой ветви власти, которая бы работала наряду с Генеральной Ассамблеей, а не подчинялась ей.[3]

Рассмотрим в качестве примера деятельность окружного Суда Округа Кук в соответствии со Статьей 1964 года. Окружной Суд Округа Кук – самый большой суд в штате Иллинойс, а краткий обзор его организации покажет Статью 1964 года в ее наиболее полном применении[4].

Для того чтобы справится с чрезвычайно большой нагрузкой, Окружной Суд Округа Кук был разделен на два отдела – Нижестоящего округа (county) и Муниципальный. Муниципальный отдел рассматривал относительно небольшие дела, в основном, практически такие же, какие находились в юрисдикции мировых судей (кроме дел о наследстве). В состав Муниципального отдела входили мировые

[1] Ibid.
[2] Ibid.
3 Ralph Lernen, The Supreme Court as Republican Schoolmaster, Sup. Ct. Rev., 1957.
[4] Ibid.

судьи, члены суда и один судья судебного округа (circuit judge), который был разделен на 6 районов по географическому принципу, а каждый район позднее был поделен на гражданские и уголовные подразделения. Такая система была удобна с географической точки зрения и, так же, была приспособлена к огромному количеству исков, подаваемых в Окружной Суд Округа Кук[1].

Отдел Окружного Суда рассматривал относительно крупные дела, т.е. в его составе существовало функциональное разделение – каждая секция рассматривала определенную категорию дел, а секция Права была уполномочена рассматривать дела о возмещении убытков на сумму более чем 15 000 долларов; Секция по Делам о Наследстве рассматривала дела, касающиеся доказывания завещаний и распоряжения имуществом умерших, несовершеннолетних и неправоспособных; Секция по Делам Семьи рассматривала дела, касающиеся материально зависимых, заброшенных и нарушивших закон девочек до 18 лет и мальчиков до 17 лет, а так же лиц, обвиненных в вовлечении детей в нарушение закона; Секция по Делам о Разводе рассматривала дела о разводах, о содержании, назначаемом женам при разводе, а так же о признании брака недействительным; Секция Уголовных Дел слушала дела о тяжких уголовных преступлениях; Окружная Секция слушала дела об усыновлении (удочерении), налогах на наследство, опротестовывании результатов выборов, о недвижимости, муниципальных организациях, а так же осуществляли разбирательство по делам об охране психического здоровья; Секция Права Справедливости слушала иски о судебных запретах, толковании завещаний и распоряжений имуществом на началах доверительной собственности, а так же дела о лишении права выкупа закладной.[2]

Так как в юрисдикцию всех должностных лиц Окружного Суда, включая мировых судей, входили все дела, относящиеся к юрисдикции Окружного Суда, то рассмотренное дело, независимо от того, было ли оно осуществлено окружным судьей, членом суда или мировым судьей, считалось рассмотренным в Окружном Суде. Следовательно, все апелляционные жалобы направлялись в Апелляционный

---

[1] Ibid.

2 Russell R. Wheeler, Origins of the elements of federal Court Governance, Federal Judicial center, 1992.

Суд, либо в Верховный Суд, а секции были учреждены для повышения эффективности работы Окружного Суда[1].

В попытках справится с растущей сложностью и запутанностью социальных, промышленных и коммерческих институтов, за многие годы суды Иллинойса стали очень загружены деламис совпадением юрисдикции. У обычных граждан было очень мало шансов понять, как устроена система правосудия, хотя она с течением времени совершенствовалась. Конституционные изменения 1848, 1870, 1904 годов, а так же последующее законодательное регулирование – только некоторые примеры этого процесса[2].

Такие попытки привели к успешному созданию однообразной системы правосудия, установленной Статьей 1964 года и Конституцией штата Иллинойса 1970 года.

В конце 1960х годов опросы граждан вызвали рост настроений в пользу назначения судей на должности, однако голосующие отклонили противоположную возможность формировать все судейские должности с помощью назначения. Статья о Судебной Системе (Статья VI) Конституции 1970 года может рассматриваться в качестве усовершенствования Статьи о Судебной Системе 1964 года, где в основе была все та же структура единообразной трехзвенной судебной системы[3].

Однако в нее были внесены определенные изменения, которые сокращали обязательную апелляционную юрисдикцию Верховного Суда. Апелляционные жалобы на решения окружного суда направлялись в Верховный Суд только в случаях, когда окружной суд в виде наказания назначал смертную казнь. Все остальные жалобы направлялись в Апелляционный Суд, кроме случаев оправдания за примерное поведение по уголовным делам[4].

Новая Статья о Судебной Системе предусматривала возможность апелляционного обжалования решения Апелляционного Суда в Верховном Суде

---

1 Kermit Hall, The Civil War Era as a Crucible for Nationalizing the Lower Federal courts, 1975.
[2] Ibid.
3 David Eisenberg, The Birth of the Federal Court System, 1987.
[4] Ibid.

только в 2 ситуациях. К первому случаю относились дела, в которых затрагивалась Конституция Иллинойса или Федеральная Конституция, такой иск должен был подаваться первый раз и быть следствием действий Апелляционного Суда. Ко второму случаю относились дела, которые Апелляционный Суд счел настолько важными, что они должны были рассматриваться Верховным Судом, который так же мог рассматривать и другие апелляционные жалобы на решения окружных судов и Апелляционного Суда[1].

Снижение обязательной нагрузки на Верховный Суд по рассмотрению дел, позволило ему сконцентрироваться на осуществлении своих обязанностей по разрешению нестандартных и важных дел, т.к. Верховный Суд продолжал оставаться надзирающим органом судебной системы Иллинойса по вопросам управления и права[2]. Кроме дел, которые обычно входили в юрисдикцию Верховного Суда (дела о государственных доходах, приказах низшим должностным лицам, дела о запретах и habeas corpus), в соответствии с положениями новой Конституции, Верховный Суд так же стал рассматривать дела о перераспределении районов (дистриктов) Генеральной Ассамблеей и о возможности Губернатора замещать должность.[3]

Наряду с уменьшением юрисдикции, создатели конституции 1970 года сделали несколько осознанных попыток по увеличению надзирательной и управляющей роли Верховного суда. Конституция разъясняла полномочия Верховного Суда по назначению судей на временные должности, определила возможности суда по установлению правил назначения членов суда и распределения между ними категорий дел, а так же укрепила возможность Суда по принятию правил поведения судей. Суд сохранил право предусматривать количество подразделений апелляционного Суда для каждого района (дистрикта).[4]

Статья о Судебной Системе по Конституции 1970 года предусматривала должности членов суда и окружных судей, что значительно упрощает систему

---

[1] Pound, R. The Spirit of Common Law / R. Pound. – Francestown, NH: Marshall Johnes Co, 1921.-224 p.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
4 Hart and Wechsler, The federal Court and the Federal System, 3d ed., 1998.

правосудия, упраздняя должности судебных чиновников, существовавших в соответствии с положениями статьи 1964 года. Члены суда назначались окружными судьями соответствующего округа по правилам, устанавливаемым Верховным судом. Мировые судьи, существовавшие в соответствии с положениями статьи 1964 года, получили статус судей и теперь назначались на 4 года.[1]

Судьи Верховного, апелляционного и окружных судов избирались путем голосования сторонников партии, после того как выдвигались на предварительных выборах или по партийным спискам. Новой конституцией было запрещено выдвижение по партийным спискам, но, в отличие от Статьи 1964 года, статья 1970 года разрешала специальные судейские выборы.[2]

Конституция учреждала 5 судебных районов, а оставшаяся часть штата должна была быть поделена на 4 судебных района «с одинаковым уровнем населения, каждый из которых должен быть оптимальной формы и состоять из смежных нижестоящих округов (counties)». От первого судебного района избирались 3 судьи Верховного Суда, а от остальных Судебных районов избиралось по 1 судье Верховного Суда. В каждом Судебном районе должно было быть, по крайней мере, одно Апелляционное подразделение и количество судей Апелляционного Суда, избиравшихся от каждого Судебного Района, устанавливалось законом. Единственным исключением был Округ Кук – Первый Судебный Район – в соответствии с положениями Конституции он составлял Судебный Округ (judicial circuit). Такое исключение предполагало экономию средств, т.к. в соответствии с новой конституцией, чтобы быть избранным, судье необходимо набрать 60% голосов, что было больше, чем установленное Статьей 1964 года простое большинство голосов[3].

Большим изменениям подвергнута судейская дисциплинарная система. Раздел 15 учредил Коллегию Судебных Расследований, в которую входили 2 окружных судьи, назначенных Верховным Судом, 4 лица неюридической профессии, назначенные Губернатором, а так же 3 юриста, назначенные Губернатором.

---

[1] Ibid.
[2] Ibid.
3 Criminal Justice Act of 1964.

Каждый член Коллегии назначался на 4 года. Коллегия постоянно созывается для расследования, подачи или получения жалоб на судей. Коллегия может подать или рассмотреть жалобу в присутствии Судебной Комиссии[1].

Судебная Комиссия состояла из одного судьи Верховного Суда, избранного Верховным Судом, двух судей Апелляционного Суда, избранных Апелляционным Судом и двух судей окружных судов, избранных Верховным Судом. Комиссия постоянно созывается для рассмотрения жалоб, заявленных Коллегией Судебных Расследований. Судебная Комиссия вправе была: «1.остранять от должности, временно прекращать деятельность без выплаты пособия, осуждать или объявлять выговор Судье или Члену Суда за умышленное нарушение служебных обязанностей, систематическое уклонение от исполнения обязанностей, а так же любое другое поведение, наносящее ущерб отправлению правосудия, либо подрывающее репутацию должности судьи. 2. Временно прекращать деятельность или отправлять в отставку Судью или Члена Суда, физически или умственно неспособного исполнять свои обязанности»[2]. Авторы Конституции внесли эти изменения во избежание потенциального конфликта в Судебной Комиссии, сформированной Постановлениями Верховного суда в соответствии со статьей 1964 года. До Конституции 1970 года, Судебная Комиссия расследовала дела, давала инструкции по подаче и рассмотрению жалоб, а так же исполняла принятые решения. Новая Конституция в Статье VI наделяет правом Генеральную ассамблею расследовать дела и отрешать от должности судебных должностных лиц.[3]

Иллинойс достиг выдающихся результатов не только в установлении первой однообразной системы правосудия в федеративном государстве, но и в возможности усовершенствовать ее с принятием Конституции 1970 года. Статья о судебной Системе 1964 года установила модельную судебную систему, которая стала известна многим странам благодаря своей простоте, эффективности и гибкости. После 7 лет исследований и наблюдений местными, национальными и зарубежными экспертами, такая система была модифицирована во избежание

---

[1] Nowak, J.E., Rotunda, R.D. Constitutional Law. 5-th ed. / J.E. Nowak, R.D. Rotunda. – St. Paul, Minn.: West Group, 1995. – 1428 p.
[2] Ibid.
[3] Ibid.

мелких ошибок.[1]

Таим образом, можно сделать вывод, что становление и эволюция правосудия в североамериканских штатах и его влияние на формирование федеративных основ государства, отражали господствующие в праве штатов и североамериканском обществе взгляды и идеи формулирующих определенные требования к участникам правовых отношений, которые возникали при осуществлении правосудия. Причем становление и эволюция правосудия были тесно связаны с наиболее общими принципами формирующего права единого государства, формой федеративного устройства и с конституционными основами общества. К примеру, тот же Верховный суд штата Иллинойс с 1870 по 1913 год рассмотрел 789 дел, связанных с конституционностью законодательных актов, и в более четверти из этих случаев уставы были признаны недействительными.[2]

1 Harold Hyman and William Wiecek, Equal justice Under Law: Constitutional Development, 1982.

[2] W.F. Dodd, State Government (1922 ed.), p. 147.

§ 4.2. Роль Верховного Суда США в укреплении правовой системы американского федерализма

Как показывает теория и практика, важная, если не решающая роль в обеспечении принципов американского федерализма принадлежит судам. Выше уже говорилось о том, что характерной чертой всякого демократического государства является разделение государственной власти на три независимые друг от друга ветви, где судебная имеет обширные полномочия. Закономерным является и тот факт, что конституции большинства государств[1] определяют судебную власть как самостоятельную ветвь государственной власти, осуществляющую наряду с законодательной и исполнительной свойственные только ей функции: защиту основ конституционного строя, прав и свобод граждан, государственной целостности и т.д. Выполнение данных функций реализуется с помощью демократических принципов беспристрастно и объективно, о чем говорит большинство конституций зарубежных государств, которые содержат положения о роли судебной власти, позволяющих разрешать сложные конституционные споры, которые не подведомственны другим ветвям власти.[2]

На наш взгляд, наибольшая тяжесть ложится на судебную власть в федеративных образованиях, потому что в этих государствах чаще всего возникают локальные конфликты, связанные с внутренним устройством. Крайнее средство в этих конфликтных ситуациях - отделение территории, т.е. сецессия.

Избранный нами подход к изучению решений Верховного Суда США по проблемам федерализма и то, что он оказался равной по отношению к другим ветвью власти[3] неслучаен, т. к. он в значительной мере соответствует современным тенденциям в зарубежных государствах.

---

1 См.: Алекси Р. Сбалансированность, конституционный контроль и представительство //Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2. С. 117.

2 См.: Хабриева Т. Я. Вступительная статья //Конституции государств Америки. М., 2006. Т. 1. С. 13-15, 25-27.

3 Powe, L. (Jr) The Warren Court and American Politics / L. Powe (Jr.). Cambridge; Mass.; L., 2001. P. XI.

В частности профессор В.В. Ершов говоря о федеральном суде как элементе системы органов государственной власти указывает, что суд «контролирует не правовые нормы – результат работы правотворческих органов, а федеральные органы законодательной и исполнительной власти, принимающие нормативные правовые акты»[1].

В этом и значимость судов и их важная роль в процессе формирования федеративного государства, где особую роль играет совершенствование судебных механизмов и процедур, призванных защищать и обеспечивать принципы федерализма.

Любое государство, и в особенности федерация на конституционном уровне, берет на себя обязательство защиты своей территории различными способами, в том числе и судебными. Появляется даже термин «судебный федерализм», который прежде всего характерен для федеративного государства. В научной литературе даются различные понятия судебного федерализма. Так, одни авторы определяют судебный федерализм как принцип и соответственно форму и режим устройства судебной власти, с помощью которых обеспечивается приспособление института судебной власти к федеративному характеру отношений между центром и составными частями конкретного государства[2]. Другие исследователи видят в судебном федерализме только регулирование отношений между союзом и штатами, установление «лимитов действия» внутри федеративной системы вообще и юрисдикции федеральных судов и судов штатов[3].

В ряде учебных пособий говорится о моделях современного судебного федерализма, который определяется, по мнению авторов, существующей в данном государстве формой федерации, балансом власти в территориальном аспекте[4].

В основе любой модели федерализма лежат принципы, определяющие особенности федеративной структуры и ее механизмов, а также сущность федерализма, которая содержится в институционализации особых, специфических

---

1 Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / под ред. В.В. Ершова. РАП, 2011. С 39.
2 Судебная система России. М., 2000. С. 51.
3 Саликов М.С. Судебный федерализм в США // Правоведение. 1998. №1. С. 40.
4 Судебная система России: Учеб. пособие. М., 2000. С. 266.

отношений между участниками политической жизни государства. Поэтому без определенных принципов, механизмов и соответствующих институтов нет и федерализма.[1]

Судебную систему Соединенных Штатов Америки невозможно понять без уяснения государственного механизма страны, модели американского федерализма и судебного контроля, о которых речь шла в первой главе этой работы.

Важная характеристика судебной власти США по вопросам федерализма заключается в том, что судебный конституционный контроль был объективной необходимостью в правовой системе американского федерализма. Как было установлено Верховным Судом США, первейшим «правом и обязанностью» всех судов при рассмотрении любых дел является определение того, «что есть право»[2]. «Право» включает в себя Конституцию в США и, в частности, ее «клаузулу о верховенстве» [supremacy clause], которой закрепляется иерархия нормативных актов. Следовательно, если суд обнаруживает нарушение Конституции каким-либо законом, он просто «выбирает норму права», применяя Конституцию и игнорируя закон.[3]

Такое понимание судебного контроля соотносится с тремя способами его осуществления. Во-первых, в отличие от некоторых государств в США нет специального конституционного суда, реализующего полномочия по конституционному судебному надзору и существующего отдельно от остальных судов. Суды любого уровня, начиная с самого низшего звена судов муниципального уровня и заканчивая Верховным Судом США, могут и даже *обязаны* осуществлять конституционный судебный контроль, который осуществляется в рамках децентрализованной, а не централизованной системы правосудия[4].

---

[1] Robert A. Goldwin, ed., A Nation of States. Essays on the American Federal System (Chicago: Rand McNally, 1961).

[2] Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика / О.А. Жидков. – М., 1985. .

[3] Warren, C. The Supreme Court in the United States History / C. Warren. – Vol. 1. – Boston, 1937. – P. 8-11.

4 Существование отдельных конституционных судов в Европе является нормой. См.: Favoreau L. Constitutional Review in Europe // Constitutionalism and Rights: The Influence of the United States Constitution Abroad. Columbia university press, 1990. P. 40-42, 56; Cappelletti M. The Judicial Process in Comparative Perspective. Oxford, 1989. P. 132-143.

Во-вторых, суды рассматривают конституционные вопросы, если они возникают при рассмотрении обычных дел и любой человек может оспорить конституционность любого неблагоприятного для него правового акта или иного действия государства. В отличие от других стран это право не является исключительной прерогативой отдельных чиновников или организаций[1]. Кроме того, федеральные суды могут рассматривать конституционные вопросы, *если* они возникают в реальном «деле или споре». Федеральные суды и суды во многих штатах не вправе давать консультативные заключения [advisory opinions] вне конкретного дела. [2]

Наконец, предполагается, что судебный контроль должен быть судебным в том смысле, что при разрешении конституционного вопроса суд должен делать юридические, а не политические выводы. Он делает это путем осуществления обычных присущих судам функций - путем толкования действующих норм права. При этом существует доктрина «политического вопроса» [political question], которая воспрещает судам выходить за рамки юридических выводов.[3]

Реализация полномочия судебного конституционного контроля наблюдается уже с XVIII века. В первое столетие истории страны судебный конституционный контроль приводился в действие редко, хотя сегодня же это одна из главных движущих сил в развитии федерального права и государства, и ее действие сказывается на балансе составляющих элементов федерализма, разделении властей и на взаимоотношениях личности с органами власти всех уровней. Наибольший же подъем активности использования судебного конституционного контроля наблюдался с 1953 г., когда председателем Верховного Суда США стал Эрл Уоррен.[4]

---

1 См.: Favoreau L. Op. cit. P. 51-53. Даже если государство не является стороной по делу, его позиция по необходимости может быть представлена в меморандуме amicus curiae.

2 См.: Решение Верховного Суда США по делу Liverpool, N.Y.&P. Steamship Co. v. Comm'rs of Emigration, 113 U.S. 33, 39 (1885).

3 См.: Nowak & Rotunda. Op. cit., 55, где рассказывается о том, как Верховный суд США отказался в 1793 г. отвечать на перечень юридических вопросов, касающихся попыток Соединенных Штатов сохранять нейтралитет в войне между Францией и Англией и ниже,

4 Саломатин А.Ю. Деятельность Верховного Суда США в середине XX в. под

С 1789 по 1864 г. - Верховный Суд США признал только два закона Конгресса неконституционными, а с 1789 по 1953 г. общее число актов признания законов недействительными достигло всего 76[1]. Следует отметить, что хотя подъем активности использования судебного конституционного контроля начался с периода «либерального» Верховного Суда под председательством Эрла Уоррена (1953-1969), более «консервативный» Суд под председательством Уоррена Бергера (1969-1986) был не менее «активистским» судом[2]. Хотя реальные сроки пребывания в должности этих двух председателей Суда длились примерно одинаково (16 лет), Главный судья У. Бергер председательствовал по 34 делам, в решениях по которым были признаны недействительными федеральные законы, тогда как Главный судья Э. Уоррен председательствовал только по 25 делам такого рода. Суд Ренквиста (так именуют Верховный Суд, начиная с 1986 г.) действовал в этой области, лишь немного замедлив темп - признав недействительными 17 федеральных законов за двенадцатилетний период[3].

Аналогичная тенденция характерна и по отношению к законам штатов, хотя Верховный Суд признал недействительными больше законов штатов, чем федеральных. За первые 100 лет сосуществования Конституции США Суд признал недействительными 79 законов штатов, а в последующие 100 - в десять раз больше

председательством Э. Уоррена как пример беспрецедентного судейского активизма: А.Ю. Саломатин, Е.А. Агеева. – Пенза: Информационно-издательский центр ПензГУ, 2008. – 112 с.

[1] M.C.J. Vile. Constitutionalism and the Separation of Powers. Oxford University Press, 1967 pp. 64-67.

2 Историки обычно делят различные периоды истории Верховного Суда по признаку срока председательствования в нем того или иного «главного судьи Соединенных Штатов» (как официально именуется должность) из числа 14 главных судей за всю историю Суда. Отсюда - такие исторически известные периоды, как Суд Уоррена, Суд Бергера, Суд Ренквиста (1986 г. и по настоящее время). Короткий и легко читаемый очерк главнейших четырех периодов, оставивших заметный след в истории Суда, содержится в книге: Daniel A. Farber, William N. Eskridge. Jr., Philip P. Frickey. Constitutional Law: Themes for the Constitution's Third Century. 2d ed. West, 1998. P. 7-28. Хотя указанная книга является сборником прецедентов, в ней содержится более чем достаточно повествовательного материала - объяснения и анализ судебной деятельности.

3 Эти статистические данные взяты из книги: David M. O'Brien. Storm Center: The Supreme Court in American Politics. 5th ed. W.W. Norton. 2000. P. 30. Приводимые цифры не включают многие федеральные законы, признанные недействительными решениями Верховного Суда, потому что эти законы идентичны во всех важных отношениях закону, непосредственно фигурирующему в разрешенном деле.

- 794. Из этого числа 373 решения о неконституционности законов штатов, или почти половина принятых решений такого рода, были приняты после 1953 г. Опять-таки, на счету «консервативного» Суда Бергера больше решений, которыми законы штатов признавались недействительными (192), чем у «либерально-активистского» Суда Уоррена (150).[1]

Хотя цифры и не показывают всей картины, но однако верно и то, что как в качественном, так и в количественном отношениях в современную эпоху федеральные суды вообще и Верховный Суд США в частности и в особенности стали оказывать больше воздействия на проблемы федерализма Соединенных Штатов, чем когда-либо. Конституционные соображения играют главную роль во многих сферах права с тех пор, когда эпоха судебного конституционного контроля отмечена невиданным до того времени вниманием к конституционным проблемам и в особенности к правам и свободам личности в частности[2].

Начало XX века было наиболее трудным для Верховного Суда, когда Суд неоднократно прибегал к трем основаниям - клаузуле о надлежащей правовой процедуре из V и XIV поправок к Конституции, ограниченный взгляд на право Конгресса регулировать межштатную торговлю и доктрину, возбраняющую делегирование законодательных полномочий, - с тем, чтобы отказать Конгрессу и законодательным органам штатов в возможности принятия законов, регламентирующих предпринимательство. Так, Верховный Суд признал недействительными: закон штата Нью-Йорк, которым ставились пределы рабочему времени работников пекарен в течение трудовой недели3, федеральные законы, воспрещавшие эксплуатацию детского труда4, федеральные законы, регулировавшие промышленность путем налогообложения5, федеральные законы,

---

[1] См.: Ellis, R.E. The Jeffersonian Crisis. Court and Politics in the Young Republic / R.E. Ellis. – N.Y., 1971. – P. 233.

[2] Marshall, Th. Reflections of the Bicentennial United State Constitution / Th. Marshal // Harvard Law Review. 1987. – Vol. 1011. – P. 1-5.

3 В решении Верховного Суда по делу Lochner v. New York. 198 U.S. 45 (1905).

4 В решении Верховного Суда по делу Hammer v. Dagenhart, 247 U.S. 251 (1918).

5 В решениях Верховного Суда по делам Bailey v. Drexel Furniture Co., 259 U.S. 20 (1922) (в деле фигурировал вопрос о конституционности налога на детский труд); Hill v. Wallace, 259 U.S. 44 (1922) (в деле фигурировал вопрос о конституционности налога на фьючерсные контракты на покупку зерна).

регулировавшие экономику в период Великой депрессии 1930-х годов1, и закон штата Нью-Йорк, устанавливавший минимальную заработную плату для женщин2.

Считая все эти решения препятствием новому законодательству по удовлетворению насущных социально-экономических потребностей страны, президент Франклин Рузвельт и Конгресс в 1937 г. изучали возможность принятия закона «об укомплектовании» Верховного Суда, т.е. закона, который разрешал президенту увеличить численный состав Суда и назначить туда дополнительных судей с тем, чтобы изменить баланс сил в высшем судебном органе страны[3]. А в качестве альтернативы президент рассматривал возможность попросту игнорировать решения Верховного Суда. Однако, ни план «укомплектования Суда», ни замыслы по неподчинению решениям Верховного Суда не пришлось приводить в действие: весной 1937 г. один судья изменил свою позицию по вопросу и отдал свой голос в пользу поддержки программ улучшения социально-экономического благосостояния. В течение последующих четырех лет случаи смерти или отставки судей Верховного Суда позволили президенту назначить семь новых судей, и все они были привержены идее более широкой власти Конгресса[4].

Решения Суда, интерпретирующие положение Билля о правах о надлежащей правовой процедуре, которые принимались в этот нелегкий для американского права и правосудия период 1900 - 1937 гг., наглядно иллюстрируют природу

---

1 См., например, решения Верховного суда по делам A.L.A. Schechter Poultry Corp. V. United States, 295 U.S. 495 (1935) (в деле ставился вопрос о неправомерности делегирования законодательных полномочий для разработки торгового кодекса для промышленных предприятий); Railroad Retirement Board v. Alton R. Co., 295 U.S. 330 (1935) (в деле ставился вопрос о том, что законодательный акт Конгресса, учреждавший программу пенсионного обеспечения работников железнодорожных компаний, был принят в нарушение полномочий Конгресса, предписанных ему конституционной клаузулой о праве Конгресса регулировать торговлю); Carter v. Carter Coal Co., 298 U.S. 238 (1936) (в деле ставился вопрос о том, что принятие Конгрессом стандартов максимально допустимого рабочего времени в угольной промышленности вышло за рамки полномочий Конгресса, предписанных ему конституционной клаузулой о праве Конгресса регулировать торговлю).

2 В решении Верховного суда по делу Morehead v. New York ex rel. Tiraldo, 298 U.S. 587 (1936).

3 Edward S. Corwin, The President: Office and Powers (New York: New York University Press, 1957).

4 Об этом эпизоде рассказывается в книге: John E. Nowak, Ronald D. Rotunda. Op. cit. P. 147-154.

тогдашнего кризиса в отправлении функции судебного конституционного контроля, а также то, что многие и сегодня считают постоянной проблемой в отправлении этой функции. Доктрина надлежащей правовой процедуры развивалась Судом по различным делам, а к концу XIX в. начал вырабатываться подход, в соответствии с которым конституционное понятие «свобода», включенное в клаузулу о надлежащей правовой процедуре из XIX поправки, стало толковаться как подразумевающее и «свободу договора». В своем решении по делу Локнера (Lochner v. New York)[1] Суд постановил, что закон штата Нью-Йорк, устанавливавший предельную продолжительность рабочей недели работников пекарен в 60 часов, являлся нарушением клаузулы о надлежащей правовой процедуре. Таковой закон, счел Суд, ложится непомерным бременем на «свободу работодателя и работника заключать договоры меж собой относительно условий найма»[2]. В своем особом мнении по делу судья Верховного Суда США Оливер Уенделл Холмс - младший выразил протест по поводу мнения большинства членов Суда и заявил, что эта концепция «свободы», выработанная большинством, навязывает органам власти штатов собственное субъективное видение политического курса в сфере экономики. Ссылаясь на популярный труд английского философа XIX в. по вопросу об экономической политике государства, основанной на принципе *laissez-faire3,* судья Холмс ядовито заметил: «четырнадцатая поправка к Конституции не придает нормативного значения труду г-на Герберта Спенсера[4] “Социальная статика”».

Верховный Суд неоднократно в своих решениях обращался к периоду до 1937 г. как периоду, из которого следует извлекать важные уроки с тем, чтобы упрочивать свою роль в правовой системе американского федерализма[5].

---

1 198 U.S. 45 (1905).

2 Ibid. P. 75. Верховным Судом было принято несколько других решений, признававших законы штатов недействительными на основании положений Билля о правах относительно надлежащей правовой процедуры.

3 Laissez-faire (франц.) - невмешательство государства в дела частных лиц, особенно в частный бизнес и торговлю.

4 Герберт Спенсер (1820—1903) - английский мыслитель и социолог. Среди его основных трудов – «Социальная статика» (1850) (мысли о постепенном и добровольном устранении государства) и «Принципы социологии (1896).

5 Chemerinsky, E. Federal Jurisdiction / E. Chemerinsky. – Boston: Aspen Law &

Последним представившимся Суду поводом для размышлений о позициях Суда в те времена и их значении вообще для роли Суда в федеративном государстве было решение Суда, принятое в 1992 г. относительно следования принятому в 1973 г. решению о правомерности абортов в штатах, которое было вынесено вопреки значительной оппозиции общественности политике Суда по этому вопросу. «Локнеровский период» учит тому, что хотя Верховный Суд и является средством сдерживания импульсов политического большинства в стране, он, тем не менее, не может позволить себе держаться слишком далеко в стороне от главного русла мыслей и идей общества. Власть Суда и масштабы его влияния на положение дел в стране в конечном счете зависят не от принуждения, а оттого, в какой мере его решения добровольно почитаются гражданами всего федеративного государства[1]. Несмотря на опыт Верховного Суда «локнеровского периода», можно с уверенностью говорить о том, что с тех пор Суд восстановил свой престиж, а энергичная реализация функции судебного конституционного контроля является одной из неотъемлемых черт федеративного государственного механизма США, которая в наши дни полностью принимается страной[2].

Понимание соотношения объема власти федерального правительства и объема власти штатов, которое у многих складывалось в результате ознакомления с конституционными нормами, касающимися «перечисленных прав» Конгресса США, и X поправкой к Конституции США, было таким, как его иллюстрирует высказывание Джеймса Мэдисона, сделанное им во время обсуждения вопроса о ратификации Конституции: «Полномочий, делегированных федеральному правительству, - немного, и они четко очерчены. Полномочия же, остающиеся у правительств штатов, многочисленны и не очерчены. Первые осуществляются главным образом в отношении внешних предметов ведения государства, таких, как вопросы войны и мира, переговоры с зарубежными странами и внешняя торговля, с коей в основном право налогообложения связано. Права же, сохраняемые за

Business, 2012. – 1176 p.

[1] Burgess, M., Cagnon, A.-G. Comparative Federalism and Federation / M. Burgess, A.-G. Cagnon. – Toronto: University of Torinto Press, 1993. -250 p.

2 См.: Решение Верховного Суда США по делу See Planned Parenthood of Southeastern Pennsylvania v. Casey, 55 U.S. 833 (1992).

штатами, распространяются на все предметы ведения государства, каковые - при нормальном ходе событий - затрагивают жизнь, свободу и собственность людей, а также внутренний порядок, прогресс и благополучие Штата»[1].

Такой взгляд на соотношение полномочий федерации и полномочий штатов существенно изменился со времен Джеймса Мэдисона.

Утверждение принципов федерализма в решениях Верховного Суда США, наблюдается уже на ранних этапах развития федеративного государства среди которых следует отметить следующие.

Доктрина подразумеваемых полномочий федерального правительства была главной причиной того, что вышеупомянутое представление об объеме власти федерального правительства начало разрушаться, в период деятельности председателя Верховного Суда США Дж. Маршалла, а его распространительное толкование объема федеральной власти сказывалось на интерпретации Конституции вообще уже в первые годы существования молодого американского государства.[2]

Доктрина подразумеваемых полномочий складывалась в период так называемого монистического федерализма, когда вся судебная система США развивалась через призму моделей монистического, а затем дуалистического и кооперативного федерализма. Наибольшее же распространение получила теория кооперативного федерализма, где наиболее полное представление о судебной системе можно сформировать, лишь проследив развитие федеративных отношений в США с точки зрения их регулирования посредством судебных решений.[3]

Монистическая теория ярко заявила о себе на рубеже XVIII и XIX в., в период образования федеративного государства и принятия Конституции США.

---

1 Federalist No. 45. Op. cit., p. 4.

[2] Председатель Верховного Суда Дж. Маршалл (1755 - 1835) - четвертый и наиболее знаменитый из всех 14 главных судей Соединенных Штатов, которые возглавляли Верховный Суд страны; он был твердым федералистом, выступал за создание сильного центрального правительства; прослужил в Суде 34 года. Он был автором мнений большинства судей Верховного Суда по «верховым» его делам, включая дело Marbury v. Madison, решение по которому создало институт судебного конституционного надзора.

[3] Madison, Writings (Gaillard Hunt, ed.), IX, pp. 568-569. See Letters and Other Writings of fames Madison (1865 ed.), IV, pp. 61, 75, 293-294, 393, 419. See also, Kohl v. United States, 91 U.S. 367,372 (1876).

Согласно этой теории большинство властных полномочий принадлежало федеральному центру, что справедливо вызывало нарекания со стороны ее составных частей[1]. Так, например, при ратификации Конституции США законодательные собрания большинства штатов потребовали внесения изменений в ее текст и приняли поправку X к федеральной Конституции[2].

Суть этого документа заключается в том, что штаты, лишенные реальной власти и жестко контролировавшиеся центром, заложили в этой поправке положения, по которым «полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются, соответственно, за штатами либо народом»[3].

Судебная власть в период развития монистического федерализма была намного слабее, чем законодательная и исполнительная, что дало повод министру финансов А. Гамильтону сказать, «что судебная власть является самой слабой из трех ветвей власти»[4]. Такие слова одного из основателей американской Конституции имели в тот период под собой основание. Дело в том, что спустя десять лет после принятия Конституции США ряд штатов обосновал концепции политических и юридических прав, преследующих центробежные устремления направленные на развал созданной федерации. Позиция таких штатов, и в первую очередь южных, значительно расходилась с конституционными доктринами Верховного Суда и его толкованием Конституции.[5]

Верховный Суд США в 1793 г. в решении по делу Chisholm v Georgia[6] поставил вопрос: «Является ли народ Соединенных Штатов нацией?» - и разъяснил, что понятие «народ Соединенных Штатов» (именно этими словами открывается Конституция США) охватывало граждан 13 штатов, каждый из

---

1 См.: Gress F. Interstate Co-operation in the USA and FRG // Evaluating Federal Systems. P. 412.

2 Brest, D. Congress as a Constitutional Decisionmaker / D. Brest // Georgia Law Review. – 1986. - № 1. – P. 79- 108.

3 Конституция США // Современные зарубежные конституции. М., 1991. С. 23.

4 The Federalist Papers by Alexander Hamilton, Lames Madison and John Jay. With an Introduction and Commentary by Garry Wills. New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Bantam Books. 1982. P. 394.

5 Speeches and Documents of American History / Ed. by R. Birley. Vol.1. L., 1962. P. 160-162.

6 Chisholm v. Georgia, 2 Dall. 419 (1793), 301, 303, 340.

которых имел Конституцию и самостоятельное правительство, а Статьями Конфедерации все они были связаны вместе. Желая образовать «более совершенный Союз», эти люди, имевшие намерение организоваться в нацию, провозгласили и установили Конституцию для всех Соединенных Шатов: для решения задач, стоявших перед нацией, они учредили общенациональное правительство, полномочия которого простирались над всей нацией в целом. Это было подтверждено по делу Hepburn and Dunbas v. Ellzey, где подчеркивалось, что Конституция США не отождествляет термины «нация» («nation») и «state»: слово «state» (переводится как «государство», «штат») «используется в конституции как определение члена Союза…»[1].

Через несколько лет Верховный Суд в деле Fletcher v. Peck[2] постановил, что тот или иной штат (по обстоятельствам дела - Джорджия) «не может... рассматриваться как отдельная... суверенная держава...». Штат является частью большой империи, он - член Американского союза, Конституция которого очерчивает пределы компетенции законодательных органов штатов. Наиболее сепаратистски были настроены штаты Кентукки и Виргиния, где их законодательные органы приняли резолюции, в которых было провозглашено право штатов на несогласие с федеральным центром, если он выходит за рамки Конституции 1787 г.[3] Дело в том, что американская Конституция рассматривалась как договор между штатами, имевшими свои правительства и полномочия, а резолюция штатов Кентукки и Виргиния была своего рода протестом против принятия Конгрессом США в 1798 г. Акта об иностранцах и Акта о призыве к мятежу. По мнению штатов, тем самым расширялись полномочия федеральной законодательной и исполнительной власти вопреки Конституции.[4]

Так, штат Кентукки[5] в резолюции легислатуры от 16 ноября 1798 г. постановил, что отдельные штаты, составляющие Соединенные Штаты Америки,

---

1 Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. P. 100.
2 Fletcher v. Peck, 6 Cranch 87 (1810), 384, 385.
3 Vile, M.C.J. Constitutionalism and the Separation of Powers / M.C.J. Vile. – London-NY: Oxford University Press, 1967. – 467 p.
4 Documents of American History…
5 Tachau, M.K. Federal Courts, in the Early Republic Kentucky, 1789-1816 / M.K. Tachau. – Princeton, 1978.

не соединены на основе принципа неограниченного подчинения их общему правительству; напротив, посредством заключения договора под названием «Конституция для Соединенных Штатов» (каждый штат присоединился к нему как суверенное государство) они учредили для достижения оговоренных целей общее Правительство, делегировав ему определенные полномочия и оставив за собой права на самоуправление. Штат заявил, что, считая Союз созданным для решения общенациональных задач, зафиксированных в Федеративном Договоре, под которым понималась Конституция США, он исходит из того, что каждая сторона договора имеет право самостоятельно принимать решение о наличии нарушений его условий и о способах и мерах их устранения[1].

Год спустя легислатура Кентукки принимает новую резолюцию, в которой подчеркивалось такое право суверенных и независимых штатов, как «неоспоримое», чем закладывались основы права на нуллификацию актов федерации со стороны штатов.

Законодательный орган штата Виргиния в резолюции от 24 декабря 1798 г. отметил, что стремление федеральных властей сделать союз штатов - сторон соответствующего договора более централизованным могло бы поставить под угрозу основы республиканской системы Соединенных Штатов[2].

Конечно, в такой ситуации только Верховный Суд США мог стать тем органом, который поставил бы точку в этом назревающем конфликте. Даже Дж. Вашингтон, будучи президентом США, посчитал себя обязанным попросить совета у Верховного Суда перед тем, как провозгласить декларацию о нейтралитете своей страны в войне между Великобританией и Францией[3].

Однако сепаратизм штатов продолжал нарастать, что видно из XII поправки к Конституции США, принятой в 1804 г. и утверждавшей автономность представительства штатов в нижней палате Конгресса.[4]

Полномочие Верховного суда США по пересмотру решений, принимаемых

---

1 Speeches and Documents in American History / Ed. by R. Birley. Vol.1. L., 1962.
2 Letter from Madison to J.C. Cabell, September 7, 1829, in Writings (Gaillard Hunt, ed.), IX,
3 Ibid.
4 Surrency, E.C. History of the Federal Courts / E.C. Surrency. – N.Y.;L., 1987.

судами штатов. На ранних этапах развития американского федеративного государства укрепилась и федеральная судебная власть, что наглядно видно в решении по делу Fletcher v. Peck, принятому в 1810 г., когда Верховный Суд США распространил право приведения в действие своего полномочия конституционного контроля в отношении нормативных актов властей штатов. В 1816 г. Суд четко установил, что располагает апелляционной юрисдикцией в отношении жалоб на решения судов штатов, которыми даются толкования норм федерального права. В своем решении по делу Martin v. Hunter's Lessee[1] Верховный суд штата Виржиния признал, что в своей практике он связан клаузулой о верховенстве федерального права из Конституции США в том, что касается следования требованиям норм федерального права, но при этом указал, что Верховный Суд США неправомочен пересматривать в порядке конституционного надзора его, Верховного суда штата Виржинии, толкования норм федерального права. Верховный Суд США постановил, что его, Верховного Суда США, апелляционная юрисдикция распространяется на *все* дела, которыми поднимаются вопросы федерального права, будь то дела, рассматриваемые нижестоящими федеральными судами, или дела, рассматриваемые судами штатов. В противном случае, заметил Верховный Суд США, «великий ущерб» будет причинен государству, так как Конституция США или международный договор, заключенный федеральным правительством, будет означать одно в штате Виржиния и другое - в штате Нью-Йорк. Власть Верховного Суда США пересматривать в порядке конституционного надзора решения судов штатов по уголовным делам, в которых обвинительный приговор, как предполагается по делу, был вынесен в нарушение требований норм федерального права, была утверждена Судом в решении по делу Cohens v. Virginia[2].

Реакция штатов на увеличение объема власти федерального правительства была предсказуемой. В период с 1800 по 1860 г. процесс нарастания власти

---

1 Martin v. Hunter's Lessee, 1 Wheat. 304 (1816), 394, 396. По этому делу рассматривался вопрос о соответствии нормы закона штата Вирджиния, запрещающей иностранцам наследовать собственность на территории этого штата; норма была обжалована на том основании, что она нарушала положения договора, заключенного Соединенными Штатами с Великобританией в 1794 г., которым гарантировались права британских подданных на территории США.

2 Cohens v. Virginia, 6 Wheat. 264 (1821), 302, 384, 388, 396.

федерального правительства вызывал беспокойство многих деятелей в южных штатах, которые верили в примат прав штатов и полагали, что федеральное правительство контролировалось главным образом представителями более густонаселенных, более урбанизированных и настроенных против рабовладения северных штатов.[1] Что наиболее тревожило поборников прав штатов Юга страны в отношении подмены власти штатов действиями федеральных властей, так это то, что границы власти федерального правительства очерчивались самими же его ведомствами без какого-либо заметного участия властей штатов в процессе принятия решений о новых разграничениях полномочий между двумя уровнями органов государственной власти.[2]

Как показывает практика Верховного Суда США в тот период, в его решениях четко прослеживается явная тенденция усилить федеральный центр путем придания ему новых полномочий.

Другая, совсем противоположная картина наблюдается в деятельности рабовладельческих штатов. Южные штаты всячески противились принятию на себя Верховным Судом США широкой апелляционной юрисдикции, установленной в решении Верховного Суда по делам Martin v. Hunter's Lessee и Cohens v. Virginia, рассмотренным выше[3]. Всю глубину враждебного отношения к Верховному Суду США и Конгрессу иллюстрирует эпизод, имевший место в 1830 г., когда в штате Джорджия за умышленное убийство человека был осужден и приговорен к смертной казни индеец по имени Джордж Тассел. Обвинительный приговор по делу был вынесен в нарушение нормы федерального статута, запрещающей властям осуществлять юрисдикцию в отношении индейцев на определенных территориях штата. Тассел подал жалобу на приговор к высшей мере наказания в Верховный Суд США, который, не колеблясь, применил

---

[1] Jessup, D.W. Reaction and Accomodation. The US Supreme Court and Political Conflict / D.W. Jessup. – N.Y.; L., 1987.

[2] Elliot, Debates, IV, p. 532 ff. Certain additional materials, contributed by F.M. Anderson, are in Am. Hist. Rev., V,

3 В семи штатах были приняты законы, отвергающие апелляционную юрисдикцию Верховного Суда США в отношении решений судов этих штатов. См. статью: Warren Charles. Legislative and Judicial Attacks on US supreme Court – A History of the Twenty-Fifth Section of the Judiciary Act // American Law Review. 1913, Vol. 47.

федеральный закон и отменил обвинительный приговор по делу. Однако жалобу осужденного пришлось оставить без рассмотрения как абстрактную, поскольку власти штата Джорджия казнили Тассела наперекор тому, что окончательное решение по жалобе относилось к апелляционной юрисдикции Верховного Суда США. Действия властей, приведших смертный приговор в исполнение, председатель Верховного Суда США Джозеф Стори заклеймил как «непристойные»[1].

В 1832 г. штат Южная Каролина предупредил о готовности расколоть единство федерации, а Конвент штата выступил с угрозами защищаться «всеми мерами», включая «исход» из Союза, чтобы не допустить практической реализации актов Конгресса США 1828 и 1832 гг. о пошлинах и сборах. Нужно сказать, что данные акты устанавливали самые высокие до того момента в истории США таможенные пошлины на импорт, что наносило ущерб плантаторам Юга, что и объясняется столь негативная реакция[2].

В штате была даже разработана собственная теория о праве суверенных штатов на сецессию, т.е. на выход из Союза. В Ордонансе от 24 ноября 1832 г.[3] штат заявил о праве «считать себя свободным от всякого дальнейшего обязательства поддерживать или сохранять свои политические связи с народами других штатов, и... организовать самостоятельное Правительство...». Объявив, что принятие Конгрессом США того или иного неугодного для штата федерального закона может расцениваться как «несовместимое с дальнейшим пребыванием, Южной Каролины в Союзе», руководство штата 20 декабря того же года еще раз подчеркнуло, что «каждый штат Союза имеет право, как только сочтет... необходимым для сохранения своих свобод или жизненных интересов, мирно

1 Ibid., P. 167. В ответ на решение Верховного Суда США по одному делу, которым возлагалась ответственность на власти штата за нарушение условий контракта, законодательное собрание штата Джорджия приняло закон, объявивший, что всякий, взявшийся за исполнение этого решения Верховного Суда, «сим провозглашается виновным в совершении тяжкого преступления и должен быть приговорен к смертной казни через повешение». Норма, установленная в этом решении – по делу Chisholm v. Georgia, 2 U.S. 419 (1793) – была впоследствии отвергнута ввиду ратификации XI поправки к Конституции США.

2 Pious R.. American Politics and Government. New York, 1986. .

3 Documents of American History / Ed. by H. Commager. New York, 1968.

выйти из Союза»; федеральным властям США отказывалось в полномочии силой удерживать такой штат в Союзе[1]. Таким образом, Южная Каролина однозначно заявила о своем праве на нуллификацию и сецессию. Спор по вопросу о тарифах закончился принятием «компромиссного» плана южан, но после 1832 г. и другие южные штаты стали заявлять о праве на сецессию[2].

Таким образом, несмотря на большие усилия Верховного Суда США в этот период, который выносил решения в пользу федеральной власти и ограничивал власть штатов, «обуздать» сепаратизм не удалось. Одной из причин являлся тот факт, что США еще не были «нацией», как это понимается сегодня, но был очевиден процесс ее становления, а Верховный Суд сыграл важную роль в поддержке сил, выступающих за формирование единой нации. Действуя в одиночку, Верховный Суд не смог бы восстановить единую нацию из разделившихся штатов, решивших идти собственным путем, хотя с другой стороны, национальные силы нашли мощного и весьма полезного союзника в лице Верховного Суда[3].

Другой, хотя и не самой важной стороной явился приход в руководство Верховного Суда США новых лиц. Дело в том, что Д. Маршалл[4], прослуживший в должности Председателя Верховного Суда США 34 года, всегда выступал на стороне федерального центра, а сменивший его в 1835 г. на этом посту Р. Тэйни был явным последователей суверенизации штатов и всегда поддерживал их стремление к расширению полномочий. К этому времени в США, как и в других странах Европы, модель монистического федерализма заменяется дуалистическим, суть которого составляла идея разделения властных полномочий между центром и регионами таким образом, чтобы оба его уровня обладали самостоятельным статусом, установленным в конституции. Поэтому неслучайно концепция дуалистического федерализма строилась на двойственности суверенитета в федерации: суверенитет федеративного образования и его членов. И как

---

1 ibid
2 Vandiver F. Basic History of the Confederacy. Princeton, 1962. P. 9.
3 Ibid.
4 See the evidence cited in A.J. Beveridge, The Life of John Marshall, II, pp. 399-400; see von Holst, op. cit., I, pp/ 156-158.

справедливо отмечает ряд ученых, такая дуалистическая модель не действовала в чистом виде ни в прошлом, ни в настоящем ни в одном государстве[1].

Ряд ученых, говоря о сути «дуалистического федерализма» и его влиянии на проблемы разграничения властных полномочий «центр-регионы», отмечают, что он состоит из двух уровней власти, каждая из которых в пределах своих полномочий независима от другой. Такой федерализм не предусматривает обязательного объединения штатов, земель и т.п. в единое союзное государство[2]. Однако очевидно, что без объединения разных государственных и аналогичных образований в единое союзное государство не может быть федеративного государства. А федерализм любой страны имеет разные уровни власти, и они существуют в системе единого государства и поэтому трудно представить в нем «дуалистический федерализм». Иначе говоря, такие уровни власти, безусловно, существуют, но не в не зависимом друг от друга разноуровневом федерализме, а в едином федеративном государстве, т.к. не может быть «федерализм в федерализме» по признаку управления[3].

Таким образом, ряд штатов и в первую очередь рабовладельческие, получили негласную поддержку в главном судебном органе страны. Первым, кто стал на путь сепаратизма, был штат Южная Каролина, который в 1860 г. выступил инициатором раскола страны. На поражение кандидата в президенты от демократической партии южные штаты ответили отделением от северных свободных штатов (до этого пост президента был длительное время в руках южных штатов)[4]. Уже на следующий день после избрания президентом США республиканца А. Линкольна, 7 ноября, легислатура Южной Каролины решила созвать Конвент штата для рассмотрения вопроса о выходе из Союза.[5]

30 ноября 1860 г. легислатура штата Миссисипи постановила, что всякая

---

1 См.: Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М., 1995. С. 14.

2 См.: Кастель Е.Р. Германский федерализм: историко-правовое исследование: Автореф. дисс… докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 3-4.

3 Wheeler, R.R. The Writing and Ratification of the U.S. Constitution / R.R. Wheeler. – Washington, DC: Federal Judicial Center, 1986. – P. 31-37.

4 Ibid. p. 45.

5 M. Anderson, “Contemporary Opinion of the Virginia and Kentucky Resolutions, II,’’ Am. Hist. Rev., V, p. 237.

попытка любым из свободных штатов преуменьшить важность существовавшего еще до принятия федеральной Конституции и признанного ею института рабства является нарушением договора о Союзе, противоречит принципам Союза, что гибельно для целей, ради которых Союз был создан. По мнению законодателей Миссисипи, жизненность провозглашенных в преамбуле Конституции США целей оказалась под угрозой в результате того, что северные штаты пренебрегали положением ст. IV Конституции о выдаче беглых рабов и легислатура Миссисипи решила, что сецессия любого штата стала бы правомерным средством защиты[1].

20 декабря 1860 г. конвент Южной Каролины вотировал ордонанс «О расторжении союза между штатом Южная Каролина и другими штатами, соединенными с ней в соответствии с договором, названным Конституцией Соединенных Штатов Америки». Народ штата Южная Каролина объявил, что «ордонанс... которым Конституция Соединенных Штатов Америки была ратифицирована, а также все Акты и части Актов Генеральной Ассамблеи... штата, ратифицирующие поправки к названной Конституции... аннулируются...»; кроме того, провозглашалось, что «союз... существующий между Южной Каролиной и другими штатами под именем Соединенные Штаты Америки... расторгается». Представители штата в Конгрессе США заявили о своем выходе из Палаты представителей[2].

По этому поводу четкую позицию занял Дж. Бьюкенен, выполнявший президентские функции до принятия присяги А. Линкольном, когда в декабре 1860 г. в своем послании Конгрессу он подтвердил, что любая сецессия нарушает Конституцию США и будет являться неконституционной[3].

Верховный Суд США во главе с Р. Тэйни в этот тяжелый для страны период занимал по данному вопросу компромиссную позицию. Так, в 1842 г. (дело Prigg v. Commonwealth of Pennsylvania[4]) Верховный Суд США продолжил компетентное исследование правовой сущности федерального правительства и выразил убеждение, что оно обладает на всем пространстве союза одинаковой властью. В

1 Documents of American History…P. 371-372.
2 Ibid. p. 385.
3 Vandiver F. Basic History of the Confederacy… P. 99.
4 Prigg v. Pennsylvania, 16 Pet. 539 (1842), 535, 537, 562.

решении отмечалось, что суверенитет штата не простирается за его границы, а суверенная власть штата должна быть подконтрольна одной и той же, одинаковой для всего Союза системе правил[1].

В 1857 г. Верховный суд США в решении по делу Dredd Scott v. Sandford дал определение термина «народ Соединенных Штатов»: «Слова “народ Соединенных Штатов”... означают политическое тело (body), которое согласно республиканским институтам образует суверенное государство и которое имеет государственную власть и осуществляет правление через своих представителей». Со времени принятия Конституции США граждане отдельных штатов стали также гражданами этого нового политического «тела», членами политического сообщества, созданного Конституцией, рожденной ею новой политической семьи - «суверенного народа» Соединенных Штатов Америки[2].

Заслуживает внимание в этот период дело Ableman v. Booth, которое Верховный Суд рассматривал в 1859 г. В решении суда говорилось, что народ США, принимая Конституцию, понимал, что именно это правительство «должно быть верховным» и достаточно сильным, чтобы «проводить свои собственные законы.., без вмешательства со стороны штата или властей штата» [3]. Безусловно, заслуживает самого пристального внимания следующий вывод Верховного Суда США, сделанный практически в канун Гражданской войны: «Конституция была составлена не только для того, чтобы защищать штаты от угрозы извне, но, главным образом, для того, чтобы обеспечить союз и согласие внутри страны (at home)». Верховный Суд США указал на то, что хотя штат (в частности, Вирджиния) суверен в пределах своей территории, суверенитет штата ограничивается Конституцией США. Подобная система была призвана гарантировать общесоюзные приоритеты и оградить федерацию от чрезмерных проявлений местных амбиций, пагубных для всей страны[4].

Верховный Суд США указал на негативные последствия децентрализации:

---

1 Documents of American History…P. 366-369.
[2] Speeches and Documents of American History… Vol. II. P. 206-216.
[3] See P.G. Davidson, “Virginia and the Alien and Sedition Laws,” Am. Hist. Rev., XXXVI,
[4] Ibid. p. 351.

«….Конституция и законы... Соединенных Штатов... полномочия, предоставленные федеральному правительству, получили бы... различные толкования в различных штатах, и Правительство Соединенных Штатов стало бы... одним… в одном штате и другим... в другом»[1].

Несмотря на такую позицию Суда, в которой ясно прослеживалась тенденция к сохранению территориальной целостности и принципам федерализма, южные штаты продолжали действия на развал страны.

24 декабря Южная Каролина приняла Декларацию[2], где изложила «непосредственные причины» сецессии, которые, по мнению легислатуры штата, вызвали и оправдывали отделение от федерального союза. Было решено, что учрежденное в 1787 г. договором между штатами Правительство США подчиняется фундаментальному принципу, а именно праву договора. Исходя из того, что в каждом договоре обязательства сторон являются взаимными, Южная Каролина утверждала, что в течение ряда последних лет штаты Севера не выполняли свои конституционные обязательства, предусмотренные ч. III разд. 2 ст. IV Конституции США (норма о выдаче беглых рабов): конституционный договор, полагал конвент Южной Каролины, «был преднамеренно нарушен и проигнорирован нерабовладельческими штатами»[3]. Ссылаясь на то, что это условие являлось столь существенным для данного договора, что без него последний не был бы заключен, штат как одна из договаривающихся сторон счел себя свободным от обязательств. Подтвердив, что Союз, существующий между Южной Каролиной и другими штатами Северной Америки, расторгается, Южная Каролина заявила, что - уже в качестве самостоятельного и независимого государства - она может «совершать всякие... акты и деяния, которые независимые штаты вправе совершать»[4].

Вопросы сецессии поддержали и другие рабовладельческие штаты - Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас и др., которые 4 февраля 1861 г. на своем Конвенте в Монтгомери образовали новое государство -

1 Ibid. p. 355.
2 Documents of American History…P. 358-361.
3 Ibid. P. 372-374.
4 Documents of American History…P. 373-375.

«Конфедеративные Штаты Америки». Была даже принята Временная Конституция и избран первый Президент Конфедеративных Штатов Дж. Дэвисон[1].

Пытаясь обосновать законность образования южной Конфедерации, он подчеркивал, что народы южных штатов разорвали связи с другими штатами Союза и восстановили свой статус суверенных и независимых государств по причине превращения общего правительства из организации, созданной штатами с целью защиты свободы и независимости от внешней угрозы, в машину для контроля и ограничения их суверенных прав[2].

Ситуация, связанная с отделением штатов, привела к Гражданской войне (1861 - 1865) и формированию концепции о том, что штат вправе в одностороннем порядке аннулировать свои конституционные обязательства, принять решение о прекращении конституционных отношений с Соединенными Штатами. Верховный Суд США тогда отметил, что эта концепция могла проводиться в жизнь только незаконным путем вооруженного мятежа, так как «право штата выйти из Союза по какой-нибудь причине, считающейся этим штатом существенной», вне всякого сомнения, не согласуется с Конституцией США[3].

Конституция США, по заключению Верховного Суда, несла идею «нерасторжимого единства» и этот вывод основывался на той цели, которая была зафиксирована в преамбуле «Конституции для Соединенных Штатов Америки» в 1787 г.: «образовать более совершенный Союз»[4], - более совершенный по сравнению с провозглашенным «Статьями Конфедерации вечного Союза между штатами». Таким образом, Союз, который был учрежден в соответствии со Статьями Конфедерации, чтобы «быть вечным», должен был стать в соответствии с Конституцией США «более совершенным». Отмеченная Верховным Судом «вечность и нерасторжимость Союза» не была надуманной конструкцией, а логически вытекала из его правовой природы[5].

---

1 Vandiver F. Basic History of the Confederacy… P. 11.
2 Speeches and Documents of American History… Vol. II. P. 262.
3 См.: Рогозин С.А. Сецессия в истории американского конституционализма // Правоведение. 1998. № 3.
4. Jefferson, Works (federal ed.), IX, p. 179. See also, James Monroe, Writings (S.M. Hamilton, ed.), III,
5 Speeches and Documents of American History… Vol. III. P. 86.

Верховный Суд США определил штат как «политическое сообщество свободных граждан, занимающих территорию в определенных границах и организованных под властью правительства, которое одобряется и ограничивается писаной конституцией и учреждается с согласия управляемых». В решении Суда подчеркивалось, что «именно союз таких штатов... образует отдельную... политическую единицу, которую Конституция определяет как Соединенные Штаты...»; именно такой союз таких штатов в соответствии с Конституцией «делает из людей и штатов, которые составляют Соединенные Штаты, один народ и одну страну»[1].

Целостность федерации в США предопределяет и тот факт, что вновь принимаемый в их состав штат вступает в нерасторжимые отношения, он берет на себя «все обязательства вечного союза». Вследствие этого союз между «новыми» штатами в такой же степени нерасторжим и вечен, как союз между «первоначальными» штатами: в противном случае «без штатов в союзе не могло бы быть такого политического тела, как Соединенные Штаты»[2]. Именно окончательное «включение нового члена в политическое тело», но не присоединение к союзному договору в качестве одной из сторон, и представляет собой допущение в Союз нового штата. Юридически акт, который оформляет принятие штата в Союз, это, по определению Верховного Суда США, - «более чем договор». Предметом заботы Конституции США как конституции федерации является сохранение Союза: «Конституция во всех своих положениях следит за неразрушаемым Союзом, составленным из неразрушаемых штатов». Ордонансы о сецессии, принятые 11 штатами Юга, были признаны абсолютно ничтожными и не повлекшими юридических последствий. Следовательно, обязательства этих штатов как членов Союза оставались неизменными: штаты продолжали оставаться штатами Союза[3].

Таким образом, после Гражданской войны (1861-1865) суть конфликта,

---

[1] H.V. Ames, The Proposed Amendments to the Constitution of the United States During the First Century of Its History (Am. Hist. Asso. Report for 1896, II), p. 79, note 7.
[2] Ibid. p. 81.
[3] Ibid. p. 87.

касающегося интерпретации Конституции, изменилась. Все еще сохранялся основной вопрос о взаимоотношениях государства и штатов, но теперь он чаще проявлялся в форме попыток федерального правительства расширить свою власть. Другими словами, до Гражданской войны американский федерализм прошел испытание, исходившее от центробежных устремлений штатов, преследующих собственные интересы.

Принцип целостности Союза (отрицание права сецессии) как юридический принцип государственного строительства Североамериканской Федерации стал основополагающим в конституционной теории и практике США уже после Гражданской войны. Спор сторонников и противников сецессии по поводу интерпретации правовой природы Союза и толкования Конституции США, длительное время носивший теоретический характер, на практике был окончательно решен военными средствами: штаты не могут выходить из состава Федерации.[1]

Конституция США (разд. 3 ст. IV) содержала гарантии территориальной целостности каждого из штатов в отдельности: «... ни один новый штат не должен быть образован или основан в пределах юрисдикции какого-либо другого штата; и никакой штат не должен быть образован путем слияния двух или более штатов либо частей штатов без согласия легислатур заинтересованных штатов, так же как и Конгресса»[2].

Последнюю точку в этом наболевшем вопросе поставил Верховный Суд США в 1869 г. в деле Texas v. White[3]. Данное решение подвело конституционные итоги Гражданской войны 1861-1865 гг. в США. Опираясь на ранее принятые Верховным Судом США решения, имевшие характер прецедентов по основополагающим конституционным проблемам, высшая судебная инстанция вынесла вердикт о неконституционности сецессии[4].

---

[1] Катц Э. Правовые и судебные аспекты американского федерализма // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Новосибирск. 1995. С. 133.

2 Speeches and Documents of American History... Vol. III. P. 84-91.

3 Texas v. White, 7 Wall. 700 (1869), 643, 650.

[4] Ibid. p. 653.

Дело Техас против Уайта, Чайлза и др. было рассмотрено в Верховном Суде в 1867 г. Со стороны штата дело отстаивали Джорж В. Паскаль и Р.Т. Меррик, а со стороны защиты Филип Филипс, Альберт Пайк и др. Самый важный принципиальный вопрос по этому делу касался статуса штата Техас, вышедшего из состава Соединенных Штатов[1]. Каким статусом стал обладать штат Техас и имел ли он вообще право сецессии и право подавать иск в Верховный Суд Соединенных Штатов после выхода из состава федерации?[2]

При рассмотрении дела были поставлены следующие вопросы: 1) каковы власть и авторитет Паскаля - финансового агента Техаса для представления им Техасского правительства; 2) законность и сила договора, заключенного Техасом в качестве члена конфедеративных штатов; 3) право судебного запрета в деле; 4) технические вопросы, относящиеся к переводу облигаций[3].

Дело рассматривалось в разных ракурсах, но обе стороны и Суд пришли к выводу, что основной вопрос обсуждения - статус Техаса. Этот вопрос являлся актуальным не только в ключе рассмотрения дела, но и в плане реконструкции правительств всех южных штатов.[4]

Паскаль отстаивал позицию, что Соединенные Штаты были нерушимы и что статус Техаса в Союзе не изменился и вследствие войны[5].

Защита настаивала на том, что Техас, выйдя из состава Союза и после ведя войну против Соединенных Штатов, потерял статус штата в Союзе и не имел права подавать иск в Верховный Суд Соединенных Штатов. Мнение судьи Салтона Чайза было следующим: это достаточно оригинальное дело для Верховного Суда, в котором штат Техас требует определенной облигации Соединенных Штатов как свои собственные, настаивая на том, чтобы Суд приказал ответчикам (Уайту, Чайлзу и др.) отказаться от получения платекса от Национального правительства и отдать облигации штату[6].

---

[1] Ibid. 655.
[2] Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс, 1993.
[3] See Edward Channing, A History of the United States, IV, p. 241.
4 Ibid. P. 253.
[5] Pollock v. Farmers' Loan and Trust Co., 157 U. S. 429; 158 U. S. 601 (1895).
[6] Ibid. p. 605.

Соединенные Штаты Актом от 9 сентября 1850 г. предложили штату Техас компенсацию за претензии, связанные с заселением его границ, 10 млн. $ в пятипроцентных облигациях, каждая на сумму 1.000 $. Это предложение было принято штатом. Причем 1/2 этих облигаций была удержана для определенных целей в Национальную казну, а другая часть была доставлена штату. Облигации были доставлены 1.01.1851 г. и все были оплачены и должны быть возвращены после 31.12.1864 г.[1]

Военная Техасская комиссия заключила договор с Джоржем, У. Уайтом и Джоном Чайлзом - двумя ответчиками о продаже им 135 облигаций, хранившихся тогда в казне штата, и еще 76, хранившихся в Англии. За это Уайт и др. поручились доставить для комиссии бумажные карточки и лекарства. Этот договор был заключен 12.01.1865 г. В том же году Уайт и Чайлз получили 135 облигаций, ни одна из которых не имела индоссамента Губернатора (в соответствии с Техасским законом до 1862 г. требовался индоссамент Губернатора). После, в 1865-1866 гг. некоторые из этих же облигаций были проданы другим ответчикам.[2]

В решении, вынесенном 15 апреля 1869 г., суд установил, что Соединенные Штаты являются неразрушимым союзом и он не может быть разрушен никаким актом штата, правительства или народа. Суд отверг доктрину суверенитета штата, тем самым поддержав федеральную власть в противопоставление крепнущей системе правительств на местах (в штатах), заметив в своем решении, что «постоянство и нерушимость Союза никоим образом не подразумевают лишения индивидуальных прав на самоопределение и права на учреждение своего правительства в штате»[3].

Что касается основных вопросов, вынесенных на рассмотрение, то Суд признал власть Паскаля представлять правительство Техаса; договор между Уайтом, Чайлзом и Военной Комиссией штата незаконным, поскольку Уайт и Чайлз содействовали Конфедератам, и вынес решение о том, что так как Уайт и Чайлз были незаконными владельцами, они не могли передавать облигации, т.к. и в

---

[1] Ibid. p. 607.
[2] Robert A. Goldwin and Art Kaufman, eds., Separation of Powers: Does It Still Work? (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1986).
[3] Ibid.

деле Поллок против заима фермеров и целевой компании.[1]

Результатом решения стало то, что доход, полученный Уайтом и Чайлзом от передачи облигаций, был признан в пользу Техаса. Паскаль же потребовал сумму в 47325 $, признанную собственностью Техаса, которую он отсудил, и 17577 $ в качестве своего гонорара[2].

Губернатор Saws E.T. отказал ему в его требовании и уволил с должности финагента. Паскаль подал в суд и выиграл дело; ему было разрешено сохранить всю вышеназванную сумму как гонорар[3].

Дальнейший период дуалистического федерализма характеризуется небольшими судебными делами. Вопросы сецессии ушли в прошлое вместе с оппозиционными штатами, да и сам дуалистический федерализм доживал последние дни. Поэтому Верховный Суд уделял больше внимания не столько штатам, сколько возросшему влиянию федерального правительства. В его решениях больше никогда не фигурировал термин «сецессия», и все вопросы федеративного устройства сводились к проблемам разграничения предметов ведения между федеральным центром и штатами.[4]

Это открыло путь более широкому подходу Верховного Суда к данным вопросам в XX в., когда конгресс использовал некоторые из своих полномочий, вытекающие из поправок, но их главное значение для конституционной системы проявилось благодаря судебной практике. Как указывалось выше, начиная с 1953 г. Верховный Суд США занял более активные, реформаторские позиции вообще и в частности, что касалось признания неконституционными законов и практических действий на уровне правительств штатов и на местах. Клаузулы о надлежащей правовой процедуре и равной защите законов из XIV поправки к Конституции

---

[1] Ibid.

2 По одному из дел, рассмотренных после окончания Гражданской войны, Верховный Суд США постановил, что штаты не имеют конституционного права на сецессию и что на весь период войны они оставались штатами в составе Союза. См. решение Верховного суда США по делу Texas v. White, 74 U.S. 700 (1869).

[3] Ibid.

[4] См., например, решения Верховного Суда США по делам: United States v. E.C. Knight Co., 156 U.S. 1 (1895) (Суд указал, что производство не может быть приравнено к конституционному понятию «торговля»); Veazie Bank v. Fenno, 75 U.S. 533 (1869) (Суд указал, что договоры страхования не могут быть приравнены к конституционному понятию «торговля»).

США образовали большую часть процесса «конституционализации» во многих сферах, традиционно считавшихся вотчинами властей штатов. Две такие важные сферы - это сфера действия прав личности в уголовном процессе, подразумеваемых клаузулой о надлежащей правовой процедуре, и проблема дискриминации личности в связи с расовой или половой принадлежностью[1]. Однако эти дела были уже связаны с моделью кооперативного федерализма.

Теория кооперативного федерализма вошла в оборот политико-правовой жизни в 30-е годы XX в. в англосаксонских странах[2]. Она стала доминировать в США как основа внутригосударственных отношений в связи с проведением Рузвельтом «нового курса».

Одним из первых, кто ввел в оборот термин «кооперативный федерализм», был Э. Корвин, который стал популяризовать его в 30-х годах XX столетия, противопоставляя кооперативный федерализм «нового курса» Рузвельта дуалистическому федерализму, просуществовавшему в США более 150 лет[3].

Суть американского кооперативного федерализма, до сих пор «соперничающего» с дуалистическим федерализмом, обусловлена особенностями американской политической и судебно-правовой системы, где значительный акцент делается на сотрудничество и кооперацию через состязательность и конкуренцию, а большая роль отводится судам.[4]

В современной зарубежной историографии кооперативный федерализм рассматривается как «федерализм трех плоскостей»: к двум традиционным плоскостям федеративного государства - союзу как общему государству и субъектам как государствам-членам - добавляется третья - плоскость координации (согласования) и кооперации (сотрудничества) всех уровней власти федерального государства, т.е. ни один штат, ни союз в целом не могут выполнять свои задачи без

---

[1] В решениях Верховного Суда США по делам Heart of Atlanta Motel v. United State. 379 U.S. 241 (1964); Katzenbach v. McClung, 379 U.S. 294 (1964) (в решении по этому делу Суд согласился с выводом Конгресса о том, что расовая дискриминация отрицательно сказывается на торговле между штатами).

2 Annals of Congress, 7 Cong., 1 sess., col. 32.

[3] Herman V. Ames, ed., State Documents on Federal Relations (New York: Da Capo Press, 1970).

[4] Walter H. Bennett, American Theories of Federalism (Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1964).

рассмотрения планов других штатов и союза в целом. Эта плоскость получила название «союз государств в союзном государстве». Ее основным принципом является принцип единогласия, предусматривающий свободный выбор[1]. Каждый участник имеет право отказаться от усиливающейся унификации, если его собственные региональные интересы требуют другого решения. Таким образом, не прибегая к административно-командным методам и не отказавшись от централизации, можно достичь необходимого в современном социальном государстве единообразного и эффективного выполнения государственных задач[2].

Итак, анализ кооперативного федерализма позволяет сделать вывод о том, что эта модель, не отвергая принципов дуалистического федерализма, не заостряя внимания на проблеме государственного суверенитета, переводит рассмотрение сущности федерализма в плоскость взаимоотношений между центром и субъектами федерации и между самими субъектами федерации.

В США сферы компетенции штатов и федеральных властей жестко разграничены, причем взаимоотношения между ними специально оговорены в Конституции (ст. 1, разд. 10). В целом в стране существует централизованная государственная система, и поэтому штаты не вправе заключать международные договоры, выпускать деньги, принимать законы с обратной силой или законы, нарушающие договорные обязательства. Без согласия Конгресса штаты не могут содержать вооруженные силы в мирное время, вести военные действия самостоятельно, вступать в соглашения с другими штатами, устанавливать пошлины и сборы на ввоз и вывоз товаров.[3]

Один из важнейших вопросов федерализма - обеспечение выполнения принятых на федеральном уровне решений. При принятии Конгрессом законов в каждом конкретном случае на основании Конституции определяется, как они будут регулироваться и какова степень контроля за ними со стороны федеральных

---

[1] Ibid.

[2] Сафонов В.Е. Государственное единство и территориальная целостность в судебных решениях: международные и конституционно-правовые аспекты. – М.: РАП. 2008.

[3] См.: об этом: Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 10-11; Буржуазная конституция на современном этапе. М., 1983.

властей. К примеру, согласно Конституции, федеральное правительство может регулировать торговлю между штатами. Верховный Суд интерпретирует это положение в том смысле, что любая компания, которая ведет бизнес более чем в одном штате, подпадает под федеральное регулирование.[1]

Так, в принятом осенью 1996 г. законопроекте о радикальной реформе системы социального вспомоществования («вэлфер») Конгресс не стал специально оговаривать, как штаты должны использовать выделяемые на эти цели средства. Это означает, что они сами будут решать, как лучше распорядиться федеральными фондами. В данном случае федеральное правительство пошло на то, чтобы уменьшить свое влияние на штаты. Принцип разделения властей дополнен принципом «сдержек и противовесов»[2].

Но, конечно, главным каналом разрешения конфликтов по проблемам федерализма по-прежнему остается Верховный Суд США. Как было отмечено, основные направления судебной деятельности были связаны с расширением властных полномочий федерального центра. Так, в 1937 г. Верховный Суд признал конституционным Закон о социальном обеспечении. Это решение имело важное значение для развития федеративных отношений, поскольку отвергало аргумент о нарушении прав штатов при выделении им федеральных субвенций на определенных условиях. Суд принимает также решения о том, что Конгресс вправе регулировать индустриально-трудовые отношения[3], устанавливать минимальные размеры оплаты труда[4], регулировать объем производства и цены в сельском хозяйстве[5]. Усиление роли центра происходило также за счет пересмотра Верховным Судом целого ряда решений, принятых им в эпоху дуалистического федерализма. К примеру, в 1941 г. Суд пересмотрел свое решение по делу Hammer v. Dagenhart[6].

Интересным представляется дело Wickard v. Filburn, касающееся

---

[1] Martin v. Mott, 12 Wheaton 19 (1827); Selective Draft Law Cases, 245 U. S. 366 (1918).
2 Wilson J.Q. American Government. Lexington-Toronto, 1992. P. 28-30.
3 Helvering v. Davis. 301 U.S. 619.1937.
4 NLRB v. Jones & Laughlin Steel Corp., 301 U.S. I. 1937.
5 United States v. Darby Lumber Co., 312 U.S. 100. 1941.
6 Hammer v. Dagenhart, 247 U.S. 251 (1918), 58, 783

установления предельного количества сроков для пребывания в должности сенатора и представителя. Штат Арканзас в поправке к своей Конституции установил, что в избирательный бюллетень на выборах в Конгресс не могут вноситься фамилии тех кандидатов, которые уже занимали должность члена Палаты представителей в течение трех сроков и члена Сената в течение двух сроков. Конституция США[1] (разд. 2, 3 ст. 1) устанавливает лишь следующие требования к кандидатам: проживание на территории штата, от которого они баллотируются; достижение возраста 25 лет для представителя и 30 - для сенатора; нахождение в состоянии гражданства США в течение семи лет для представителя и в течение девяти лет - для сенатора. Как видно, других требований или ограничений нет. Верховный Суд признал данную поправку не соответствующей федеральной Конституции.[2]

Для того чтобы, федеральный вопрос подлежал рассмотрению Верховным Судом, он должен быть надлежащим образом своевременно поднят судом штата[3]. Это требование помогает гарантировать, что факты, имеющие отношение к федеральным вопросам, будут адекватно изучены, и противоборствующие аргументы будут выяснены и обсуждены. Разумные исключения из этого требования существуют для дел, в которых процедурные правила штата ненадлежащим образом затрудняют попытки поднять федеральный вопрос или высший суд штата действительно решает федеральный вопрос, даже если вопрос был поднят не в соответствии с процессуальными правилами штата.[4]

Возможно наиболее сложное ограничение апелляционной юрисдикции Верховного Суда - это доктрина, запрещающая пересмотр решений, которые опираются на «достаточные и независимые основания, следующие из законодательства штата». Вкратце мотивировка и основа этой доктрины заключается в том, что Суд «имеет полномочия только исправлять решения судов

---

[1] Поправки к Конституции Соединенных штатов Америки. // World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.
[2] Wickard v. Filburn. 317 U.S. 111. 1942.
[3] Ibid.
[4] George W. Carey, The Federalism: Design for a Constitutional Republic (Urbana: University of Illinois Press, 1989).

штатов в той степени, в которой они неправильно признают федеральные права. Если то же решение было бы вынесено судом штата после того, как внесли поправки в его трактовку федеральных законов, пересмотр свелся бы не более чем к «совещательному мнению» или «консультативному заключению»[1].

В большинстве случаев основание для решения, проистекающее из законодательства штата, будет достаточным для того, чтобы поддержать решение, если оно предписывает, что исход дела был бы тем же самым, независимо от того, какое решение Верховный Суд примет по федеральному вопросу, также представленному в деле. Предположим, например, что суд штата принял бы решение против истца в деле по обвинению в клевете (диффамации) на альтернативных основаниях, что (а) ответственность была запрещена первой поправкой к Конституции Соединенных Штатов и б) предположительно клеветнические заявления обвиняемого были также отнесены к сфере полномочий законов штата[2]. Даже если бы Верховный Суд не отказал в пересмотре и отмене решения по федеральному конституционному вопросу, истец все же не смог бы выиграть процесс по иску о диффамации, основанному на праве штата, из-за привилегии законов штат[3]а. Таким образом, постановление по вопросу о привилегии законов штата было бы «достаточным», чтобы поддержать вынесенное решение.

Постановление по вопросу о привилегии законов штата также было бы «независимым» от федерального вопроса первой поправки, поскольку постановления по этим двум вопросам не связаны друг с другом каким-либо образом: привилегия законов штата применялась бы, даже если первая поправка была бы истолкована как не запрещающая ответственность. [4]

Однако вопрос независимости становится еще более сложным и запутанным в делах, в которых кажется, что суд штата мог решить вопрос определенным

---

[1] Ibid. pp.
[2] Presser, S. Law and American History Cases and Studies / S. Presser, Zainaldin. – 1980.
[3] Ibid.
[4] See A.C. McLaughlin, “Marbury vs. Madison Again”, American Bar Association Journal, XIV

образом из-за своего спорного неправильного истолкования федерального закона. Например, многие штаты, очевидно, интерпретировали положения конституций своих штатов таким образом, который дает гарантии, идентичные тем, что даются параллельными положениями федеральной Конституции[1].

Таким образом, суд штата мог признать, например, что ответственность за клеветническую публикацию запрещена конституцией штата, потому что она запрещена федеральной Конституцией; другими словами, постановление в отношении конституционного права штата может быть продиктовано постановлением в отношении к федеральному праву. В таком случае определение суда штата, что, согласно конституции штата, речь не дает оснований для судебного преследования, не было бы «не зависимым» от его решения, вынесенного по федеральному вопросу. Если бы Верховный Суд принял дело на рассмотрение и отменил решение по федеральному конституционному вопросу, суд штата после проведения дополнительного расследования предположительно отменил бы свое постановление по вопросу конституции штата, и исход дела мог бы измениться.[2]

Концепция «независимости»[3], которая сложна даже в теории, зачастую становится еще более сложной на практике, поскольку суды штатов не всегда уточняют, являются ли их решения в отношении вопросов, касающихся законов штата, независимыми от их решений по федеральным вопросам, т.е. приняли ли бы они такое же решение по вопросу, касающемуся законодательства штата, даже если бы они сочли, что федеральный вопрос должен быть решен иначе. После экспериментирования с разными подходами к делам, в которых было неясно, было ли основание для решения, основанное на законодательстве штата, не зависимо от федеральных оснований, Суд решил, что в неоднозначных делах следует предполагать, что основания штата не являются независимыми и, таким образом, не запрещают Верховному Суду пересматривать федеральные вопросы,

---

[1] См.: Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации //Под ред. В.В. Ершова. М.: Юрист, 2006.
[2] See J.B. McMaster, A History of the People of the United States, IV
[3] Ibid.

относящиеся к делу[1]. Согласно делу Мичиган против Лонга “когда представляется, что решение суда штата опирается в первую очередь на федеральное право или перекрещивается с федеральным правом, и когда достаточность и независимость любого возможного основания, проистекающего из законов штата, не ясны from the face of the opinion, то суд штата принял решение по делу таким образом, поскольку счел, что этого требует федеральный закон»[2].

Приведенные примеры деятельности Верховного Суда США, как органа конституционного контроля позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, система судов общей юрисдикции США, осуществляющих конституционное правосудие, независимо от того, является ли она дуалистической или единой (объединенной), основана на иерархическом принципе институционной подчиненности, что, в частности, проявляется в процедуре обжалования решений по конституционным вопросам, принимаемых нижестоящими судами, в вышестоящие вплоть до федерального Верховного Суда, решения которого являются окончательными и обязательными для всех судов.[3]

Во-вторых, различные суды общей юрисдикции штатов обладают далеко не одинаковыми полномочиями в сфере федеративных отношений, а, следовательно, играют неодинаковую роль в их регулировании. Наиболее широкими полномочиями обладает федеральный Верховный Суд США.[4] Только ему принадлежит «чисто федеральное полномочие» - разрешение споров между федерацией и ее субъектами и между субъектами федерации. Но, как отмечалось, важнейшую роль в сфере федеративных отношений играет одно из основных полномочий органов конституционного правосудия – контроль за конституционностью нормативных актов. Это полномочие является совместным полномочием различных судов общей юрисдикции, но осуществляется оно ими в разных объемах. Наибольший объем присущ полномочию федерального

---

[1] Walsh, C. Federalism, the State and Economic Policy / ed. By B. Galligan. Melbourne: Longman Cheshire, 1989. - 400 p.

[2] См. Чарльз Уоррен, История Верховного Суда в Соединенных Штатах, I, 1996. стр. 243-244.

[3] Там же. Стр. 256.

[4] The Public Statutes at Large of the United States of America… - Vol. 1. – Boston, 1845.

Верховного Суда США – объектом конституционного контроля служит как федеральное законодательство, так и законодательство штатов (в отношении последнего суд действует, как правило, в качестве высшей апелляционной инстанции). [1]

В-третьих, американская классическая модель конституционного правосудия, сыгравшая значительную роль в сохранении государственного единства и территориальной целостности страны, модифицирована в ряде федеративных государств[2]. Это относится не только к организации и конституционной юрисдикции судебных органов, но и к применяемым ими видам конституционного контроля. Для американской классической модели характерен лишь один вид конституционного контроля – конкретный конституционный контроль. Однако в рассмотренных федерациях применяются оба вида – и конкретный, и абстрактный конституционный контроль[3].

Абстрактный конституционный контроль применяется и в Канаде в спорах между федерацией и ее субъектами по поводу действительности федерального закона или закона субъекта федерации. Применение абстрактного конституционного контроля, несомненно, расширяет возможность судов общей юрисдикции влиять на развитие федеративных отношений, в то время как использование исключительно конкретного контроля ограничивает эти возможности усмотрением частной стороны в отношении как подачи иска, так и его предмета: не в любом производстве по конкретному делу может возникнуть конституционный вопрос, так или иначе связанный с федеративными отношениями[4].

Таким образом, можно сделать вывод, что конституционные принципы как основополагающие начала лежат в основе организации и деятельности Верховного Суда США как неотъемлемой части системы властных институтов федеративного

---

[1] См.: Шахрай С.М. Федерализм и конституционное правосудие (Проблемы теории, методологии, практики): Дисс… д-ра юрид. наук. СПб, 2001.

[2] Цитируется по Чарльзу Уоррену, История Верховного суда в Соединенных Штатах,. С. 294-295.

[3] Там же. С. 297.

[4] Kincaid, J. American Federalism: the Third Century / J. Kincaid // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1900. – Vol..

государства. «Они тесно связаны с конституционными принципами государства и права в целом и устанавливают связь идейных начал судебной власти»[1] и всего государственно-правового развития американского федерализма. В то время как в период Конфедерации в стране законодательная власть не имела реального значения, исполнительной власти не было вообще, а судебная власть выполняла весьма скромную роль, в новом федеративном государстве все три ветви власти призваны быть эффективными и соответствовать друг другу.[2]

[1] Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / под ред. В.В. Ершова. М.: РАП, 2011. С. 53.
[2] Williams, R.P. The First Congress. March 4, 1789. March 3, 1791. A Compilation of Significant Debates / R.P. Williams. N.Y., 1970.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы, связанные с конституционно-правовым развитием того или иного государства неразрывно связаны с историей возникновения конкретного конституционного строя, соотношением революционных элементов этого процесса и эволюционных элементов совершенствования демократического потенциала. Конституция непосредственным образом влияет на ход современной истории страны и определяет уникальность черт новой общественной системы и нового государства, возникших из хаоса перемен[1]. Не зная того, как рождалось американское государство и Конституция США, невозможно понять американскую модель федерализма, современные конституционные институты, их особенности и перспективы развития.

Методологические вопросы американского конституционализма неразрывно связаны с историей возникновения и развития конституционного строя отдельных колоний (штатов). Например, влияние позитивных элементов совершенствования демократического потенциала Хартии провинции залив Массачусетс в Новой Англии 1691 г. и Конституции штата Массачусетс 1780 г. положительным образом сказалось на будущей федеральной американской Конституции.[2] Так, не зная того, как рождалась Конституция штата Массачусетс и других североамериканских территорий, невозможно понять нынешнюю американскую конституционную действительность, современные институты законодательной, исполнительной и судебной власти, их особенности и перспективы развития. В данной работе дается попытка анализа истоков американского федерализма и конституционализма с XVII в., доказывается необходимость преемственности конституционных традиций в науке и практике, опасность их слома и пренебрежения ими.

Принижение конституционных ценностей, как показывает история и практика в том числе и нашей страны, девальвирует такие понятия, которые связаны с народовластием и народным достоянием. Сам государственный строй при этом

---

[1] Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 2013. С. 9.

[2] By Emory Washburn. Sketches of the judicial history Massachusetts, Boston, Charles C. Little and James Brown. 1840.

выступает как результат гражданских (буржуазных, либеральных, освободительных) революций вне зависимости от того, осознают ли это сами их творцы либо не осознают, что в свою очередь сказалось и на американском федерализме, который развивался поистине революционными темпами, о чем свидетельствует вся история государства США. Конституционализм может рассматриваться как: 1) конституционная идеология (система идей и концепций), 2) процесс (политический процесс вокруг конституционных вопросов), 3) цель (установление определенного конституционного строя как определенного механизма власти), 4) политико-юридическая реальность (существование конкретного конституционного строя), 5) юридический результат (реализация конкретных норм и принципов), 6) средство (разрешение политических кризисов, установление форм диалога между народом и властью)[1]. В условиях сохранения актуальности проблемы развития моделей федерализма важное значение имеет определение основных направлений его совершенствования. Опираясь на работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам государственного устройства и федерализма США, и учитывая практический опыт его становления и развития в ряде государств Европы, Азии и Америки, можно сделать вывод, что концепция взаимоотношений целого и его частей, составляющая ядро большинства теорий современного конституционализма и федерализма, может видоизменяться в процессе достижения зрелости самой федерации.[2] Тому наглядный пример Соединенные Штаты Америки, истоки федерализма которых лежат в развитии штатов. Однако при этом вектор эволюции федеративных систем, будь то Америка или Россия, всегда будет направлен на расширение полномочий и укрепление центральной власти при одновременной социокультурной и экономической самостоятельности субъектов федерации. Попытаемся выявить в функционировании современных США специфические принципы, механизмы, закономерности, обусловленные особенностями формирования того общества, которое сложилось в южной части залива Массачусетс.

---

[1] См.: Боброва Р.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С.24-25.

[2] Carri Wills. Head and heart: American Christianitiesy. London. 2007.

Немаловажную роль в решении данной проблемы играет федерализм, его понятие, источники, особенности. Несомненно одно, что федерализм в США в отличии от России имеет свои специфические традиции, которые нельзя не учитывать при строительстве вертикальных и горизонтальных связей между федерацией и ее субъектами. Если взять, к примеру, нашу страну, то здесь можно сказать, что первой и основополагающей особенностью новейшего российского федерализма стал его разделительно-суверенитетный характер. В отличие от большинства федеративных государств, связавших свое рождение с соединением ранее независимых государств и с делегированием этими государствами части своих суверенных прав новому союзу, РСФСР, превратившаяся в Россию, стала стремительно повышать независимость своих региональных частей, передавая им часть собственного суверенитета, забывая иногда о демократии. Но демократия в ее конституционном понимании на протяжении более чем двух столетий сопрягается с правовым государством, вне которого она в принципе невозможна»[1].

Суть современного американского кооперативного федерализма, до сих пор «соперничающего» с дуалистическим федерализмом, обусловлена особенностями американской политической и судебно-правовой системы. Значительный акцент делается на сотрудничество и кооперацию через состязательность и конкуренцию, а также развитию правосудия, идея которого и как требование праведного и справедливого разрешения споров компетентными судами в рамках установленных процедур возникла много веков назад.[2]

Модель кооперативного федерализма реализуется через механизмы вертикального и горизонтального сотрудничества. С этой целью создаются:

1) региональные объединения групп субъектов федерации, которые устанавливают особые формы сотрудничества между собой и выступают в отношениях с федерацией не только как региональные объединения. Такие объединения не

---

[1] Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. С. 14.

[2] For more detail, see V.I. Lafitsky, «Суд в борьбе за собственность и власть» [Court in the Struggle for Ownership and Power] in E.V. Novikova (ed.), Верховного права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике [Supremacy of Law and Problems of the Ensuring Thereof in Law-Application Practice] (2009). P. 1.

имеют политического характера. Это преимущественно экономические объединения. Но на практике влияние такого объединения на федеральную политику более значительно, чем влияние отдельно взятых штатов;

2) особые федерально-провинциальные органы, которые в принципе имеют совещательный характер и цель которых сглаживать возникающие между центром и периферией разногласия, поиски компромиссов, но на деле их значение нередко выходит за рамки совещаний, ибо авторитет принимаемых ими рекомендаций бывает очень высок[1].

Важнейшими среди таких органов являются периодически созываемые совещания премьер-министров федерации провинций (штатов, земель). Созываются также конференции министров федерации и ее субъектов. Периодический созыв таких совещаний нередко помогает снимать зарождающееся напряжение, не позволяет ему вылиться в острые формы. Особенно важно это бывает в тех случаях, когда у власти в федерации и отдельно взятых штатах стоят разные политические партии[2].

Итак, анализ кооперативного федерализма позволяет сделать вывод о том, что эта модель, не отвергая принципов дуалистического федерализма, не заостряя внимания на проблеме государственного суверенитета, переводит рассмотрение сущности федерализма в плоскость взаимоотношений между центром и субъектами федерации и между самими субъектами федерации[3].

В США сферы компетенции штатов и федеральных властей жестко разграничены, причем взаимоотношения между ними специально оговорены в Конституции (ст. 1, разд. 10). В целом в стране существует централизованная государственная система, и поэтому штаты не вправе заключать международные договоры, выпускать деньги, принимать законы с обратной силой или законы, нарушающие договорные обязательства. Без согласия Конгресса штаты не могут содержать вооруженные силы в мирное время, вести военные действия самостоятельно, вступать в соглашения с другими штатами, устанавливать

[1] Robert A. Goldwin, ed., A Nation of States. Essays on the American Federal System (Chicago: Rand McNally, 1961).
[2] Ibid.
[3] Ibid.

пошлины и сборы на ввоз и вывоз товаров[1].

Один из важнейших вопросов федерализма - обеспечение выполнения принятых на федеральном уровне решений. При принятии Конгрессом законов в каждом конкретном случае на основании Конституции определяется, как они будут регулироваться и какова степень контроля за ними со стороны федеральных властей. К примеру, согласно Конституции, федеральное правительство может регулировать торговлю между штатами. Верховный Суд интерпретирует это положение в том смысле, что любая компания, которая ведет бизнес более чем в одном штате, подпадает под федеральное регулирование.[2]

С другой стороны, Конгресс может принимать законы, в которых сознательно возлагает больше ответственности за их исполнение на штаты. Так, в принятом осенью 1996 г. законопроекте о радикальной реформе системы социального вспомоществования («вэлфер») Конгресс не стал специально оговаривать, как штаты должны использовать выделяемые на эти цели средства. Это означает, что они сами будут решать, как лучше распорядиться федеральными фондами. В данном случае федеральное правительство пошло на то, чтобы уменьшить свое влияние на штаты. Принцип разделения властей дополнен принципом «сдержек и противовесов»[3].

Прежде чем США пришли к нынешней системе, они столкнулись с рядом кризисов, самым серьезным из которых была Гражданская война. «Перетягивание каната» продолжается и до сих пор. Вообще на протяжении всей истории США отношения между федеральными властями и властями на местах напоминали колебания маятника - то одни, то другие получали больше полномочий в своей деятельности[4].

---

[1] Griswold, E.N. Law and Lawyers in the United States: Common Law Under Stress / E/N/ Griswold. – London: Stevens and Sons, 1964. P. 186.

[2] Edward S. Corwin, The President: Office and Powers (New York: New York University Press, 1957).

[3] См. об этом: Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 10-11; Буржуазная конституция на современном этапе. М., 1983. С. 47; Wilson J.Q. American Government. Lexington-Toronto, 1992. P. 28-30.

[4] США: экономика, политика, идеология. 1997. №2. С. 40.

Это положение было закреплено в десятой поправке к Конституции США[1], которая гласит, что «полномочия, которые не переданы в соответствии с Конституцией Соединенными Штатам, являются прерогативой отдельных штатов или народа». К компетенции федеральных властей отнесены только вопросы обороны, безопасности, внешней политики, право денежной эмиссии и некоторые другие общенациональные функции. Практически каждый штат Америки представляет собой государство со своей конституцией, со своим флагом, своим правительством, парламентом и судебными органами. В каждом штате действуют свои законы, но при этом федеральные законы США имеют силу на территории всей страны.[2]

Еще одно важное преимущество США составляет стабильная разветвленная юридическая система. Это не судебный аппарат в распространенном смысле слова, а механизм по выработке политики. Именно она и является главным арбитром в спорах и конфликтах, возникающих между центральной властью и штатами, причем в этой сфере выступают как Верховный Суд, так и апелляционный и окружные суды. Им принадлежит право интерпретировать Конституцию и разрешать возникающие противоречия[3].

Нужно сказать несколько слов и о самой правовой системе. Дело в том, что правовая система Англии отличалась от права колоний (штатов), что породило среди ученых споры по поводу разновидности общего семейства английского права. Закон, который привезли колонисты на Новую землю, не был законом королевского суда в чистом виде, а был лишь правовым актом местного сообщества, порожденным условиями и бытом проживающих там переселенцев. Многие ученые называют его «народным законом» по той причине, что он в корне отличался от официального, хотя глубокими корнями уходил в источники английского права, в числе которых основная роль отводилась судебному

---

[1] The U.S. Constitution published by: Oak Hill Publishing Company Box 6473, Naperville, IL 60567. 2002.

[2] Конституция США. 1992. Первые десять поправок, получивших название «Билль о правах», и две другие, ратификация которых не была успешной, были предложены первым Конгрессом 25 сентября 1789г.

[3] У Бернам. Правовая система США. 3-й выпуск. – М.: «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.

прецеденту и правовому обычаю, которые еще хорошо помнили первые поселенцы. Другими словами, создавался суррогат английской правовой системы, получивший в будущем название англо-американской правовой семьи. Детали этого колониального права хотя и были сложны и запутаны, но в основной своей массе охотно воспринимались местным населением, так как воспроизводили те части права метрополии, которые были живы в памяти и которые отвечали условиям жизни нового сообщества[1]. Естественно, что отпечаток на это право накладывали политические и религиозные взгляды колонистов, а также их преданность короне. По меткому выражению известного американского ученого-правоведа Л. Фридмэна[2], колониальное право было достаточно похоже на правовую систему, созданную людьми, потерпевшими кораблекрушение. Она состояла из трех частей: пришедших на память элементов старого закона, новых законов, созданных в результате настоятельных потребностей жизни в новой стране, и правовых элементов, оформленных под воздействием религиозных взглядов. Например, до издания королем Хартии провинции залив Массачусетс (1691 г.) здесь был опубликован один из ранних документов, касающихся прав местных жителей. Он так и назывался «Право и свободы Массачусетса» и содержал элементы судебной власти и института присяжных со всеми процессуальными действиями, такими как наказание через повешение или сожжение на костре за колдовство, неприкосновенность частной собственности и т.д., т.е. все то, что было привезено из Англии. В ходе колонизации появились новые правила, которых не было в метрополии. Нужно отметить, что в других частях своей необъятной колониальной империи, например в Австралии или Новой Зеландии, Англия проводила более жесткую политику, меняющуюся в зависимости от эволюции ее интересов[3]. Когда Англия создавала свои Северные колонии в Америке, казалось, что индейцев постигнет та же судьба, что и австралийских

---

[1] King, P. Federalism and Federation / P. King. – London: The John' s Hopkins University Press, 1982. -160 p.

[2] Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1993.

[3] Michel-Guillaume- Jean de Crevecoeur. Letters from an American Farmer 1782. Letter III // The Norton Anthology of American Literature / Eds. Nina Baum et al. New York, 1989. Vol. I. P. 561.

аборигенов: территория считалась необитаемой, а местные жители предстали как потенциальные враги, которых следовало уничтожать. Первоначально английское отношение отличалось от отношения Франции в Канаде, которая гораздо быстрее стала относиться к местным жителям как к партнерам. Затем англичане изменили свой взгляд: проблема туземцев была гораздо сложнее, чем казалась, и они постепенно признавали независимость и территориальные права коренных жителей. Однако вскоре после заключенного 10 февраля 1763 г. Парижского договора между Францией и Англией американские индейцы должны были исчезнуть или ассимилироваться[1].

Создание судов также шло с большим трудом. Дело в том, что судебная система Англии на протяжении веков усложнилась как никакая другая судебная система. Она стала намного сложнее, чем правовая. Вообще формирование английского права объясняет особую роль английского судьи по сравнению с континентальной традицией. Напомним, что после получения письменного акта процедура рассмотрения спора в соответствии с англосаксонским общим правом проходит устно и содержит три фазы: дебаты сторон перед судьей по правовым вопросам спора; разрешение присяжными заседателями; сведение результатов процедуры в формальный приговор. Первоначальная роль судьи может показаться скромной. Однако он определяет остальную часть процедуры, концентрируя дебаты в направлении вопроса факта, оценка которого будет передана суду присяжных. Эти разработки судьи примут в дальнейшем письменную форму, которая и представляет характерную особенность стиля английского судопроизводства.[2]

Такая иррациональная система была бы просто смешна в маленьких, бедных, постоянно борющихся за свое существование поселениях американского побережья. В этом отношении Массачусетс, как и другие колонии, создал яркую и простую систему судов[3].

Структуры судов были похожи, хотя полностью не повторяли друг друга.

---

[1] Ibid. p. 570.
[2] The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. wait and co. 1814. Mass.
[3] Ibid.

Массачусетс, например, не имел судов «права справедливости», которые являлись фундаментом судебной системы Англии. Таким образом, правовая система колоний, а затем штатов была похожа и не похожа на модель митрополии. И в этом не самую последнюю роль играли те или иные правовые акты, регулирующие жизнь переселенцев.[1]

Колониальный период, с одной стороны, интересен сам по себе, а с другой – он иллюстрирует одну из важных составляющих условий, которые в дальнейшем оказали решающее влияние на становление американского конституционализма. Среди важнейших документов этого периода выделяется Хартия провинции залив Массачусетс в Новой Англии (1691) и Конституция Содружества наций штата Массачусетс (1780)[2].

[1] Краткое введение в американскую судебную систему, написанное специально для иностранной аудитории содержится в работах: Daniel J. Meador. American Courts. West, 1991; Daniel J. Meador & Jordana S. Bernstein. Appellate Court in the United States. West, 1994.

[2] Henry J. Abraham. The Judicial Process. 6 th ed. Oxford University Press, N.Y. 1986.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации 1993г. с поправками, внесенными Законом Российской Федерации от 30 декабря 2008г. №6- ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы», Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008г. №7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации», вступившими в силу 31 декабря 2008г., Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу 6 февраля 2014г. //СПС Консультант Плюс.

2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787г. // World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

3. Билль о поправках 1791. // World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

4. Поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки. // World Almanac and Book of Facts, 2003. N.Y., 2003.

5.Декларация независимости 1776г. // Heffner R.D. A Documentary History of the United States. N.Y., 1965.

6. Мейфлауэрское соглашение 1620. // An American Primer / Ed. By D.J. Boorstin. N.Y., 1968.

7. Конституция Коннектикута 1639 // American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder.census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012. Проверено 25 июля 2010.

8. Конституция штата Массачусетс 1780.// http://worldcontstitutions. ru/?p=492&page=5

9. Конституция Нью-Джерси 1771. Конституцию – Constitution Facts https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf

10. Конституция Северной Каролины 1669г. //American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder.census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012. Проверено 25 июля 2010.

11. Конституция штата Нью-Гемпшир 1783г. //http://wildcard-spb.ru/zev8baiko.

12. Конституция Содружества Пенсильвания 1776г. //http://www.yale.edu/ynhti/curriculum/units/1980/cthistory/80.ch.02.x.htm1#i

13. Конституция штата МЭН 1819г. //Конституцию – Constitution Facts https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf

14. Конституция штата Вермонт 1787г. // http://www.infousa.ru/government/dmpapers5.htm.

15.Конституция штата Вашингтон // http://wildcard-spb.ru/zev8baiko.

16. Конституция Конфедеративных Штатов Америки 1861г. //http://www.yale.edu/ynhti/curriculum/un its/1980/cthistory/80ch.02.htm1#i

17. Декларация и резолюция Первого Континентального конгресса 1774г. // American Community Survey 3- Year Estimates. Factfinder.census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012. Проверено 25 июля 2010.

18. Декларация причин и необходимости взяться за оружие 1775г. //http://www.infousa.ru/government/dmpapers5.htm

19. Билль о правах Вирджинии 1776г. //http:www.e-reading.ws/bookreader.php/146881/Makinerni_-_SShA_Istoriya_strany.htm1

II Судебная практика.

1. Austin v. University of Pennsylvania, I Yeates (Penn.) 260 (1793), 313
2. Boston Beer Co. v. Massachusetts, 97 U.S. 25 (1878), 386
3. Brass v. North Dakota, 153 U.S. 391 (1894), 736
4. Chisholm v. Georgia, 2 Dall. 419 (1793), 301, 303, 340
5. Cohens v. Virginia, 6 Wheat. 264 (1821), 302, 384, 388, 396
6. Cumming v. County Board of Education, 175 U.S. 528 (1899), 727

7. Dillon v. Gloss, 256 U.S. 368 (1921), 787
8. Dobbins v. Commissioners, 16 Pet. 435 (1842), 389
9. Dorr v. United States, 195 U.S. 138 (1904), 518, 769
10. Fletcher v. Perk, 6 Cranch 87 (1810), 384, 385
11. Frothingham v. Mellon (Massachusetts v. Mellon), 262 U.S. 447 (1923), 789
12. Gitlow v. New York, 268 U.S. 652 (1925), 271
13. Hammer v. Dagenhart, 247 U.S. 251 (1918), 58, 783
14. Hawke v. Smith, 253 U.S. 221 (1920), 607
15. Hoke v. United States, 227 U.S. 308 (1913), 782
16. Houston v. Moore, 5 Wheat, 1 (1820), 469
17. Illinois Cent, R. Co. v. Interstate Commerce Com., 206 U.S. 441 (1907), 775
18. Jacobson v. Massachusetts, 197 U.S. 11 (1905), 752
19. Kamper v. Hawkins, I Virginia Cases 20 (1793), 313
20. Kansas v. Colorado, 206 U.S. 46 (1907), 233, 791
21. Karem v. United States, 121 Fed. Rep. 250 (1903), 688
22. Kendall v. United States, 12 Pet. 524 (1838), 661
23. Leser v. Garnett, 258 U.S. 130 (1922), 634, 787
24. Lochner v. New York, 198 U.S. 45 (1905), 751, 753, 757, 772
25. Martin v. Hunter's Lessee, 1 Wheat. 304 (1816), 394, 396
26. Martin v. Mott, 12 Wheat. 19 (1827), 356
27. Massachusetts v. Mellon. See Frothingham v. Mellon, 262 U.S.447 (1923), 789
28. Metcalf v. Mitchell, 269 U.S. 514 (1926), 785
29. Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923), 750
30. Missouri v. Holland, 252 U.S. 416 (1920), 261, 262
31. Mugler v. Kansas, 123 U.S. 623 (1887), 742, 744
32. Neagle, In re, 135 U.S. 1 (1890), 764, 765 Neal v. Delaware, 103 U.S. 370 (1881), 725
33. New Hampshire v. Louisiana, 108 U.S. 76 (1883), 303

34. Plessy v. Ferguson, 163 U.S. 537 (1896), 726
35. Prigg v. Pennsylvania, 16 Pet. 539 (1842), 535, 537, 562
36. Rassmussen v. United States, 197 U.S, 516 (1905), 769
37. St. Louis Consolidated Coal Co. v. Illinois (Consolidated Coal Co. v. Illinois), 185 U.S. 203 (1902), 739
38. Shreveport Case (Houston, E. and W. Texas R. Co.v. United States), 234 U.S. 342 (1914), 776
39. South Dakota v. North Carolina, 192 U.S. 286 (1904), 303
40. Texas v. White, 7 Wall. 700 (1869), 643, 650
41. Twining v. New Jersey, 211 U.S. 78 (1908), 731, 740
42. Tyson and Brother v. Banton, 273 U.S. 418 (1927), 736, 737
43. United States v. Sprague, 282 U.S. 716 (1931), 308, 787
44. Wilson v. New, 243 U.S. 332 (1917), 756
45. Wisconsin R.R. Comm. V. C, B. & Q. R. Co., 257 U.S. 563 (1922), 776
46. Wolff Packing Co. v. Court of Industrial Relations, 262 U.S. 522 (1923), 736[1]

III.Научная литература

Монографии и сборники научных статей.

1. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. – 655 с.

2. Абросимова Е.Б., Анишина В.И., Гаджиев Г.А., Ермошин Г.Т., Сафонов В.Е.. Самостоятельность и независимость судебной власти российской Федерации //Под. Ред. Ершова В.В. М.: Юристъ, 2006.-493 с.

3. Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма / И.А. Алебастрова.-М., 2001. -302с.

4. Английская буржуазная революция XVII века: В 2т.-М., 1954.-Т.1-2.

[1] Original URL: http://www.constitution.org/cmt/mclaughlin/chus.htm| Text Version Maintained: Jon Roland of the Constitution Society Original date: 2002 June 25 – Updated: 2002 June 25.

5. Аптекер Г. Американская революция. 1763-178.-М., 1962.

6. Аптекер Г. Колониальная эра.-М., 1961.

7. Артур Уоррал. Квакеры на колониальном северо-востоке. – Изд-во Университета Новой Англии, 1980. С. 12.

8. Боботов С.В. Введение в правовую систему США / С.В. Боботов, И.Ю. Жигачев. – М., 1997..-273 с.

9. Болховитинов Н.Н. Теоретические и методологические проблемы американской революции XVIIIв.// Материалы 2 симпозиума советских историков-американистов.-М., 1976.

10. Брайсон, Уильям К. Американская судебная система. Верховенство права / Уильям К. Брайсон. – М., 1992. – 345 с.

11. Брычков, А. Молодая Америка / А. Брычков. – М., 1971.

12. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт.-1993.

13. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография –М.: Изд-во РАП, 2008.-272 с.

14. Воробьева, О. Доктрина и практика прав человека в США / О. Воробьева.–М.,1991.–357 с.

15. Гончаров Л.Н. Общественно-политические идеи Томаса Пейна. – Фрунзе, 1959.

16. Грин Дж.П., Жук С.И. Британская колониальная Америка и американская революция: переосмысливая опыт империи // Русское открытие Америки. Сб. ст., посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. – М., 2002. – С. 73-86.

17. Гуценко, К.Ф. Правосудие по- американски /К.Ф. Гуценко.-М., 1969.

18. Давид Д. Холл. Чудесные миры, Судные дни. Народная религиозная вера в Новой Англии на раннем этапе. – Изд-во Гарвардского университета, 1985. С. 178-184.

19. Джефферсон Т. Заметки о штате Вирджиния //Американские просветители. Избранные произведения: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 50 – 73.

20. Джинжер, Энн Ф. Верховный суд и права человека в США / Энн Ф. Джинжер. – М., 1981. – 315 с.

21. Джон Смит. Достоверное изложение фактов. – Цифровой архив Висконсинского исторического общества, 2003. С. 32.

22. Джонатан М. Чу. Корректировка квакерства пуританами в Массачусетском заливе семнадцатого века. – Изд-во Гринвуд Пресс [Greenwod Press] , 1985. С. 44,50.

23. Документы губернатора и компании Массачусетского залива в Новой Англии, 1628-1686.- Бостон: изд. Натаниэль Б. Шертлефф, 1853-1854. Т. 4. Ч.I I. Сс. 383-385;

24. Документы и дела ежеквартальных судов графства Эссекс, штат Массачусетс, 1636-1696 под ред. Джорджа Френсиса Доу и Мэри Г. Трешер. – Изд-во Эссексского института, 1911-1921. Т. 2. С. 107.

25. Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. – М., 1955.

26. Жидков, О.А. Верховный суд США: право и политика / О.А. Жидков. – М., 1985. – 221 с.

27. Жук С.И. Политические структуры и этос с ранней Америки XVII в. // Политические и государственные структуры стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. – Днепропетровск, 1992. – С.34-53.

28. Зайчук, О.В. Правовая система США (Историко-теоретический анализ) / О.В. Зайчук. – Киев, 1992. – 136 с.

29. Зотов А.А. США: негры и война за независимость. 1775-1783. – М., 1988.

30. Иванов, Р.Ф. Президенство в США / Р.Ф. Иванов. – М., 1991.

31. Исаев С.А. Какой тип протестантизма создал основу американской государственности? // Русское открытие Америки. Сб. ст., посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. – М., 2002. –С.50-57.

32. История США в 4-х т. – Т.1. 1607-1877 / Под ред. Н.Н. Болховитинова.- М., 1983.?

33. Каленский В.Г. Мэдисон против Джона Адамса: две модели представительного правления в конституционной истории США // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М., 1980. – С.61-70.

34. Кислова А.А. Народно-реформационное движение и вызревание американской революции // Материалы 2 симпозиума советских историков-американистов. – М., 1976.

35. Кислова А.А. Религия в формировании американской нации // Национальные процессы в США. – М., 1973.

36. Короткова С.А. Квакеры в Англии и североамериканских колониях в XVII в. // Религия и политика в Европе XVII-XX вв. – Смоленск, 1998. – С.62-71.

37. Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. – М., 1998.

38. Макинерни Д. США. История страны / Дэниел Макинерни; пер. с англ. Т. Мининой. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009.- 736 с.

39. Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. – М., 1985.

40. Пархимович В.Л. Социально-политические взгляды Джона Адамса // Гуманитарные исследования. – Уссурийск, 1998. – Вып.2. – С.224-234.

41. Пастана квакеры и баптисты в колониальном Массачусетсе. – Изд-во Кембриджского университета, 1991. С. 35.

42. Пери Миллер Умонастроения Новой Англии: от колонии к провинции. – Изд-во Гарвардского университета. 1953. С. 123.

43. Печатнов В.О. Гамильтон и Джеферсон. – М., 1984

44. Пол Бойер и Стивен Ниссенбом Ведьмы в деревне Салем: Документальный отчет о местном конфликте в колониальной Новой Англии -Изд-во «Уодсворт паблишинг компании» 1993. С. 375-382.

45. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 720 с.

46. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. – М., 1937.

47. Саломатин, А.Ю.Деятельность Верховного Суда США в середине Хх в. Под председательством Э Уоррена как пример беспрецендентного судейского

активизма: исследовательские очерки с методическими рекомендациями в помощь студентам / А.Ю Саломатин, Е.А. Агеева. – Пенза: Информационно-издательский центр ПензГУ, 2008. – 112 с.

48. Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. – М., 1963.

49. Севостьянов Г.Н., Уткин А.И., Томас Джеферсон. – М., 1976.

50. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд, 1630-1642. – М., 1980

51. Согрин В.В. Джеферсон: человек, мыслитель, политик. – М.,1990.

52. Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII в. – М.,1980.

53. Согрин В.В. Мифы и реальности американской истории. – М., 1986.

54. Согрин В.В. Основатели США: Исторические портреты. – М.,1983.

55. Согрин В.В. Политическая история США. XVII-XXвв. – М., 2001.

56. Становление Американского государства / Отв. ред. А.А. Фурсенко. – СПб., 1992.

57. Стратанович В.Ф. К вопросу о первоначальном накоплении капитала в английских колониях Северной Америки в XVII-XVIIIвв. // Уч. Зап. Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. – Т. 109. – Вып.6. – М., 1966.

58. Уильям Уоллер Хенинг. Законодательные акты в оригинальной версии.- Изд-во «Сэмюэль Плезантс», 1809, т. 1. С. 57.

59. Ушаков В.А. Американский лоялизм. Консервативное движение и идеология в США в 1760-1780-е гг. – Л., 1989.

60. Ушаков В.А. Война за независимость и проблемы лоялизма // Материалы 2 симпозиума советских историков-американистов. – М., 1976.

61. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1994.

62. Филимонова М.А. Америка на пути к стабилизации. Деятельность А. Гамильтона в Континентальном конгрессе (ноябрь 1782-июль 1783г.) //Русское

открытие Америки. Сб. ст., посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. – М., 2002. – С.119-128.

63. Филимонова М.А., Александр Гамильтон, Американская революция и проблема национальной индентичности // Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании. Межвуз. Сб. науч. Трудов. – Курск, 2000.

64. Фридмэн Л. Введение в американское право. – М., 1993.

65. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. – М., 1978.

66. Хрулева И.Ю. Пуританизм Новой Англии в процессе самоопределения: «антиномианский кризис» // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. Материалы VI научной конференции ассоциации изучения США. – М., 1999. – С. 135-151.

67. Шахрай С.М.: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / С.М. Шахрай; Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.

68. Шершнева С. В. Проблемы новой истории США – религия и церковь в общественно-политической жизни английских колоний в Северной Америке (XVIIв.): Учебно-методическое пособие. – СПб., 1999.

69. Шумилов В.М. Правовая система США: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Междунар. Отношения, 2006-408 с.

70. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. – Москва: Проспект, 2014.-336 с.

71. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционый суд: Учебное пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ. 1997.-349 с.

72. Эдвард Уорд. Путешествие в Новую Англию. В: Х.У. Тройер. Манускрипты пяти путешествий. Изд-во Колумбийского университета, 1933. С. 5.

73. Эдмунд Морган, Роджер Уильямс: Церковь и государство. – Изд-во «Харкорт, Брейс и Уорлд», 1967. С. 56-61.

74. Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. – Саратов, 1966.

75. Ярыгин А.А. Особенности развития английских колоний в Северной Америке в 1 пол. 17 века // Политика и культура стран Европы и Америки. – Йошкар-Ола, 1991. –С.5-21.

Статьи в научных журналах

1. Белявская И.А. Джеймс Отис и его роль в подготовке Войны за независимость // Американский ежегодник, 1975. – С.171-186.

2. Болховитинов Н.Н. Сэйлемская ведьма // Вопросы истории. – 1982. - №10.

3. Бурин С.Н. Американская историография социальных отношений колониального периода // Новая и новейшая история. – 1974. -№1.

4. Гаджиев К.С. Пуританские общины в Новой Англии в XVII-XVIIIвв.//Вопросы истории. – 1974. - №8.

5. Галкина Е.В. Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке // Американский ежегодник, 2000. – М., 2002.-С. 98-117.

6. Грин Дж. П. Pluribus или Unum? Этническая идентичность в ранней колониальной Британской Америке // Американский ежегодник. 1999. – М., 2001. – С. 31-48.

7. Грин Дж. П. Происхождение американского конституционализма // Американский ежегодник, 1991. – М., 1992. – С.9-23.

8. Громаков Б.С. Государственно-правовые взгляды Томаса Джефферсона // Советское государство и право. – 1957. - №9.

9. Диппель Х. Американский конституционализм и народный суверенитет: неизученная проблема // Американский ежегодник, 1993. – М., 1993. – С.38-51.

10. Жук С.И. «Срединные» колонии Британской Америки и истоки современной цивилизации США // Американская цивилизация как исторический феномен. –М., 2001. – С.38-51.

11. Жук С.И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании // Вопросы истории. – 2000. - №1. – С.115-128.

12. Жук С.И. Первое религиозное «Великое пробуждение» в Британской Америке // Вопросы истории. – 1997. - №6.

13. Жук С.И. Социально-экономические аспекты становления капитализма в колонии Нью-Йорк на рубеже XVII-XVIIIвв. // Американский ежегодник. 1989. – М., 1990. –С.210-228.

14. Жук С.И. Схизма Кита и кризис норм власти в колониальной Америке // Американский ежегодник, 1998. – М., 1999.

15. Захарова М.Н. О генезисе идей Томаса Джефферсона // Вопросы истории. – 1948. - №3.

16. Захарова М.Ню Томас Джефферсон и проблема собственности // История социалистических учений. – М., 1982. – С.160-178.

17. Зубков А.Ю. Английская корона и американские колонии накануне Войны за независимость (1763-1775) // Вопросы истории. – 1983. – №8. –С.170-174.

18. Зубков А.Ю. Английская торговая буржуазия и освободительное движение в североамериканских колониях Великобритании (1763-1775) // Американский ежегодник. 1982. – М., 1982. –С.254-271.

19. Зубков А.Ю. Борьба против закона о гербовом сборе – начальный этап освободительного движения в колониях // Американский ежегодник, 1975. – М., 1975. – С.17-44.

20. Кислова А.А. Томас Пейн – революционер и демократ // Американский ежегодник, 1975. – М., 1975.

21. Косарев Б.М Генезис плантационной рабовладельческой системы США // Вопросы истории. – 1978. - №5.

22. Павлова Т.А. Квакерское движение в Англии (2 половина XVII – начало XVII в.) // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1982. – М., 1982. – С.184-205.

23. Плешков В.Н. «Общество Цинцинната» // Вопросы истории. – 1973. – «11. – С.214-219.

24. Плешков В.Н. Борьба Томаса Джефферсона за демократические

реформы в Виргинии (1776-1779) // Американский ежегодник, 1975. – М., 1975.

25. Рымарь С.В. Национальные проблемы и современность. // История государства и права, 2014. - №7. – 50-54.

26. Сергунин А,А. Британские корни американского президенства // Американский ежегодник. 1997. – М., 1997. – С.55-72.

27. Слезкин Л.Ю. Соглашение на «Мэйфлауэре». Из предыстории США // Новая и новейшая история. –1971. - №5.

28. Согрин В.В. Александр Гамильтон и образование США // Новая и новейшая история. – 1976. - №1-2.

29. Согрин В.В. Джеймс Мэдисон: классовая сущность политики компромисса // Новая и новейшая история. – 1978. - №3. – С.124-144.

30. Согрин В.В. Джефферсон, Франклин, Пейн и становление демократической социально-политической мысли в США // Американский ежегодник, 1979. – М., 1979. – С.176-210.

31. Согрин В.В. К вопросу об идейной основе конституции США // Проблемы американистики. – Вып. 1. – М., 1978. – С.95-122.

32. Согрин В.В. К идейным истокам войны за независимость США //Вопросы истории. – 1975. – № 9. – С.52-68.

33. Согрин В.В. Принятие конституции США: мифы и реальность // Новая и новейшая история. – 1987. – №2.

34. Согрин В.В. Революция XVIII в. и развитие американской конституционной системы // Проблемы американистики. – Вып.3. – М., 1985. – С.114-137.

35. Согрин В.В. Становление и борьба идейных традиций в США // Вопросы истории. – 1980. - №3. – С.54-69.

36. Тишков В.А. Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпритации // Вопросы истории. – 1976. - №1.

37. Трояновская М.О. Томас Джефферсон и политическая борьба на Первом континентальном конгрессе. (К истории формирования политических фракций) // Вестник МГУ. – Серия 8. – История. – 1980. - №4. – С.54-56.

38. Трояновская М.О. У истоков нового общества: Томас Джефферсон и формирование идеологии американского либерализма // Проблемы американистики. – М., 1997. – Вып. 10. – С.22-44.

39. Ушаков В.А. « Статьи конфедерации и вечного союза» - первая американская конституция (к истории создания) // Проблемы всеобщей истории. – М., 1975.

40. Ушаков В.А. К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник. 1986. – М., 1986.

41. Филимонова М.А. Из предыстории конституции США: Конституционный проект Александра Гамильтона // Учен. Зап. РОСИ. Сер.: Государство и право. – Курск, 2000. – Вып.5. – С.56-62.

42. Филимонова М.А. Формирование концепции национального интереса в системе взглядов Гамильтона // Американский ежегодник, 2000. – М., 2002. – С.118-136.

43. Фурсенко А.А. Конституционный конвент // США – 1987. - №7. – С.64-72.

44. Хрулева И.Ю. Из истории радикального пуританизма в Америке: теологические и социально-политические взгляды С. Гортона. // Американский ежегодник, 1995.

45. Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. – М., 1996.

46. Ширяев Б.А. Джон Адамс в период борьбы американских колоний за независимость // Американский ежегодник. 1975. – М., 1975. – С.209-230.

Диссертация и авторефераты диссертаций

1. Адаменко И.Е. Идеи конституционализма в политико-правовой мысли дореформенной России (первая половина XIX века) . Автореферат дисс. канд.юрид. наук. М., 2005.

2. Анишина В.И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2006.

3. Арзамаскин Н.Н. Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы российского государства: Автореф.

дисс…докт. юрид. наук. М., 2009.

4. Арсанукова М.С. Государственно-правовая политика российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2010.

5. Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство Российской Федерации: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2001.

6. Бастен И.С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники к онституционного права России: Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.

7. Батеева Е.В. Законность и конституционная юстиция в современной России: Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2003.

8. Батурин П.В. Правовые позиции в конституционном судопроизводстве и проблемы применения международно-правовых норм: Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

9. Белькович Р.Ю. Анархо-индивидуализм в политико-правовой мысли США XIX – начала XX века: Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2009.

10. Березин Ю.Б. Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах:Автореф. дисс…канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

11. Мырзалимов Р.М. Органы конституционной юстиции в странах Центральной Азии: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2013.

12. Павликов С.Г. Системы судов Российской Федерации: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2010.

13. Радченко В.И. Конституционные основы государственной целостности Российской Федерации: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. М., 2003.

14. Сафонов В.Е. Российская государственность и теория современного федерализма: политико-правовые проблемы: Автореф. дисс…докт. юрид. наук. СПб., 2000.

15. Самигулин В.К. Конституционное развитие Башкортостана: Автореф.

дисс…докт. юрид. наук. М., 1998.

16. Увачев В.А. Социально-правовое государство и гражданское общество постиндустриальной эпохи: правовые основы функционирования и взаимодействия (на примере стран Западной Европы и США): Автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2006.

17. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: . дисс…докт. юрид. наук. М., 1997.

18. Шахрай С.М. Федерализм и конституционное правосудие (проблемы теории, методологии, практики): дисс…докт. юрид. наук. СПб., 2001.

III. Научная литература на иностранных языках

1. Adams, John. Correspondence of the Late President Adams, Originally Published in the Boston Patriot in a Series of Letters. Boston: Everett & Munroe, 1809.

2. “Mr. Adams is a decided character”: DFA, III, 423.

3. John Andrews to William Barrell, Boston, January 29, 1775, Proceedings of the Massachusetts Historical Society, ist ser., 8 (1864-1865): 398-399.

4. Beard C.A. The offise of justice of the Peace in England. N.Y., 1904.

5. Jon Butler, Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People (Harvard University Press, 1990), p. 157.

6. Richard D. Brown and Jack Tager, Massachusetts A Concise History, University of Massachusetts Press, 2000.

7. D. Brown, Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns (Cambridge: Harvard University Press, 1970), 88.

8. By Emory Washburn. Sketches of the judicial history Massachusetts, Boston, Charles C. Little and James Brown. 1840.

9. Edward Ward, A Trip to New England, in H. W. Troyer, Five Travel Scripts (Columbia University Press, 1933), p. 5.

10. Nathaniel Ward, The Simple Cobbler of Aggawam in America, ed. By P. M. Zall (University of Nebraska Press, 1969), p. 6.

11. Samuel Willard, guoted in Perri Miller, Errand into the Wilderness (Harvard University Press, 1956), p. 145.

12. John Winthrop, A Short Story of the Rise, Reign, and Ruin of the Antinomians, Familists, and Libertines, in David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1636-1638 (Duke University Press, 1990), pp. 280-82.

13. Arthur Worrall, Quakers in the Colonial Northeast (University Press of New Engkand, 1980), p. 12.

14. Gerald N. Grob, The State and the Mentally Ill (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966), 190-91.

15. A Dissertation on the Canon and the Feudal Law: See the Boston Gazette, Aug. 12, 1765; Aug. 19, 1765; Sept.30, 1765; Oct. 2, 1765.

16. George Francis Dow and Mary G. Thresher, eds., Records and Files of the Quarterly Courts of Essex Count, Massachusetts, 1636-1696 (Essex Institute, 1911-21), vol. 2, p. 107.

17. Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. p. 100.

18. Frederick G. Drake, "Witchcraft in the American Colonies, 1647-62," American Quarterly 20 (1968), pp. 706, 714.

19. Jonathan Edwards, A Faithful Narrative of the Surprising Voice of God (1737), in American Colonial Documents to 1776, ed. Merrill Jensen, vol. 9 of English Historical Documents (New York: Oxford University Press, 1962), 538.

20. "The Constitution of 1780" in The Popular Sources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780, ed. Oscar Handlin and Mary F. Handlin, (Cambridge: Harvard University Press, 1966),

21. David S. Lovejoy, Religious Enthusiasm the New World (Harvard University Press, 1985), p. 117.

22. Michael Novak, On Two Wings: Humbler Faith and Common Sense at the American Founding (Encounter Books, 2002), pp. 7, 17.

23. Mark A. Noll, Nathan O. Nath, and George M. Marsden, The Search for Christian America, expanded ed. (Helmers & Howard, 1989), p. 29.

24. Mark A. Noll, America's God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln (Oxford University Press, 2002).

25. "Newburyport, 1808," guoted in Samuel Eliot Morrison, The Maritime History of Massachusetts, 1783-1860 (1921; Boston: Houghton, Mifflin, 1961), 187.

26. Peter Oliver, Origin and Progress of the American Rebellion ed. Douglas Adair and John A. Schutz (Stanford: Stanford University Press, 1961), 39.

27. Carla Gardina Pastana, Quakers and Babtists in Colonial Massachusetts (Cambridge University Press, 1991), p. 35.

28. McClellan James, Liberty, Order, and justice: An Introduction to the Constitutional Principles of American Government (3 rd ed.) (Indianapolis: Liberty Fund, 2000).

29. B. Y. Andrew C. McLaughlin. Constitutional history of the United States. D. Appleton-century company incorporated New York London 1936 Copyright, 1935, by D. Appleton-century company, inc.

30. Cotton Mather, Theopolis Americana: An Essay on the Golden City (B. Green, 1710), p. 3.

31. Perry Miller. The American Puritans: Their Prose and (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956), 270, 271.

32. Perri Miller, The New England Mind: From Colony to Province (Harvard University Press, 1953), p. 123.

33. S. Morgan, The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop (Boston: Little, Brown, 1958), 152.

34. Edmund Morgan, Roger Williams: The Church and the State (Harcourt, Brace & World, 1967), pp. 56-61.

35. John M. Murrin, "No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations, Reviews in American History II (June 1983), p. 164.

36. Benjamin Ray, "Salem Witch Trials," University of Virginia Web site; John Demos, Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Earli New England (Oxford University Press, 1982), pp. 401-9; Paul Boyer and Stephen Nissenbaum, Salem-Village Witchcraft: A Documentary Record of Local Conflict in Colonial New England

(Wadsworth Publishing Company, 1993), pp. 375-82.

37. John Smith, A True Relation (Wisconsin Historical Society Digital Archive, 2003), p. 32.

38. Speeches and Documents of American History / Ed. By R. Birley, V. London, 1962. P. 160-162.

39. Alexis de Tocgueville, De la democratie en Amerigue (Garnier-Flammarion, 1981), vol. 2, p. 125 (II 2.2):

40. Town of Gorham (Maine), Proceedings, January 7, 1773. Massachusetts Historical Society, Boston Committee of Correspondence letters received, photostat 274.

41. The Federalist Papers by Alexandr Hamilton, Lames Madison and John Jay. With an Introduction and Commentary by Garry Wills. New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Bantam Books. 1982. p. 394.

42. W.C. Ford, ed., The Diary of Cotton Mather (Massachusetts Historical Society, 1912), vol. 1, pp. 86-87.

43. William Waller Hening, The Statutes at Lange (Samuel Pleasants, 1809), vol. 1, p. 57.

44. Thomas Hutchinson, The History of the Colony and Province of Massachusetts Bay, ed. Lawrence Shaw Mayo, 3 vols. (Cambridge: Harvard University Press, 1936), 2:160.

45. Nathaniel B. Shurtleff, Records of the Colony of New Plymouth in New England, 1620-1692 (Boston, 1855-61), vol. 10, p. 181.

46. Shurtleff, Records of Massachusetts Bay (W. White, 1854), vol. 4, part 1, p. 451.

47. “Mr. Adams is a decided character”: DFA, III, 423.

48. “Newburyport, 1808,” guoted in Samuel Eliot Morrison, The Maritime History of Massachusetts, 1783-1860 (1921; Boston: Houghton, Mifflin, 1961), 187.

49. “The Constitution of 1780” in The Popular Cources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780, ed. Oscar Handlin and Mary F. Handlin, (Cambridge: Harvard University Press, 1966).

50. 255. Adeiman, J, Aron, S. From Borderlands to Borders: Empires, Nation-

States and the Peoples in between in North American History / J. Adelman, S. Aron // The American Historical Review. – 1999. – Vol. 104. - № 3. – P. 814-841.

51. Adelman, L. The Glorious Jurisprudence of Thurgood Marshall / L. Adelman // Harvard Law and Policy Review. – 2013. – Vol. 7. – P. 113-136.

52. 260. Atiyah, P.S., Summers R. Form and Substance in Anglo-American Law / P.S. Atiyan, R. Summers. – Oxford: Clarendon Press, 1987. - 464p.

53. 261. Bailey, H.A., Jr., Shafritz, J.M. The American Presidency: Historical and Contemporary Perspectives / H.A. Bailes, Jr, Shafritz, J.M. – Chicago: Dorsey Press, 1988. – 451 p.

54. 262. Barone, P.T. Defending Drinking Drivers / P.T. Barone. – Costa Mesa, Cal:James Publishing Inc, 1986. – 946 p.

55. A Dissertation on the Canon and the Feudal Law: See the Boston Gazette, Aug. 12, 1765; Aug. 19, 1765; Sept.30, 1765; Oct. 2, 1765.

56. Abraham, H.J. The Judicial Process. 6th ed. / H.J. Abrahams. – London-NY: Oxford University Press, 1993.-415p.

57. Adams, John. Correspondence of the Late President Adams, Originally Published in the Boston Patriot in a Series of Letters. Boston: Everett & Munroe, 1809.

58. Adams J. The Works of John Adams, Second president of the United States: With a Life of the Author, Notes and Illustrations by his Grandson Charles Francis Adams. 10 Vols. Boston: Little, Brown and Co., 1850 - 1856. Vol. IV. P. 284

59. Agnew, J. Postscript: Federalism in the Post-Cold War Era // Federalism: the Multiethnic Challenge / ed. By G. Smith. – London and New York: Longman, 1995. – 299p.

60. Alexis de Tocgueville, De la democratie en Amerigue (Garnier-Flammarion, 1981), Vol. 2, p. 125 (II 2.2):

61. Arthur Worrall, Quakers in the Colonial Northeast (University Press of New Engkand, 1980), p. 12.

62. B.Y. Andrew C. McLaughlin. Constitutional history of the United States. D. Appleton-century company incorporated New York London 1936 Copyright, 1935, by D. Appleton-century company, inc.

63. Beard C.A. The offise of justice of the Peace in England. N.Y., 1904.

64. Benjamin Ray, “Salem Witch Trials,” University of Virginia Web site; John Demos, Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Earli New England (Oxford University Press, 1982), pp. 401-9.

65. Blackstone, W. Commentaries on the Law of England / W. Blackstone. – Philadelphia: Gco T. Bisel Co, 1922. – Vol. 1. – 491 p.

66. Brenan, W. State Constitutions and the Protection of Individual Rights / W. Brenan // Harvard Law Review. – 1997. Vol. 90. – P. 464-491.

67. Brest, D. Congress as a Constitutional Decisionmaker / D. Brest // Georgia Law Review. – 1986. - № 1. – P. 79- 108.

68. Brown-John, L. Centralizing and Decentralizing Trends in Federal Systems / L. Brown-John. – Boston, MA: United Press of America, 1988.- P. 27-41.

69. Burgess, M., Cagnon, A.-G. Comparative Federalism and Federation / M. Burgess, A.-G. Cagnon. – Toronto: University of Torinto Press, 1993. -250 p.

70. By Emory Washburn. Sketches of the judicial history Massachusetts, Boston, Charles C. Little and James Brown. 1840.

71. Carla Gardina Pastana, Quakers and Babtists in Colonial Massachusetts (Cambridge University Press, 1991), p. 35.

72. Cases and Materials on Civil Procedure / ed. D. Crump. – NY: LexisNexis, 2012. – 1028 p.

73. Cassady, M.P. “our Liberty Most Dear”: The Political Reforms of John C. Calhoun / M.P. Cassady // Construction the Past. – 2006. – Vol. 7. – P. 18-29.

74. Chemerinsky, E. Federal Jurisdiction / E. Chemerinsky. – Boston: Aspen Law & Business, 2012. – 1176 p.

75. Clark, R. Crime in America: Observation on its Nature, Causes, Prevention and Control / R. Clark. – N.Y.: Simon & Schuster, 1970.-346 p.

76. Cotton Mather, Theopolis Americana: An Essay on the Golden City (B. Green, 1710), p. 3.

77. D. Brown, Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of

Corresponde

78. David S. Lovejoy, Religious Enthusiasm the New World (Harvard University Press, 1985), p. 117.

79. Dawson, J. P. The Oracles of the Law / J.P. Dawson. – Chicago: University of Michigan Law School, 1968. – 520 p.

80. Dillard, K.N. Assessing the Problem of Gender Ineduality in Deliberative Democracy / K.N. Dillard. – Kansas: Kansas State University, 2011. – 279 p.

81. Dunning W. Essays on the Civil War and Reconstruction. New York, 1965. p. 100.

82. Eccles, W.J. The Role of the American Colonies in Eighteenth-Century French Foreign Policy / W.J. Eccles // Idem. Eccays on New France. – Toronto: Oxford University Press, 1987. – 671 p.

83. Edmund Morgan, Roger Williams: The Church and the State (Harcourt, Brace & World, 1967), pp. 56-61.

84. Edward Ward, A Trip to New England, in H.W. Troyer, Five Travel Scripts (Columbia University Press, 1933), p. 5.

85. Farnsworth, E. A. An Introduction to Legal System of the United States / E.A. Farnsworth. – Oxford, 2010. – 341 p.

86. Fox, H.W., Jr., Hammond, S.W. Congressional Staffs: The Invisible Force in American Lawmaking / H.W. Fox, Jr, Hammond S.W. – NY: Free Press, 1977. – 227 p.

87. Frederick G. Drake, "Witchcraft in the American Colonies, 1647-62," American Quarterly 20 (1968), pp. 706, 714.

88. Friedenthal, J.H., Kane, M.K., Miller, A.R. Civil Procedure / J.H. Friedenthal, M.K. Kane, A.R. Miller. – St. Paul, MN: West Publishing, 1985. – 506 p.

89. Friedman, L.M. American Law in the 20th Century / L.M. Friedman. – New Haven: Yale University Press, 2002. -722 p.

90. Friesen, J. Recovering Damages for State Bills of Rights Claims / J. Friesen // Texas Law Review. – 1985. – Vol. 63. – P. 1269-1284.

91. Fruehwald, E.S. Choice of Law of American Courts: Multilateralist Method / E.S. Fruehwald. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2001. – 171 p.

92. George Francis Dow and Mary G. Thresher, eds., Records and Files of the Quarterly Courts of Essex Count, Massachusetts, 1636-1696 (Essex Institute, 1911-21), vol. 2, p. 107.

93. Gerald N. Grob, The State and the Mentally I11 (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966), 190-91.

94. Goodhart, A.L. English Law and Moral Law / A.L. Goodhart. – London: Stevens & Sons Limited, 1953.- 170 p.

95. Griswold, E.N. Law and Lawyers in the United States: Common Law Under Stress / E/N/ Griswold. – London: Stevens and Sons, 1964. – 186 p.

96. Hayek, F., Law, Legislation and Liberty. Vol. 1 / F. Hayek. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – 184 p.

97. Hazard, J.C., Taruffo, M. American Civil Procedure: An Introduction / J.C. Hazard, M. Taruffo. New Haven, Yale University Press, 1995. – 240 p.

98. Holdsworth, W.S. A History of English Law: vol. 3 / W.S. Holdsworth. – London: Methuen & Co, 1909. – 532 p.

99. Holmes, O.W. Collected Legal Papers / O.W. Holmes. – NY: Peter Smith Pub. INC, 1990. – 625 p.

100. Holmes, O.W. The Path of Law / O.W. Holmes // Harvard Law Review. – 1897. - № 457. – P. 10-23.

101. How Capitalistic Is the Constitution? Ed. By R. Goldwin, W. Scambra. – Washington: DC, American Enterprise Institute, 1986. – 172 p.

102. Hueglin, Th. O., New Wine in Old Bottles? / Th. O. Huglin // Rethinking Federalism: Citizens, Markets, and Governments in a Changing World. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1995. – P. 211-219.

103. John Andrews to William Barrell, Boston, January 29, 1775, Proceedings of the Massachusetts Historical Society, ist ser., 8 (1864-1865): 398-399.

104. John M. Murrin, “No Awakening, No Revolution? More Counterfactual Speculations, Reviews in American History II (June 1983), p. 164.

105. John Smith, A True Relation (Wisconsin Historical Society Digital Archive, 2003), p. 32.

106. John Winthrop, A Short Story of the Rise, Reign, and Ruin of the Antinomians, Familists, and Libertines, in David D. Hall, ed., The Antinomian Controversy, 1636-1638 (Duke University Press, 1990), pp. 280-82.

107. Jon Butler, Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People (Harvard University Press, 1990), p. 157.

108. Jonathan Edwards, A Faithful Narrative of the Surprising Voice of God (1737), in American Colonial Documents to 1776, ed. Merrill Jensen, Vol. 9 of English Historical Documents (New York: Oxford University Press, 1962), 538.

109. Kincaid, J. American Federalism: the Third Century / J. Kincaid // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1900. – Vol. 509. – P. 139-152.

110. King, P. Federalism and Federation / P. King. – London: The John' s Hopkins University Press, 1982. -160 p.

111. Kurland, P.D. The Rise and Fall of the "Doctrine" of Separation of Powers / Kurland, P.D. // Michigan Law Review. – 1986. – Vol. 85. – P. 607-613.

112. Landsman, S.A. The Civil Jury in America: Scenes from an Unappreciated History / S.A. Landsman // Hastings Law Journal. – 1993. – Vol. 44. – P. 579-619.

113. LaPiana, W.P. Logic and Experience: the Origin of Modern American Legal Education / W.P. LaPiana. – NY: Oxford University Press, 1994. – 254 p.

114. Lopez-Basaguren. A., San Epifanio Escajedo, L. The Ways of Federalism in Western Countries and Horisons of Territorial Autonomy in Spain / A. Lopez-Basaguren, L. San Epifanio Escajedo. – NY: Springers. 2010. – 471 p.

115. Mark A. Noll, America' s God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln (Oxford University Press, 2002).

116. Mark A. Noll, Nathan O. Nath, and George M. Marsden, The Search for Christian America, expanded ed. (Helmers & Howard, 1989), p. 29.

117. Marshall, Th. Reflections of the Bicentennial United State Constitution / Th. Marshal // Harvard Law Review. 1987. – Vol. 1011. – P. 1-5.

118. Marvell, T.B. Apellate Courts and Lawyers / T.B. Marvell. – Westport, Conn: Greenwood Press, 1978/ - 391 p.

119. Massey, C.R. The Excessive Fine Clause and Punitive Damage: Some

Lessons from History / C.R. Massey // Vanderbilt Law Review. – 1987. – Vol. 40. – P. 1233-1269.

120. McClellan James, Liberty, Order, and justice: An Introduction to the Constitutional Principles of American Government (3 rd ed.) (Indianapolis: Liberty Fund, 2000).

121. McDonnell, L.M. The Changing Nature of Federalism in Education: a Paradox and Some Unanswered Questions / L.M. McDonnell // The States' Impact on Federal Education Policy invitational conference. – Washington, DC, 2008.

122. Meador, D.J. American Courts / D.J. Meador. – St. Paul, Minn.: West Publishing Co, 1991. 512 p.

123. Meador, D.J., Mitchell, G. American Courts / D.J. Meador, G. Mitchell. – NY: Thomson Reuters, 2009. – 116 p.

124. Merryman, J.H. The Civil Law Tradition. An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America / J H. Merryman. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 192 p.

125. Michael Novak, On Two Wings: Humbler Faith and Common Sense at the American Founding (Encounter Books, 2002), pp. 7, 17.

126. Michaels, R. Comparative Law by Numbers? / R. Michaels // The American Journal of Comparative Law. – 2009. – Vol. 57. - P. 766-795.

127. Nathaniel B. Shurtleff, Records of the Colony of New Plymouth in New England, 1620-1692 (Boston, 1855-61), vol. 10, p. 181.

128. Nathaniel Ward, The Simple Cobbler of Aggawam in America, ed. By P. M. Zall (University of Nebraska Press, 1969), p. 6.

129.

nce and the Towns (Cambridge: Harvard University Press, 1970), 88.

130. Neustadt, R. Presidential Power: The Politics of Leadership / R. Neustadt. – NY: Wiley & Sons, 1960. – 238 p.

131. Osgood, H.L. England and the American Colonies in the Seventeenth Century / H.L. Osgood. – NY: Macmillan Co, 1907. – 590 p.

132. Perry Miller, The New England Mind: From Colony to Province (Harvard

University Press, 1953), p. 123.

133. Perry Miller. The American Puritans: Their Prose and (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956), 270, 271.

134. Peter Oliver, Origin and Progress of the American Rebellion ed. Douglas Adair and John A. Schutz (Stanford: Stanford University Press, 1961), 39.

135. Plucknett, T.F.T. A Concise History of the Common Law / T.F.T. Plucknett. – Rochester, NY: The Lawyers Cooperative Publishing Co, 1929. 830 p.

136. Pound, R. The Development of American Law and its Deviation from English law / R. Pound // The Law Quarterly Review. – 1951. – Vol. 67. - № 265. – P. 49-66.

137. Pound, R. The Spirit of Common Law / R. Pound. – Francestown, NH: Marshall Johnes Co, 1921.-224 p.

138. Raphael, R. A People' s History of the American Revolution / R. Raphael. – NY: New Press, 2001. – 386 p.

139. Richard D. Brown and Jack Tager, Massachusetts A Concise History, University of

140. Ritcheson, Ch.R. The Elder Pitt and an American Department / Ch. R. Ritcheson // The American Historical Review. 1952. – Vol. 57. № 2. – P. 376-383.

141. S. Morgan, The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop (Boston: Little, Brown, 1958), 152.

142. Samuel Willard, guoted in Perri Miller, Errand into the Wilderness (Harvard University Press, 1956), p. 145.

143. Schlesinger, A.M., Jr. The Imperial Presidency / A.M. Schlesinger, Jr. – Boston: Houghton Mifflin, 1973. – 505 p.

144. Schutze, R. From Dual to Cooperative Federalism: The Changing Structure of European Law / R. Schutze. – Oxford – New York: Oxford University Press, 2009. – 391 p.

145. Schwartz, B. Book of Legal Lists: the Best and Worst in American Law / B. Schwartz. - / London-NY: Oxford University Press, 1997. – 292 p.

146. Schwartz, B. Commentary on the Constitution of the United States: Federal

and State Powers. Vol. 1 / B. Schwartz. – NY: Macmillan, 1968. – 481 p.

147. Schwartz, R.W. Light Bearers to Remnant. – Mountain View, Cl: Pacific Press PA, 1979. – 656 p.

148. Scoles, E.F., Hay, P., Borchers, P. J., Symeonides, S. Hornbook on Conflict of Laws, 3d. ed. / E.F. Scoles, P. Hay, P.J. Borchers, S. Symeonidis. – West Publishing Co, 2000. – 1416 p.

149. Shurtleff, Records of Massachusetts Bay (W. White, 1854), vol. 4, part 1, p. 451.

150. Sokoloff, K.L., Engerman, S.L. History Lessons: Institutions, Fastors Endowments and Path of Development in the New World / K.L. Sokoloff, S.L. Engerman // Journal of Economic Perspective. – 2000. Vol. 14. - № 3. P. 217-241.

151. Speeches and Documents of American History / Ed. By R. Birley, V. London, 1962. P. 160-162.

152. Stevens, R.B. Law School: Legal Education in America from the 1850' s to the 1980's / R.B. Stevens. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. -334 p.

153. The Federalist Papers by Alexandr Hamilton, Lames Madison and John Jay. With an Introduction and Commentary by Garry Wills. New York; Toronto; London; Sidney; Auckland: Bantam Books. 1982. p. 394.

154. Thomas Hutchinson, The History of the Colony and Province of Massachusetts Bay, ed. Lawrence Shaw Mayo, 3 vols. (Cambridge: Harvard University Press, 1936), 2: 160.

155. Town of Gorham (Maine), Proceedings, January 7, 1773. Massachusetts North Carolina Press, 1966)/

156. Historical Society, Boston Committee of Correspondence letters received, photostat 274. 1975.

157. Urofsky, M., Finkelman, P.A. March of Liberty: a Constitutional History of the United States. Vol. 1: From Founding to 1900 / M. Urofsky, P. Finkelman. – London-NY: Oxford University Press, 2011. – 672 p.

158. W.C. Ford, ed., The Diary of Cotton Mather (Massachusetts Historical

Society, 1912), Vol. 1, pp. 86-87.

159. Walsh, C. Federalism, the State and Economic Policy / ed. By B. Galligan. Melbourne: Longman Cheshire, 1989. - 400 p.

160. Warren, C. Legislative and Judicial Attacks on US Supreme Court – A History of the Twenty-Fifth Section of the Judiciary Act / C. Warren // American Law Review. – 1913. Vol. 47. – P. 3-161.

161. Wheeler, R.R. The Writing and Ratification of the U.S. Constitution / R.R. Wheeler. – Washington, DC: Federal Judicial Center, 1986. – P. 31-37.

162. William Waller Hening, The Statutes at Lange (Samuel Pleasants, 1809), vol. 1, p. 57.

163. Wilson, W. Congressional Government / W. Wilson. – Boston: Houghton-Mifflin, 1885.-199p.

164. Wood, G.S. The American Revolution: a History / G.S. Wood. – NY: Modern Library, 2002. – 190 p.

165. Woodard, S. The Simple Guide to the Federal Idea / S. Woodard // The Ventotene Papers of the Altiero Spinelli Institute for Federalist Studies. – Ventotene, 1995. – P. 2-49.

166. Zimmerman, J.F. Federal Preemption: The Silent Revolution / J.F. Zimmerman. – Ames: Iowa State University Press, 1991. – 228 p.

167. Zweigert, K., Kotz, H. An Introduction to Comparative Law: vol. 1. 2d ed / K. Zweigert H. Kotz. – London-NY: Oxford University Press, 1992. – 392 p.